

Историко-культурное
наследие народов
Южного Урала.
опыт исследований
и практика сохранения

**Министерство культуры, общественных и внешних связей
Оренбургской области**

**Научно-исследовательский институт истории и этнографии
Южного Урала Оренбургского государственного университета**

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ ЮЖНОГО УРАЛА: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРАКТИКА СОХРАНЕНИЯ

**Материалы межрегиональной научно-практической
конференции, посвященной 55-летию Оренбургского
государственного университета**

8 сентября 2010 года

**Оренбург
Издательский центр ОГАУ
2010**

УДК 947(470.55/.57)
ББК 63.3(2)(2Р36)
И 90

Редакционная коллегия:

Амелин В.В. — доктор исторических наук, профессор
Злобин Ю.П. — кандидат исторических наук, доцент
Кузахметов Р.К. — кандидат исторических наук, доцент
Летута С.Н. — доктор физико-математических наук, профессор
Моргунов К.А. — кандидат исторических наук, доцент
Смирнова Н.А. — кандидат исторических наук, доцент

Ответственный за выпуск:

Моргунов К.А. — кандидат исторических наук

И 90 Историко-культурное наследие народов Южного Урала: опыт исследований и практика сохранения: материалы межрегиональной научно-практической конференции. — Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2010. — 350 с.

ISBN 978-5-88838-603-3

Книга издана по материалам межрегиональной научно-практической конференции «Историко-культурное наследие народов Южного Урала: опыт исследований и практика сохранения», посвященной 55-летию Оренбургского государственного университета, которая состоялась в г. Оренбурге 8 сентября 2010 г.

В сборнике представлены доклады и выступления ученых, аспирантов и студентов, посвященные различным аспектам изучения, сохранения и развития общего историко-этнокультурного пространства южно-уральского региона.

Книга адресована широкому кругу читателей, ученых и специалистов, интересующихся историей и культурой народов Южного Урала. Может использоваться в учебной и воспитательной работе.

УДК 947(470.55/.57)
ББК 63.3(2)(2Р36)

ISBN 978-5-88838-603-3

© Издательский центр ОГАУ, 2010

Пленарное
Заседание

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ФОРМ ДОСТУПА И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ РОССИИ: ОПЫТ ИЭИ УНЦ РАН*

Информационные технологии уже несколько десятков лет успешно применяются в музеях мира. И если первоначально их использование было сосредоточено в учетно-хранительской и в экспозиционной работе, то теперь при помощи новых технологий мультимедийная экспозиция вышла за пределы самих музеев и стала доступной в любой точке мира. Значительный вклад в решение проблемы обеспечения широкого доступа к музейным ценностям вносят ученые РАН, где проводятся теоретические и прикладные исследования, направленные как на разработку новых программ и СУБД, так и на изучение историко-культурного наследия народов России.

В 2009 г. принята Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», призванная мобилизовать научные исследования, проводимые в этом направлении, и сделать накопленный учеными материал по истории и культуре народов России более доступным и систематизированным. В этом направлении разрабатываются около 30 проектов, такие, как:

– Историко-культурное наследие севера Центральной Азии и Южной Сибири (по материалам фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН);

– Систематизация документов фотоотдела НА ИИМК РАН по отдельным периодам: в 2009 г. — 1859–1917 гг.; в 2010 г. — 1919–1959 гг., в 2011 г. — 1959–2005 гг.;

– Создание компьютерного банка данных по археологическим памятникам севера Центральной Азии и Южной Сибири;

* Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (проект ИЭИ УНЦ РАН «Изучение и сохранение историко-культурного наследия народов Южного Урала: выявление, систематизация, научная интерпретация, виртуализация и создание мультимедийных каталогов этнографических коллекций»). Руководитель проекта А.Б.Юнусова.

– Создание электронного каталога фондовых коллекций музея А.М. Горького ИМЛИ РАН;

Антропологические фонды МАЭ РАН — источник изучения происхождения народов Северо-запада России (Создание базы индивидуальных краниометрических и краниоскопических данных коллекций основного фонда МАЭ РАН);

– создание электронного аннотированного каталога архивных фондов и музейных собраний по российско-монгольским отношениям (вторая половина XIX — первая половина XX в.) из архивов и музеев Москвы и Санкт-Петербурга, а также целый ряд других проектов, в которых предусматривается формирование мультимедийной музейной и архивной информационной среды.

В Институте этнологических исследований УНЦ РАН разрабатывается проект «Изучение и сохранение историко-культурного наследия народов Южного Урала: выявление, систематизация, научная интерпретация, виртуализация и создание мультимедийных каталогов этнографических коллекций», направленный на выработку новых принципов экспонирования результатов исследования предметов традиционной культуры народов Южного Урала в рамках музейной экспозиции с учетом культурно-антропологических характеристик исследованных комплексов, с применением современных информационных технологий. Целью проекта является создание высокотехнологичного музейного пространства путем виртуализации музейных коллекций, создания электронной базы данных музейных коллекций, характеризующих традиционные виды хозяйственной деятельности этносов и адаптационные процессы на Южном Урале.

Проект Института этнологических исследований УНЦ РАН направлен, с одной стороны, на решение фундаментальной научной проблемы, связанной с реконструкцией традиционной культуры народов Южного Урала, его адаптации к условиям модернизации в процессе межкультурного взаимодействия. С другой — на дальнейшее развитие научно-культурного потенциала республики. Выполнение проекта обеспечит сохранение историко-культурного наследия народов Башкортостана, создание необходимых условий для публичной экспозиции результатов научных исследований в области археологии и этнографии, популяризацию в печатных и электронных СМИ результатов академических исследований, интенсивное использование музейных ресурсов в научно-просветительской и образовательной деятельности в целях эстетического и духовного воспитания молодежи, организации отдыха населения, удовлетворения его культурных потребностей.

Конечной целью проекта является сохранение культурного наследия для будущих поколений, обеспечение доступности для современных на-

учных исследований, интеграция в современную систему общественных ценностей, создание мотивации востребования культурного наследия у современного общества.

Актуальность проекта обусловлена необходимостью оптимизации мер по сохранению культурно-археологического наследия в современной России. Данную проблему подчеркнул премьер-министр В.В. Путин в своем поручении № ВП-П44-5133 от 28.07.2010 г., в котором особое внимание было уделено вопросам обеспечения сохранности объектов культурного наследия в России.

Сегодня музей археологии и этнографии Института этнологических исследований УНЦ РАН представляет собой крупнейшее хранилище археологических (217,5 тыс. ед. хр.), этнографических (3,0 тыс. ед. хр.) и антропологических (1,2 тыс. ед. хр.) коллекций. Собрания музея являются ценными первоисточниками для научных исследований. Принципиально важным является то, что в музее сосредоточены вещественные памятники и материалы по древнейшей, древней и средневековой истории практически всех народов Южного Урала, собраны этнографические коллекции и предметы быта башкир, татар, русских, украинцев, чувашей, мордвы, марийцев и других народов республики. Их ценность определяется тем, что в совокупности они являют собой уникальное собрание историко-культурных памятников, предметов быта, отражающих многовековые контакты и взаимодействия различных культур на границе Европы и Азии, историю и культуру древних и современных народов Южного Урала. Ученые Института стремятся к введению собранных музейных коллекций в образовательный и научный оборот, сделать их доступными каждому, кто интересуется историей и культурой Южного Урала.

Одним из вариантов решения поставленной задачи стало создание виртуального тура в формате 3D. В создании виртуальной экспозиции приняли участие главный хранитель, к.и.н. И. Петров, инженер-фотограф И. Леонтьев, архитектор Ю. Гизатуллин. Размещение тура на сайте Института этнологических исследований выполнено студией «Мальджини» (Уфа).

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ НАУКА В ОРЕНБУРЖЬЕ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Оренбуржье — уникальный регион для этнографической науки. История распорядилась так, что Оренбургский край, расположенный на стыке Европы и Азии, оказался непосредственной зоной контактов двух культур — азиатской и европейской, двух мировых религий — христианской и мусульманской, тюркских, славянских и других языков.

Оренбургская губерния была образована в 1744 г. с центром в г. Оренбурге. Согласно привилегии, пожалованной г. Оренбургу императрицей Анной Иоанновной в 1734 г., было разрешено селиться здесь не только представителям «всякого народа российским» купцам, мастеровым и другим, но и иноземцам из других государств: «...тутошним башкирскому народу, и живущим с ними новоподданными киргизским и каракалпакским народам, из азиатских стран приезжим грекам, ташкенцам и иным всякого звания и веры, в г. Оренбург приходить, селиться, жить, торговать и всяким ремеслам промышлять...»¹.

По переписи населения, в 1897 г. в Оренбургской губернии проживало 1600 тыс. человек. Наибольшую численность составляли русские — 1126 тыс. человек, которые в крае принадлежали к сравнительно позднейшим переселенцам. Численность коренных обитателей — башкир — составила 254 тыс. (15,9%) от общего числа. За ними следуют татары — 92 тыс. (5,8%), мордва — 38 тыс. (2,40%), тептяри — 16 тыс. (1,05%), немцы — 5,4 тыс., чувашы — 5,6 тыс., киргизы (казахи) — 4,9 тыс., мещеряки — 4,8 тыс., евреи — 1,8 тыс., поляки — 1,6 тыс., калмыки — 1,2 тыс., цыгане — 514 чел. и т.д.²

События XX века — три революции, две мировые и одна гражданская война в России — серьезно повлияли на демографическую ситуацию как в стране в целом, так и в ее регионах, в частности, в Оренбуржье.

Наследие ученых, проводивших этнографические исследования в Оренбургском крае в XVIII—XX вв., велико и значимо. Назовем основные исследования XVIII—XX вв.

К ранним этнографическим исследованиям относятся ценные сведения П.С. Паласса, изложенные им в книге «Путешествие по разным провинциям Российской империи»³. Как известно, на территории Оренбургской губернии в 1768—1775 гг. работал отряд исследователей физической экспедиции Академии наук, возглавляемый П.С. Палласом. Помимо зоологических, географических и других наблюдений, членами экспедиции велись и этнографические исследования народов, населяющих Оренбургской край.

В этом же ряду может стоять и работа П. Небольсина «Путешествие в Оренбургский край»⁴, в которой он, к примеру, пытается выяснить значение термина «тептарь». Рассуждая о тептерях, являются ли тептари словом или нет, он пишет, опираясь на этнографические исследования: «все расспросы мои об этом, как у башкирцев, так и у специальных знатоков тюркских наречий, привели к тому конечному выводу, что слова тептарь нет ни в одном из наречий тюркского языка» и поэтому его «значения вернее искать в наречии черемисов или вотяков»⁵.

Другим, без сомнения, ценным исследованием является работа П.И. Рычкова «Топография Оренбургская»⁶. В четвертой главе «Обрядности народов внутри Оренбургской губернии, находящихся по древнему и нынешнему их состоянию» исследователь посвятил целые разделы русским, татарам, башкирам, мещерякам, калмыкам, киргизам, мордве, черемисам, вотякам. П.И. Рычков описал их быт, языки и вероисповедание, кухню, национальные обычаи, места проживания. Исследователь в своей книге сообщал и «о новопришедших народах» в Оренбургскую губернию: персах, бухарцах, хивинцах, узбеках, афганцах и т.д.

Еще одним, более поздним исследованием Оренбургского края было сочинение В.М.Черемшанского «Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях»,⁷ которое внесло весомый вклад в этнографические исследования, посвященные народам края. В главе «Народонаселение» он подразделяет народы, проживающие на территории края, на «турецко-татарское население» «финское» и «собственно русское». Он пишет: «К турецко-татарскому племени относятся: башкирцы, мещеряки, большая часть тептарей, татары, чувашаи». Финское население составляют черемисы, вотяки, мордва. К русскому народу он относит все дворянское сословие, большую часть служащих чиновников, казачество и мещанство, почти все Оренбургское и Уральское казачьи войска, все помещичьи заводские и удельные государственные крестьяне. Исследователь подробно и тщательно описывает все народы, проживающие в крае: их «наружный вид», «хозяйствующий быт и нравственные качества», их «жилища, одежду, обычаи, увеселения и обряды», религиозные и светские праздники.

Огромный вклад в этнографическое изучение Оренбургского края внесла деятельность членов отдела Русского географического общества, созданного в 1845 г. в Санкт-Петербурге. Инициатором создания отдела, как пишет исследователь Ю.С. Зобов, выступил генерал-губернатор Николай Андреевич Крыжановский. Необходимость открытия такого отдела была продиктована тем, что «Оренбургский край хоть и был предметом многих исследований, однако далеко не изучен так, как было бы нужно в видах устройства управления с разноплеменными жителями»⁸.

Отдел был учрежден в 1867 г. и состоял из четырех отделений: этнографии, географии, естественно-исторического и статистики. В своей речи, произнесенной при открытии Оренбургского отдела, генерал-адъютант Н.А. Крыжановский говорил: «...всем известно, никакой край России не представляет в заселении такого смешения разнородных элементов, как Оренбургский край... В нем живут частью сплошными массами, частью впережку: коренные русские дворяне, землевладельцы, русские крестьяне всех видов: обязанные, свободные, бывшие государственные и приспущенные к землям, затем заводские мастеровые, переселенцы добровольные и ссыльные; башкиры, тептяри, мешчеряки, татары, киргизы... И, наконец, казаки оренбургские и уральские... Все это живет и существует совершенно разное, говорит различными наречиями, исповедует различные религии, следует многообразным фактам, повинуются отдельным законоположениям и занимает огромное пространство, за которым усмотреть весьма трудно... В этом отношении господа члены отдела могут принести правительству и России неоценимую услугу тщательным изучением характера, истории, качества, недостатков религии и предрассудков всех разнородных племен, населяющих Оренбургский край. Без этих познаний трудно действовать или, вернее, можно действовать только наобум...»⁹.

В проекте положения отдела императорского Русского географического общества говорится, что отдел преимущественно «занимается изучением Оренбургского края во всех отношениях, которые составляют предмет занятий общества, а именно в отношениях собственно географическом, естественно-историческом, этнографическом и статистическом»¹⁰.

Поскольку нас в большей степени интересует этнография, то будет уместным привести здесь проект программы деятельности этнографического отделения Оренбургского отдела императорского Русского географического общества. Проект программы состоял из нескольких разделов. В первом разделе «По отношению к киргизам» предусматривалось собрать и привести в систему данные по родовому управлению, приведению в исполнение приговоров суда и распоряжений местных властей, перекочевку из одной местности в другую, сведения по «семейным, словесным и родовым отношениям»¹¹.

Во втором разделе «По отношению к башкирам» предполагалось исследовать «племенной состав башкирского народа и изменение принятого быта башкир...».

В третьей главе планировалось описать характер народного образования, перевести на русский язык правила шариата. Изучить отношения киргизов и башкир «к правительству, русскому населению и миру маго-

метанскому»¹². Далее в проекте программы уделялось внимание Оренбургскому и Уральскому казачьему войску. В заключительном разделе «по отношению ко всем народностям Оренбургского края» предлагалось описание праздников, игр, плясок, обрядов при рождении, смерти, сватовстве, гостеприимстве. Предполагалось «описать возможно подробнее: все предметы потребления, принадлежности одежды и украшений мужчин и женщин... пищу и способы ее приготовления...»¹³.

В 1870 г. отдел начал издавать сборники своих трудов, которые сначала назывались «Записками», а потом стали называться «Известиями». По подсчетам Д.А.Сафонова, в 29 сборниках была помещена 141 работа¹⁴. 23 февраля 1868 г. наряду с другими направлениями в отделе были созданы секции этнографии и статистики. В частности, исследователь Алтынсарин в разделе «По отделению этнографии» опубликовал «Очерк обычаев при сватовстве и свадьбах у киргизов Оренбургского ведомства»¹⁵, а Л. Баллюзек в аналогичном разделе разместил материал «Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющиеся в Малой киргизской орде силу закона»¹⁶. Еще один материал, заслуживающий особого внимания, это «Заметки по этнографии черемис» Красноуфимского уезда А.А. Петрова¹⁷. Интересен очерк Мухамеда Галима Куватова «Башкирские пословицы», где автор дает их интерпретацию на русском языке¹⁸. Отдел, по некоторым данным, перестал существовать в 1919 г., а по другим источникам, в 1918 г.

В первые годы советской власти и в связи с тем, что Оренбург стал столицей Киргизской (Казахской) АССР, в 1920 г. было создано Общество изучения Киргизского края (ОИКК). Общество имело три секции: (историко-археологическую, естественно-географическую и этнографическую), насчитывающие от 70 до 80 членов каждая¹⁹. В 1924 г., после национально-территориального размежевания, столицей Казахстана становится г. Кызыл-Орда, куда и переезжает Общество изучения Киргизского края. Но часть членов Общества остается в Оренбурге и начинает вести работу по восстановлению Оренбургского отдела. В итоге этой деятельности отдел был восстановлен, а 27 августа 1925 г. был утвержден и зарегистрирован исполкомом его устав. В 1928 г. был издан сборник работ отдела под названием «Труды Оренбургского отделения Государственного географического общества»²⁰. В годы сталинских репрессий отдел перестал существовать.

Оренбуржье — казачий край. Как известно, Оренбургское казачье войско (ОКВ), образованное по инициативе правительства в середине XVIII в., постепенно превратилось в одно из самых крупных в царской России. Как пишет Ю.С. Зобов, «в начале XX в. оно по численности населения — свыше полумиллиона человек — уступало только Донскому и Кубанскому казачьим войскам»²¹.

Поэтому Оренбургским отделом императорского Русского географического общества (ООИРГО) уделялось внимание изучению этнографических оренбургских казаков. В программе по отношению ко всем народностям края предусматривалось «...описать возможно подробнее все предметы потребления, принадлежности одежды и украшений мужчин и женщин в разных сословиях отдельно, земледельческие, рыболовные и другие промысловые орудия. Собрать сказки, песни, народные мотивы, былины, пословицы, предания, суеверия, предрассудки. Описать существующие между разными народностями края промыслы, занятия... обработку земли и прочие предметы мужского и женского труда»²². Это относилось ко всем народностям, проживающим в крае, в т.ч. и этносословной группе – казакам.

В своих статьях, посвященных проблемам этнографического изучения края, профессор Ю.С. Зобов пишет о разработанных деятелями отдела (ИРГО) анкетах по этнографическому и этносоциологическому изучению края, которые «рассылались по селам, городам, казачьим станциям, аулам священникам, учителям, местной администрации»²³. Будет уместно также описать и их содержание. Они включали в себя серию вопросов по таким разделам, как внешний быт – 9 вопросов; нравственная сторона быта – 8 вопросов; юридический быт: а) народные обычаи по гражданскому праву – 5 вопросов; б) народные обычаи по уголовному праву – 5 вопросов; в) суд и расправа по народному обычаю – 4 вопроса. Всего – 31 вопрос²⁴. Были и другие анкеты – по медицине, статистике, экономике. Анкеты включили в себя, как пишет Ю.С. Зобов, и вопросы социального, бытового и семейного характера.

Процессы, протекающие в постсоветском трансформирующемся российском обществе, обусловленные ростом национального самосознания среди этносов, обострением межэтнических отношений, увеличением миграционных потоков в Россию из постсоветских республик, способствуют активизации деятельности ученых по стремительному расширению этнографических (этнологических) исследований в Оренбуржье. Это обусловлено еще и тем, что регион является полиэтничным, поликонфессиональным. За межпереписной период (с 1989 по 2002 гг.) изменилась этническая структура населения, увеличилось и количество национальностей с 80 – в 1989 г. до 119 – в 2002 г.²⁵ Это связано с миграционными процессами. С 1992 по 2006 годы на территорию области въехало более 300 тыс. человек, иммигрантов, представителей более 50 национальностей. Около 85 тыс. иммигрантов официально зарегистрированы в областной миграционной службе как вынужденные переселенцы.

Перепись еще раз подтвердила важность и значимость этнического фактора. Лишь 2,9 тыс. чел. (0,01%) не ответили на вопрос переписного листа о национальной принадлежности.

Изменение этнического состава населения за период между переписями обусловлено тремя факторами. Во-первых, это связано с процессами внешней миграции, усиливавшейся после распада СССР. Второй фактор, несомненно, связан со сменой у части населения этнического самосознания под влиянием смешанных браков и других явлений. А третьим фактором является естественное движение населения среди представителей различных этнических групп. Поэтому проблемы этнокультурного и этнополитического развития этнических общностей приграничного полиэтнического и многоконфессионального региона, каким является Оренбургская область, в начале 90-х гг. стали приоритетными направлениями оренбургских исследователей²⁶.

Большую научную, полевую и издательскую работу проводят общественные институты Оренбуржья: институт по изучению истории и духовной культуры народов Оренбуржья им. М. Джалиля, региональное отделение «Научное общество этнографов и антропологов», научно-исследовательский центр народов Южного Урала.

Более 10 лет ведет исследовательскую, научную работу НИИ истории Южного Урала и казачества России (ныне НИИ истории и этнографии Южного Урала), возглавляемый профессором Л.И. Футорянским. За прошедшие годы проведены десятки всероссийских, межрегиональных, областных научно-практических конференций. Изданы десятки монографий, сборников по их итогам по различным проблемам истории Южного Урала, Поволжья и России в целом.

Этнографические экспедиции, полевые исследования, проведенные в местах компактного проживания этнических групп, стали прекрасным материалом для организации научно-практических конференций и издания книг. За последние десять лет было издано более 100 монографий, сборников с материалами конференций по этнической истории, духовной культуре народов Оренбуржья. Одним из успешных проектов, осуществленным региональным отделением Научного общества этнологов и антропологов совместно с межинститутским Центром этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН и Института управления ОГАУ при поддержке администрации области является проект «Многонациональный мир Оренбуржья», итогом которого стало издание 20 книг по этнографии этнической истории, духовной культуре народов Оренбуржья. В настоящее время вышли сборники: «Казахи Южного Урала: история и современность», «Оренбуржье и Польша: проблемы истории и культуры», «Татары в Оренбургском крае», «Украинцы в Оренбургском крае», «Немцы в Оренбуржье: прошлое, настоящее, будущее», «Оренбургская мордва, этническая история, духовная культура», «Евреи в Оренбургском крае», «Чуваши в Оренбургском крае», «Армяне в

Оренбуржье: история и современность», «Культура славян Оренбуржья», «Белорусы в Оренбуржье: проблемы, противоречия, опыт», «Этническая история и духовная культура украинцев Оренбуржья: состояние, перспективы развития», «Проблемы этнической истории и культуры российских корейцев» и другие.

В 2002 г. в Оренбуржье создан межинститутский Центр этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН и Института управления Оренбургского государственного аграрного университета. Центр образован на основании решения ученых Советов вышеназванных институтов.

Важное место в деятельности Центра занимает тематика исследований этнических процессов, межэтнических, этноконфессиональных отношений, этнической истории. Результаты исследований дали возможность определить роль этнического фактора и происходящих социальных процессах в полиэтничном регионе. Сотрудниками Центра проведен ряд этносоциологических исследований: «Состояние миграции, межнациональных, этноконфессиональных отношений в приграничных с Казахстаном районах Оренбургской области», «Этнический фактор в миграционных процессах» и другие.

Основное население региона – русские, и одно из направлений деятельности этнологов в последние пять лет – изучение проблем русских: этнической истории, духовной и материальной культуры. При этом, разумеется, не игнорируется полиэтничный характер региона и историко-культурное наследие других этнических общностей.

Межинститутским Центром ИЭА РАН и ИУ ОГАУ проведены этносоциологические исследования «Русские в полиэтничном регионе: процессы духовно-нравственного возрождения и развития, особенности межнационального взаимодействия». Региональным отделением этнологов и антропологов, совместно с администрацией области, наверное, одной из первых, в 1996 году была проведена научно-практическая конференция: «Русская нация, русская идея: история и современность», по итогам которой был издан двухтомник с ее материалами. Затем последовала еще одна конференция с последующим изданием книги с одноименным названием «Историко-культурное наследие славян на Южном Урале». В конце 2002 г. была проведена еще одна конференция: «Культура славян Оренбуржья». В 2006 г. – «Проблемы этнокультурного развития русского народа».

Одним из интереснейших проектов, осуществленных региональным отделением Научного общества этнографов и антропологов, стал двухгодичный проект «Немцы в истории Оренбуржья». В ходе его реализации был проведен ряд этнографических экспедиций в села Александров-

ского, Переволоцкого, Красногвардейского районов, где компактно проживали немцы. По итогам был проведен ряд научных конференций, издано шесть книг²⁷.

Известным специалистом по изучению истории, быта, обычаев финно-угорских народов является профессор, историк А.В. Федорова, опубликовавшая ряд научных работ по указанной проблематике²⁸. Признанным специалистом по истории казачества является профессор, историк Л.И. Фуюрянский, автор десятков книг и статей²⁹.

Этническая проблематика стала одним из направлений в исследованиях молодых ученых. В последние годы успешно защищены кандидатские диссертации: «Российские немцы в истории Оренбуржья (XIX–XX вв.)» Е.Ф. Тюлюлюкиным; «Исторический опыт государственного регулирования национальных отношений на Южном Урале (1917–1939)» К.А. Моргуновым; «Национальная политика правительства России и ее осуществление на Южном Урале (30-е гг. XVIII в. – 60-е гг. XIX в.)» В.В. Дорноступом; «История заселения и проблемы этнокультурного развития татар Оренбуржья в XVIII–XIX вв.» Д.Н. Денисовым. Подготовлены еще две диссертации по этнической истории татар Оренбуржья и поляков. Успешно разрабатывается тема духовной культуры казахов Оренбуржья.

Вместе с тем, здесь следует согласиться с мнением профессора В.А. Тишкова о том, что вторжение в этнические проблемы политологов, социологов, психологов, историков не всегда плодотворно, «...ибо оно начинается не с критического заимствования далеко не самых современных теоретико-исторических подходов, таких как, например разные варианты так называемой теории этноса»³⁰.

Коллективом этнографов выпущено историко-этнографическое издание «Этнокультурная мозаика Оренбуржья», это своего рода энциклопедия о всех представителях этнических общностей, проживающих в регионе. Издание содержит научные статьи, очерки, статистику, описывающие краткую этническую историю различных групп, традиционные занятия, духовную культуру, специфические черты народного быта, народные и фольклорные праздники, традиционные верования. Готовится переиздание этой книги.

Систематически издаются сборники материалов научно-практических конференций. Среди них: «Национальные проблемы народов Оренбуржья: история и современность», «Укрепление взаимосвязи народов Урала и Поволжья и проблемы национальной, региональной политики», «Многонациональный регион: экономика, политика, культура», «Этноконфессиональный диалог: состояние, противоречия, перспективы развития» и многие другие.

Региональное отделение этнологов и антропологов является со-учредителем журнала «Этнопанорама» (совместно с министерством культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области). Журнал издается 10 лет. Помимо проблем межэтнических отношений, федерализма, национального самосознания, этнической политики, на его страницах публикуются статьи, посвященные проблемам этнографии, этнологии, как местных авторов, так и ученых из других регионов страны. Вот только некоторые из них: «Этнография Оренбуржья: прошлое и современные задачи», «Этнография и фольклор оренбургских казаков в трудах исследователей последней трети XIX – начала XX вв.» (профессор Ю.С. Зобов), «Антропологическое и этнологическое знание» (И.М. Габдулгафарова) и другие. Авторами статей в журнале являются ведущие этнологи России: В.А. Тишков «Антропология российских трансформаций», Л.М. Дробижева «Этничность в современной России: этнополитика и социальные практики», М.Н. Губогло «Толерантность представлений и представление о толерантности».

Этнологи Оренбуржья имеют тесные контакты с учеными других регионов России. Этому способствует участие их в работе всероссийских, межрегиональных конференций, конгрессов этнографов и антропологов. В Оренбуржье в 1998 г. проведено выездное заседание Президиума Ассоциации этнографов и антропологов России с участием этнографов из Москвы, Ярославля, Омска, Санкт-Петербурга, Мордовии.

С 2001 года в области работает научно-практическая лаборатория по этнографическому музееведению, созданная на базе двух музеев: Этнографического музея (Санкт-Петербург, руководитель И.И. Шаньгина) и Краеведческого музея (г. Оренбург). В 2002 и 2003 гг. состоялись две совместные этнографические экспедиции по изучению традиционной культуры русского народа. Под руководством профессора И.И. Шаньгиной (Санкт-Петербург) и Ю.Э. Комлева (г. Оренбург) обследовались казачьи села Первомайского, Ташлинского и Сакмарского районов. Исследования проходили по следующим направлениям: этническое самосознание казаков, религия и верования, обряды годового цикла, жилище и одежда³¹. Во время экспедиций «собран большой и яркий материал, информация о культуре казаков, зафиксированная в дневниках, вещевые коллекции, фотоснимки, записи фольклорных произведений». И.И. Шаньгина утверждает, что «в современном быту казачества Оренбургской области сохранилось много традиционных элементов, которые делают культуру сельского населения Оренбуржья достаточно интересной для этнографов»³². В настоящее время осуществляется проект, посвященный исследованию традиций, культуры русского населения Урала и Поволжья. Представители этнологической науки в Оренбуржье

– участники международных проектов: «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности», «Социальное неравенство этнических групп, проблемы интеграции в Российской Федерации»³³. Налажено тесное сотрудничество с Центром по изучению межэтнических отношений Института этнологии и антропологии РАН (рук. М.Н. Губогло).

С 1993 г. этнологи региона активно участвуют в реализации еще одного международного проекта – «Урегулирование конфликтов в постсоветских государствах». Основным направлением деятельности проекта стала созданная в октябре 1993 г. профессором В.А. Тишковым сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN).

Под ранним предупреждением, по мнению руководителя Сети, понимается основанная на локально-компаративном анализе способность оценивать социально-культурную и политическую ситуацию в многоэтнических странах, регионах и местных сообществах с целью определения существующей и потенциальной конфронтации и конфликта и способность донести соответствующую оценку для возможного принятия превентивных мер со стороны общества и государства³⁴.

Подготовлена и издана книга «Оренбургская область. Модель этнологического мониторинга». В 2001 г. на базе уже существующей сети была организована Сеть этноконфессионального мониторинга в Приволжском федеральном округе. В Сети работает около 30 экспертов из 15 регионов округа, в т.ч. из шести республик. Участники Сети издают 2 раза в месяц бюллетени по этноконфессиональным отношениям в округе. Руководит Сетью В.А. Тишков, а координирует работу представитель Сети из г. Оренбурга профессор В.В. Амелин. С начала создания сети издано около 100 бюллетеней с оценками экспертов по различным аспектам предконфликтных ситуаций в регионах, а также описаний позитивных факторов, способствующих стабилизации обстановки в регионах. Первоначально и издание бюллетеней было налажено в Оренбурге, затем с целью ускорения их распространения оно было передано в Москву.

Эксперты в основном строят свою деятельность по следующим направлениям:

1. Сбор и обобщение информации об этнополитических процессах и тенденциях развития этноконфессиональных отношений; подготовка на их основе и передача по e-mail материалов в бюллетень; выработка предложений и рекомендаций, направленных на предотвращение конфликта.

2. Анализ ситуации в регионе, который включает выявление сторон, которые могут быть вовлечены в конфликт, рассмотрение возможных

причин и источников конфликта, анализ условий, определяющих конфликтную ситуацию, определение всевозможных масштабов конфликта.

3. Основные показатели этнополитического фона в регионе (субъекте), прогнозирование и урегулирование межэтнического конфликта.

4. Обобщение позитивного материала межэтнического сотрудничества.

Для понимания сложных этносоциальных процессов, происходящих сегодня в полиэтническом регионе, требуется хотя бы минимум этнологических знаний. Это поможет объяснить и понять механизмы развития и функционирования этнических процессов, а также «определить формы трансляции культурного опыта и способы усвоения человеком иноэтнического социокультурного окружения»³⁵.

Ведь многие проблемы, возникающие на этнической почве, как правило, происходят из-за невежества членов общества, отсутствия у них каких-либо элементарных этнологических знаний. Однако количество часов по этнологии в вузах области сокращается, т.к. эта дисциплина изъята из Госстандарта и преподается в основном только за счет часов регионального компонента. Между тем результаты социологических опросов свидетельствуют о том, что у студентов гуманитарных дисциплин, изучающих этнологию, социальную антропологию, уровень толерантности гораздо выше, нежели у их сверстников с технических факультетов, где эти предметы не изучаются. Развитию этнографии в школах Оренбуржья сегодня придается особое значение. За десять последних постсоветских лет в области открыто десять этнографических музеев, десятки уголков по этнографии. Создано более тридцати видеофильмов о работе детских этнографических экспедиций. Ежегодно весной проводятся областной и городской детские этнографические фестивали и ярмарки. К примеру, в апреле 2005 г. в г. Оренбурге прошла детская этнографическая выставка «Радуга-2005». В экспедиции широко были представлены экспонаты, собранные школьниками предметы быта, утварь, одежда народов, проживающих в Оренбуржье. В организации выставки приняли участие 15 районов и городов области. Большой интерес у посетителей вызвала выставка «Казачья горница», повествующая о жизни казаков в конце XIX – начале XX вв.³⁶ Посильную лепту в развитие этнографии вносят и органы власти области. По инициативе губернатора Оренбургской области А.А. Чернышева принято решение о строительстве в г. Оренбурге «Музея культуры и быта народов Оренбуржья».

«Национальная деревня» представляет комплекс зданий, отображающих национальные особенности архитектуры всех этнических групп, где в каждом доме размещаются музей, библиотека, кафе национальных блюд, музей национальных сувениров, а также этнографические предме-

ты быта в зависимости от национальности (колодец, журавель, плетень, башня и т.д.).

В декабре 2004 г. в Оренбуржье принят Закон Оренбургской области «О региональной Программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе», в рамках которого предусмотрено проведение эмпирических исследований этнической толерантности в полиэтническом регионе, где проживают представители свыше ста этнических общностей.

В 2005 г. принят Закон РФ «О программе региональной национальной политики Оренбургской области на 2006–2010 гг.», где в рамках сохранения и развития национальных культур предусматривается проведение этнографических экспедиций, проведение исследования в муниципальных образованиях области, где компактно проживают различные этнические общности.

В июле 2009 г. в Оренбурге прошел VIII Международный конгресс этнографов и антропологов России. Его проведение способствовало развитию этнографической науки в регионе.

Литература

1. Рычков П.И. Топография Оренбургская. Санкт-Петербург. При императорской Академии наук. 1762. С. 101–102.
2. Первая всеобщая перепись населения. XXVIII. Оренбургская губерния / Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел; под ред. Н.А. Тростницкого. 1904.
3. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1785–1787.
4. Вестник РГО. СПб., 1852. Ч. I. С. 32–22.
5. Цит. по: Якупов Р.И. Тептяри: к историографии вопроса // Этнологические исследования в Башкортостане: сборник статей УИЦ. РАН / отв. ред. И.М. Габдрафиков. Уфа, 1994. С. 91.
6. Рычков П. Топография Оренбуржья. Издана в Санкт-Петербурге при Императорской Академии Наук, 1762.
7. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа: Типография Оренбургского губернского правления, 1859.
8. Цит. по: Зобов Ю.С. Деятельность Оренбургского отдела русского географического общества по этнографическому изучению Южного Урала и Приуралья в последней трети XIX – начале XX вв. // Этнопанорама. 2001. № 4.
9. Об учреждении Оренбургского отдела императорского русского географического общества // Записки Оренбургского отдела императорского русского географического общества. Выпуск первый. Казань: Университетская типография, 1870. С. 25–26.
10. Там же. С. 9.

11. ГАОО. Ф-94. Оп. 1. Д. 8. Л. 35–36.
12. Там же.
13. Там же.
14. Сафонов Д. Историческая тема в изданиях Оренбургского отдела императорского русского географического общества (ООИРГО) // Оренбургский край. Альманах. Оренбургский краеведческий музей. 1994. № 1–2.
15. Алтынсарин. Очерк обычаев при сватовстве и свадьбах у киргизов Оренбургского ведомства // Записки Оренбургского отдела императорского русского географического общества. Выпуск первый. Казань: Университетская типография, 1870. С. 101–122.
16. Баллюзек Л. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющиеся в Малой киргизской орде силу закона // Записки Оренбургского отдела императорского русского географического общества. Выпуск второй. Казань: Университетская типография, 1871.
17. Петров А.А. Заметки по этнографии черемис Красноуфимского уезда // Известия Оренбургского отдела императорского русского географического общества. Выпуск № 6. Оренбург: Типография Духовной консистории, 1895. С. 23–31.
18. Там же. С. 33–48.
19. Чибилев А., Сафонов Д., Мильков Ф. На границе Европы и Азии // Гостиный двор. 1995. № 1.
20. Там же.
21. Зобов Ю.С. Этнография и фольклор оренбургских казаков в трудах исследователей последней трети XIX – начале XX вв. // Этнопанорама. 2000. № 2. С. 43–48.
22. Цит. по: Зобов Ю.С. Этнография и фольклор оренбургских казаков в трудах исследователей последней трети XIX – начале XX вв. // Этнопанорама. 2000. № 2. С. 43–48.
23. Там же.
24. Там же.
25. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года по Оренбургской области (распределение населения по национальности) // Федеральная служба государственной статистики Оренбургской области, комитет государственной статистики. Оренбург, 2004.
26. Амелин В.В., Торукало В.П. Оренбуржье в этнополитическом измерении. М.: ЦИМО РАН, 1996., Т. I. 250 с., Т. II. 268 с.; Амелин В.В. Вызовы мобилизованной этничности. М.: ЦИМО РАН, 1997. 318 с.; Амелин В.В., Виноградова Э.М. Оренбуржье в системе региональных интересов России. М.: ЦИМО РАН, 1998. 351 с.
27. Из истории оренбургских немцев (1817–1974) / под редакцией В.В. Амелина. Оренбург–Москва, 2000. 288 с.; Немцы России на рубеже веков: история, современное положение, перспективы / под редакцией В.В. Амелина. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2000. 344 с.; Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее / под редакцией В.В. Амелина. Оренбург: Печатный дом «Димур», 1997. 159 с.; Оренбургские немцы: этническая история и духовная культура / под редакцией В.В. Амелина. Оренбург: Печатный дом «Димур», 1998. 183 с.
28. См.: Федорова А.В. Из истории оренбургской мордвы // Национальные проблемы народов Оренбуржья: история и современность. Оренбург, 1993. 156 с.; Федорова А.В. Мордва на Южном Урале // Мордовский народ: история, современность, перспективы. Саранск: Мордовский госуниверситет, 1994.

29. См.: Футорянский Л.И. Землевладение и землепользование в Оренбургском казачьем войске в конце XIX – начале XX вв. // Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале и Поволжье. Уфа, 1998. С. 61–67; Футорянский Л.И. Казачество России на рубеже веков. Оренбург, 1998. 198 с.

30. Тишков В.А. Горизонты Российской этнологии к 70-летию Института этнологии и антропологии РАН // Новая и новейшая история. Наука. 2002. № 5. С. 3–18.

31. Шангина И.И. Русские: современное состояние традиционной культуры по материалам экспедиции в казачьи села Оренбургской области (2002–2003 гг.) // Проблемы этнокультурного развития русского народа: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2003. С. 52–61.

32. Там же.

33. См.: Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России / под редакцией Л.М. Дробижевой. М., 1998. 388 с; Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / под редакцией Л.М. Дробижевой. М., 2002. 480 с.

34. Тишков В.А. Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов // Центр по изучению и урегулированию конфликтов. М., 1999. С. 9.

35. Габдулгафарова И.М. Антропологическое и этнологическое знание в XXI в. // Этнопанорама. 2002. № 1. С. 64–72.

36. Охина Д. Этнография. По итогам экспедиции // Оренбургское время. 2005. 20 апреля.

Е.С. Данилко

СТАРООБРЯДЧЕСТВО НА ЮЖНОМ УРАЛЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Еще недавно одной из особенностей российского социокультурного контекста являлась ситуация резкого разрыва религиозных традиций, возникшая в результате радикального атеизма советского периода. За последние десятилетия эта ситуация значительно изменилась, и с конца 1980-х гг. прошло уже достаточно времени, для того чтобы многие традиции были восстановлены, а религиозные институты вернули себе прежние функции. Их роль в сохранении и в приумножении историко-культурного наследия, как России в целом, так и отдельных регионов, тем более такого обширного региона как Южный Урал, уже не подвергается сомнению.

Помимо так называемых «главных» религий – православия и ислама, а также множества появившихся в последние годы «новых» течений, в современной этноконфессиональной мозаике Южного Урала можно вы-

делить группу традиционных религий, не имеющих сегодня массового распространения, но имевших существенное значение для отечественной истории. К последним можно отнести и старообрядчество.

Старообрядчество рассматривается исследователями как прямое продолжение и модификация древнерусской традиции, то есть старообрядческая культура стремится к максимальной актуализации наследия, и традиция является самым главным способом структурирования коллективного опыта. В ментальной сфере традиционализм выражается в использовании старообрядцами категорий мифологизированного (средневекового) сознания для объяснения исторических реалий и современной действительности, своеобразной интерпретации книжных текстов, бытовании утопических легенд. Этот принцип ярко демонстрируется высокой степенью сохранности древних форм богослужения и сопровождающих его атрибутов. Приверженность к старине наблюдается в устном и музыкальном фольклоре, в эстетических предпочтениях (каноническая иконография и архитектурные типы), в архаике бытового уклада и обрядов жизненного цикла, обилии древнеславянизмов в старообрядческих говорах и т.д.

Трудно переоценить значение старообрядчества для южно-уральского региона. Именно со старообрядчеством, активно вовлеченным в колонизационные потоки, было непосредственным образом связано хозяйственно-культурное освоение края, формирование социального состава местного населения и вовлеченность его в общероссийский торгово-промышленный контекст. Из старообрядцев складывалось и местное казачество, охранявшее степные рубежи российского государства, и крестьянское население, занимавшееся земледелием, и рабочий контингент горных заводов, наконец, купечество и производственная верхушка. В этой связи необходимость всестороннего исследования этого явления представляется очевидной.

Оценки старообрядчества, этого широкого религиозного, социально-культурного явления, никогда не были однозначными. В нем видели «причину бед и панацею от них; единственного хранителя православия и силу, его разрушающую; русейших из русских, спасителей национальных традиций культуры или их разрушителей; черносотенную опору империи или постоянных носителей русского народного бунта»¹. За трехвековую историю раскола литература о нем выросла до огромной массы. Однако южно-уральское старообрядчество довольно долгое время оставалось практически вне поля зрения историков и этнографов.

Наиболее ранние публикации о южно-уральском старообрядчестве относятся к XIX столетию. Грань между источниками и историографией представляется здесь весьма условной. В этом плане большую ценность

представляет работа Н. Чернавского об Оренбургской епархии. Подробно описывая все сколько-нибудь значительные местные события, автор приводит массу интереснейших сведений о старообрядцах: о популярности их идей среди казачества, об основании скитов, миссионерской деятельности светских органов управления и православного духовенства, статистические таблицы². Подобного рода труд по Уфимской епархии был написан И.Г. Золотоверховниковым. Помещая в книгу данные о численности раскольников по уездам и отдельным населенным пунктам на 1897 год, он объясняет и причину быстрого распространения в крае раскола, связывая ее со строительством горных заводов³. Этапы этого процесса анализируются В.М. Черемшанским⁴.

Один из активных деятелей Уфимского миссионерского комитета Н.П. Тюнин издал в 1889 г. сборник личных бесед со старообрядцами, дополненный авторскими размышлениями и комментариями⁵. В него вошло немало этнографических моментов — описания некоторых семейных обрядов, бытовой специфики, мелких частности, характерных для здешних толков (дырники, голубиный толк и др.). Этого невозможно почерпнуть из сухих архивных дел. Предвзятое отношение Тюнина к своим собеседникам и заметная тенденциозность не мешают считать книгу важным источником.

Первым этнографическим исследованием старообрядцев края можно считать обширную статью известного ученого-слависта Д.К. Зеленина⁶. В 1905 г. он провел целый месяц в селе Усень-Ивановское Белебеевского уезда Уфимской губернии среди старообрядцев-беглопоповцев и изложил свои наблюдения в довольно объемном очерке. Этнографические зарисовки о старообрядцах были сделаны в путевых заметках М.А. Круковского и К.П. Горбунова, историческом очерке В. Касимовского⁷. Подробности из жизни известных раскольничьих скитов, располагавшихся на территории Уральского казачьего войска и тесно связанных с Иргизскими монастырями, можно извлечь из статьи П.В. Юдина⁸ и т.д.

В советский период, в соответствии с существовавшими идеологическими установками, старообрядчество рассматривалось либо с атеистических позиций, либо как форма антигосударственной борьбы. Некоторые исторические события, имевшие место на изучаемой нами территории, отразились в монографии Н.Н. Покровского «Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в.» (Новосибирск, 1974). Проблемы сложных взаимоотношений южно-уральских старообрядцев с органами государственной власти и православным духовенством рассматривались Ю.Н. Сергеевым⁹.

Южно-уральский регион включался лишь в немногие работы по истории и культуре всего уральского старообрядчества. В этой связи

можно назвать книгу Н.П. Парфентьева¹⁰, в которой проанализированы поздние традиции древнерусского музыкального искусства. В последнее время образовавшаяся лакуна была существенно заполнена двумя фундаментальными трудами – «Очерками истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий», написанных сотрудниками Екатеринбургской археографической лаборатории, и совместной монографией Н.Н. Покровского и Н.Д. Зольниковой о часовенном согласии¹¹.

Фрагментарность и недостаточность опубликованных материалов предопределяет их вспомогательную, вторичную функцию для современных исследователей, актуализируя архивные источники и полевые материалы. Некоторые результаты наших исследований были опубликованы в авторской монографии¹², опираясь на них, рассмотрим основные этапы истории южно-уральского старообрядчества и представим краткую характеристику его современного состояния.

Распространение старообрядчества на территории Южного Урала представляло собой длительный исторический процесс, интенсивность которого на том или ином этапе, наряду со сложностями взаимоотношений с органами государственного управления и официальной церковью, определялась еще трансформациями внутри всего религиозного движения и отдельных старообрядческих согласий, а также открывающимися широкими возможностями для хозяйственно-культурного освоения малонаселенных территорий. В силу природно-географических особенностей (труднодоступные горы и густые леса) последние представлялись удобными для заселения скрывавшимся от гонений старообрядцам. В этой связи репрессивные меры, предпринимаемые государством по отношению к крупным старообрядческим центрам, сопровождалась притоком сюда раскольников. Началом процесса считается время после разгрома Керженца (1722 г.)¹³.

Бежавшие отсюда старообрядцы кроме тайных скитов селились еще в особой слободе яицкого казачьего войска – Шацком монастыре¹⁴. Старообрядчество не было занесено к казакам извне, а существовало с древности, как органическая форма их религиозного мирозерцания, чему способствовала и известная изолированность их на окраинах Империи. Лишь в конце XVIII столетия определенная замкнутость казачьего общества была нарушена появлением «пришлого элемента», хоть и незначительного. Первый же православный храм был возведен только в 1831 г. по инициативе Оренбургского духовенства¹⁵. Соответственно преследуемые старообрядцы всегда находили среди уральцев надежное убежище.

Приверженность яицких казаков к старообрядчеству подтверждают как свидетельства современников, так и поздние архивные материалы. Так, согласно данным 1872 г., число старообрядцев в Уральском казачьем

войске значительно превышало число приверженцев официального православия (в форме единоверия) — 46 347 и 32 062 человек соответственно¹⁶. В Оренбургском казачестве, также «изрядно зараженном расколом», это соответствие составило 8 899 старообрядцев на 61 177 человек православных¹⁷.

Распространение старообрядчества в исследуемом регионе шло параллельно с процессами русской колонизации края. Переселенческая волна 30–40-х гг. XVIII в. захватила территорию современных Челябинской и Курганской (Шадринский район) областей, т.е. бывшей Исетской провинции¹⁸. По мере заселения русскими людьми он проникал все более вглубь означенной провинции и превращался из тайного в явный. Так, в ходе второй ревизии, проводившейся в 1738 г. с целью занесения раскольников в двойной оклад, их было записано 1116 душ¹⁹.

Мощным толчком для нового притока русского населения на Южный Урал стала деятельность Оренбургской экспедиции в 30–40-х гг. XVIII в., когда было построено шесть линий крепостей с центром в Оренбурге²⁰. Жителями последних становились солдаты гарнизонных полков, уфимские, самарские, исетские и яицкие казаки, а также служилые с упраздненной Закамской черты. Использовались также ссыльные и беглые. В этой пестрой массе легко было затеряться и опальным старообрядцам²¹. Все эти люди составили впоследствии ядро Оренбургского войска, значительная часть которого была также набрана из пришлых великороссийских крестьян²².

Таким образом, период с конца XVII до 40-х гг. XVIII в. определяется нами как **первый, самый ранний этап в формировании старообрядчества на Южном Урале**. Процесс шел по двум направлениям. Во-первых, с юго-запада со стороны территорий, занимаемых издавна яицким казачеством, и из Керженских скитов. Во-вторых, с северо-востока, из Исетского края. Таким образом, основная масса раскольников была сосредоточена по периметру региона.

Дальнейшее распространение здесь старообрядчества обусловилось продолжавшимся хозяйственным освоением края, где наличие богатых залежей медных и железных руд, а также обширных лесных массивов способствовало развитию горнозаводской промышленности. Заинтересованные в дешевизне производства, заводовладельцы смотрели сквозь пальцы на конфессиональную принадлежность своих рабочих. Кроме того, некоторые из крупных предпринимателей, в частности Демидовы и Осокины, имели к расколу самое непосредственное отношение, и рабочий контингент на их предприятиях во многом формировался из крестьян-старообрядцев.

Раскольники проживали в большинстве горнозаводских поселков Южного Урала практически с момента их основания. Анализ архивных

документов позволяет выявить места расселения старообрядцев и их приблизительную численность в середине XIX в. В 1840–50-х гг. они фиксировались, кроме упомянутых выше, на Благовещенском (169 чел.), Архангельском (277 чел.), Воскресенском (35 чел.), Верхоторском (57 чел.), Богоявленском (169 чел.), Саткинском (46 чел.), Кусинском (167 чел.), Катав-Ивановском (61 чел.), Юрюзань-Ивановском (167 чел.), Златоустовском заводах и в относящихся к ним многочисленных деревнях²³, в Миасском заводе в 1827 г. их насчитывалось 227 человек и еще четыре десятка было разбросано по ближайшим рудникам – Поляковскому, Кирябинскому, Кирниковскому²⁴. Реальные цифры всегда существенно занижались, но даже по официальным данным только на восьми предприятиях в 1911 г. было 17 346 старообрядцев. Население деревень, приписанных к горнозаводскому ведомству, также по большей части было старообрядческим.

Таким образом, горнозаводское строительство в 40–90-х гг. XVIII в. способствовало значительному увеличению численности старообрядцев на Южном Урале. Это позволяет нам обозначить данный период как **второй этап складывания здесь старообрядческого анклава**. Кроме того, определенную роль сыграла и продолжавшаяся крестьянская колонизация.

Еще одним обстоятельством, спровоцировавшим движение старообрядцев, стал Высочайший указ от 14 декабря 1762 г., разрешающий переселение их из-за рубежа (Ветковский поповский центр в Польше) в Российскую империю. В реестре специально отведенных для этого мест значилась в числе прочих и Оренбургская губерния.

Итак, в течение почти всего XVIII столетия русское старообрядческое население на Южном Урале локализуется преимущественно в горной зоне, вдоль Уральского хребта, т.е. в местах концентрации промышленных предприятий и относящихся к ним сел, а также (после указа 1762 г.) на территории современной Оренбургской области.

Процессы горнозаводского строительства сопровождались земельческой колонизацией края выходцами из внутренних губерний России, Западной Сибири, средне- и севернourальских областей²⁵. В их составе прибывали и старообрядцы. Период с конца XVIII до начала XX вв. выделяется нами как **третий этап в формировании старообрядчества на Южном Урале**. Преобладающим фактором теперь становится крестьянское движение.

Сопоставление сведений, извлеченных из более поздних источников, с данными о возникновении поселений позволяет нам в ряде случаев с определенной степенью корректности экстраполировать выводы о времени появления старообрядцев в тех или иных населенных пунктах на

даты основания последних. Однако такая корреляция не везде правомерна и достаточно обоснованна.

В конце XVIII в. вырастает целый куст русских деревень на севере Уфимской провинции (северо-восточные районы современного Башкортостана). Документы говорят о наличии в здешних селах Тастубе, Дуване, Метелях, Ярославке, Вознесенке, Рухтино, Сикиязе и др., основателями которых были крестьяне из Кунгурского и Красноуфимского уездов Пермской губернии²⁶, «раскольников поморской, федосеевской и австрийской сект»²⁷. Часть этого людского потока из Пермской губернии затронула и соседний Бирский уезд, увеличивается плотность русского населения в центре Уфимской губернии. В это время близ Бугуруслана образовалось самовольное поселение с характерным названием Староверовка. Затем крестьяне из Тамбовского наместничества (современная Рязанская область) основали с. Елатомку (1797 г.)²⁸. Отсюда старообрядцы разъехались по округе: в Нижнее и Верхнее Заглядино, Русскую Боклу, Борисовку, Козловку и др.²⁹ Крестьянский наплыв испытывают Троицкий и Оренбургский уезды (до начала XIX в. здесь большей частью существовали казачьи станицы)³⁰ и т.д.

Новый импульс колонизационным процессам придала крестьянская реформа 1861 г. На карте Южного Урала в это время появилось множество точек, неизвестных ранее. В Уфимской губернии они располагались в основном в южных и центральных уездах, заселенных не так плотно, как остальные³¹. В 1871 г. в Стерлитамакском уезде Уфимской губернии старообрядцы (в основном мордва) возвели с. Помряскино (другое название – Убежище), затем часть его жителей основала Озерковку (1891 г.) и Гурьяновку (1896 г.)³². Села Гавриловка (1886 г.) и Польшовка (1890 г.) также были известны как раскольничьи³³.

Перечень сел, где появились старообрядцы в конце XVIII – начале XX в., довольно широк и не ограничивается только вышеперечисленными. С затуханием переселенческого бума в конце XIX – начале XX вв. процесс формирования старообрядчества на Южном Урале можно считать практически завершенным. К этому времени определяется его окончательная география в масштабах изучаемого региона, становятся возможными выявление и локализация субконфессий.

Состояние старообрядчества в регионе накануне XX в. можно проиллюстрировать материалами Первой всероссийской переписи 1897 г., предполагающую и регистрацию населения по вероисповедному признаку. Перепись содержит следующие данные по Оренбургской и Уфимской губерниям. В Оренбургской губернии на 1 600 145 человек населения приходилось 1 174 872 православных и единоверцев и 49 984 старообрядцев, в процентном соотношении – 73,5 и 3,1%. Наибольшее количество

старообрядцев проживало в Оренбургском (17 720 чел.), Челябинском (17 512 чел.) и Троицком (8 919 чел.) уездах³⁴. В Уфимской губернии православных и единоверцев насчитывалось 961 727 человек, старообрядцев – 34 011, почти поровну в каждом уезде: в Уфимском – 8 876, Белебеевском – 7 913, Стерлитамакском – 7 488, Златоустовском – 6 586 человек. Исключениями являются Бирский (2 406 чел.) и Мензелинский (742 чел.) уезды, где число их было незначительным³⁵.

Некоторая фальсификация сведений в переписи была заложена изначально: единоверцы, духовное тяготение которых к старообрядчеству являлось очевидным, объединялись в одну графу с представителями официального православия. Таким образом, количество последних искусственно увеличивалось. Кроме того, настороженное отношение старообрядцев к переписи также отражалось на объективности ее результатов.

Специфика Южного Урала определяется его полиэтничностью и, соответственно, высоким уровнем межкультурных взаимодействий. В результате которых, будучи изначально русским явлением, старообрядчество, несмотря на известную замкнутость, распространяется среди нерусских народов. Так, по материалам указанной переписи, в Уфимской губернии значилось 1735, а в Оренбургской – 1338 старообрядцев-мордвы и небольшое число украинцев (248 чел.)³⁶.

Период, когда старообрядческие общины получили возможность для свободного развития, закончился в октябре 1917 года. Курс, взятый новым большевистским правительством, предполагал последовательную ликвидацию всех религиозных институтов, как факторов, тормозящих общественное развитие. С 1923 г. началась регистрация религиозных общин, сделавшая их не столько отделенными от государства, сколько поднадзорной властям.

Мероприятия, направленные на последовательное уничтожение всех форм проявления религиозности, проводились на фоне широкомасштабного социалистического строительства и совпадали с задачами, выдвинутыми культурной революцией. Создание материально-технической базы последней во многом шло за счет конфискации молитвенных зданий и передачи их под культурно-просветительные и образовательные учреждения: школы, клубы, красные уголки и т.д. Например, церковь старообрядцев белокриницкого согласия в г. Уфе была изъята под тем предлогом, что по этому адресу в 1900 г. некоторое время жил В.И. Ленин. На митингах, организованных трудящимися и студентами, выдвигались требования о ликвидации церкви, «кошунственно расположенной на святом месте», и восстановлении историко-революционного памятника. При этом, настоящее местонахождение бывшей квартиры вождя не принималось в расчет³⁷. Подобные мероприятия организовывались по единому стандар-

ту и оформлялись как решения общих собраний. Так, из Постановления Президиума Челябинского городского совета следует, что одной из причин расторжения договора со старообрядцами стали требования местных жителей в числе 37 000 человек³⁸. Однако, как свидетельствуют архивные источники, далеко не всегда помещения, освобожденные таким образом, использовались рационально, большое количество их просто разрушалось. В частности, в Челябинской области из 149 часовен только 38 нашли применение, остальные были либо сломаны, либо пустовали. Только в г. Златоусте из 20 конфискованных зданий, 19 было уничтожено³⁹. Приведенные цифры достаточно красноречивы, хотя и представляется проблематичным вычлнить отдельно именно старообрядческие храмы.

В качестве повода для изъятия культовых построек нередко выступала малочисленность старообрядческих общин. Последнее обстоятельство легко объяснимо ввиду разvernувшихся в 1930-х годах массовых репрессий. Старообрядцы подвергались преследованиям — как за религиозные убеждения, так и в качестве представителей зажиточного крестьянства (кулаков). В минимальной степени коснулось старообрядчества и известное сталинское перемирие с религией в годы Великой Отечественной войны, которое позволило Московской патриархии и исламу восстановить основные институты.

Наиболее активную позицию в советский период занимали беглоповцы г. Бугуруслана. Несмотря на ужесточение антирелигиозных мер, они продолжали движение за получение общиной официального статуса. Только в период с 1945 по 1951 гг. ими было подано 26 заявлений в местный СРК⁴⁰. В фондах Уполномоченного по делам религий Чкаловской области отложилось множество материалов, касающихся Бугурусланской общины. Среди них письма, адресованные непосредственно членам Верховного Совета СССР — К.Е. Ворошилову, Г.М. Микояну, И.В. Сталину⁴¹. Старообрядцами неоднократно предпринимались попытки устройства богослужebных помещений в частных домах, однако все они под теми или иными предлогами пресекались властями⁴². Старообрядцы получали отказы и тогда, когда в области уже имелись зарегистрированные группы православных, мусульман, баптистов, меннонитов⁴³. Только в 1982 г. долгожданное разрешение было получено, а в 1986 г. насчитывалось уже три старообрядческих общины, имеющих официальный статус (гг. Бугуруслан, Оренбург, с. Елатомка Бугурусланского р-на), были освящены храмы⁴⁴.

Таким образом, старообрядцы, принадлежавшие к наиболее социально активным слоям населения — зажиточное крестьянство, казачество, купечество, оказались самыми уязвимыми в послереволюционные 1920-е годы. Затем они преследовались уже как религиозные сектанты, а

в так называемый «застойный» период старообрядческие приходы были обречены на естественное вымирание.

Кроме того, политика, проводимая советской властью по отношению к старообрядчеству, имела принципиальные отличия от дореволюционной. Тогда у старообрядцев, преследуемых за религиозные убеждения, была возможность поддерживать привычный жизненный уклад, сложившуюся социальную структуру, что обеспечивало самосохранение группы и преемственность в передаче религиозного опыта. Кардинальная трансформация быта в сочетании с жестким идеологическим пресингом, который старообрядцы испытывали в течение более 70 лет, привели к значительному их ослаблению. К началу 1980-х гг. число организованных, официально действующих старообрядческих общин в трех административно-территориальных образованиях исследуемого региона не достигало и пяти. В их состав входили в основном представители старшего поколения, молодежь, хоть и сохраняла конфессиональную идентификацию, не принимала активного участия в делах религиозных объединений.

Закономерным результатом демократических преобразований, либерализации форм общественно-политической жизни, развития свободных экономических отношений в России конца 80-х – начала 90-х гг. истекшего столетия стали процессы этнического и конфессионального возрождения. В 1990-х гг. в регионах России началась регистрация религиозных объединений. В это время получили официальный статус шесть старообрядческих общин (две поповские, четыре беспоповских), в Челябинской области – четыре (три поповских, одна беспоповская), в Оренбургской области – четыре (поповские). По РБ они распределяются следующим образом: спасовское согласие – города Стерлитамак, Салават, Ишимбай, беспоповцы рябиновцы, или мелхиседеки, – Стерлитамак, поповцы, относящиеся к Новозыбковской митрополии – с. Усень-Ивановское Белебеевского р-на, Стерлитамак. В Челябинской области зарегистрированы одна поморская община – Челябинск и три белокриницкого согласия – города Челябинск, Магнитогорск, Миасс. В Оренбургской – одна белокриницкая в Оренбурге, три беглопоповские в городах Оренбурге, Бугуруслане, селе Елатомка Бугурусланского р-на⁴⁵. Кроме перечисленных выше действуют без регистрации старообрядческие общины (до 50 и более членов) в городах Уфе, Благовещенске, Златоусте, Симе, Бузулуке и др.⁴⁶

Получение общего представления о современном состоянии внутренне неоднородного южно-уральского старообрядчества невозможно без характеристики его отдельных направлений, которые, находясь в общероссийском контексте, переживают период религиозного оживления.

Большую роль для белокриницкого согласия на Южном Урале выполняет г. Миасс Челябинской области. В советское время здесь не прекращала существования община, ядро которой составляли инокини разрушенного Никольского монастыря. При поддержке московской митрополии в последние годы налажено издание и распространение религиозной литературы. Постепенно устанавливаются контакты с сельскими разрозненными группами и общиной г. Оренбурга, которая, в свою очередь, объединяет старообрядцев из других населенных пунктов области.

Активизировалась деятельность и Древлеправославной церкви. Ее приходы официально функционируют на северо-западе Оренбургской области с 1986 г., имеются храмы в г. Бугуруслане и с. Елатомка. Кроме того, поповцы этого направления издавна населяли прилегающие районы Башкирии. В 1999 г. здесь была образована новая епархия с центром в с. Усень-Ивановское Белебеевского р-на. Древлеправославный храм есть также в г. Стерлитамаке.

На территории Южного Урала одним из самых распространенных беспоповских согласий является поморское. Сегодня его наиболее влиятельным центром выступает община в г. Сим. Зарегистрированы поморцы в городах Уфе, Магнитогорске, Челябинске. Местами их компактного расселения издавна были восточные и северо-восточные р-ны РБ и соседние с ними р-ны Челябинской области, т.е. территория бывшего Златоустовского уезда Уфимской губернии. Небольшие группы имеются в Оренбуржье.

В ходе экспедиционных исследований в 1998–1999 гг. выявлены две федосеевские общины – в с. Аскино одноименного района РБ и в г. Уфе. Уфимские федосеевцы осуществляют взаимодействие с представителями этого направления в Казани и Москве.

В центральных районах Башкирии сильные позиции занимает спасовское согласие (гг. Стерлитамак, Салават, Ишимбай). Молитвенный дом в г. Салавате был построен при содействии местной администрации.

Старообрядцы-рябиновцы расселяются в северных, юго-западных и центральных районах Башкирии. Как отмечают исследователи, рябиновское согласие представляет собой исчезающее направление в беспоповщине, «не имеющее регулярной религиозной жизни»⁴⁷. Однако, на Южном Урале оно не только сохранилось, но и проявляет признаки возрождения. Зарегистрирована община в г. Стерлитамаке, организованные группы верующих действуют в гг. Салавате, Ишимбае, Уфе, Благовещенске.

На северо-востоке РБ и прилегающих районах Челябинской области функционирует община староверов-странников с духовным центром в с. Злоказово.

Таким образом, в настоящее время на Южном Урале продолжают сохраняться практически все старообрядческие согласия, наличие которых фиксировалось документами конца XIX – начала XX вв. Тогда большинство общин представляли собой многочисленные собрания верующих, они регулярно посещали храмы, соблюдали во всей полноте религиозные обряды, были объединены под руководством одного или нескольких наставников.

Сегодня старообрядческие общины подверглись значительной трансформации. Во многих селах, где, согласно архивным источникам, активно функционировали культовые здания, в настоящее время старообрядцев почти не осталось. Это в основном представители старшего поколения (от 65 до 80 лет), преимущественно женщины, которые уже не собираются для совместных богослужений.

Полевые этнографические исследования на Южном Урале, проводившиеся нами в 1996–1998 гг., позволяют проследить взаимосвязь сельских и городских общин. Основной состав последних – это выходцы из сельской местности, по тем или иным причинам переехавшие в город. Через них и осуществляются контакты с единоверцами на селе.

Процессы возрождения в городских религиозных объединениях протекают оживленнее. Они более консолидированы, постоянно пополняются и обновляются за счет притока новых членов, обращающихся к религии по законам исторической памяти. Выделяются лидеры (священнослужители или наставники), вокруг которых концентрируется духовная жизнь общин.

В последние годы наблюдается возрастание интереса к религии среди молодежи и людей среднего возраста, которые могут не принимать активного участия в делах общин, но сохраняют старообрядческое самосознание. Среди них постепенно распространяются обряд венчания или наставнического благословения на брак, крещение детей по древним канонам. Указанная группа, на наш взгляд, может явиться основой потенциального роста старообрядчества. Намечается и формирование пока немногочисленного слоя неофитов «нестарообрядческого» происхождения, т.е. примкнувших к старообрядчеству в результате самостоятельного выбора или разочарования в официальной церкви. Таким образом, несмотря на глубокую депрессию советских лет, южно уральское старообрядчество сумело сохранить основы религиозного учения и культуры.

Преобладающими для старообрядческих общин являются реставрационные процессы, которые протекают в них неравномерно и гораздо медленнее, чем у других конфессий. Причин тому несколько.

У старообрядчества сегодня нет того потенциала, который имеет у официального православия и ислама, сумевших сохранить хотя бы

минимальную базу для роста — организацию церковной жизни, кадры духовенства, учебные заведения. Почти все старообрядческие институты на Южном Урале были разрушены уже к концу 1930-х годов. Кроме того, процесс возрождения южно-уральского старообрядчества существенно затрудняют два важных фактора. Во-первых, наличие множества субконфессий, их пестрота. Во-вторых, отсутствие достаточной поддержки со стороны органов государственного управления, которые ориентированы, прежде всего, на «главные» религии — ислам и православие. В отличие от западных христианских течений (католичество, баптизм и др.), у старообрядчества отсутствует и зарубежный источник финансирования.

В этой связи дальнейшие перспективы южно-уральского старообрядчества зависят от решения целого ряда сложнейших задач, таких как, воссоздание хозяйственных и социальных структур, необходимость поисков форм адаптации к современным условиям старообрядческих бытовых требований, привлечение неофитов.

Таким образом, несмотря на видимые признаки религиозного подъема, на наш взгляд, пока нет оснований говорить о возможности достижения тех качественных и количественных параметров, которыми характеризовалось южно-уральское старообрядчество в дореволюционный период. Однако это отнюдь не является показателем того, что старообрядческие ценности не будут востребованы в современном российском обществе. Основные идеологемы и традиции старообрядчества продолжают оставаться существенным компонентом русской духовной культуры. Старообрядческие общины обладают собственными способами переживания существующей социально-исторической ситуации. Опыт каждой такой общины, уникальный в своем роде, вместе с тем находится в русле определенной культурной традиции и направляется ею. Из совокупности таких частных практик подобно мозаичному полотну складывается картина жизни, как всего старообрядчества, так и традиционных российских конфессий в целом.

Примечания

1. Поздеева И.В. Комплексные исследования современной традиционной культуры русского старообрядчества: результаты и перспективы // Мир старообрядчества. Вып. 4. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. М., 1998. С. 12.

2. Чернавский Н. Оренбургская епархия в прошлом и настоящем // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. I. Оренбург, 1900; Вып. II. 1901–1902.

3. Золотоверховников И.Г. Уфимская епархия на 1897 год. Географический, этнографический, административно-исторический и статистический очерк. Уфа, 1899.

4. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом, географическом и промышленном отношении. Уфа., 1859.
5. Тюнин Н.П. Письма по расколу (за 1886–1889 годы). Вып. I. Уфа, 1889.
6. Зеленин Д.К. Черты быта усень-ивановских староверов // Известия общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете. 1905, Т. 21. Вып. 3. С. 201–258.
7. Круковский М.А. Южный Урал. Путевые очерки. М., 1909; Горбунов К.П. Среди раскольников Южного Урала (из дневника туриста) // Исторический вестник. 1888. № 12; Касимовский В. Исторические очерки о Дуване (1868 г., 1877 г.). Месягутово, 1991.
8. Юдин П.В. В Сыртовских дебрях (Очерк из прошлого уральского старообрядчества) // Русская старина. 1896. № 1. С. 110.
9. Сергеев Ю.Н. Из истории старообрядчества и христианского сектантства на Южном Урале (конец XVII – начало XX в.) // Башкирский край. Вып. 3. Уфа, 1993. С. 30–39; Он же. Православная церковь в Башкортостане (вторая половина XVI – середина XIX века): учебное пособие / Изд-е Башкирс. ун-та. Уфа, 1996.
10. Парфентьев Н.П. Традиции и памятники древнерусской музыкально-письменной культуры на Урале (XVI–XX вв.). Челябинск, 1994.
11. Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000; Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVII–XX вв. М., 2002.
12. Данилко Е.С. Старообрядчество на Южном Урале: очерки истории и традиционной культуры. Уфа, 2002.
13. Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 39–40.
14. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 327.
15. Чернавский Н.Н. Указ. соч. С. 273–283.
16. ЦГАОО. Ф.6. Оп.13. Д. 3503/1. Л. 222–231.
17. Там же. Л. 280 об. – 282.
18. Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала (Вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). М., 1984. С. 54.
19. Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 154.
20. Тарасов Ю.М. Указ. соч. С. 42.
21. Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М., 1988. С. 58–60, 88–89.
22. Иванов В.А., Чугунов С.М. История казачества на Урале. Стерлитамак, 2001. С. 35–36. Оренбургское казачье войско было образовано в 1748 г.
23. ЦГИА РБ. И-6. Оп. 1. Д. 339. Л. 1–16.
24. ГАЧО. И-33. Оп. 1. Д. 3262. Л. 20.
25. Тарасов Ю.М. Указ. соч. С. 54–55, 88–91.
26. Роднов М.И. Краткая история заселения Дуванского края // Башкирский край. Вып. 4. (Материалы по истории Дуванского района). Уфа, 1994. С. 25–26.
27. ЦГИА РБ. И-6. Оп. 1. Д. 500. Л. 23–24.
28. Кабанов Г.С. Мы – переселенцы. Оренбург, 1999. С. 10–18.
29. Полевые записи автора 2001 г. Г. Бугуруслан Оренбургской области.

30. Тарасов Ю.М. Указ. соч. С. 94.
31. Самородов А.П. Русское крестьянское переселение в Башкирию в пореформенный период. 60–80-е гг. XIX в. Стерлитамак, 1996. С. 168.
32. Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана. Кн. 1. Уфа, 1997. С. 150, 154, 166.
33. ЦГИА РБ. И-9. Оп. 1. Д. 906. Л.34.
34. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Издание Центрального статистического комитета МВД / под редакцией Н.А. Тройницкого. XXVIII. Оренбургская губерния. 1904. С. 58.
35. Там же. Уфимская губерния. Тетрадь 2. 1904. С. 42.
36. Там же; Оренбургская губерния... С. 58.
37. ЦГИА РБ. Ф. 394. Оп. 2. Д. 2066. Л. 5.
38. ГАЧО. Ф. 220. Оп. 4. Д. 4. Л. 58.
39. ГАЧО. Р-274. Оп. 3. Д. 4414. Л. 6.
40. ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 228. Л. 79.
41. Там же. Д. 210. Л. 1–4, 41.
42. Там же. Л. 24.
43. Там же. Д. 325. Л. 2.
44. ЦГАОО. 3-617. Оп. 1. Д. 432. Л. 2.
45. Сведения получены в Совете по делам религий при КМ РБ и комитете религий при администрациях Челябинской и Оренбургской областей.
46. Здесь и далее – полевые материалы автора.
47. Воронцова Л., Филатов С. Церковь достоинства. Старообрядческая альтернатива: прошлое и современность // Дружба народов. 1997. № 5. С. 162.

А.В. Голубев

ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА В ПРИУРАЛЬЕ

Создание вблизи поселка Коловертное историко-этнографического природно-ландшафтного музея-заповедника «Евразийский перекресток» на данный момент является инициативным культурным проектом Общественного Фонда «Евразийский Союз Ученых». Нам представляется, что появление такого музейного комплекса в Приуралье станет ответом на реальные насущные запросы современного этапа общественно-политического, социально-культурного развития нашего края.

Для Казахстана такой музей-заповедник является оригинальным новаторским решением проблемы сохранения и популяризации исторического и культурного наследия народов нашей страны.

Данный музейный комплекс с охранной природной зоной позволит ярко, наглядно, убедительно и доходчиво рассказать об истории Приура-

ля, об обычаях, традициях, верованиях различных этносов, проживавших и проживающих в нашем крае. Сохранившийся, практически в нетронутом виде степной и лесостепной природный ландшафт, красивые виды на реку Урал, наличие старинных построек и особенно христианского православного храма 1899 года – все это вместе делает вполне определенным и закономерным выбор окрестностей поселка Коловертное в качестве места расположения подобного музейного комплекса. Доступность коммуникаций, близость международной шоссейной трассы в существенной мере облегчают создание музея-заповедника.

Сама по себе модель историко-этнографического, природно-ландшафтного музея-заповедника содержит огромный потенциал возможностей для осуществления научно-исследовательских, научно-популяризаторских, просветительско-образовательных, культурно-досуговых и туристическо-рекреационных замыслов.

Такое взаимоувязанное и комплексное рассмотрение и подача исторического, культурного и природного наследия Приуралья недостижимо в традиционных организационных и моделях музейной деятельности. Именно в рамках музея-заповедника открываются широкие и разнообразные возможности экспонирования материалов археологических раскопок в крае, начиная с VIII века до н.э. до XVIII века н.э., восстановление и сохранение внешнего вида и интерьеров хозяйственных, жилых, культовых построек, инвентаря, утвари и убранства, одежды, украшений, предметов декора у разных народов и социальных слоев, проживавших и живущих сейчас в Приуралье.

Такой музейный комплекс позволит разместить крупные и громоздкие экспозиции о занятиях, ремеслах и промыслах народов Приуралья. Экспозиции такого музея будут не просто выставкой коллекций предметов старины или галереей художественно оформленных текстовых и иллюстрированных стендов, а реалистичной реконструкцией жизненного пространства, воссоздающей сам дух, атмосферу и видимый, осязаемый облик ушедших времен.

Вся территория музея-заповедника станет единым природным объектом экспонирования, являясь одновременно выставочно-экспозиционной площадкой, туристической зоной, историческим парком, предприятием культурно-досуговой деятельности. Постройка кемпингов и других объектов туристическо-рекреационной инфраструктуры позволит превратить музей-заповедник «Евразийский перекресток» в центр туристических маршрутов по Приуралью и Северному Прикаспию. Автобусные, конные, лодочные и пешие туристические маршруты будут брать начало в Коловертном и расходиться по всем направлениям и ко всем памятникам истории, культуры и природы

Западно-Казахстанской и Атырауской областей. Открывающиеся благодаря музею-заповеднику перспективы для развития туризма придадут дополнительные стимулы поиску, реставрации и обустройству исторических, культурных и природных памятников в обеих приуральных областях и, что особо важно, появятся реальные варианты создания ремесленных мастерских и с помощью воссоздания бытовой картины жизни народов прошлых веков понимания эволюции культуры и социальных отношений в обществе.

Очевидны преимущества музея-заповедника при проведении культурно-просветительской и воспитательной работы с молодежью посредством организации различных национальных празднеств, фестивалей, представлений, научных конференций, дискуссий и семинаров по соответствующей тематике с приграничными российскими регионами, в первую очередь Оренбургской области, как партнера по использованию водной артерии реки Урал и исторически сложившимся деловым и культурным отношениям.

Одной из первоочередных тем совместного культурно-просветительского плана является воспитание экологической культуры, сохранение природного наследия и изучение рыбоводного потенциала реки Урал. Соответственно изучение и научного наследия ихтиологов XIX в. положивших начало восстановлению и разведению рыбы осетровых пород на Урале. В частности работы Бородина Николая Андреевича, занимавшегося как сохранением рыбных богатств реки Урал, так и изучением жизни населения Приуралья. Его двухтомник «Статистическое описание Уральского казачьего войска» получило признание у Русского географического общества.

Наследие Н.А. Бородина дает отличную возможность продолжить изучение социально-экономической жизни Приуралья, исследовать его потенциал и планировать гармоничное развитие региона при интеграции в единое экономическое пространство, а главное сохранить толерантность во взаимоотношениях народов в эпоху глобализации.

«Живой» и открытый для непосредственного восприятия и «осознания» исторический музей, природные красоты, имеющиеся благоприятные природные условия для создания развитой инфраструктуры туризма и досуга, многообразие и комплексность предоставляемых возможностей для накопления и подачи информации, знаний об истории, культуре, традициях, обычаях и верованиях народов нашего края в различные исторические эпохи будет содействовать формированию явственного понимания евразийской общности казахстанцев.

В проекте предусмотрены и религиозные аспекты, поскольку он предполагает создание экспозиций истории православия в Приуралье и

выделение отдельных залов для экспозиций по верованиям и религиям народов края вообще с VIII века до н.э. до XVIII века н.э. и религиозных представлений казахов, в особенности, в период XVI–XIX веков. Вос-создание объективной истории религиозных верований, межрелигиозных и межконфессиональных связей и отношений в нашем крае станет реальным вкладом в дело формирования духовных основ казахстанской евразийской общности.

Не менее значимо будет способствование деятельностью музея-заповедника «Евразийский перекресток» выявлению, раскрытию и объяснению евразийской общности народов России и Казахстана, всего постсоветского пространства. Находящийся в приграничном регионе на пересечении трансграничных экономических, культурных, межконфессиональных, политических и геополитических влияний и воздействий, данный музей-заповедник будет имиджевым евразийским проектом с эффективной научно-информационной, организационной структурой развития международного культурного сотрудничества стран постсоветского пространства.

Взаимодействие цивилизационных влияний, происходившее здесь многие столетия, определили особый евразийский социальный и культурно-антропологический этнос. Природные ландшафты и красоты края несут в себе определенную историко-культурную и мировоззренческо-духовную смысловую нагрузку. Обычаи, традиции, особенности жизненного уклада, верования, занятия и ремесла народов Приуралья формировались под воздействием неизменных природно-климатических факторов и непрерывных социально-экономических и социально-культурных изменений, привносимых различными народами, мигрировавшими в нашем крае, начиная с савроматов (VIII–VII вв. до н.э.) и до российских переселенцев рубежа XIX и XX веков.

К началу XX в. в Приуралье сформировалось мультикультурное, полиэтническое и многоконфессиональное евразийское сообщество мирно и согласно проживавших народов.

Необходимость создания подобного музейного комплекса обосновывается *тремя основополагающими идеями:*

- 1) освещение культурно-исторических событий Казахстана;
- 2) показ историко-этнографической уникальности Приуралья;
- 3) раскрытие евразийской цивилизационной трансграничности и синкретичности социальных общностей нашего региона в прошлом и настоящем.

Цели:

- 1) сохранение накопленного историко-культурного и природного наследия нашего края;

2) восстановление истории миграций, переселений и освоения Приуралья кочевническими и различными оседлыми племенами и народами во взаимодействии и взаимовлиянии в разные исторические эпохи и периоды;

3) воссоздание всего разнообразия и богатства этнических, цивилизационно-культурных, религиозно-духовных традиций нашего края, т.е. раскрытие философской евразийской культуры.

Задачи: общественно-политические, культурно-просветительские, туристическо-рекреационные.

- Общественно-политические задачи создания такого музея-заповедника нам видятся в формировании в общественном сознании глубоких, устойчивых представлений, взглядов и установок на терпимость, согласие, сотрудничество, взаимопонимание и взаимоуважение в отношениях между представителями разных этносов, наций, рас, религий и культурных традиций.

- Культурно-просветительское предназначение музея-заповедника будет, прежде всего, заключаться в ознакомлении всех желающих с разнообразными, систематизированными сведениями и информацией по истории края, подаваемыми через историю его населявших и населяющих народов, в привязке к природным ландшафтам, к сооружениям, постройкам, имевшим хозяйственно-промысловое, жилищно-бытовое и культурное назначение. Музейно-природный комплекс музея-заповедника «Евразийский перекресток» станет одновременно центром и своего рода «площадкой» научно-исследовательских разработок евразийской направленности международного масштаба.

- Туристическо-рекреационные задачи деятельности музея-заповедника будут осуществляться через использование возможностей, предоставляемых музейными экспонатами, экспозициями, сооружениями, природными объектами музея-заповедника. Например: изготовление самана (воздушного кирпича из глины и соломы), пребывание в юрте с традиционным интерьером, доение коров и изготовление кошмы, приготовление курта и сбивание масла, походы на лошадях и верблюдах, плетение рыболовецких сетей, работы в кузнице и гончарной мастерской, лодочные экскурсии и т.п.

Принципы организации и деятельности. Историчность, аутентичность, многофункциональность, доступность – таковыми нам видятся принципы организации и деятельности музея-заповедника «Евразийский перекресток».

Историчность означает последовательность, поэтапность событийно-хронологического показа развития основных социальных процессов и явлений в неизменных пространственно-ландшафтных пределах и усло-

виях Приуралья. Общие хронологические рамки рассмотрения истории региона: от VIII в. до н.э. до начала XX в. включительно.

Многофункциональность выражается в многовариантности применения и подачи всех материалов, объектов, экспозиций музейно-природного комплекса при реализации всех задач его деятельности.

Аутентичность будет означать максимально возможно полное восстановление или воспроизведение всех материалов, предметов и объектов природного, культурного исторического наследия региона (из тех же материалов, теми же методами и инструментами, в том же виде и таким же образом как в тот период).

Доступность будет выражаться в полной представленности всех материалов в экспозициях музея-заповедника, в полном равенстве доступа ко всем его сооружениям и объектам. Все материалы, экспонаты, экспозиции, в максимально возможной степени будут открыты для прямого, непосредственного визуального и осязательного контакта любому посетителю.

Структурная организация и пространственное размещение. Экспонаты будут подразделяться на статично-демонстрационные и динамично-демонстрационные. Природные объекты будут делиться на экспонированные и естественно расположенные.

а) здание церкви Рождества Христова и сохранившейся в ней росписи;

б) специально построенный музейный тюркский павильон, стилизованный под восточный караван-сарай;

в) берег реки Урал будут составлять пространственно и зрительно доминирующий треугольник всего музея-заповедника. В специальных павильонах будут размещены экспозиции по древней и средневековой истории Приуралья (VIII в. до н.э. – XVI в. н.э.). Вокруг церкви и ближе к реке будут размещены различные постройки русского переселенческого населения, в степи вокруг музейного тюркского павильона будут размещены постройки тюрко-монгольских кочевнических и оседлых народов. В селе Коловертное будут восстановлены деревянное крестьянское подворье, типичный саманный дом с хозяйственными постройками, каменная купеческая лавка. В здании церкви будут размещены экспозиции по истории иконописи.

Сердце музея под открытым небом в п. Коловертное – уникальный образец зодчества начала прошлого столетия, памятник истории, архитектуры и искусства – Церковь Рождества Христова. Построена она была в 1899 году. Музей возвращает жизнь разрушающемуся зданию. Церковь Рождества Христова – звено связи с прошлым, его музейная экспозиция – единение культуры минувших эпох и современного мира.

Памятники культуры — зримое доказательство того, что прошлое живет в настоящем, это материализованный опыт культуры народа, крупные вехи в его летописи, которые помогают нам сегодня видеть жизнь в движении и в связи времен.

Многообразие и богатство культурного наследия является основополагающим признаком цивилизованного общества, интеграционным компонентом национального и государственного самосознания.

Культура, как духовное богатство, живет и развивается по своим собственным законам, зачастую не совпадающим с развитием общества, не терпит насилия над своей природой.

Минувшее — это не прошедшее: оно и в настоящем, оно и в будущем человека.

Памятники культуры — будь то зодчество, шитье и керамика, резьба и литье или многое другое — это предметы, характеризующие миропонимание и быт нашего прошлого.

Вся система научно-просветительской работы в музее направлена на воспитание нравственных и духовных качеств личности и, прежде всего — исторического самосознания, уважения к традициям и культуре евразийских народов, умение видеть и ценить прекрасное в окружающем мире.

Особая значимость музея заключается в сохранении живой связи поколений, народных обычаев и продолжении нашей древней культуры, которая представляет ценность не только для Казахстана и России, но и для европейского научного сообщества.

Жилые дома и хозяйственные постройки станут экспонатами, их интерьеры экспозициями и в этих интерьерах разместятся экспозиции по этнографии народов Приуралья. Здание церкви и восстановленный дом священника станут основой для экспозиций по истории православия в нашем крае. Верования и религии тюрко-монгольских народов Приуралья будут представлены в отдельных экспозициях тюркского павильона или в специально сооруженном павильоне религий тюрко-монгольских народов.

Статус и правовое положение. Первоначально музей-заповедник будет создаваться как общественно-частное учреждение на основах благотворительности с возможностью получения грантов, в том числе и международных. Общественный фонд «Евразийский Союз Ученых» берет на себя инициативу и ответственность за создание музея-заповедника, привлечения необходимых средств, усилий и кадров. В дальнейшем музейный комплекс необходимо передать государству для более многопрофильной работы с научными организациями стран ближнего и дальнего зарубежья.

Проект «Евразийский перекресток» в Западном Казахстане заслуживает пристального внимания археологов, культурологов и историков, может быть общеобразовательной площадкой для изучения молодежью, студентами вузов СНГ традиций народов, населяющих евразийский континент, а также для исследования современного многообразия взаимоотношений между народами как в культурном, так и в социальном аспектах.

Е.А. Ягафова

«ЯЗЫЧЕСТВО» В ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ ЧУВАШЕЙ ЮЖНОГО УРАЛА*

«Язычество» как система традиционных религиозных представлений и культовой практики устойчиво сохранялось в этнической культуре чувашей до конца XIX века. В течение XX столетия оно подверглось значительной трансформации у всех этноконфессиональных групп чувашей, включая и некрещеных. Вместе с тем, традиционные верования и обряды продолжали оставаться значимым и функциональным компонентом синкретических религиозных комплексов этих групп. В данной статье рассмотрена проблема бытования «языческих» элементов в религиозных традициях чувашей Южного Урала и Приуралья.

Ареал чувашского «язычества» на Южном Урале и в Приуралье представлен, в первую очередь, отдельными селениями некрещеных чувашей (или немногочисленными группами жителей в них) в западных и центральных районах Башкирии. Одним из островков «язычества» сегодня являются д. Юльгимировка и с. Ахманово Бакалинского р-на Республики Башкортостан (далее РБ). Вопреки религиозной обособленности от единоверцев Закамья на протяжении десятилетий жители упорно отстаивали свои «языческие» традиции. К самым ярким проявлениям в современной обрядовой жизни юльгимировцев следует, несомненно, отнести летнее моление *учук*, в котором кроме чувашей участвуют и ахмановские татары, иногда даже жертвуя барана или бычка. В совокупности с другими обрядами и обычаями *учук* составляет довольно хорошо сохранившийся, а главное, функциональный, религиозно-обрядовый комплекс. По степени сохранности он сопоставим с традициями некрещеных чувашей Закамья, но в Башкортостане составляет скорее исключение, учитывая,

* Работа выполнена по гранту РГНФ (08-01-000284а).

что подавляющее большинство чувашей в регионе официально являются христианами. В актуальной обрядовой практике также обычай установления столбов *юпа*, обряд осеннего поминовения предков, моление домашним духам *чүклем*, чувашская «Пасха» *мункун* в среду Страстной недели, при проведении которой в первый день проводят старинный ритуал «почина бочки пива» (*ничке пуслани*) и угощения пивом, а на второй день поминают предков. Основным фактором сохранения «язычества» в данном локусе является, вероятно, глубокая убежденность местных жителей в правильности и надежности «чувашской веры» как основы их благополучия, помогающей выживать в непростых социально-экономических условиях современной жизни и оберегающей от природных напастей [ПМА, 2003].

Если Юльтимировка демонстрирует пример моноконфессионального селения, то в Ахманово сосуществуют три религиозные общины – «язычников», христиан и мусульман, что обусловило взаимные переплетения элементов обрядности. В большей степени это коснулось чувашей, которые в ходе взаимодействия (чаще в браках) синтезировали «языческо»-православный культ. Осознавая приоритет одной из религий, крещеные и некрещеные чуваша не гнушаются провести обряд и по другому обычаю. Двойственность веры – типичное явление для ахмановских чувашей, несмотря на их некоторую территориальную обособленность их друг от друга: общины занимают две параллельные улицы по разные стороны реки.

«Языческо»-православный синкретизм, равно как и открытое общение двух общин – явление относительно позднее, поскольку информаторы еще помнят времена, когда некрещеные с крещеными «не водились», к примеру, дети «язычников» обходили дома крещеных при сборе пасхальных яиц. А сейчас крещеные одаривают их яйцами в день чувашской «пасхи», и сами празднуют *мункун* [ПМА, 2003].

Примером «языческо»-мусульманско-христианского синкретизма является культура чувашей с. Старое Юмашево Чекмагушевского р-на РБ. Здесь бытуют все основные обряды «языческого» комплекса: *нартукан*, *çаварни*, *мункун*, *çимёк*, *автан сари*. При этом последний слился с мусульманским поминальным обрядом *сұраçма*. Важнейшим ритуалом в честь духов предков является *хывни*, в проведении которого соблюдаются все правила: выходят нечетным числом и выбрасывают в «чистое место». Во время поминок 40-го дня (*пумилке*) обязательно поют *пумилке юрри*. Местные жители четко различают свои религиозные симпатии от христианской веры соседей из с. Новоюмашево: «*Вăсем нурте Турпапая асăнса пĕтнĕ, нурте чиркĕве çÿрес, ...хывмаç*» (Они все уверовали в Бога, все ходят в церковь... не жертвуют (т.е. не проводят хывни – Е.Я.) [ПМА, 2003].

Особую группу образуют в Приуралье селения, в которых в XIX–XX вв. происходила исламизация некрещеных чувашей. Они рассредоточены в западных и центральных районах Башкортостана и западе Оренбургской области, образуя «языческие» анклавные в христианском и мусульманском окружении: п. Дубровка Миякинского р-на, с. Зириклы Бижбулякского р-на, с. Мраково Гафурийского р-на (все РБ) и с. Артемьевка Абдулинского р-на Оренбургской области [ПМА 2002 б, 2004].

При различной степени воздействия ислама, а потом и православия, в обрядности чувашей указанных селений в XX в. в значительной мере сохранялся комплекс традиционных представлений и обрядности, переплетенных с мусульманскими элементами. В Дубровке, к примеру, *мункун* проводили в среду Страстной недели, но по окончании совместной трапезы с родственниками возносили хвалу Аллаху, проводя внутренними ладонями рук по лицу (*Аллах экпер тытнă*). В смешанных конфессиональных семьях мункун праздновали дважды – в среду и в воскресенье.

Смешение разных религиозных традиций наблюдается также в похоронно-поминальной обрядности дубровкинцев. Могильную яму рыли с подбоем, но деревянный столб устанавливался не в изголовье, а в ногах покойного, как и кресты на христианских могилах (в Дубровке всегда существовало только одно кладбище, где хоронили и некрещеных, и христиан вперемежку). До 40 дней покойного поминали по «языческому» ритуалу дома вечером по четвергам (*кашни эрнекаç*), а в течение года – весной на *мункун*, летом на семик (*симёк*) и осенью. При этом на семик резали скот, для чего приглашали татар. Устойчиво сохранялись в Дубровке и другие «чувашские обычаи»: выкуп земли под могилу, жертвоприношение *хывни* перед рытьем могилы, закланием жертвенного животного и во время поминальной трапезы, выбрасывание сырого яйца сразу после смерти человека (проводы души), причитание (*сас кăларни*) как форма «приглашения» покойного на его поминки (обряд, как и у большинства некрещеных чувашей, называется *çурта айне* (под свечу)), осенние поминки – *автан тукмакки*.

Потомки мусульманизированных чувашей в Дубровке сегодня считают себя не мусульманами, а некрещеными чувашами – *тёне кёмен чăвашсем* – и сохраняют фактически традиционную обрядность и чувашское самосознание. В обрядности ощущается сильное христианское влияние, которое оказывают на дубровкинцев крещеные уезыбашевцы, с которыми у местных чувашей давние и близкие связи. Так, в похоронно-поминальную обрядность постепенно входят 9-й и 20-й поминальные дни; *пумилке* часто совмещают с третьим днем. Мункун и семик приурочивают к дням православного календаря [ПМА 2004].

Процесс сближения «язычников» с мусульманами наблюдался в течение XX в. также в с. Зириклы, несмотря на некоторую территориальную обособленность (отдельные «концы» селения, кладбища). «Языческо»-мусульманский синкретизм в культуре проявился в распространении мусульманской обрядности и обычаев (молитвы *намаз*, соблюдение поста *ураза* и празднование его окончания *ураза-байрам*, *курбан-байрам*, похоронно-поминальной обрядности) при сохранении некоторых «языческих» обрядов календарного (*мункун*, *симёк*, *кёр сәри*) и поминального (поминки по четвергам *эрнекас асәнни*) циклов. Во второй половине XX в. с включением в брачный круг зириклинцев селений чувашей-христиан и даже русских произошла существенная трансформация религиозных представлений и выработалось лояльное отношение к православию. Так, зириклинские мусульмане утверждают, что различия между религиями касаются только «веры», а точнее ритуала, но не сути божественного: «*Турри нурин те пёрре, тёнсем кәна ураһ*» (Бог у всех един, только веры разные). Вероятно, вследствие этого в обрядность мусульман вошли христианский праздник Благовещения, в котором традиционно вплетены обряды «магии первого дня», а также Пасха и Троица [ПМА 2002 а].

Полный комплекс «языческих» представлений и культура сохранялся в XX в. и у жителей с. Мраково: масленица *сәварни*, «Пасха» *мункун* с почином бочки пива (*пичке пуслани*), гостеванием с родственниками по мужской линии в первый день и поминовением предков (*ваттисене асәнни*) на второй день, осеннее поминовение *кёр сәри*, сопровождающееся *хывни*, и летнее *симёк* в четверг перед Троицей. После смерти человека здесь сразу режут курицу, а на 40-й день после смерти человека проводится обряд с такими обязательными элементами как *хывни*, *сас кәларни*, *хутайштарса яни*, устройством мостков на кладбище. До 1970-х гг. в селении бытовали *чүклемә*, *учук*. В некоторых семьях *чүклемә сәри* или *сёнё тырә пәтти* проводится и сегодня [ПМА 2004].

В с. Артемьевка Абдулинского р-на Оренбургской области, несмотря на сильное мусульманско-татарское давление, чувашские традиции продолжали бытовать в сфере брачной обрядности, обрядового календаря и поминальных обычаев. Наряду с мусульманскими праздниками *ураза-байрам*, *курбан-байрам* и *сұрасма* прочно закрепились и чувашские обряды: новогодние гадания *сёнё сұл*, масленичные катания *сәварни*, пасхальный цикл *мункун* с гостеванием родственников, молодежные игрища *вайя*, моления *чүклемә* и годичные поминальные обряды *ваттисене асәнни*, проводимые осенью. Даже во время поминок мусульмане приносили жертву предкам *хывни*. Примечательно, что в отличие от крещеных чувашей, перенесших поминальные дни на субботу, мусульмане сохранили традиционное время проведения – вечер четверга (*эрнекас*) [ПМА

2002 г].

«Языческие» обряды и обычаи сохранялись в XX в. в одном из самых исламизированных чувашских селений в Приуралье — д. Ибрайкино Бижбулякского р-на РБ: гостевание родственников на *мункун*, жертвоприношение *чүк*, *хывни* по четвергам вечером — *эрнекас*. В настоящее время местные чуваша (многие из них считают себя татарами) празднуют *мункун* в среду перед православной пасхой, а на следующий день поминают предков, выходят на кладбище на семик. Но обрядовый комплекс ибрайкинцев относится, скорее всего, к типу мусульманско-«языческого» синкретизма, учитывая преобладание в нем элементов ислама [ПМА 2004].

Таким образом, среди чувашей Приуралья мы обнаруживаем сегодня существование двух различных форм одного из синкретических типов религиозности — «языческо»-мусульманского и мусульманско-«языческого», первый из которых в настоящее время находится также под сильным влиянием православия.

В некоторых селениях чувашей Башкирии с традиционно сильными позициями «язычества» по мере распространения христианства в религиозных представлениях жителей формируется «языческо»-православный синкретизм. К примеру, в с. Уезыбашево Миякинского р-на мне демонстрировали божество дома *хёрт-сурт* в виде православной иконы — триптиха с изображением образа Иисуса Христа в центре и святых Иоанна Предтечи и Николы Мирликийского с двух сторон. Триптих хранится в коробочке на полочке над кроватью хозяйки. Икона была привезена родственницей из церкви. Налицо слияние православных святынь с «языческими» культурами *хёрт-сурт* и *йёрёх*. Последний, как известно, также хранился в коробе [ПМА 2004].

С точки зрения объективной характеристики религиозных представлений и обрядности большинство официально православных чувашей Башкирии фактически являются «язычниками». Православие проявляется во внешней атрибутике религии: наличии божниц и икон в домах, периодическом посещении незначительной частью верующих церкви, установлении крестов на кладбище, в обычае осенять себя крестом и, наконец, в христианском самосознании. В основе фактической религиозности, как мировоззренческой, так и ритуальной ее части, лежит чувашское «язычество». Наиболее ярко оно проявляется в похоронно-поминальной и некоторых элементах календарной обрядности, проводимых в семейно-родственных группах (*мункун*, *шимёк*, *чүклеме*, *кёр сәри*).

Тем не менее, даже в этих обрядах в последние десятилетия XX в. произошли некоторые изменения. Так, вследствие всплеска религиозности в российском обществе повысилась активность чувашей в обрядовой

жизни селений. К примеру, на *симёк* приезжают родственники из городов и райцентров, вследствие чего он был смещен во многих селениях с четверга на субботу или воскресенье. Аналогично хывни перенесен со второго дня пасхальной недели (понедельник у православных) на вторник следующей недели. Отчасти в этом следует видеть влияние христианства, т.к. в данном случае поминальный день совпал с Радуницей.

Устойчивость обряда обусловлена степенью его значимости и сокровенности обряда для участников. Безусловен приоритет похоронно-поминальных обрядов, которые даже у крещеных чувашей практически не отличаются от таковых у «язычников» на всех этапах проведения. Вот, к примеру, типичный похоронный обряд у православных чувашей с. Васильевка (*Йёкенпуç*) Ишимбайского района РБ.

В течение года проходят общие поминки по всем умершим родственникам: на второй день пасхальной недели (понедельник), на семик (до недавних пор проводили в четверг, а сейчас — в воскресенье), а также осенью в конце лунного месяца после 20-х чисел октября. В каждом роду дни осеннего поминовения различаются, могут приходиться и на пятницу, и на субботу. Этот обряд называют здесь *автан праçникё* или по-татарски *эйтеш пейреме*, т.е. «петушиным праздником», поскольку обязательно режут петуха (в западных районах Башкортостана ежегодное поминовение проходит также в субботу накануне масленичной недели *аслă çăварни*). На третий год в семик на крест вешают полотенце, надевают рубашку и головной убор — платок на женской могиле и шапку на мужской. Затем их снимают и передают кому-либо из родственников. Аналогичное описание поминальных обычаев встречается в целом ряде селений южнобельской зоны. Здесь повсюду бытуют плач по покойнику *сас кăларни* и напев, исполняемый на поминках 40-го дня *пумилке юрри*, которые идентичны по мелодии и содержанию текстов жанру *юпа юрри* у некрещеных чувашей. Но в каждом селении встречаются некоторые особенности в проведении поминальных обрядов [ПМА 2002 а, 2003, 2004].

Почти во всех селениях пумилке придается особое значение. Этот день считается последним днем пребывания души покойного на земле, поэтому ритуал основан на сюжете прощания и проводов. Любопытное объяснение обряда я услышала в Тятербашево Стерлибашевского р-на РБ: пумилке — это вторая свадьба человека на этом свете — туй, первая происходит при вступлении в брак: «*çынăн икё туй пулать: пёри — пурнăç туйё, тепри — виле туйё*» (по жизни у человека бывает две свадьбы: одна — свадьба жизни, вторая — смерти) [ПМА 2004: Петрова Ю.Ф. (1937 г.р.). Для большинства крещеных чувашей прибельского бассейна *пумилке* — обязательная часть поминального комплекса, миновать который нельзя ни при каких обстоя-

тельстввах [ПМА 2004: Зирган: Волкова М.Г. (1932 г.р.)].

В Новоселке Федоровского р-на РБ сохранился ряд оригинальных «языческих» обычаев: причитают по покойному *сас кӑларма* не только сразу после смерти, но и на четверговых поминках. Во время пумилке пекут специальную лепешку *пумилке пашалӑвӗ*, которую выносят на «проводы души» и бросают в сторону кладбища [ПМА 2003]. Такой же обычай известен и в Тятербашево. По поверью, лепешка обладает магическими свойствами, поэтому ее стремятся выкрасть колдуны. Чтобы этого не случилось, на «проводы души» приводят собак, которые тут же съедают лепешку. Кроме этого, в Тятербашево при заклинании жертвенной овцы причитают и производят *хывни*. Покойного «провожают» до кладбища и на могильном холмике у изголовья устанавливают столик на трех ножках и стульчик на одной ножке. При входе на кладбище строят мостки из прутьев (*кӗпер хываççӗ*) [ПМА, 2004].

В ряде селений наблюдается любопытное переплетение «языческих» и христианских элементов. Например, в Зиргане Мелеузского р-на РБ еще недавно на пумилке покойного «усаживали» на подушку под икону (*икон айне*), подобно тому, как некрещеные чувашаи созывали сельчан «под свечу» (*сурта айне*). Сегодня в большинстве селений крещеных чувашей в похоронах участвует приглашенный священник, однако местные жители, по их собственному признанию, остаются пассивными наблюдателями его действий: «*Эпӗр тӑрӑнтӑр, патьӑшка юрлать*» (Мы стоим, а батюшка поет; Зирган), «*Патьӑшка калать, кӗл тӑвать, пӗчченех, эпӗр хутиӑнмантӑр. Патьӑшка алла сурта тыттарать, эпӗр пӑхса кӑна тӑрӑнтӑр*» (Батюшка говорит, молитву читает, один, мы не вмешиваемся. Батюшка в руки дает нам свечи, мы только смотрим; Мраково). Мраковцы допускают, что во время похорон можно не читать православных молитв, но крест нужно поставить («*Тӗне кӗнӗ вӗт эпӗр!*», т.е. мы ведь крещеные), а потом следует обязательно причитать *сас кӑларни* и провести пумилке. В с.Наратасты Шаранского р-на РБ деньги, собранные во время угощением *аça курки*, называются *хаяр укци*; после поминок они передаются в церковь [ПМА 2003, 2004].

Особого внимания заслуживает поминовение на 7-й день после смерти — *сиччӗш*. В большинстве селений он слился с днем похорон, но, вероятно, в прошлом он проводился именно на седьмой день, что, возможно, связано с мусульманским влиянием. Хоронят обычно на третий день после смерти, поэтому во время поминальной трапезы во многих селениях подают отдельно куриный суп, объявляя при этом присутствующим, что это угощение «третьего дня» — *виççӗш* [ПМА 2004].

Местные крещеные чувашаи осознают несоответствие некоторых обычаев христианским нормам, но считают их «своими» и не намерены отказываться. «*Йӑлана тумасан пите йӑвар пулать, теççӗ. Çавӑнна эпӗр*

тӑвӑнӑр та тӑвӑнӑр. Вьльӑх-и, ҫемьешӑн-и – пӑрахманӑр!» (Если обычай не соблюдать, туго придется, говорят. Поэтому мы соблюдаем и соблюдаем. Ради скота ли, ради семьи ли – не бросим!). Вероятно, этим объясняется сохранение чувашских селений южнобельской зоны обрядов *чӑкӑме сӑри, килеш пӑтти* [ПМА, 2004].

Чӑкӑме лучше, чем какой-либо другой обряд, ужился с православными традициями, вписавшись в культ святых и поспособствовав превращению некоторых осенне-зимних христианских праздников (будь то Крещение или Рождество, или Зимний Никола) в общесельские. В большинстве местностей *чӑкӑме* сохранил автономность или слился с поминальным обрядом *кӑр сӑри / автан сӑри*, существенно изменив изначальное принципиальное разделение дня жертвоприношения в честь духов предков от дня воздаяния Богу. Поэтому в современном обрядовом календаре крещеных чувашей мы фиксируем этот праздник либо в комплексе с престольными христианскими праздниками, либо вместе с осенним поминальным обрядом. Ближе всего к первичной природе благодарственного моления верховному богу *Турӑ* за урожай хлеба и благополучие скота и семьи является *чӑкӑме* в цикле весенних обрядов *ҫӑварни* и *мункун*. В последнем варианте он существует и среди официально некрещеных чувашей.

Наряду с *чӑкӑме* в пасхальных обрядах привлекает внимание обычай гостевания родственников в первый день *мункун*, который называется либо *калӑм сӑри*, либо *мункун рет*. Не исключена его связь с весенним благодарственным молением, но *калӑм сӑри* оказался более устойчивым и сегодня бытует почти во всех чувашских селениях Башкортостана. Наиболее яркие описания этого обряда мне удалось зафиксировать в западных районах республики. В Суккулово Ермакеевского р-на в первый день проходит несколько этапов гостевания. С утра друг друга навещают родственники первого круга родства: родители и дети, братья и сестры. Этот этап называется *ирхи ёсӑкӑ*. Во время трапезы на стол подают голову барана, специально заколотого к празднику. Отсюда и название праздника – *сурӑх пуҫ ҫини*. Участников обряда называют *пуҫ эртелӑ* (дословно «артель головы»). К обеду в доме старшего родственника собираются представители второго и третьего круга родства. Главным блюдом совместной трапезы является каша, поэтому участников этого этапа называют *пӑтӑ эртелӑ* (дословно «артель каши»). Они поочередно гостят друг у друга в течение одного или даже двух дней. В с. Ермолкино Белебеевского р-на родственное общение сменяется на третий день гостеванием с кумовьями [ПМА 2002 а].

Самым редким явлением среди крещеных чувашей Башкирии является, пожалуй, *сӑрен*. Во время экспедиций в Башкортостан *сӑрен* как живая традиция был зафиксирован лишь в двух селах. В с. Зирган Меле-

узского р-на он происходит поздно вечером во вторник пасхальной недели. Подростки и несколько взрослых обходят дома крещеных чувашей (в Зиргане живут также потомки чувашей-мусульман, мордва и татары-мишари) с криками и песней: «Сёрен! Сёрен! Ик сямарта, нёр нуремечё!» (Сёрен! Сёрен! Два яйца, одна ватрушка!). В руках они несут свежесрезанные ивовые прутья, которыми бьют по заборам и стенам домов. В ответ хозяева выносят угощение: яйца, выпечку, пиво. В процессии участвуют не только чувашаи, но и мордва, и татары, но во дворы за угощением заходят только чувашаи [ПМА 2004]. По этому же сценарию, но в понедельник пасхальной недели проходит сёрен в Ефремкино Кармаскалинского р-на РБ. Участники обряда твердо знают о значении обряда – изгнание из селения нечистых сил [ПМА 2002 а].

Относительно устойчивым среди чувашей не только Башкирии, но и всего Волго-Уральского региона оказался обряд вызывания дождя *сумър чўк**. Его существование объясняется, вероятно, востребованностью среди земледельцев, заинтересованных в оптимальных для созревания урожая погодных условиях – моление проводилось в засуху. Во-вторых, его организация не требовала больших усилий со стороны членов сельского общества: продукты, необходимые для проведения обряда (крупа, яйца, соль, молоко, масло), собирали по домам и были доступны. В-третьих, организаторы обряда – «консервативные» пожилые женщины и малые дети не попадали под зоркое око антирелигиозной кампании, тем более что моление проходило при относительно небольшом стечении народа. В-четвертых, в обряде религиозно-мистическое начало явно уступало социальной и даже развлекательной составляющей: совместная трапеза с последующим обливанием водой превращалась во всеобщее веселье и развлечение молодежи на весь день. Следует также учесть и то, что нередко инициаторами обряда выступало колхозное начальство, отчаявшееся в борьбе с засухой. Чувашаи находили понимание и поддержку от соседних народов – татар и башкир, которым он был неизвестен.

Среди крещеных чувашей обряд *сумър чўк* приобрел синкретический «языческо»-христианский смысл. Молящиеся обращаются к *Турă*, упоминая при этом Иисуса Христа, крестятся *сăх-сăхнă*. К примеру, в Уезыбашево обращение к богу выражается следующим образом: «Эй, *Турăсăм, сўлти Турă, аттем, Иисус Христос!*» (Эй, Господи, верховный Бог, Отче, Иисус Христос!). В Татарбашево полагают, что этот обычай существует с

* У чувашей Башкортостана существует несколько вариантов названия этого обряда: сямър чўк (моление о дожде), сямърчак, чўк пӓтти (моленная каша), сямър пӓтти (дождевая каша) и др.

благословения православной церкви: «*чиркүсем каланă, вăл чиркү йăлти, апа ёлĕк пусем тутарнă, тет, вăсем хушинă, каланă, халăх ытмалла турăран; халь хамăрах*» (В церкви говорили, это церковный обычай, его проводили в старину по велению попов; говорят, они указывали, что народ должен у бога просить, а сейчас сами проводим») [ПМА 2004].

Другим не менее ярким примером «языческо»-православного синкретизма является праздник Благовещения (*Пăлхавăшни*), на который в большинстве чувашских селений не только Башкирии, но и всего Урало-Поволжья перенесены примеры и обряды «магии первого дня». В Мраково и Уезыбашево, к примеру, следят за первым гостем и, вручив яйцо, на удачу сажают его на подушку. Христианское содержание праздника естественным образом дополнено народными представлениями. В ряде селений (Тряпино Аургазинского р-на и Ильтерьяково Кармаскалинского р-на РБ) аналогичные приметы существуют в первый день пасхи. В большинстве селений ночь накануне мункун, а в других — со вторника на среду страстной недели называется *юн калăм кун* и считается «страшной», временем разгула нечистой силы, от которой спасаются рисованием крестов на окнах и дверях, а также тем, что очерчивают вокруг усадьбы «железную ограду» *тимёр карта*. Во избежание порчи колдунами вещей их убирают с улицы [ПМА 2002 а, 2003, 2004].

«Языческий» компонент активно бытует в чувашских селах Приуралья в варианте христианско-«языческого» синкретизма среди т.н. «бузулукских чувашей», проживающих в Грачевском, Сорочинском и Курманаевском р-нах Оренбургской области. В течение XX в. среди бузулукских чувашей устойчиво сохранялись почти все основные блоки обрядового календаря: *çĕнĕ çол* с гаданиями и молодежными игрищами *сорхори*, *çăварни* с катанием на лошадях и с горки с закличками, *мункун* с гостеванием родственников, установкой качелей *чу-чу*, семицко-троицкий цикл с молодежными игрищами, осенний цикл благодарственных молений и поминовения предков *кёрхи сăра*.

«Языческие» элементы можно обнаружить и в других обрядах: например, в катании яиц на пасху, выкупе земли под могилу, проведении ритуального омовения по возвращении с кладбища во дворе (существует и традиционная словесная формула: «*Стан килен? – Чăн çĕртен*» (Откуда прибыл? – С праведных мест)) или в бане, а раздаче суровых ниток участникам поминальной трапезы и т.д. На 40-й день после смерти на крест, который здесь называют *юна* (!), повязывают полотенце и «провожают душу» [ПМА 2000 б].

Приведенные выше примеры, конечно же, не исчерпывают множества проявлений «язычества» в современной обрядовой культуре чувашей Южного Урала, но являются ярким свидетельством его живучести, при-

способляемости в поликонфессиональной и полиэтничной среде.

Особого внимания заслуживает проблема сохранения «языческих» элементов в культуре чувашей, проживающих в смешанных селениях: с татарами, башкирами, русскими, мордвой, марийцами. В основе межкультурного взаимодействия в них, как правило, лежат этнически значимые компоненты культуры контактирующих групп. Для чувашей таковыми часто выступают именно «языческие». К примеру, в русско-чувашском с. Айгулево Стерлитамакского р-на РБ, являющем собой пример ускоренной русификации чувашей, сохранился существенный пласт «языческих» элементов, прежде всего, в похоронно-поминальной обрядности. Это правила обмывания и обряжения тела покойного, жертвоприношение *хывни* на кладбище и дома, исполнение поминального напева *пумилке юрри*, раздача подарков, в т.ч. и ниток, установление на могиле дощечки, ритуал «приобщения» души покойного к ранее умершим родственникам — *хутйитарни*, «четверговые» поминки, осеннее поминование предков *кёрхи хывни* с гостеванием родственников по мужской линии *несёл* и др. Целый ряд календарных обрядов (молений *карта пйтти*, *чүк кёлли*) существовал на протяжении почти всего XX в. и исчез лишь в его последние десятилетия.

«Язычество» придавало устойчивость этническим границами между чувашами и русскими. Аналогичную роль оно выполняло и в отношениях с православной мордвой в с. Ильтеряково Кармаскалинского р-на РБ, татарами (как кряшенами, так и мусульманами) в с. Базгиево Шаранского р-на РБ. «Языческие» элементы признавались и принимались соседями как норма и даже могли ими выполняться в совместных ритуалах (например, *хывни*) [ПМА 2006, 2007].

Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что «язычество» играет важную роль в современной религиозной жизни чувашей Южного Урала и Приуралья. По сути, оно лежит в основе религиозных представлений и культа не только некрещеных чувашей («язычников»), но и других этноконфессиональных групп: «мусульман» и христиан, определяя формирование и развитие различных типов религиозного полисинкретизма: «языческо»-православного, православно-«языческого», «языческо»-мусульманского, мусульманско-«языческого» и др. Бытование мощного пласта традиционных религиозных воззрений и обрядов в среде большинства официально православных чувашей указывает на определяющую роль именно «язычества» в характеристике религиозности этой группы. Православие среди местных чувашей фактически облачилось в «языческие» формы, превратившись в «чувашское православие» с преобладающим «языческим» элементом под формальной вывеской христианства.

Источники

1. ПМА 2000 а – Полевые материалы автора: Республика Башкортостан, 2000 г. (Бижбулякский, Аургазинский р-ны).
2. ПМА 2000 б – Полевые материалы автора: Оренбургская область, 2000 г. (Грачевский, Сорочинский р-ны).
3. ПМА 2002 а – Полевые материалы автора: Республика Башкортостан, 2002 г. (Аургазинский, Бижбулякский, Еремеевский, Кармаскалинский р-ны).
4. ПМА 2002 б – Полевые материалы автора: Оренбургская область, 2002 г. (Абдуллинский р-н).
5. ПМА 2003 – Полевые материалы автора: Республика Башкортостан, 2003 г. (Бакалинский, Шаранский, Чекомагушевский, Федоровский р-ны).
6. ПМА 2004 – Полевые материалы автора: Республика Башкортостан, 2004 г. (Ишимбайский, Гафурийский, Миякинский, Стерлибашевский, Мелеузский, Бижбулякский р-ны).
7. ПМА 2006 – Полевые материалы автора: Республика Башкортостан, 2006 г. (Шаранский р-н).
8. ПМА 2007 – Полевые материалы автора: Республика Башкортостан, 2007 г. (Кармаскалинский, Стерлитамакский р-ны).

М.Г. Дмитриева

ОСОБЕННОСТИ СОХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Охрана, сохранение, изучение и пропаганда объектов культурного наследия – это показатель продвинутости общества на пути к цивилизации, критерий оценки перехода к социально-организованному обществу, своего рода генетический код, который определяет будущее.

Оренбургская область обладает огромным потенциалом самобытных и ярких памятников истории и культуры. В настоящее время учтено 2633 объекта культурного наследия, из них 1737 входит в государственный список памятников истории и культуры. Памятники истории, археологии, архитектуры являются историко-культурными ресурсами нашего региона и как любые другие ресурсы нуждаются в сохранении, эффективном и бережном использовании.

От ценности и территориальной концентрации памятников зависит направление их использования, возможность включения в культурно-экономическую инфраструктуру территории.

Региональная государственная политика в сфере охраны объектов культурного наследия должна строиться с учетом конкретных условий субъектов. Наша область отличается большими размерами, расчлененным рельефом, разнообразием физико-географических зон. Географическое положение области в значительной мере определяет богатство археологического наследия, многочисленность памятников, трудности в их поиске и, соответственно, проблемы в сфере охраны. Реальной охраны каждого отдельно взятого «точечного» археологического объекта, принимая во внимание их удаленность от областного и даже районного центров, быть не может, это утопия. В условиях активной деятельности землепользователей на местах любая охрана «издалека» превращается в фикцию. Тем более, что урон археологическому наследию сегодня наносят как хозяйствующие субъекты, так и массовые ежегодные работы местных хозяйств. Подсыпка внутренних дорог, создание небольших прудов, силосных траншей, переездов через реку и многое другое приводит к значительному изменению микрорельефа и гибели десятков археологических памятников.

Практика показала, что ни выявление объекта археологического наследия, ни постановка его на учет и государственную охрану не могут обеспечить его сохранения как национального богатства. Охрана памятников археологии по сути своего понятия подразумевает индивидуальную ответственность конкретного лица за состояние памятника.

Реальную работу по сохранению археологического наследия в современных условиях, особенно с учетом новых форм собственности на землю, можно вести только на основе принципиально нового типа охраны – создания историко-культурных музеев-заповедников.

Проблемы охраны объектов культурного наследия в естественной среде активно разрабатываются в различных странах Европы. В России интересен практический опыт работы наших соседей археологов Челябинского государственного университета, центра «Аркаим».

Для сохранения наиболее ярких памятников археологии в нашей области необходимо создать Оренбургский государственный ландшафтно-археологический музей-заповедник с участками на Каргалинских медных рудниках в Октябрьском и Александровском районах, на городище Аландское в Кваркенском районе, курганном поле Высокая Могила – Студеникин Мар в Оренбургском районе, Филипповских курганах в Илекском районе. Важность создания такого заповедника очевидна для специалистов-археологов нашего региона, для многих ученых научных центров Москвы, Санкт-Петербурга, центра «Аркаим» в Челябинской области и др. Большая предварительная работа по созданию музея уже проведена. В результате многолетних археологических раскопок на

Каргалах, в Аландском, в Филипповке получен уникальный, обширный и разнообразный материал, составляющий богатейшие коллекции и обобщающий ценную информацию о памятниках, интересную как для ученых специалистов, так и для широкого круга людей. Историко-археологический комплекс «Каргалинские медные рудники» представляет собой остатки древнейшего на территории Северной Евразии центра по добыче и переработке меди с древности до нового времени (IV—II тыс. до н.э.; VIII—IX в. н.э.): шахты, штольни, карьеры; поселения различных эпох — от бронзового века вплоть до 18—19 столетий, а также металлургические мастерские бронзового века и раннего периода российской индустриализации. Данный гигантский комплекс уникален по масштабам и глубиной древности своего производства. Более пяти тысяч лет назад здесь начались добыча руды и выплавка меди. В связи с тем, что к территории Каргалинских медных рудников приковано внимание промышленников и нефтяников, существует острая необходимость первоначально создать музей именно на Каргалах. В противном случае памятник может быть утрачен в результате деятельности недропользователей. В настоящее время разработан проект создания на Каргалах музея-заповедника. В проекте сделан акцент на развитие научного и культурного туризма, например, предусмотрено ежегодное проведение всероссийского праздника меди.

На территории Кваркенского района расположено городище Аландское, феноменальный памятник бронзового века, отражающий зарождение городской цивилизации. Ни до, ни после городищ на Южном Урале не было, позднее города на этой территории появляются в XVII в., ранее же господствовало кочевое скотоводство.

На территории Оренбургской области находится всемирно известный памятник археологии Филипповский курганный могильник, результаты раскопок которого в 80—90 гг. XX в. широко освещались в прессе и прославили нашу область на весь мир. Раскопки этого памятника начались в 1986 году. Могильник состоял из 29 курганов. В течение пяти полевых сезонов было раскопано 17 курганов, давших уникальный материал. Коллекция ювелирных изделий только из одного кургана этого памятника насчитывает около 600 предметов. Выставка с находками из Филипповских курганов побывала в музее Метрополитен в Нью-Йорке, в Палаццо Реаль в Милане, в Эрмитаже в Санкт-Петербурге, в Государственном историческом музее в Москве. Затем на долгие годы раскопки были приостановлены, а известный памятник стал предметом пристального внимания грабителей, что повлекло невосполнимые потери в плане научной информации и предметов огромной научной и материальной ценности.

В связи с тем, что в последние годы этот уникальный памятник подвергался разграблению, в 2004 г. были приняты меры к продолжению его

изучения. Организаторами раскопок выступили департамент по культуре и искусству Оренбургской области, Институт археологии Российской академии наук, Оренбургский госпедуниверситет. В работе экспедиции приняли участие ученые из Москвы и Оренбурга под руководством доктора исторических наук Леонида Теодоровича Яблонского (Институт археологии РАН, Москва).

В 2006 г. был раскопан «царский» курган № 4, подвергшийся ограблению весной 2005 года. К сожалению, грабителям удалось выйти на центральное погребение, но разрушили его они лишь частично. Результаты этого полевого сезона превзошли все ожидания. В кургане были изучены 3 впускных и одно центральное погребение, в которых найдены ювелирные изделия в зверином стиле, украшения парадных щитов, богато ornamentированные железные мечи, наконечники от стрел, некогда составлявших колчаны воинов, остатки луков. Уникальные находки парадной посуды — ахеменидский серебряный сосуд с ручкой-сливом, украшенной изображением быка и деревянные чаши, обложенные золотыми и серебряными листами с богатым декором, выполненные в виде объемных фигур барана. Эти находки переданы в Оренбургский областной историко-краеведческий музей, чему могут позавидовать многие музеи мира.

На территории Оренбургской области находится усадьба великого русского писателя С.Т. Аксакова, объект культурного наследия федерального значения, расположенный в селе Аксаково Бугурусланского района Оренбургской области. Территория музея-усадьбы включает: барский дом (в котором непосредственно расположен музей), липовую аллею (посаженную еще дедом писателя), пруд, барский родник, людские, приспособленные под гостиницу, фамильное кладбище. Организовать на данной территории активный отдых с охотой, рыбалкой, конными прогулками и в то же время прикоснуться к жизни великого русского писателя, воспевшего в своем творчестве алый цвет любви, красоту природы Оренбургского края, задача не такая уж трудная, но, к сожалению, пока не решенная.

Столь обширное историко-культурное наследие нашей области ставит ее в разряд уникальных регионов. Четыре города области — Орск, Бузулук, Бугуруслан и Оренбург — на уровне Российской Федерации вошли в число исторических и являются частью культурного наследия народов России.

Оренбургская крепость была типичной «артиллерийской крепостью» XVIII в., принципы возведения которых были сформулированы выдающимся французским военным инженером Вобаном. Бастионы и укрепления Оренбургской крепости были построены русскими воен-

ными инженерами под руководством генерал-майора фон Штокмана и соответствовали передовым достижениям военной фортификационной науки того времени (крепостные укрепления, к сожалению, не сохранились). Регулярная планировочная система улиц, кварталов, площадей и других общественных пространств оказалась наиболее удобной для активной гражданской жизни. Наряду с казармами и зданиями военного назначения в Оренбурге было множество жилых домов и общественных зданий, что выгодно отличало наш город от других новых российских крепостей того времени. Храмы, административные здания, а также площади перед ними дополняли и значительно улучшали внешний архитектурный облик Оренбурга, особенно со стороны азиатского берега реки Урал. Планировка города-крепости Оренбург является одним из лучших образцов русского градостроительного искусства XVIII века. В некоторых учебниках по истории и градостроительству можно увидеть «План Оренбургской крепости», выполненный в 1760 г. военным инженером А.И. Ригельманом.

Оренбург застраивался по заранее утвержденному Генеральному плану города, что было необычно для предшествующих исторических периодов. Сначала строились крепостные укрепления: вал, ров, бастионы, крепостные ворота и пр. Вместе с устройством крепостных сооружений заранее «разбивались» на местности улицы, площади, участки церквей и крупных городских комплексов.

Уникальность города-крепости Оренбург состоит, во-первых, в его больших размерах (примерно 280 га с Форштадтом) и, во-вторых, в своеобразной планировочной структуре. Уникальная планировочная структура Оренбурга восходит к лучшим образцам «идеальных» городов итальянского Возрождения (кстати, в Италии буквально «трясутся» над сохранившимся наследием «идеальных городов»).

Уникальная особенность нашего исторического города в том, что ни до, ни после Оренбурга в России не планировали и не строили таких крупных и мощных городов-крепостей.

В нашем городе много интересных зданий, ансамблей и комплексов XVIII–XIX вв., вошедших в золотой фонд российского градостроительства. Это памятники архитектуры, градостроительства и истории – целый пласт недвижимого наследия, который требует особого внимания.

Уникальный на Урале и Среднем Поволжье памятник архитектуры XVIII–XIX вв. «Гостинный двор» являлся сосредоточием активной торговли между странами Азии и Европы в XVIII веке. Строился в 1750–1754 гг. по проекту оренбургского архитектора конторы строений Иоганна Вернера Мюллера на казенный счет по указанию первого губернатора, действительного тайного советника Ивана Ивановича Неплюева. Отвод

земли был осуществлен в изменение проектного плана Оренбурга 1742 г., по которому на этом месте значились три квартала рядовой застройки. Новый Гостиный двор расположился северо-восточнее центральной площади города-крепости с юга от старого глинобитного Гостиного двора, к тому времени уже не удовлетворяющего торговлю своими размерами.

Комплекс «Гостиного двора» расположен в центральной части исторического ядра г. Оренбурга в квартале между современными улицами Советской, Кирова, 9-го Января и Пушкинской.

Поэтичен по своей красоте памятник архитектуры федерального значения «Караван-Сарай». Его строительство (по проекту А.П. Брюллова) в XIX веке — показатель мудрого подхода к решению не только национальных, но и геополитических проблем края.

Комплекс построен для управления башкиро-мещеряцкого войска, подчинявшегося Оренбургскому военному губернатору. Кроме управления, предусматривались и помещения для приезжающих по служебным и личным делам башкир и мещеряков, а также училище для башкирских мальчиков и войсковая мечеть. Инициатором строительства был военный губернатор Василий Алексеевич Перовский, сделавший в годы своего управления (1833–1842 и 1851–1857) очень много полезного не только для города Оренбурга, но и для всего обширного края. В 2009 г. за счет средств федерального и областного бюджетов завершён комплекс реставрационных работ на мечете с минаретом «Караван-Сарай». Работы осуществлялись в течение восьми лет. На реставрацию объекта культурного наследия потребовалось 16 млн. 500 тыс. руб.

Небывалый интерес для ценителей городской архитектуры представляет дом по ул. Советской, 17, строившийся при военном губернаторе В.А. Перовском. Строительство здания Благородного собрания началось в 1836 г. и закончилось в 1841 г. Здание построено в стиле позднего классицизма.

В здании проводились балы, приемы, ставились, любительские спектакли. 27 июля 1891 г. здесь был устроен торжественный обед в честь приезда в Оренбург наследника престола, цесаревича Николая Александровича.

Реставрация объекта культурного наследия федерального значения «Дворянское Собрание» ведется с 2000 г., в этом году реставрационные работы планируется завершить.

Итак, Оренбург в истории России сыграл важную историческую роль. Наш город служил военным и экономическим форпостом в период завоевания и присоединения к Российской империи огромных территорий Средней Азии, а также поиска новых экономических путей в Китай и Индию. В своей истории Оренбург не раз испытывал и взлеты, и падения.

В наше время, в начале XXI в., Оренбург снова стал (как и во времена своего основания) приграничным городом на южных рубежах России. Неожиданный виток новейшей истории, связанный с распадом СССР, предоставил Оренбургу новый и вполне реальный шанс для превращения в мощный центр межрегионального сотрудничества на торговых путях в Среднюю Азию и далее в Китай, Индию, страны Юго-Восточной Азии.

Основным отличием современного периода второй половины 2000-х оказался размах градостроительной деятельности в историческом центре Оренбурга, в результате которого многие его участки приобрели значительно обновленный внешний облик.

В условиях резко увеличившегося спроса на элитные жилые дома нового типа и престижные офисные помещения, а также появления круга состоятельных заказчиков началось интенсивное строительство в исторических центрах. И если прямой снос памятников культуры пока еще не достиг масштабов советской эпохи, то уничтожение исторических пейзажей происходит с не меньшим размахом.

Новые постройки начинают захватывать огромные зоны, лезть на территории памятников и даже возводиться взамен исторических зданий. Сложился устойчивый коммерческий механизм разрушения исторической среды и появились чудовищные силуэты новых зданий. Они смотрятся как отдельно стоящие объекты, разрывая ткань исторических городов.

Старинные улицы в исторических центрах с небольшими домами некоторые архитекторы желают заменить на пяти-, шестиэтажные здания с обезличенной архитектурой. Евродизайн убивает оригинальный лик исторических поселений. Здания-памятники оказываются чужеродными, а авторы новых сооружений для спасения собственного лица начинают рассуждать об эклектике, как основе нового облика городов. Уникальность архитектуры исторических городов приносится в жертву максимальной прибыли. В ходе строительства подземной части торгово-развлекательного комплекса «Атриум» на ул. Советской образовались странные сооружения неопределенной формы, нарушающие визуальное восприятие улицы. Кроме того, образовался котлован между домами и появились трещины в фундаменте и на фасадах памятника регионального значения «Управление инженерное» (ныне Дом офицеров). На ул. Набережной в нарушение всех правил градостроительства и законодательства в сфере охраны объектов культурного наследия построены два кафе: «Евразия» и «Юпитер». Обращения Заявления госоргана в органы прокуратуры и суд результата не дали. В результате город лишился набережной.

В Оренбургской области существуют и реализуются планы тотального сноса ветхого жилого фонда, выполнение которых может лишить

исторические центры городов ценных зданий, а вместе с ними привычного сложившегося архитектурного облика. К сожалению, многие здания ценной средовой застройки, выявленные памятники истории и культуры попали в список ветхих строений, подлежащих сносу. Действительно, люди, проживающие в этих зданиях, лишены элементарных удобств, и органы местного самоуправления, представляющие комфортабельное жилье, осуществляют благородную миссию. Но, отселив жильцов, здания-памятники не нужно сносить. Их следует передать коммерческим или иным организациям, которые имеют возможность вложить средства в реставрацию как памятников, так и ценной средовой застройки.

На наш взгляд, для сохранения своеобразия исторических поселений необходимо включать отдельные архитектурные памятники, рядовую застройку, планировочную структуру, ландшафт в состав достопримечательных мест, как особого вида памятников истории и культуры с целью создания на их основе музеев-заповедников. В связи с этим госорган формирует региональную целевую программу по созданию целостной системы исторических поселений, достопримечательных мест, музеев-заповедников. Такая система будет включать исторические города, исторические дороги, места, связанные с археологическим, этнографическим и историко-культурным наследием.

Особенности памятников истории и культуры Оренбургской области определили необходимость выработки стратегии в области его охраны.

В сфере государственной охраны объектов культурного наследия необходимо:

1. Создание геоинформационной системы (ГИС). Материалы, накопленные в результате многолетних археологических исследований, позволяют перейти к созданию геоинформационной системы (ГИС) по памятникам археологии Оренбургской области, это необходимо для всестороннего учета в целях совершенствования системы государственной охраны.

2. Выявление, в том числе поиск курганов, утраченных в результате распашки целинных земель, их учет, охрана и нанесение на карту области при помощи ГИС-технологий, дешифровки аэрофотоснимков и космоснимков.

3. Составление кадастровых дел на земельные участки, в пределах которых расположены памятники археологии. Кадастровые дела необходимы для обеспечения сохранности памятников археологии в процессе межевания земель, а в дальнейшем для изменения категории назначения земельных участков с расположенными на них археологическими объектами.

4. Создание Оренбургского областного ландшафтно-археологического музея-заповедника с участками на Каргалинских медных рудниках в Октябрьском и Александровском районах, на курганном поле Высокая Могила – Студеникин Мар в Оренбургском районе, на городище Аландское в Кваркенском районе. Большая предварительная работа по созданию музея уже проведена и, следовательно, не требует финансирования. В результате многолетних археологических раскопок на Каргалах, Аландском, Филипповке получен уникальный, обширный и разнообразный материал. Создание музея-заповедника с центром в г. Оренбурге, решит проблему не только охраны конкретных уникальных памятников области, но и позволит организовать хранение, научную и культурно-просветительскую работу с накопленными с конца XVIII в. богатейшими археологическими коллекциями.

5. Проведение выставки «Сокровища Сарматских вождей» в Государственном музее искусства народов Востока (г. Москва).

6. Разработка концепции сохранения и реконструкции исторических поселений городов: Оренбург, Орск, Бузулук, Бугуруслан, определение границ культурного слоя.

7. Подготовка к празднованию 300-летия со дня рождения П.И. Рычкова, создание Дома-музея П.И. Рычкова в здании, являющемся объектом культурного наследия федерального значения, расположенном по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 4.

В настоящее время в указанном домовладении располагаются 6 квартир. Из них 4 находятся в муниципальной собственности, 2 – в частной. Для создания Дома-музея П.И. Рычкова необходимо осуществить выкуп жилых помещений в связи с изъятием соответствующего земельного участка для государственных или муниципальных нужд.

«Дом Рычкова» и «Генерал-губернаторский дом» (ул. Советская, 2) ранее представляли собой единый архитектурный комплекс – без сомнений уникального и выдающегося памятника федерального значения.

В настоящее время «Генерал-губернаторский дом» искусственно разделен между несколькими собственниками и пользователями, что, безусловно, снижает историческую, архитектурно-градостроительную и культурологическую ценность уникальных объектов культурного наследия.

Создание музея в «Доме Рычкова» и архитектурного комплекса бывшего «Генерал-губернаторского дома» задача сложная и очень дорогостоящая.

8. Разработка и реализация программы по увековечиванию памяти основателей, губернаторов и выдающихся деятелей Оренбургского края.

Проведенные краеведами в 2009–2010 гг. историко-культурные и полевые исследования выявили, что практически все места захоронений

основателей Оренбургского края либо утрачены, либо разрушены. Сложившаяся ситуация противоречит традиционному мировоззрению народов Российской Федерации и православной культуре, важным элементом которой является почитание усопших и бережное отношение к погребениям предков, отличившихся своей самоотверженной жизнью.

В Оренбургской области необходимо разработать план мероприятий, направленных на приведение в достойный вид захоронений П.И. Рычкова, И.И. Неплюева, И.К. Кирилова, В.А. Перовского и других исторических деятелей.

Благоустройство мест захоронений основателей Оренбургского края будет способствовать:

- пробуждению патриотических чувств к малой родине, что приведет к увеличению объема исторических знаний населения Оренбургской области о своем крае;

- идентификации и закреплению в историко-культурном пространстве России образа Оренбургской области как региона с богатым историческим наследием;

- позиционированию Правительства Оренбургской области и гражданского сообщества Оренбуржья как в историко-культурном пространстве Российской Федерации в целом, так и в таких культурно и промышленно развитых регионах, как Санкт-Петербург, Ленинградская, Самарская области, Республика Татарстан и др.;

- пробуждению традиционного самосознания и творческой активности гражданского сообщества Оренбургской области, в первую очередь среди молодежи;

- повышению уровня исторических знаний, а также формированию активной гражданской позиции населения Оренбургской области посредством проведения мероприятий по увековечиванию памяти выдающихся деятелей Оренбургского края.

9. Создание музея-заповедника «Город-крепость Оренбург», размещаемого на территории бывшего Оренбургского высшего военного зенитно-ракетного краснознаменного училища.

На данной территории находится один из самых ценных в историко-культурном и градостроительном отношении комплекс зданий «Пущечный двор» — памятник архитектуры XVIII в., построенный в 1740 г., единственное сохранившееся подлинное материальное свидетельство Оренбургской крепости.

Вышеуказанные направления носят прежде всего программный характер и требуют безотлагательного решения и вмешательства со стороны Правительства Оренбургской области. Единственно возможным способом реализации данных стратегических задач на практике по примеру

других субъектов Российской Федерации (Иркутской области, Краснодарского края и др.) является разработка и принятие областной целевой программы по сохранению и популяризации историко-культурного наследия области.

Хочется верить, что в скором будущем в Оренбургской области будет создан музей археологии, музей-заповедник «Город-крепость Оренбург» и другие музеи, пропагандирующие уникальное историко-культурное наследие нашего края. Также появится настоящая набережная р. Урал, восстановится Введенский и Преображенский соборы на набережной, Вознесенская церковь в Гостином дворе.

Литература

1. Каргалы. Том I. Геолого-географические характеристики. История открытий, эксплуатации и исследований. Археологической памятники / под редакцией Е.Н. Черныха. М., 2002. С. 5.
2. Моргунова Н.Л. Археология Оренбуржья. Оренбург, 2004. С. 73.
3. Пшеничнюк А.Х. Филипповские курганы в центре скифского мира: открытие и исследования // Золотые олени Евразии. СПб., 2001. С. 29.
4. Яблонский Л.Т. Коллекция Филипповского могильника (раскопки 2004–2007 гг.) // Сокровища сарматских вождей. Оренбург, 2008. С. 50–58.
5. Крашенинникова Н.Л. Облик русского города XVIII в. на примере Оренбурга // Архитектурное наследство. 1976. № 24. С. 72–75.
6. Оренбург в страницах старого альбома. Оренбург, 2008, С. 221.
7. Дорофеев В.В. Над Яиком-Уралом. Оренбург, 2008. С. 50–52.
8. Оренбург в страницах старого альбома. Оренбург, 2008. С. 132

Первая
СЕКЦИЯ

**ПРОЦЕССЫ
ФОРМИРОВАНИЯ
И РАЗВИТИЯ
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО
ПРОСТРАНСТВА
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
РЕГИОНА**

МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЕ ПРИНЦИПЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТАХ ТАТАРСТАНА И БАШКОРТОСТАНА

Республики Татарстан и Башкортостан, являющиеся многоэтничными по своему составу, имеют определенную правовую базу для осуществления мультикультурной политики как инструмента гармонизации межнациональных отношений в данных субъектах Российской Федерации. Принципы этой политики нашли большее или меньшее отражения в законах РТ и РБ, касающихся этничности граждан, проживающих в этих республиках.

Прежде всего законодательная деятельность республиканских властей периода актуализации этничности в 90-х гг. касалась языковой политики, так как именно язык в представлении политических элит этих республик являлся не только основным этническим маркером, но и должен был способствовать сплочению титульных этносов вокруг местной этнократии и содействовать ей в противостоянии федеральному центру. Вместе с тем, озабоченные демократическим имиджем власти РТ и РБ должны были отразить в республиканских законах мультикультурные принципы, которыми руководствуются многие развитые государства с многоэтничным составом населения.

Примером такого подхода может служить «Закон РТ о государственных языках РТ и других языках РТ», представляющий собой обновленную в 2004 г. редакцию «Закона о языках РТ», принятого еще в 1992 г.¹ В нем провозглашается равенство татарского и русского языков как государственных в Республике Татарстан и защита всех языков, независимо от их статуса в РТ. Республиканские власти также гарантируют гражданам обучение тому государственному языку, которым они не владеют, признают права на получение основного общего образования на родных языках, в том числе не являющихся государственными, обеспечивают гражданам РТ условия для изучения и преподавания родного языка. Закон дает право гражданам выступать в государственных органах учреждениях на родном языке с обеспечением перевода, вести делопроизводство на языке компактно проживающей этнической группы, использовать негосударственные языки для издания печатной продукции и в средствах массовой информации.

Однако некоторые положения закона нарушают принципы мультикультурализма. Эти нарушения выражены в закреплении ряда преферен-

ций в пользу титульного этноса. Никак иначе нельзя толковать принятое в 2009 г. положение закона, устанавливающее надбавки в размере 15% должностного оклада гражданам, которым необходимо практическое применение двух государственных языков в их работе². В условиях Татарстана это означает надбавку к зарплате прежде всего этническим татарам, т.к. они, в подавляющем большинстве, владеют русским языком свободно, а русские, владеющие татарским языком, составляют 1%.

Это является фактором позитивной дискриминации для татар, использующих методы поддержки, применимые к этническим меньшинствам, хотя они позиционируют себя в качестве государствообразующего этноса. В законе также отмечается, что обучение детей родному языку является гражданским долгом родителей, что можно расценить как навязывание гражданам культурного выбора со стороны республиканской власти.

В законе о языках содержатся статьи, которые составляют его существенный «татарский» компонент. Например, РТ берет на себя обязательства содействовать сохранению, развитию и изучению татарского языка татарами и лицами других национальностей, проживающими за ее пределами. Такое содержание скорее характерно для закона о татарском языке. В характеристиках и целях Программы по изучению, сохранению и развитию государственных языков, содержащихся в законе, отдельно отмечен раздел по татарскому языку с целью расширения сферы его влияния. Изучение татарского и русского языков как государственных в равных объемах в общеобразовательных школах и средних учебных заведениях профтехобразования, предусмотренное ст. 9 — положение, характерное для законодательства реально суверенного государства, в котором не обеспечен приоритет русского языка, как государственного в РФ. Ст. 22 Закона посвящена языкам в сфере культуры. Практически все содержание статьи сводится к стремлению обогатить культуру именно татарским языком. В частности, предусматривается перевод на татарский язык художественной, научной и другой литературы, создание условий для изучения латинской и арабской график. Таким образом, соблюдая общую мультикультурную форму, закон имеет в значительной своей части этническое содержание, обусловленное приоритетами татарского титульного этноса.

Аналогичное мультикультурное содержание отличает и Закон «О языках народов Республики Башкортостан» от 15 февраля 1999 г.³ Он предоставляет гарантии равноправия языков народов РБ, провозглашает содействие развитию на территории республики национальных языков, двуязычия и многоязычия. Закон дает право и возможность использования в официальной сфере этноязыков в местах компактного проживания отдельных этнических групп населения РБ. В соответствии с законом,

власти республики берут на себя обеспечение программ сохранения и развития языков народов РБ. Закон предоставляет право родителям на выбор образовательного учреждения для своих детей с теми языками обучения, которые практикуются республиканской системой образования (в настоящее время их 6), что дает возможность получения образования на языке соответствующих этнических групп.

Однако, как и соответствующий закон в РТ, данный законодательный акт может быть подвергнут критике с позиций мультикультурализма. В тексте закона понятие «родной язык» фактически приравнено к понятию «башкирский язык». Закон провозглашает содействие со стороны РБ развитию именно и только башкирской культуры за пределами республики. Республиканские власти озаботились в законе возвращением на родину деятелей культуры, косвенно подразумевая, прежде всего, этнических башкир. Самые большие нарекания вызывал содержавшийся в тексте закона пункт о необходимости сдачи кандидатами в президенты РБ квалификационных экзаменов на знание государственных языков, дававший явные преимущества башкирам, по тем же основаниям, что и в Татарстане. В 2001 г. текст закона был изменен, как несоответствующий Конституции РФ. В настоящее время в законе содержится норма, обязывающая президента владеть государственными языками РБ – башкирским и русским, но не уточняется – двумя сразу или каким-либо из них.

Наиболее полно мультикультурная составляющая в законах РТ, касающихся этничности, проявилась в Законе РТ «О национально-культурных автономиях в РТ» от 2003 года⁴. Закон базируется на признании права свободного волеизъявления граждан при отнесении себя к определенной этнической общности, а также возможности для них самоорганизации и самоуправления на этой почве. Он предоставляет НКА определенные права: получать поддержку от государственных и местных органов власти, создавать средства массовой информации, создавать образовательные, научные учреждения и учреждения культуры, участвовать в деятельности международных неправительственных организаций, контактировать с общественными организациями других стран. Гарантии и обеспечение этих прав берут на себя государственные органы РТ. Закон Республики Татарстан о НКА соответствует мультикультурным принципам проведения этнонациональной политики, поскольку обеспечивает государственную поддержку деятельности НКА по соблюдению основных этнонациональных прав различных этнических групп, проживающих на территории РТ. Наиболее детально разработаны вопросы возможности проведения и получения воспитания и образования на языке этнической группы. Для РТ такая постановка вопроса является актуальной, т.к. в последние полтора десятка лет в республике осуществляется

широкомасштабная программа образования на татарском языке, а также равнозначного по количеству часов изучения в школах РТ татарского и русского языков. Подчеркнутое признание и оказание поддержки со стороны государственных органов в осуществлении языковых прав «других» народов РТ (кроме татарского и русского) должно нивелировать отрицательное восприятие этого факта и его возможных последствий для качества образования нетатарским населением РТ. Вместе с тем, многие положения документа носят разрешительный, а не обязательный характер, например, о создании совещательных органов по делам НКА. Таким образом, можно сделать вывод, что закон о НКА содержит некоторые элементы осуществления целенаправленной мультикультурной политики, нашедшие наибольшее отражение в вопросе соблюдения языковых прав этнических меньшинств, проживающих на территории РТ.

Законодатели Башкортостана, принимая закон, дающий право и возможность самоорганизации граждан по этническому признаку, сознательно избегали термина «автономия» в его тексте. Поэтому в варианте РБ подобный закон, принятый в 1998 г., носит название «Закон о национально-культурных объединениях граждан в РБ», причем в тексте особо подчеркивается, что право на национально-культурные объединения не является правом на национально-территориальное самоопределение⁵. В данном законодательном акте наблюдается очевидное сужение мультикультурного потенциала его действия. В качестве яркого примера может быть приведено одно из положений закона, которое запрещает НКО «принудительную ассимиляцию и искусственное изменение национального (этнического) состава населения». Эта статья закона – попытка разрешения сложных межэтнических башкиро-татарских проблем местной этнократией в одностороннем порядке. В 2004 г. в закон были внесены изменения, которые сузили возможности НКО по включению в образовательные программы дополнительных предметов, направленных на изучение истории, культуры, этнографии жителей соответствующих этнотерриторий; одновременно эти изменения расширили в этом плане полномочия государственных органов. Поскольку представители башкирского национального движения активно возражали против создания на территории РБ национально-культурных автономий, справедливо полагая, что первой из них будет татарская, республиканский закон об НКО носит явно ограниченный характер, вызванный специфическим положением титульного этноса на территории Башкортостана, который, в отличие от татар в РТ, не является численно преобладающим.

Определенная мультикультурная составляющая содержится в законе РТ «О культуре» 1998 г.⁶ Он провозглашает содействие развитию культуры многонационального народа Татарстана, фиксирует равенство прав

народов РТ в создании, сохранении и освоении культурных ценностей. Республиканские власти берут на себя обязательства создавать условия для возрождения и развития народного творчества, фольклора, обрядов, праздников и т.д. В новой редакции закона от 2000 г. рефреном проходит определение «многонациональный народ Татарстана», которое должно подчеркнуть изначальную мультикультурность проекта создания «татарстанской нации». Вместе с тем, законодатель ограничивается общими фразами, не конкретизируя проблемы поддержки культуры нетитульных народов РТ. В то же время, ст. 2 закона явно отражает приоритет татарской национальной культуры, провозглашая в первую очередь содействие развитию татарской национальной культуры.

Закон Республики Башкортостан «О культуре» от 13 июля 1993 г. также несколько раз подвергался редактированию⁷. В первом тексте закона задачи «возрождения национального самосознания» стояли впереди задач «укрепления демократии». Понятие «национальной культуры», фигурирующее в законе, также могло толковаться неоднозначно — как культура башкир или как культура, созданная народами Башкирии. К числу основных понятий, содержащихся в законе, относятся «достоинство культур народов и национальных групп», «культурное наследие народов РБ», «культурное достояние народов РБ». Но использование мультикультурной лексики в законе продиктовано, прежде всего, претензиями на нациестроительство в рамках башкортостанского суверенитета, так как под общенациональным здесь подразумевается республиканское значение.

Таким образом, можно констатировать, что законодательные акты РТ и РБ, принятые в период отстаивания республиками права на реальный суверенитет и отредактированные в период «укрепления вертикали власти», являли варианты приспособления идей многокультурного развития государственных образований с полиэтничным составом населения к тому политическому моменту, в котором происходило это развитие. Провозглашение мультикультурного вектора развития на деле активно использовалось национальными элитами для укрепления позиций титульного этноса, так как должно было содействовать укреплению и поддержанию лояльности граждан «нетитульной» национальности продвигаемым проектам этноориентированной суверенности.

Примечания

1. <http://www.gossov.tatarstan.ru/zakon/>
2. <http://old.gossov.tatarstan.ru/dokument/zakon/>
3. Законы РБ. Вып. xxv — 1999. 292с. С.106119.)
4. http://www.tatar.ru/?node_id=3720&id=40789

5. Законы РБ. Вып. XX. Уфа, 1998. С. 186–196
6. http://kitaphane.tatar.ru/rus/legal_info/zrt/kult.htm
7. http://www.gsrб.ru/MainLeftMenu/ZakonoTvorch/Zakoni/vs18_19.php

Т.С. Панина

ДОКУМЕНТЫ ЦДНИОО О РАБОТЕ БУЗУЛУКСКОГО УЕЗДНОГО КОМИТЕТА ВКП (Б) С ЧУВАШСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ

В Центре документации новейшей истории Оренбургской области, в фонде Бузулукского уездного комитета партии хранится значительный по объему и значимый по содержанию комплекс документов о работе с чувашским населением в одном из уездов обширной Самарской губернии. В 1952 г. более полутора тысяч дел с документами Бузулукского укома ВКП (б) за 1920–1928 гг. были переданы из партийного архива Куйбышевской области по территориальной принадлежности в Оренбургский партархив. Это протоколы конференций, совещаний, собраний, директивы и рекомендации чувашской секции Самарского губкома партии, многочисленные отчеты, информации, переписка, обширный инструктивный и методический материал по вопросам работы с национальными меньшинствами, проживающими вне национальных государственных образований.

В 1918 г. с созданием Чувашского отдела Наркомата национальностей РСФСР развернулась работа по созданию чувашской национальной государственности. Для выработки проекта будущего государственного устройства для чувашей предстояло собрать и проанализировать обширный документальный материал по вопросам экономики, демографии, культуры территорий, заселенных чувашами. Тактическая линия в создании чувашской государственности выработывалась и на I Всероссийском съезде чувашских коммунистических секций, ячеек РКП (б) и активных работников – коммунистов из чувашей. Среди делегатов съезда были и представители Самарского губернского комитета партии. Большая подготовительная и политическая работа завершилась подписанием 24 июня 1920 года декрета ВЦИК и СНК об образовании Чувашской автономной области.

Некоторое время спустя в газете «Жизнь национальностей» была помещена большая статья Б. Вакса «Чувашская трудовая коммуна», посвященная истории создания новой автономии. Автор статьи оценивал

учреждение национально-государственного образования для чувашей как большое достижение государственной политики в области равноправия всех народов России.

С образованием в 1920 г. Чувашской автономной области и преобразованием ее в 1925 г. в автономную республику 40% чувашей территориально оказались за ее пределами. В досоветский период территориальные группы чувашей, как правило, обозначались по названиям губерний — «казанские» (они же — закамские), «уфимские», «симбирские», «оренбургские» и т.д.¹

С передачей документов Бузулукского уездного комитета партии оренбуржцам появилась возможность по региональным историческим источникам, на примере «оренбургских» чувашей, изучить подробнее осуществление национальной политики пролетарского государства в отношении чувашей, проживавших за пределами автономии.

11–14 февраля 1921 г. состоялась Бузулукская уездная партийная конференция чувашей. В архиве сохранился ценный документ — протокол этой конференции. На ней с докладом по национальному вопросу выступил С.А. Алексеев — ответственный представитель чувашской секции Самарского губкома партии в Бузулукском уезде РКП (б). Докладчик остановился на проблеме национальных автономий в Российской Федерации и культурной отсталости основной части чувашского населения Бузулукского уезда. Говоря о работе с чувашами, Алексеев отмечал, что из-за пассивности чувашей с большим трудом ему удалось собрать сведения о численности национального населения в уезде, о количестве коммунистов и кандидатов партии. По собранным сведениям (скорее всего, неполным), в 1920 г. чувашское население Бузулукского уезда составляло 156 312 человек, на момент работы упомянутой уездной партийной конференции чувашей, на февраль 1921 г. в 25 чувашских селах уезда проживало 16 480 человек². К 1925 г. численность чувашского населения в уезде сократилась до 10 445 человек по причине смертности и оттока жителей голодающих чувашских сел в другие территории в голодные 1921–1922 годы³. В 1928 г. на территории Бузулукского округа, сформированного в пределах бывшего Бузулукского уезда с площадью 22 571 кв. км, проживало 432 406 человек. Представители национальных меньшинств составили 64 355 человек. (16,2% к общему числу населения уезда); чуваша занимали третье место из национальных меньшинств (12 819 человек — 3,1%) после мордвы и украинцев⁴.

Целенаправленная практическая работа с чувашским населением уезда началась в апреле 1920 г. с организации при Бузулукском уезде РКП (б). За два месяца до этого представитель губкома С.А. Алек-

сеев безуспешно пытался создать чувашскую секцию при укоме партии. Председатель же укома Бородин своей волей работу с чувашским населением передал в отдел национальных меньшинств при отделе народного образования, а уполномоченного губкома С.А. Алексеева отправил обратно в Самару. Уже вторично прибыв из Самары в Бузулук в качестве ответственного представителя от чувашской секции Самарского губкома РКП (б), С.А. Алексеев налаживал агитационно-политическую работу среди чувашей, заботясь более всего о приобщении их к политике нового времени.

«В интересах скорейшего поднятия политического уровня чувашского народа, приобщения его трудовых масс к общепролетарской семье» были организованы Бузулукское, Бугульминское, Бугурусланское и Самарское уездные представительства. В своей работе это новое политическое образование руководствовалось указаниями чувашской секции губкома и укома партии. Представительство давало распоряжения чувашским парторганизациям и советским учреждениям, где работали чуваша, ведало библиотеками, клубами, назначало в них ответственных партийных работников. Ответственный представитель от чувашской секции Самарского губкома РКП (б) два раза в месяц информировал губком партии о работе с чувашским населением. В ЦДНИОО хранятся отпуски таких информации, в которых содержатся сведения о количестве созданных при содействии представительства чувашских коммунистических и комсомольских ячеек с указанием числа чувашей в смешанных ячейках, о количестве культурно-просветительных кружков, изб-читален, библиотек, коммун, артелей, товариществ⁵.

Представительство состояло из 3 человек: ответственного председателя, назначаемого губернской чувашской секцией, двое сотрудников избирались на уездном съезде коммунистов-чувашей и утверждались губернской чувашской секцией. Представительство содержалось на средства уездного комитета партии. Через уездное представительство осуществлялось снабжение чувашских ячеек и населения литературой и периодическими изданиями на национальном языке. Следует заметить, что приобщение чувашей к источникам информации, очагам культуры во многом зависело от материальной стороны. Для большинства из них библиотеки, избы-читальни представляли единственную возможность ознакомиться с книгами, центральной и местной периодикой. Несмотря на материальные трудности, для чувашского населения создавались условия для их заинтересованности в новой, советской жизни. Так, в 1920 г. силами представительства в уезде было проведено 64 митинга, 23 собрания, организовано 22 избы-читальни, 1 народный дом, 1 чувашское общество, 12 библиотек, 1 женотдел, 7 сельскохозяйственных коллекти-

вов, распространено 10000 книг на чувашском языке. Для чувашского населения уездного центра — г. Бузулука — проведено: митинг-концерт — 1, политических митингов — 3, съезд коммунистов-чувашей — 1, совместно с красноармейцами — 1 собрание.

Важной задачей в осуществлении своей деятельности в уезде представительство считало отслеживание и корректирование настроений чувашского населения в связи с политическими событиями, политическими и экономическими кампаниями и т.д. Как сообщалось в отчетах представительства в губком партии, настроение чувашей часто менялось. С февраля 1920 г. к партийной и политической работе представительства чуваша относились весьма сочувственно и охотно слушали объяснения национальных работников, участвовали в различных мероприятиях, проводимых коммунистами. В январе 1921 г. на митингах присутствовало 760 слушателей, на чтениях — 129 чел., на собеседованиях — 350 чел., всего 1267 чел., из них мужчин 1162 чел., женщин — 47, детей — 58⁶.

В фонде Бузулукского укома партии есть копия весьма любопытного документа. Это памятка-инструкция агитатору, отправляющемуся для агитационно-политической работы среди чувашского населения РСФСР. В документе 8 пунктов и около 30 подпунктов. Как и в большинстве такого рода документов того времени, в самом начале идет призыв: «Не забудь взять для населения литературу — газеты, брошюры, листовки, плакаты на чувашском языке!». Вот как выглядел приезд агитатора в населенный пункт, где проживали чуваша. Получив или подобрав литературу, пропагандист должен был в пути до места назначения заняться ее изучением. По прибытии предъявлял партбилет и регистрировался в местной партячейке. Затем путь агитатора лежал в информационно-инструкторский отдел местного совета депутатов, где следовало расспросить местную власть о настроениях чувашей, о наиболее важных для них вопросах и проблемах. Если приезд агитатора совпадал с проведением каких-либо собраний или совещаний в партийной организации или совете, приехавший обязательно выступал на них с докладом о положении в центре. По прибытии к месту назначения следовало сделать распоряжение местным работникам, чтобы собрать митинг или собрание всего населения, не исключая детей. Интересна попытка смоделировать, срежиссировать ситуацию общения. Предусмотрено все: с кем общаться, какие задавать вопросы, как отвечать на вопросы населения, где что посмотреть, что записывать, что запомнить и т.п. Это и понятно: при весьма условном уровне политической и культурной подготовки кадров пропагандистов-чувашей и жесткой регламентации невозможно было рассчитывать на творческий подход к делу⁷.

Для развертывания полноценной работы с чувашами в уезде не хватало даже подготовленных кадров. В письмах из губкома партии совето-

вали: «Работников старайтесь находить в уезде, мобилизуйте для работы среди чувашей товарищей коммунистов из местного национального населения. Мобилизацию проведите через уездный комитет партии. Губернская секция сможет послать вам работников только тогда, когда будут выпущены курсанты политической школы. Заботьтесь сами о подготовке работников, посылая их на партийные курсы, при подборе работников будьте осторожны, берите тех, которые принесут пользу. Плохой подбор может только навредить ходу дела». На первых порах кадры для работы с чувашами подбирали волевыми решениями. Так, в октябре 1920 г. отдел нацменьшинств укома партии настоятельно требовал от Старо-Яшкинского сельсовета выслать в распоряжение укома на должность делопроизводителя Воронцова Андрея Прокофьевича. За неисполнение грозилась привлечь работников сельсовета к уголовной ответственности⁸. В ноябре 1920 г. в распоряжение оформившейся чувашской секции укома партии из Самары откомандировали бойца 1 добровольческого батальона Прокопия Никифорова. Как и обещали, с 1921 г. стали направлять для работы в чувашские секции различных органов и организаций выпускников чувашской красноармейской школы подготовки политработников. После 5-месячного обучения в школе в Бузулук для партийной и советской работы прибыли Наум Николаев, Алексей Савельев, Григорий Петров.

С целью привлечения к активной политической работе чувашей-коммунистов в апреле—мае 1920 г. в губернии проводилась их регистрация. Не понимая сути предстоящей политической работы, коммунисты-чуваша старались от регистрации уклониться. Уклонистов было много — они, как правило, объявлялись «противниками проведения коммунистических идей среди чувашского населения» и исключались из партийных рядов.

Для прошедших регистрацию партийных кадров организовывалось ускоренное обучение на всевозможных партийных и политических курсах. Так, в октябре 1920 г. в Чебоксары на партийные курсы среднего звена из уезда было направлено 3 человека, в сентябре того же года 4 человека обучались на политических курсах в Самаре, в июле 1920 г. Самарский губком предлагал срочно подыскать 15 человек из чувашей для поступления на партийные курсы, можно было даже направлять беспартийных чувашей из беднейшего населения. В 1924 г. для поступления в губернскую советско-партийную школу записались четверо чувашей из Бузулукского уезда: Р.К. Андреев, В.И. Аршаев, И.Н. Иванов, Т.Д. Епифанов⁹. Несмотря на то что кадровый вопрос решался из рук вон плохо, Самарский губком партии оценивал работу Бузулукского представительства выше других своих представительств.

Вскоре представительство было преобразованию в секцию – этому способствовали многочисленные собрания чувашского населения сел Березовки, Чесноковки, Верхней Вязовки, Старо-Яшкино, Неприк и многих других, где высказывалось такое требование. Протоколы этих собраний чувашского населения сохранились в архиве¹⁰.

В чувашской секции Бузулукского укома партии в 1920 г. работали 8 человек: председатель, секретарь, 2 инструктора, 1 переписчик, 2 переводчика, 1 курьер. Митинги, лекции, чтения, собеседования стали традиционными формами работы с чувашским населением. В документах отмечалось, что трудовые чуваша охотно участвуют в мероприятиях, проводимых работниками чувашской секции. В феврале 1921 г. 1-я Бузулукская партийная чувашская конференция признала работу чувашской секции удовлетворительной. А вот работа партийных ячеек с чувашским населением была провалена. И, как считали выступавшие на конференции коммунисты, провалена по причине засилия в местных советах кулаков (с. Пронькино, Старо-Яшкино, Березовка и др). Лишь в с. Старо-Игнашкино к 1921 г. коммунисты смогли организовать трудовую коммуну и женотдел¹¹.

При обсуждении организационного вопроса конференция приняла решение «для поднятия политического уровня среди чувашского народа признать временно необходимым существование чувашской секции уездного комитета, которая должна находиться непосредственно под руководством укома, но численно ее сократить. В составе секции, утвержденном на конференции, работали 5 человек: заведующий, заместитель заведующего на время поездок по уезду, секретарь, ведущий делопроизводство (на чувашском и русском языках), два уездных ответственных организатора. Секция ежемесячно отчитывалась перед укомом и губернской чувашской секцией, через полгода проводились уездные совещания членов и кандидатов РКП (б) – чувашей. На 1-й уездной партконференции чувашей в секцию избрали Алексеева Сидора Алексеевича – председатель, Григорьева Григория Ивановича, Андреева Романа Константиновича, Митрюкова Прокопия Архиповича, Максимова Федора Антоновича.

В 1921 г. работа с чувашским населением значительно осложнилась сложившейся ситуацией из-за голода, особенно поразившего Бузулукский уезд. В своих отчетах в губком партии С. Алексеев сообщал, что чувашское население уезда тревожно активизируется: с одной стороны, его – чуваша и работников секции «буквально тянут во все стороны», охотно возят по селам, высылают навстречу подводы, задают множество вопросов о строительстве новой жизни. Одновременно с этим, – отмечалось в документах, – крестьяне-чуваша в основной своей массе настроены про-

тив русских, вообще их «настроение как перед вспышкой из-за голода и непроведения сева», отношение к советской власти – недоверчивое у всех чувашей, коммунистов считают обманщиками: «хлеб отобрали, говорили, что потом дадут хорошие сортовые семена из Сибири и других мест, обманули. Для вас нужен хороший кнут!» – открыто заявляли чувашки. В свою очередь С.А. Алексеев в своем отчете губкому партии с горечью констатировал: «Работать с населением не представляется возможным»¹².

Важным звеном в своей деятельности чувашская секция укома партии считала вовлечение в социалистическое строительство женщин-чувашек. Работа с этой социальной группой проводилась через делегатские собрания. Попытки повернуть чувашских женщин в сторону новой жизни, заинтересовать глубоко безразличную и чрезвычайно инертную женскую часть населения перспективой приобретения знаний по сельскому хозяйству, медицине, народному образованию давались ценой невероятных усилий.

Об инертности чувашского населения свидетельствует и тот факт, что на проходившее в Бузулуке 3 августа 1925 г. совещание представителей нацменьшинств при отделе работниц Бузулукского укома партии чувашки не прислали ни одного представителя, а на уездной конференции женщин-нацменок, состоявшейся в Бузулуке 11–13 декабря 1925 г., делегация чувашек была самой малочисленной – всего 7 человек. На конференции обсуждались задачи партии в работе среди женщин-нацменок: семейное и брачное право, участие женщин в кооперативном движении, в народном просвещении. В сохранившемся в архиве рукописном отчете комсомольского женорганизатора Зубриной об обследовании работы среди женщин чувашского села Неприк Неплюевской волости есть такая характеристика – «Чисто чувашское село, 540 душ население, почти не понимают по-русски, женщины не интересуются ничем, кроме быта, активистов нет, ничего не читают...». Для активизации работы среди женщин ставку сделали на молодежь: в каждом селе создавали комсомольские ячейки, клубы, школы для взрослых, куда стремились привлечь и девушек-чувашек. Постепенно, с помощью молодежи удалось понемногу «расшевелить» чувашских женщин. Делегатские собрания оказались эффективной формой работы с чувашским населением, к концу 1920-х гг. они становились все популярнее, о чем свидетельствуют многочисленные протоколы женских делегатских собраний, сохранившиеся в фонде Бузулукского укома партии. Например, в Неплюевской волости в 1928 г. в четырех делегатских пунктах из 75 человек было 39 чувашских женщин, а в с. Пронькино местом постоянной работы 12 активисток-чувашек стала сельская изба-читальня – за зиму 1928 г. здесь всеми формами работы было охвачено 365 чувашек¹³.

Весьма информативными документами можно считать и протоколы общих собраний граждан-чувашей различных сел: Старо-Яшкино, Верхнее Игнашкино, Большое Алдаркино, Неприк и др. Бузулукского уезда. Из них мы узнаем, что в 1923 г. на собраниях граждане обсуждали вопросы о сельхозналоге, положении в стране, центральной сельскохозяйственной выставке в Москве, создании школы первой ступени для чувашей, выборе 4 корреспондентов для журнала «Эслекен саси», подворном сборе средств для коллективной выписки литературы на чувашском языке и др.¹⁴

Состояние грамотности чувашей, укрепление национальной школы также нашли свое отражение в документах Бузулукского укома ВКП (б). Так, в подлиннике письма заведующего чувашским подотделом Самарского губкома партии В. Соловьева ответственному представителю секции в Бузулукском уездном комитете С. Алексееву от 26 мая 1920 г. дается инструкция о взаимодействии с органами народного образования, в частности рекомендуется настоятельно добиваться приема в школы второй ступени чувашских детей без всякого экзамена или конкурса, причем в процентном отношении, пропорциональном чувашскому населению. Кроме того, в первые классы одной — двух школ уезда планировалось принять исключительно чувашских детей с тем, чтобы эти школы постепенно превратились в чувашские, а также открыть школу второй ступени в одном из чувашских сел уезда. По информационным письмам можно проследить, как последовательно проводилась работа по ликвидации неграмотности взрослого чувашского населения: с этой целью были организованы школы для взрослых в селах Ромашкино, Михайловка, Егорьевка, Пронькино и других. Чувашские представители уезда принимали участие в работе губернского съезда работников просвещения национальных меньшинств¹⁵.

Архивные документы свидетельствуют, что чувашская национальная секция в Бузулукском уездном партийном комитете немало сделала в реализации национальной политики: в проведении агитационно-массовой работы среди чувашского населения, в организации национальных уездных съездов, на которых обсуждались проблемы самоуправления, решались вопросы школьного строительства, ликвидации неграмотности, развития национального языка и другие.

Однако следует отметить, что информационный потенциал хранящихся в ЦДНИОО документов национальных секций в партийных органах остается недостаточно использованным как местными, так и национальными историками.

Примечания

1. Чеботарева В.Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. М., 2003. С. 128–140.
2. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННАО). Ф. 4094. Оп. 1. Д. 544. Л. 1; д. 574. Л. 33, 34.
3. ЦДННАО. Ф. 4094. Оп. 1. Д. 574. Л. 42.
4. Там же. Ф. 5104. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.
5. Там же. Ф. 4094. Оп. 1. Д. 119. Л. 4.
6. Там же. Д. 544. Л. 1, 1 об.
7. Там же. Д. 317. Л. 71.
8. Там же. Д. 313. Л. 68.
9. Там же. Д. 317. Л. 46, 64, 75, 78.
10. Там же. Д. 316. Л. 1, 6, 7, 12.
11. Там же. Д. 565. Л. 127; д. 573. Л. 1.
12. Там же. Д. 318. Л. 4–6, 24.
13. Там же. Д. 1428. Л. 4–6, 24; д. 1621. Л. 33, 66.
14. Там же. Д. 970.
15. Там же. Д. 318. Л. 28; д. 317. Л. 26, 101.

Ю.П. Злобин

ОБРАЗОВАНИЕ И ГРАМОТНОСТЬ В ОРЕНБУРГСКОМ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВЕ ВО 2-й ПОЛОВИНЕ XIX в.

Необходимость массового распространения грамотности и образования в среде многонационального населения Южного Урала местные администраторы осознали еще во 2-й половине XIX столетия. Во всеподданнейшем «Отчете по управлению Оренбургским краем с 1833 по 1842 годы» военный губернатор В.А. Перовский писал Николаю I: «Народное просвещение требует в Оренбургском крае особенной попечительности по характеру жителей, состоящих наполовину из магометан, а между христиан — из крещеных финских племен и раскольников. Между тем в губернии ныне всего одна гимназия и восемь уездных училищ, народных же школ нет вовсе, исключая 36 ланкастерских заведений в Оренбургском казачьем войске»¹. Поголовная безграмотность местного населения Оренбургской губернии, насчитывавшего в середине XIX в. 2,1 млн. чел., среди которого только 2–3% умели читать и писать², не

позволяла в достаточной мере укомплектовать кадрами даже систему военно-административного управления регионом. По этой причине каждый новый военный губернатор вынужден был прибывать в регион с группой квалифицированных столичных военных и гражданских чиновников. В отчете за 1850 год военный губернатор В.А. Обручев достаточно деликатно вторил своему предшественнику В.А. Перовскому. «Умственное образование в Оренбургском крае, — отмечал он, — несмотря на деятельные меры правительства и беспрестанно увеличивающиеся средства, распространяется довольно медленно»³.

Ситуация стала кардинально меняться в лучшую сторону после образования в 1851 г. Оренбургского и Самарского генерал-губернаторства, преобразованного в 1865 г. в Оренбургское генерал-губернаторство⁴. В отличие от военных губернаторов, подчинявшихся военному министру, генерал-губернаторы имели более высокий правовой и административный статус, ставивший их на одну ступень с министрами. В 1853 г. Николай I утвердил «Общую инструкцию генерал-губернаторам», которая составила правовую основу их деятельности. Им было предоставлено право личного и непосредственного обращения к императору по делам «особенной важности и в чрезвычайных ситуациях», извещая об этом соответствующих министров и главноуправляющих, т.е. руководителей ведомств, не имевших статуса министра. Без положительной санкции генерал-губернатора министры и главноуправляющие не могли реализовывать на подчиненной ему территории необходимые мероприятия, ведущие к каким-либо изменениям, в том числе и в законодательстве. Нижестоящие губернские учреждения, включая губернаторов, были обязаны выполнять «все законные требования, предложения и предписания генерал-губернатора»⁵.

В состав генерал-губернаторства вошли Оренбургская и Самарская губернии, возглавляемые гражданскими губернаторами, северо-западная часть Казахстана, представленная «Областью оренбургских киргизов» (казахов), и Внутренняя (Букеевская) орда, так же населенная казаками⁶. На его территории находились три казачьих войска: Башкирское (927 тыс. чел.), Оренбургское (202 тыс. чел.), Уральское (74 тыс. чел.) и Отдельный Оренбургский корпус общей численностью 68 тыс. военнослужащих. В генерал-губернаторстве проживали 4,8 млн. чел.⁷ Получив обширные полномочия на огромной территории, где могли свободно разместиться несколько европейских государств, оренбургские генерал-губернаторы В.А. Перовский, А.А. Катенин, А.П. Безак и Н.А. Крыжановский стали инициаторами расширения образовательного пространства во вверенном им в управление регионе.

Предметом их пристального внимания стало в первую очередь состояние грамотности в казачьих войсках. В Оренбургском казачьем войске в

1851 г. один учащийся приходился на 76 местных жителей⁸. Материальная база и кадровая обеспеченность школ была на низком уровне. Учителей выбирали станичные атаманы из числа грамотных казаков и урядников, имевших смутное представление о педагогике. Об этом откровенно признавался наказной атаман войска генерал-майор И.В. Подуров. «Вообще станичные школы, — писал он в 1853 г., — при всем попечении войскового начальства, находятся в посредственном состоянии, главнейшее от того, что в войске нет способных учителей с необходимыми для сего сведениями»⁹. Результатом была острая нехватка взрослых грамотных казаков в структуре войскового управления. В 1861 г. в Оренбургском войске из 326 офицерских вакансий было занято 305, а из 1890 писарских вакансий — только 500 писарских мест¹⁰. Выполняя распоряжения генерал-губернаторов В.А. Перовского, а затем А.А. Катенина, И.В. Подуров принял меры к увеличению числа школ и учащихся в них, но качественная сторона подготовки учеников оставалась неудовлетворительной. Об этом наказному атаману сообщил генерал-губернатор А.А. Катенин, посетивший в 1857 г. ряд начальных школ. «Экзамены, проводимые мною во многих станичных школах, — отметил генерал-губернатор, — убедили меня в том, что большая часть из них находится в состоянии весьма неудовлетворительном, как от недостатка грамотных учителей, так и от недостатка средств и учебных пособий»¹¹. Тем не менее, за 1851–1865 годы число начальных школ в Оренбургском войске увеличилось с 74 до 110, а количество учащихся с 2221 до 3156 чел.¹²

Гораздо больше усилий генерал-губернаторам и их подчиненным пришлось приложить для открытия начальных школ в Уральском казачьем войске. Оно не случайно считалось самым консервативным среди казачьих войск Российской империи. В 1858 г. в войске было 76526 жителей, из которых 86% были староверами, 12,4% — мусульманами, 1,5% — язычниками и 0,1% — православными¹³. На предложение властей открывать начальные школы оно ответило массовым неповиновением. Назначенному в 1857 г. наказному атаману генерал-майору А.Д. Столыпину пришлось приложить немало усилий в деле распространения грамотности среди уральских казаков. Свою энергичную деятельность по школьному строительству А.Д. Столыпин проводил при постоянной поддержке со стороны А.А. Катенина. Генерал-губернатор, проведя ревизию, нашел учебную часть в войске «далеко не приведенной в надлежащее устройство»¹⁴. За 4 года наказному атаману удалось открыть 92 начальных школы, в которых обучался 2171 чел. Но с отъездом А.Д. Столыпина общее количество школ при новом наказном атамане генерал-майоре В.Д. Дандевиле сократилось до 26, а число учащихся в них уменьшилось до 1019 чел.¹⁵

В начале 60-х гг. генерал-губернатор А.П. Безак и наказные атаманы И.А. Толстой, а затем П.В. Зворыкин активизировали школьное строительство в Оренбургском казачьем войске. В 1860–1865 гг. на его территории было основано 30 новых школ. Общее их число увеличилось до 100, при этом 67% школ содержались на станичные средства, 24% – на войсковой капитал и 9% – на пожертвования от частных лиц¹⁶. 9 сентября 1867 г. Александр II утвердил положение Военного совета, по которому содержание станичных школ в Оренбургском войске должно было покрываться из общественных сумм «без пособия от войска»¹⁷. Это решение обуславливалось тем, что к моменту его принятия большинство школ содержалось за счет станиц, а лишь несколько – на средства родителей учащихся¹⁸. Успешная реализация этого документа свидетельствовала о том, что оренбургские казаки являлись сторонниками развития народного образования и готовы были его финансировать, что подтверждается расходом станичных средств в период бурного роста числа школ в начале 70-х годов. Если в 1870 г. на 152 школы жители станиц выделили 7760 руб., то в 1874 г. на 444 школы станицы расходовали 39953 руб., т. е. за пять лет финансирование казачьих школ возросла в 5,1 раза. Но при этом средние расходы на одну школу увеличились не так существенно: в 1870 г. – 51 руб., а в 1874 г. – 90 руб.¹⁹

После принятия постановления 1867 г. войсковые капиталы расходовались на решение общешкольных задач. Так, с 1872 г. Военный совет разрешил наказному атаману за счет войсковых 3000 руб. проводить учительские съезды, закупать образцовые учебники и награждать отличившихся учителей, а с 1881 г. сумма дополнялась 300 руб. для награждения лучших учеников и учениц²⁰.

Завершение формирования школьной сети в Оренбургском войске произошло в 1865–1875 гг. благодаря усилиям генерал-губернатора Н.А. Крыжановского и наказного атамана К.Н. Боборыкина. С 1871 г. в войске было введено обязательное начальное обучение всех мальчиков с 8 лет. Атаман генерал-майор К.Н. Боборыкин сумел убедить казаков в необходимости сбора 100 тыс. руб. на строительство новых школ и реконструкцию существовавших школьных зданий²¹. В 1870–1875 гг. число школ увеличилось со 152 до 470, а количество учащихся в них с 4415 до 17919 чел.²² Таким образом, без поддержки станичных правлений наказному атаману К.Н. Боборыкину не удалось бы вывести Оренбургское казачье войско в лидеры школьного строительства среди казачьих войск России.

Совершенно иначе складывалась ситуация в Уральском казачьем войске. Здесь, в силу конфессиональных особенностей, Войсковое правление вынуждено было брать на себя расходы по содержанию начальных

школ. Но уже в 60-е гг. из войсковой казны отпускались средства только на жалование учителям. Отопление, прислуга и учебные принадлежности оплачивались и закупались на пожертвования от казачьих семей²³. Таким образом, и в сознании уральских казаков произошел перелом в пользу начального образования.

Он был связан в определенной мере с деятельностью в 1865–1875 гг. нового атамана генерал-майора Н.А. Веревкина. Зная быт и своеобразный менталитет уральских казаков, он смог изменить отношение к школе и постепенно заложить прочный фундамент народного образования в войске. Н.А. Веревкин изменил подход к открытию школ. Они устраивались не в результате административного нажима, как это было при А.Д. Столыпине, а только в том случае, если казацки общества этого желали и готовы были их содержать. Были подобраны способные учителя из урядников, им было увеличено жалование. Родителям разрешалось посещать уроки и экзамены. В общем итоге, число начальных школ при этом атамане увеличилось до 43 в 1875 г., а учащихся — до 1634 чел.²⁴ В этом же году в Уральском войске насчитывалось 20,2% грамотных обоего пола, из них 59,7% могли читать и писать, а 40,3% — только читать²⁵. Следовательно, рост числа войсковых школ неизбежно привел к повышению уровня грамотности уральских казаков, но он был заметно ниже, чем в Оренбургском войске.

В 1881 г., когда состоялось упразднение Оренбургского генерал-губернаторства, в Оренбургском казачьем войске существовало 463 школы с 20141 учеником²⁶. Более медленными темпами проходил процесс развития войсковых школ Уральского казачьего войска. Так, в 1879 г. на его территории действовали 44 войсковые школы, из них 4 женских. В них обучалось 3205 детей, в том числе 1234 девочки²⁷. Заложенные Н.А. Веревкиным основы позволяли в дальнейшем постепенно открывать новые народные школы. В 1883 г. среди 10 казачьих войск Российской империи первое место в области начального образования принадлежало Оренбургскому войску — 33% всех школ. Даже в таких крупных казачьих войсках, как Донское и Кубанское, находилось соответственно 313 (21%) и 246 (17%) начальных школ. Значительно отставало от оренбургских казаков Уральское войско, имевшее только 54 школы, или 4% от всех войсковых казачьих школ России²⁸.

Вторым направлением в деятельности местных высших администраторов было развитие начального образования на гражданской неказачьей территории региона. Оно предполагало развитие начальной школы за счет средств Министерства народного просвещения. Позиция Министерства в этом вопросе была достаточно консервативной. Оно соглашалось финансировать содержание средних учебных заведений и уездных

училищ, дававших повышенное начальное образование, но начальные городские и сельские школы предлагало содержать за счет общественных капиталов.

Между тем органы городского и сельского самоуправления сдержанно относились к финансированию учебных заведений. Слабо развитая промышленность и торговля не позволяли им иметь высокие доходы и содержать сеть учебных заведений. Это видно на примере уездных городов Оренбургской губернии. В январе 1869 г. чиновник по особым поручениям при генерал-губернаторе Н.А. Крыжановском статский советник Сидоров провел ревизию хозяйственной части Верхнеуральска, Орска, Троицка и Челябинска. Он установил, что в 1868 г. в казну Челябинска поступило 15006 руб., из которых 5% пошло на содержание уездного женского и приходского училищ, в Троицке из 13106 руб. городских доходов 10,7% выделялось также на 2 училища²⁹. С другой стороны, Верхнеуральск и Орск имели минимальные доходы — 4614 и 3254 руб. соответственно и вообще не выделяли средств на народное образование. В Орске не могли учредить даже приходское училище, а Верхнеуральское приходское училище финансировалось казной. В отчете Сидорова указывалось, что из-за «недостатка городских средств» Верхнеуральску в 1866 г. отказали в открытии уездного училища³⁰. Таким образом, возможность организации учебных заведений в городах генерал-губернаторства напрямую зависело от их финансового состояния, а оно было плачевным.

В такой ситуации генерал-губернатор Н.А. Крыжановский нашел нестандартное решение наболевшего вопроса. Он добился от правительства в 1875 г. выделения из состава Казанского учебного округа самостоятельного Оренбургского учебного округа, в который вошли Оренбургская, Уфимская, Пермская губернии, а также образованные в 1868 г. Тургайская и Уральская области. Административным центром округа стал Оренбург, а его первым попечителем — П.Л. Лавровский. За десятилетие 70-х гг. число сельских начальных училищ Министерства народного просвещения выросло с 45 до 116 (или в 2,6 раза), а количество учащихся в них — с 1553 до 3260 чел. (или в 2 раза)³¹.

Особое значение в развитии начального обучения имело национальное образование. Его развитие проходило в двух направлениях, через конфессиональные школы — мектебы, и русско-национальные училища. В силу того, что мектебы не давали полного начального образования, а многие выпускники так и не овладевали грамотой, руководство края пыталось противопоставить им русско-башкирские, русско-татарские, русско-казахские учебные заведения, подчиненные Министерству народного просвещения. Но и открытого противостояния мусульманским школам генерал-губернаторы не допускали. В марте 1881 г., например,

Н.А. Крыжановский направил в Министерство внутренних дел свой отзыв, в котором отмечал, что отстранение мулл и мударисов (учителей) или закрытие мектебов воспринималось бы в среде местного башкирского, казахского или татарского населения как притеснение веры³². Мнение генерал-губернатора было учтено правительством. В феврале 1882 г. Александр III утвердил постановление Кабинета министров, по которому контроль над деятельностью мусульманских начальных школ сводился к их осторожным посещениям инспекторами и сбором статистических сведений о них³³.

Развитие начального образования невозможно без совершенствования профессионально-педагогической подготовки учителей, что было особенно важно в условиях расширения школьной сети. Ситуация, когда в середине XIX в. учителя казачьих школ назначались из малограмотных казаков, стала неприемлемой уже в 70-е годы. Одним из первых учебных заведений, готовивших учителей, стал Николаевский институт благородных девиц, который выпускал широко образованных для того времени людей. Выпускницы получали право преподавать в младших классах гимназий, прогимназиях, городских и сельских начальных училищах. Как правило, около половины выпускниц из небогатых семей устраивались учителями в школы. В 1874 г. в Оренбургской женской гимназии для желающих открыли 8-й дополнительный педагогический класс. По его окончании выпускницы получали свидетельство домашней учительницы с правом преподавания в начальных школах всех типов. С 1878 г. в Оренбурге действовал первый на Урале учительский институт, дававший среднеспециальное образование. Он вел подготовку педагогов для городских начальных училищ образца 1872 года. За 18 лет своей деятельности из его стен вышло 206 хорошо подготовленных учителей³⁴. В 1876 г. близ Уфы открылась Благовещенская русская учительская семинария, которая за 25 лет выпустила 399 учителей³⁵.

Еще более остро стоял вопрос о подготовке учителей для русско-национальных школ. В 1872 г. в Уфе открылась первая татарско-башкирская учительская школа, которая готовила учителей русского языка. Но министр просвещения Д.А. Толстой, посетивший Уфу в 1876 г., остался не доволен ее «направлением», отметив «вредное влияние» на учащихся местного мусульманского духовенства³⁶. Тогда же учительскую школу перевели в Оренбург под непосредственный надзор попечителя Оренбургского учебного округа П.А. Лавровского и поместили в здании бывшей казахской школы при Пограничной комиссии³⁷. В 1889 г. татаро-башкирская учительская школа прекратила свое существование. За годы своей деятельности она подготовила 63 учителя из башкир и 54 из татар³⁸. В 1882 г. учительская школа для детей марийцев, чувашей и удмуртов воз-

ника в Бирске. Ее открытие планировалось еще в 1872 г., но затянулось на 10 лет из-за недостатка средств у государственного казначейства. К концу XIX в. она выпустила 135 учителей³⁹.

В 1883 г. казахская учительская школа открылась в Орске, где она просуществовала до 1889 года. За это время из ее стен вышло 20 учителей, из которых только 5 не работали в школах⁴⁰. В августе 1889 г. учительская школа из Орска переехала в Оренбург и разместилась в здании только что закрытой татаро-башкирской учительской школы. Причиной перевода послужил пожар 1888 г., который уничтожил часть города, в том числе и школьное здание. До 1895 г. в ней получило подготовку 22 учителя. Кроме того учителей для национальных школ готовили в медресе «Усмания» и «Галия» в Уфе, «Хусаиния» в Оренбурге и «Расулия» в Троицке⁴¹.

Важнейшим показателем, свидетельствовавшим о результатах развития системы начального образования, является уровень грамотности. Во второй половине XIX в. в России грамотным человеком считали того, кто умел читать. Этот вопрос был внесен в бланки Первой всеобщей переписи населения 1897 года. По данным переписи, грамотных в Оренбургской губернии насчитывалось 20,4%, в Пермской – 19,2%, в Уфимской – 16,7%. Таким образом, среди губерний Урала, входивших в Оренбургский учебный округ, лидировала Оренбургская губерния, несмотря на то что в двух других развитием школьного образования занимались еще и земства. Она же ближе всех приблизилась к общероссийскому показателю – 21,1%. Однако перепись показала, что по уровню грамотности губернии Уральского региона значительно отставали от прибалтийских, столичных и центрально-промышленных губерний, где грамотных было: в Эстляндской губернии – 79,9%, Лифляндской – 77,7%, Санкт-Петербургской – 55,1%, в Московской – 40,2%, в Ярославской губернии – 36,2%⁴².

Становление и последующее реформирование системы начального народного образования в регионе шло в сложных условиях, обусловленных как общероссийскими, так и региональными, историческими и социально-экономическими особенностями. Недостаточное финансирование начального образования, проблемы с обеспеченностью школ собственными помещениями, учебными пособиями, библиотеками, низкий образовательный уровень учителей и небольшие размеры их жалования являлись существенными факторами, сдерживающими развитие образования и грамотности на Южном Урале. Крайнее положение, многонациональность региона, его конфессиональное разнообразие, слабая заселенность территорий обусловили активное участие в происходящем местных администраторов, которые, зная специфику края, искали наиболее приемлемые пути развития народного образования. Значитель-

ный вклад в формирование системы начального образования на Южном Урале внесли генерал-губернаторы А.А. Катенин, А.П. Безак, Н.А. Крыжановский, оренбургский гражданский губернатор Е.И. Барановский, атаманы Оренбургского войска И.В. Подуров, К.Н. Боборыкин, атаманы Уральского войска А.Д. Столыпин, Н.А. Веревкин, попечители Оренбургского учебного округа П.А. Лавровский и И.Я. Ростовцев.

В сложившихся условиях, когда Министерство просвещения основное внимание уделяло средним и высшим учебным заведениям, развитие начального образования происходило благодаря общественной инициативе. Готовность населения участвовать в содержании начальных школ свидетельствовало об осознании им важности народного просвещения. Либеральные реформы 60-х гг. выдвинули новые требования к школьной подготовке, что обусловило активизацию образовательной политики Министерства народного просвещения. С введением в 1869–1875 гг. образцовых министерских двухклассных и одноклассных школ Министерство просвещения стало важным участником образовательного процесса в крае. В значительной степени усилению роли Министерства народного просвещения способствовало учреждение в 1875 г. Оренбургского учебного округа, руководство которого вплотную приступило к созданию русско-национальных школ.

Таким образом, к концу XIX в. в регионе сложилась многотипная начальная школа разной ведомственной принадлежности. Отсутствие единой школы ограничивало возможность получения образования, создавало неравные условия для развития школ, усложняло процесс управления начальным образованием, вызывало путаницу в применении законодательных норм.

Примечания

1. Оренбургский губернатор Василий Алексеевич Перовский. Документы, письма, воспоминания. Оренбург: Оренбургское кн. изд-во, 1999. С. 123.
2. Статистические таблицы Российской империи на 1856-й год, составленные и изданные по распоряжению министра внутренних дел Статистическим отделом Центрального статистического комитета. А. Губернии Европейской России. Б. Кавказское наместничество. В. Сибирские губернии и области. СПб., 1858. С. 85, 216–217.
3. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 8. Д. 13. Л. 62.
4. Губернии Российской империи: история и руководители. 1708–1917. М.: Объединенная редакция МВД России. 2003. С. 29; Полное со-

брание законов Российской империи. Собрание второе (ПСЗ – II). Т. XL II. Отделение второе. 1868. № 46380. СПб. 1873. С. 364–365.

5. ПСЗ – II. Т. XXVIII. Отделение первое. № 27293. СПб., 1850. С. 263–264.

6. Национальные окраины Российской империи: Становление и развитие системы управления. М.:Славянский диалог, 1998. С. 327–331.

7. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13502. Л. 41–45.

8. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12979/15. Л. 67.

9. ГАОО. Ф. 6. Оп. 12. Д. 1114 (б). Л. 17–18.

10. ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 38а. Л. 159.

11. ГАОО. Ф. 6. Оп. 12. Д. 1846. Л. 2.

12. ГАОО. Ф. 6. Оп. 12. Д. 233. Л. 59; Оп. 13. Д. 3394/б. Л. 41–42.

13. ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 103. Л. 37.

14. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13541/10. Л. 52об.

15. ГАОО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 2893. Л. 26; Д. 3394/в. Л. 37.

16. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13987. Л. 36–38.

17. Фальборк Г.А., Чарнолуцкий В.И. Настольная книга по народному образованию. СПб., 1904. Т. 3. С. 2185.

18. ГАОО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 3452. Л. 96 об.; Ф. 10. Оп. 9. Д. 24. Л. 38 – 86.

19. ГАОО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 3623. Л. 30; Ф. 6. Оп. 13. Д. 3930 в. Л. 30 об.; Ф. 10. Оп. 9. Д. 45. Л. 52–119. Подсчеты автора.

20. Фальборк Г.А., Чарнолуцкий В.И. Указ. соч. С. 2185; ГАОО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 3930 в. Л. 32.

21. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 330. Оп. 61. Д. 1861. Л. 13об.; ГАОО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 3623. Л. 23.

22. ГАОО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 3623. Л. 30; Ф. 10. Оп. 9. Д. 45. Л. 52–119.

23. ГАОО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 3438/а. Л. 145 об.; Ф. 6. Оп. 13. Д. 3452. Л. 37.

24. ГАОО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 4250/в. Л. 114–118 об.

25. ГАОО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 4250/в. Л. 7 об.

26. Обзор Оренбургской губернии за 1881 г. Приложения ко всеподданнейшему отчету Оренбургского губернатора. Приложение № 8.

27. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8565. Л. 50.

28. РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 18. Д. 43413. Л. 3 об.

29. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14195. Л. 11, 24, 58 об. 59.

30. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14195. Л. 60.

31. ГАОО. Ф. 10. Оп. 9. Д. 31. Л. 296; Ф. 73. Оп. 1. Д. 27. Л. 5–6.

32. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14586. Л. 47–48.

33. ГАОО. Ф. 11. Оп. 6. Д. 62. Л. 333–334 об.; Фальборк Г.А., Чарнолуцкий В.И. Указ. соч. С. 2205–2206.

34. Злобин Ю.П. Подготовка учителей в Оренбуржье во второй по-

ловине XIX и начале XX века // Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург, 1999. С. 10–12.

35. Там же. С. 277.

36. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. М., 1976. С. 504.

37. Оренбург / сост. и науч. ред. Л.И. Футорьянский. Челябинск, 1993. С. 93.

38. История Башкортостана. С древнейших времен до 1917 г. Уфа, 1991. Ч. 1. С. 277.

39. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. М., 1976. С. 504; История Башкортостана. С древнейших времен до 1917 г. Уфа, 1991. Ч. 1. С. 277.

40. Васильев А.В. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. Оренбург, 1896. С. 121–123.

41. История Башкортостана. С древнейших времен до 1917 г. Уфа, 1991. Ч.1. С. 330.

42. Гаврилов Д.В. Грамотность и образовательный уровень населения Урала в конце XIX в. (1885–1900 гг.) // Уральский исторический вестник. 1995. № 2. С. 90.

Р.К. Кузахметов

ОРЕНБУРГСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

Во второй половине XIX – начале XX вв. Оренбург являлся одним из центров востоковедения. Но еще во времена освоения и заселения пространств «новой России» (как называли в XVIII в. Оренбургскую губернию) на Южном Урале появились выдающиеся исследователи истории и культуры коренных народов Срединной Евразии.

У истоков оренбургского востоковедения стоял Петр Иванович Рычков (1712–1777) Его труды «Опыт Казанской истории древних и средних веков», «Краткое известие о татарах...», «История Оренбургская», «Введение к Астраханской топографии» и др. содержат множество сведений о народах и государствах Востока. На страницах сочинений П.И. Рычкова обнаруживается и опыт анализа взаимовлияния культур и этнических процессов.

Ученые-путешественники П.С. Паллас, И.П. Фальк, И.Г. Георги вслед за Рычковым изучали социальный строй и культуру казахского на-

рода. Ряд важных сведений по этнографии казахов содержится в работе путешественника, исследователя различных народов России И.И. Лепехина – «Дневные записки путешествия» (1795 г.).

Обширный материал по истории Средней Азии и Казахстана был собран Григорием Федоровичем Генсом (1787–1845), председателем Оренбургской пограничной комиссии в 1825–1844 гг.

В 1832 г. вышел в свет трехтомный труд А.И. Левшина «Описание киргиз-кайсацких орд и степей», значительная часть материала для которого была собрана во время пребывания автора в Оренбурге.

Сороковые годы XIX в. ознаменовались появлением востоковедческих трудов Н.В. Ханыкова, Я.В. Ханыкова и И.Ф. Бларамберга, А.А. Лемана.

Одним из первых в России обратился к исследованию истории и культуры Казахстана и Средней Азии профессор Василий Васильевич Григорьев (1816–1881), живший в Оренбурге в 1852–1862 годах. После участия в походе В.А. Перовского на Ак-Мечеть в 1853 г. он был назначен председателем Оренбургской пограничной комиссии (с 1859 г. – Областное правление оренбургскими киргизами). Вся деятельность Василия Васильевича на этом посту была направлена на сохранение национальной самобытности, языка и культуры тюркских народов. В.В. Григорьев активно выступал против фактов притеснения этих народов, что нередко шло вразрез с позицией отдельных высокопоставленных губернских чиновников.

В. В. Григорьев был весьма основательно знаком с жизнью и с бытом народов Средней Азии по своей службе в Оренбургском крае, связанной и с поездками вглубь казахских степей, и с многолетним личным контактом с приезжавшими в Оренбург из Бухары, Хивы и Коканда таджиками, узбеками и представителями других народов и племен Средней Азии. В его работах «О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре: записки мирзы Шемса Бухари»; «Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковой крепости»; «О киргизах со времени присоединения их к России»; «Областные великорусские слова восточного происхождения» собраны и систематизированы важные и разнообразные сведения. В.В. Григорьев – автор диссертационного исследования «О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству».

В начале 50-х гг. Василий Васильевич принимается за написание обширного труда «Кабулистан и Кафиристан», предпринятого им в связи с переводом соответствующего тома «Землеведения Азии» К. Риттера на русский язык. Книга эта вышла под чужим именем, а В.В. Григорьев упомянут только в качестве переводчика-комментатора и составителя дополнений (К. Риттер). «Землеведение. География стран Азии, находя-

щихся в непосредственных сношениях с Россией. Кабулистан и Кафиристан. Перевел с присовокуплением критических замечаний и дополнил источниками, изданными в течение последних тридцати лет, В.В. Григорьев, ординарный профессор С.-Петербургского университета по кафедре истории Востока», СПб., 1867). Однако дополнения Григорьева к «Кабулистану и Кафиристану» являются первоклассным и совершенно самостоятельным научным трудом, далеко превосходящим по своей ценности работу самого Риттера, полную ошибок и безнадежно устаревшую. Фактически, он обобщил данные современной ему географической науки и определил дальнейшие ее задачи в исследовании данной страны. Даже по объему текст К. Риттера занимает едва ли одну пятую часть.

Труд В.В. Григорьева «Кабулистан и Кафиристан» для своего времени был серьезным шагом вперед в изучении Афганистана. В. Вельяминов-Зернов писал: «...автор совокупил в одно целое и критически рассмотрел о каждом предмете особо важнейшие из сведений, имеющихся за последние тридцать лет. Знаменательно при этом отношение, в которое умел себя поставить автор к западноевропейской учености, нет и тени рабского преклонения пред именами и авторитетами. Наш ученый относится к ним совершенно свободно и не боится подвергать их критике строгой, но правдивой, в том случае, когда мнения их кажутся ему неосновательными или не вполне заслуживающими одобрения. У нас, к сожалению, это явление довольно редкое. Конечно, чтобы стать на подобную точку зрения относительно западноевропейской учености, надобно самому обладать обширным запасом знаний, быть, одним словом, совершенно на высоте науки и того предмета, который исследуешь. Но именно таким и выказал себя г. Григорьев в своем произведении»¹.

Григорьев любил русскую востоковедную науку и гордился ею. Он высоко ценил богатство русского языка, был глубоким его знатоком, выражая мысли ясным и простым слогом, смело вводил в исследовательский текст живую народную речь.

Исследовательский опыт и материалы, полученные в оренбургский период, послужили основой для создания в дальнейшем фундаментальных трудов. В 1862 г. Григорьев оставил службу в Оренбургском крае, а в следующем – занял кафедру истории Востока в Санкт-Петербургском университете. К этому периоду относятся такие его фундаментальные работы, как «Восточный Туркестан» (1869 и 1873), «О скифском народе саках» (1871).

Научное наследство, оставленное В.В. Григорьевым, обширно и значимо. Он занимался историей, этнографией, географией, восточными языками (персидским и таджикским, арабским, турецким, казахским и другими), археологией, нумизматикой. Несмотря на обремененность в

течение всей жизни административными заботами, он написал свыше 250 статей (научных – оригинальных и переводных, а также публицистических) и более 50 рецензий, перевел на русский язык и издал ряд ценных источников, и в 1854 г. получил звание члена-корреспондента Академии наук.

Василий Васильевич оказал благотворное воздействие на умы окружавшей его молодежи. Немало ученых и просветителей называли его своим учителем. Один из них – просветитель казахского народа, ученый, этнограф, педагог и писатель Ибрай Алтынсарин (1841–1889), который жил и учился в Оренбурге.

Ближайшим соратником В.В. Григорьева был Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов (1830–1904), перу которого принадлежат обширные исследования государств и народов Средней Азии и Казахстана. «Его критическая проверка источников – мы не знаем другого примера в области исторических исследований о Востоке», – отмечал В.В. Григорьев².

Именно В.В. Вельяминов-Зернов разыскал уникальный исторический источник – сочинение Хафизы Таныша «Абдулла-намэ» («История хана Абдуллы»), содержащее подробную историю бухарского хана Абдуллы (1583–1598) с момента его рождения до завоевания им Герата в 997 г. хиджры – 1588–1589 гг. н.э. Ему принадлежит классический перевод текстов этой книги и обстоятельные комментарии к ним.

Важнейший труд В.В. Вельяминова-Зернова – комплексное трехтомное «Исследование о касимовских царях и царевичах», включающее в себя множество материалов по этнокультурной истории татар, казахов, калмыков. История Касимовского ханства рассматривается им во взаимосвязи с другими государственными образованиями того периода.

«Одной из блистательных надежд русского ориентализма» назвал В.В. Григорьев трудившегося в Оренбурге талантливого исследователя Алексея Александровича Бобровникова (1820–1865), автора знаменитой «Грамматики монголо-калмыцкого языка». Пожив среди калмыцких кочевников, Бобровников проникся духом восточной культуры. Его нравственный авторитет был признан казахским населением во время его службы попечителем прилинейных киргизов Орской дистанции.

Активную исследовательскую деятельность вел в Оренбуржье и Туркестане Алексей Иванович Макшеев (1822–1892), участник знаменитой Аральской экспедиции 1848–1849 гг. Вершиной его творчества стали две монографии, посвященные Туркестану. Известный гуманист, Макшеев был полон добрых чувств к тюркским народам и веры в благотворное воздействие России на их развитие.

«Патриархом башкирского краеведения»³ назвал литературовед М.Г. Рахимкулов выдающегося историка, этнографа, первого южно-

уральского археолога Руфа Гавриловича Игнатъева (1818–1886). Востоковед божьей милостью, Игнатъев был влюблен в татарское, башкирское и казахское народное творчество и являлся непревзойденным его знатком. Среди четырехсот (по другим данным – пятисот) его работ выделяются «Этнографические очерки Оренбургского края», не оцененные до сих пор.

«Историческое изучение восточных владений Российской империи и населяющих их инородческих племен должно иметь особенную важность и служить, так сказать, комментарием современного нам поступательного движения», – подчеркивал Владимир Николаевич Витевский (1845–1906), автор трехтомной монографии «И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.»⁴

Во второй половине XIX – начале XX вв. изучение истории и культуры народов Востока стало частью исследовательской деятельности научных обществ: Оренбургского отдела императорского русского географического общества, издавшего 29 выпусков научных трудов, и Оренбургской ученой архивной комиссии, опубликовавшей 35 выпусков своих трудов.

Тесно связано с изучением самых различных сторон истории Туркестана и Казахстана имя члена Оренбургской ученой архивной комиссии, французского исследователя Жозефа-Антуана Кастанье, преподававшего в Оренбургском реальном училище, затем Оренбургской мужской гимназии и Неплюевском кадетском корпусе.

Будучи ученым с разносторонними интересами, Кастанье проявил себя как археолог, этнограф, историк, исследователь религии народов Среднего Востока, один из организаторов охраны памятников истории и культуры. Его работы «Древности Киргизской степи и Оренбургского края» (1910) и «Надгробные сооружения Киргизской степи» (1911) – результат многолетнего изучения памятников мемориально-культурной архитектуры Арало-Каспия. Бесценны дошедшие до нас выводы исследователя: «Древности южной половины (южнее параллели Усть-Урта) Средней Азии вследствие своей роскоши и грандиозности (мечети Самарканда и др.) затмили скромные и бедные памятники северной ее половины, в то время как последние по своей древности и многочисленности заслуживают едва ли не больше внимания, чем первые»⁵. Многие труды Ж.-А. Кастанье, ставшие библиографической редкостью, и сегодня представляют не только историографический интерес. Его исследовательская деятельность в целом – одна из значительных страниц становления истории и краеведения Центральной Азии.

В составе Оренбургской ученой архивной комиссии трудились Александр Ефимович Алекторов (1861–1919), автор нескольких книг и сотен

статей о Казахстане, освещающих его историю, важные аспекты материальной и духовной культуры, и Дмитрий Николаевич Соколов (1867–1919), исследователь башкирской истории, автор знаменитой монографии «О башкирских тамгах», составившей весь XIII выпуск «Трудов» ОУАК.

Действительными членами Оренбургского отдела русского географического общества были представители казахской интеллигенции, окончившие Неплюевский кадетский корпус М.С. Бабаджанов, С. Джантюрин, Тлеу и Альмухамед Сейдалины.

М.С. Бабаджанов стал первым казахским ученым, награжденным серебряной медалью Русского географического общества за цикл статей о материальной и духовной культуре казахского народа и создание коллекции этнографических материалов.

Многотелные усилия этнографа Тлеу Сейдалины увенчались созданием работы «Описание киргиз-кайсацкого быта».

Известным ученым-лингвистом и просветителем был выпускник 1895 г. учительской школы в Оренбурге Байтурсунов Ахмед Байтурсунович. Созданный им первый казахский алфавит (на основе арабской графики) был высоко оценен крупнейшими востоковедами-лингвистами.

На страницах издававшихся в Оренбурге трудов научных обществ были впервые опубликованы произведения народного творчества, собранные и систематизированные представителями плеяды казахской интеллигенции.

Неутомимым собирателем фольклора татар Приуралья был Салихджан Бикташевич Кукляшев (1811–1864), преподававший в 1836–1850 гг. татарский, арабский и персидский языки в Неплюевском кадетском корпусе. С.Б. Кукляшев – автор-составитель словарей и хрестоматий, знаменитого «Сборника татарских рассказов» (1859).

Духовным подвигом явилась подвижническая жизнь Ризаэтдина ибн Фахретдина (1859–1936) – выдающегося ученого-энциклопедиста, писателя, журналиста, педагога, религиозного и общественного деятеля мусульманской России (ряд современных авторов называют его Ризой Фахретдиновым).

Он родился 4 января 1859 г. на древней болгарской земле – в селе Кичучатово (ныне на территории Альметьевского района в Татарстане). В 1889–1891 гг. Ризаэтдин ибн Фахретдин – имам-хагиб мечети в селе Ильбяково Бугульминского уезда, а с 1891 г. – кази Духовного собрания мусульман Внутренней России.

Наиболее плодотворным в научной и просветительской деятельности явился оренбургский период его творчества (1906–1918 гг.). Приехав в Оренбург по приглашению Ш.З. и З.С. Рамиевых, Р. Фахретдинов стал

сотрудником газеты «Вақыт» («Время»), а в 1908–1918 гг. был главным редактором созданного им журнала «Шура» («Совет»). Только на страницах последнего он опубликовал 320 статей.

В 1908–1909 гг. Ризаэтдин ибн Фахретдин был директором медресе «Хусаиния», возглавлял его педагогический и попечительский советы. Проблемам мусульманского образования и воспитания он посвятил 77 книг. В Оренбурге Ризаэтдин ибн Фахретдин написал более 100 книг. В это время у него сложились тесные творческие связи с рядом ученых других стран, с Российской Академией наук.

Бесценный труд ученого, заверченный и изданный в Оренбурге, – историко-биографическая энциклопедия «Асар». Более тысячи жизнеописаний выдающихся деятелей татарского народа дают нам возможность зримо представить историю великой мусульманской цивилизации и культуры на востоке Европы.

В 1922 г. он был избран муфтием Центрального духовного собрания мусульман Внутренней России и Сибири и до конца жизни неустанно выступал против произвола властей, в защиту верующих. В 1926 г. Ризаэтдин ибн Фахретдин возглавлял делегацию нашей страны на 1-м Всемирном конгрессе мусульман в Мекке.

«Главная причина падения и исчезновения нации – это невежество», – подчеркивал великий просветитель татарского народа. Его жизнь, наполненная трудами и бореньями, – пример самоотверженного служения науке и просвещению.

Универсализм дарований и душевная щедрость отличали Ибрагима Мухаррямовича Бикчантаева, знатока восточных языков и культур, преподававшего в 1907–1916 гг. математику и татарскую историю в «Хусаинии» и внесшего значительный вклад в подготовку педагогических кадров на трехгодичных учительских курсах при медресе.

В 1915–1916 гг. он собрал и систематизировал массу статистических сведений о татарских конфессиональных школах Оренбуржья, осуществил анализ состояния школьного дела в крае, охарактеризовал работу новометодных школ. Итогом напряженного труда явилась книга «Мектебе Оренбургской губернии» (1916) – первый научный труд о мусульманских учебных заведениях Южного Урала. И.М. Бикчантаев – автор ряда учебников для мектебе и медресе. «И.М. Бикчантаев, воспитывавшийся с малых лет у чужих, но хороших людей, имел полон дом сирот, которым он старался дать не только кров и пищу, но и образование», – отмечала М.Ф. Рахимкулова. Жизнь И.М. Бикчантаева – пример истиной веры, милосердия и любви к ближнему. Вспомним 90-ю суру Священного Корана: «Знаешь ли, что есть вершина [добродетели]? Отпустить раба на волю или накормить в дни голода сироту ближнего или бедняка оскудевшего».

Салах Камал (Салахетдин Камалетдинов), ставший по окончании Бейрутского университета преподавателем в «Хусаинии», – автор изданных в Оренбурге и Казани книг «Татарский букварь и образцы письма», «Краткий учебник правописания», «Теология», «Знания о культуре, цивилизации и науках», «История ислама», «Атлас по истории ислама» и др.

Как выдающийся исследователь-востоковед и талантливый педагог вошел в историю науки и просвещения Муса Ярулович Бигеев. Получив образование в медресе Бахчисарая и Казани, в вузах Каира и Петербурга, он в 1908–1910 гг. преподавал мусульманское право, арабский язык и литературу в медресе «Хусаиния» и стал автором ряда книг.

Примечательна высокая оценка одного из исследований М.Я. Бигеева, приведенная на страницах журнала «Мир ислама», выходявшего в Петербурге в начале XX в.: «Эта книга является плодом научных работ «современного улема» Мусы эфенди Бигеева. Она... выдвигает самые важные с точки зрения мусульманских догматов, мусульманской жизни и мусульманского прогресса вопросы... Содержание книги направлено к тому, чтобы просветить общественное мнение и породить в сердцах высокие мысли и надежды».

Впоследствии оказавшись в эмиграции в Египте, М.Я. Бигеев стал автором трактатов «История Корана и его списков», «Дни жизни благородного Пророка». «Порядок оценки календарного счета в исламе», «Порядок кредита у арабов» и других сочинений.

В октябре 1920 г. в Оренбурге, являвшемся в 1920–1925 гг. столицей Казахстана, появилось Общество изучения Киргизского края, первым председателем которого стал историк А.П. Чулошников, а его заместителем – П. Гра. В 1925 году появилось новое название – Общество изучения Казахстана. Оно продолжило традиции дореволюционных научных обществ. В составе общества трудились этнографы: А.А. Диваев, А.Л. Мелков, А.А. Четыркина, Н.А. Чулошникова. За 1921–1929 гг. вышли в свет десять выпусков «Трудов» общества.

Результатом неумолимой исследовательской деятельности члена Общества изучения Киргизского края, композитора и музыковеда Александра Викторовича Затаевича стало издание в 1925 г. сборника «1000 песен казахского народа». Р. Роллан определил это событие как «музыкальный подвиг, пример душевной силы».

Работы востоковедов публиковались и на страницах выходивших тогда в Оренбурге журналов «Советская Киргизия» и «Вестник просвещения».

Пробуждению глубокого творческого интереса к истории казахского и башкирского народов способствовали труды Александра Федоровича Рязанова (1879–1929 гг.): «Сорок лет борьбы за национальную независи-

мость казахского народа (1797–1838 гг.): Очерки по истории национального движения Казахстана», «Батыр Сырым Датов», «Прошлое Кызыл-Орды (Ак-Мечеть)» и др.

Крупнейший оренбургский историк советской эпохи Павел Евменович Матвиевский (1904–1987) изучал развитие российско-индийской торговли в XVIII в., опорным пунктом которой стал Оренбург. В статье «Сношения оренбургских татар с Индией» он осветил историю успешных торговых экспедиций в Индию, предпринятых каргалинскими купцами-татарами Н. Саферовым и Я. Ягоферовым в 1753 г., Г. Амировым и Ф. Ефремовым в 1775 году.

В середине 60-х гг. XX в. П.Е. Матвиевский завершил работу над монографией «Оренбург (1735–1862 гг.). Город-крепость и центр русско-казахских взаимоотношений». На ее страницах раскрываются и аспекты духовного общения народов России и Казахстана. Книга П.Е. Матвиевского «Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года» напоминает нам: великие духовные истоки имело братство народов, которое воочию предстало пред миром в лице национальных и казачьих полков Оренбуржья, внесших весомый вклад в освобождение и России, и Западной Европы от наполеоновского нашествия.

В оренбургском востоковедении обнаруживаются богатый опыт объективного исследования истории народов Великой Степи, вдумчивого и трепетного проникновения в их духовный мир. Он позволяет нам увидеть в глубинах евразийского исторического процесса истоки великого братства народов и содружества их культур, личности, судьбы и труды востоковедов стали символами диалога различных этнокультурных миров: тюркского, восточно-славянского, финно-угорского, монгольского.

Примечания

1. Вельяминов-Зернов В. Рецензия на книгу «Землеведение» К. Риттера. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией, Кабулистан и Кафиристан // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. СXXXIV. 1867. Май. С. 625.
2. Григорьев В.В. Рецензия на книгу В.В. Вельяминова-Зернова «Исследование о Касимовских царях и царевичах» // День. 1863. 4.1. № 29.
3. Рахимкулов М.Г. Встреча с Башкирией. Уфа, 1982. С. 37.
4. Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1897. Т. 1. С. 13.
5. Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 22. Оренбург, 1910.

СТАНОВЛЕНИЕ МУСУЛЬМАНСКОГО ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв. (НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В традиционном мусульманском обществе девочек обучали жены священнослужителей, «остабикэ» или «абыстай», как правило, у себя на дому. Целью такого воспитания была подготовка будущих жен и матерей, поэтому учили их только ведению домашнего хозяйства, кулинарному искусству, шитью, вязанию, а также чтению Корана и религиозно-дидактических книг. Для соблюдения приличий, предупреждения возможных нарушений исламской морали им не преподавалось письмо на родном языке. Однако со второй половины XIX столетия в условиях разложения патриархальной общины и укрепления капиталистических отношений, диалога западной и восточной культур в среде российских мусульман начинается постепенно меняться отношение к месту и роли женщины в общественной жизни. В национальной печати, художественной литературе и драматургии со всей остротой поднимаются актуальные вопросы бесправного положения и духовного гнета мусульманок в семье, их изоляции от общества, многоженства. С 80-х гг. XIX в. разворачивается движение за реформирование системы мусульманского образования (джадидизм) на основе внедрения нового звукового метода обучения грамоте, классно-урочной системы, экзаменов, разработки учебных программ, включения в них естественных и гуманитарных дисциплин. В рамках этих процессов на рубеже XIX–XX вв. сначала в городах, а затем и в сельской местности стали появляться частные женские школы, не связанные с конкретными приходами, которые давали не только религиозно-нравственное воспитание, но и светское образование.

В 1897 г. крупный татарский купец и благотворитель Абдулгани Мухаммедгалиевич Хусаинов открыл в Сеитовском посаде (Каргале) женское училище для подготовки кадров новометодных школ, которое возглавляла известная просветительница Махуба-ханум Рамиева, жена золотопромышленника, мецената и поэта Закира Рамиева. В 1910 г. начала работу вторая женская новометодная школа «Мухаррамия», директором которой стала Назира-ханум Гайнуллина¹. К 1916 г. в школах при 1-й соборной мечети Каргалы Ракия Ахмедовна Хисамова, Зейнаб Латыфовна Хисамова, Нафиса Ахмедовна Хисамова и Биби-Размал Мухаммедшариповна Хаялина обучали 120 девочек, при 4-й Асхобземал Исхакова – 30, при 7-й Хуснижамал Якупова – 25 и при 10-й Камима Халитова – 15 девочек².

С 1897 г. на средства купцов Хусаиновых в Оренбурге также была открыта первая новометодная женская школа под руководством Фатимы Мирхамилевны Адамовой (1856 – не ранее 1925). Первоначально круг изучаемых здесь предметов был достаточно узок и включал только основы ислама, татарский язык и рукоделие, но впоследствии в программу были введены русский язык, арифметика, география и другие дисциплины. Жалование педагогам выдавалось из ежемесячной платы за обучение, а все остальные расходы покрывались попечителями школы, оренбургскими купцами Хусаиновыми. В 1910 г. на 3000 руб., завещанные Махмудом Мухаммедгалиевичем Хусаиновым, было приобретено новое здание для училища на углу Каргалинской (ныне Комсомольской) и Мурзакаевской улиц (ныне Зиминской)³. По данным 1918 г., 4 педагога обучали здесь 120 девочек⁴.

К 1900 г. в Оренбурге действовали уже 7 мусульманских женских школ: Фатимы Адамовой в доме Хусаинова на Мурзакаевской ул. (ныне Зиминской), Фахризиган Акушаевой на Николаевской ул. (Советской), Биби-Фатихи Давлетшиной на Лагерной ул. (Первого Мая), Хусниязмал Даминовой в доме Головинского на Каргалинской ул. (Комсомольской), Сарбиямал Курматовой на Крыжановской ул. (Немовской), Бибимуслюмы Шафеевой в Путоловском пер. (Селивановском) и Азмальбопат Хасановой в доме Мистина на Телеграфной ул. (Цвиллинга)⁵.

В 1908 г. открылось мусульманское женское училище Багбустан Мукминовой (1884–1963), которое помещалось в доме Спицына по Балтенковскому пер. (ныне Трофимовскому). Учебный курс в нем был рассчитан на 2 года и включал в себя основы ислама, татарский и русский языки, арифметику и рукоделие. В 1916 г. программа была расширена за счет истории, географии и природоведения, а срок обучения увеличен до 5 лет. В 1915 г. школа насчитывала 120 учениц, окончило курс 10 человек и было вновь принято 30. Из 5 преподавателей 2 женщины получили образование в гимназии, а остальные – в медресе. Обучение было платным, но размер взносов устанавливался с учетом материальных возможностей семьи: для 30 девочек – 2 руб. в месяц, для 50 учениц – 3 руб. и 40 девочек обучались бесплатно. По ходатайству заведующей Б. Мукминовой с 1915 г. из городского бюджета стало выдаваться пособие на содержание школы в размере 150 руб.⁶ Всего за 10 лет работы с 1908 по 1918 гг. это учебное заведение подготовило 1212 девушек, 149 из них стали учительницами в мусульманских школах Оренбургского края⁷. С 1910 г. в губернском центре начала работу еще одна новометодная женская школа «Камалия» под руководством Зайнаб Камалетдиновой⁸.

В 1908–1912 гг. на средства татарских предпринимателей Г. К. Киниева, А.Х. Рахматуллина, Усманова были организованы 3 мусульманских

женских училища в беднейших районах Орска. Так, по журналу Орской городской думы от 18 октября 1908 г. купцу Габбасу Курамшичу Киникееву во временное пользование было бесплатно отведено дворовое место размерами 10 на 10 саженей в центре Новой Форштадтской слободки, в 274-м квартале, под № 67. Он построил на нем 1-этажное деревянное здание мусульманского женского училища на каменном фундаменте с 3 комнатами и 12 окнами, длиной 18 и шириной 12 аршин, которое было обнесено тесовым забором с воротами, а также сарай для хозяйственных нужд. Киникеев специально выбрал район, «населенный магометанами бедного класса», для того чтобы «дети каждого могли посещать училище и получить образование... и тем развить грамотность... среди мусульманских девочек, будущих матерей и воспитательниц своих детей». В 1909 г. он передал построенную им школу «Габбасия» для заведования «Мусульманскому обществу г. Орска»⁹. Ее возглавила Зайнаб Маликова-Абубакирова, а учебная программа была рассчитана на 4 года. «Во исполнение воли словесного завещания» умершего орского купца Ахмедзяна Хабибулловича Рахматуллина его сын Хакимзян и вдова Биби-Магруй Мустафична в 1911 г. построили училище для девочек в Ташкентской слободе на Нагорной ул. (ныне ул. Парижских Коммунаров) и также пожертвовали здание благотворительной организации. Мусульманскую женскую школу «Ахмедзяния» с 4-летним курсом обучения возглавила Биби-Газиза Шарафутдиновна Алимбаева, для которой при ней было устроено особое жилое помещение с кухней¹⁰. Наконец, еще одно Усмановское женское училище располагалось в наемном доме Файзуллина по Кирилловской ул.¹¹

22 февраля 1908 г., умирая, илецкий купец Галимджан Хабибуллин завещал мусульманской общине свой дом¹², где в соответствии с его волей было открыто первое в городе женское мектебе. К 1915 г. в школе при 1-й соборной мечети Илецкой Защиты обучались уже 200 девочек¹³.

В 1910 г. троицким мещанином Габдрахманом Мифтахутдиновичем Ахмаровым была организована начальная женская школа «Сююмбике» с 6-летним курсом обучения. Ее заведующей стала Мариам Черкасова, а преподавателями – Газиз Адгамов и его жена Хаджар, Закир Бакиров, Г. Галиева, Мухаррам Кальметев, Магира Латыпова, М. Терегулова, Нафиса Тухватуллина, Маймуна Шафигуллина, уроки музыки вел окончивший высшую школу учителей в Томске и консерваторию Г. Булатов. Начиная с третьего класса, всем воспитанницам преподавался русский язык. Учебные комнаты были оборудованы партами и грифельными досками, введена школьная форма единого образца. В 1913 г. здесь обучались около 20 девушек. По свидетельству общественного деятеля и предпринимателя А. Менгера, «ни одна другая женская школа того времени

не могла сравниться с «Сююмбике». Из ее стен было выпущено много учительниц. Эти девушки после годичной подготовки могли наравне с другими абитуриентами пробовать свои силы при поступлении в университет»¹⁴. Тем не менее, высокая плата за обучение и ограниченный набор воспитанниц относили эту школу в разряд элитарных

Известно, что состоятельные мусульмане Троицка нанимали своим дочерям персональных учительниц. Однако для большинства горожан частные школы и педагоги были недоступны. Поэтому в конце 1911 г. Шариф Галиевич Бикчентаев, Адиатулла Файзуллович Дюзеев, Мухаметвали Абдулманнафович Ибрагимов, Музафар Мусич Сабитов, Шакиржан Гарифович Учаров и Багаутдин Шафигуллин обратились в Троицкую городскую управу с просьбой открыть за счет местного бюджета 2 начальные женские школы для мусульманок в районах «с преобладающим бедным населением»: одну – в нижней части города, а другую – в Заречной слободке. Смета на следующий 1912 г. была составлена с дефицитом в 37 тыс. руб. Несмотря на это, 2 декабря 1911 г. Троицкая городская дума постановила включить в нее средства на организацию в 1912–1913 уч. г. двух мусульманских женских школ, а также возбудить ходатайство о ежегодном выделении из государственного бюджета по 3765 руб. на каждую (журнал № 118)¹⁵. Заступающий место городского головы Троицка А.П. Бобылев 28 июня 1912 г. за № 175 передал этот вопрос на рассмотрение попечителю Оренбургского учебного округа. Однако чиновник ответил, что в соответствии с установленным порядком сведения о нуждах начального образования должны представляться в Министерство народного просвещения не позднее 1 апреля каждого года. Между тем, Троицкая городская управа уже наняла помещения для будущих школ, «не предполагая, что встретится задержка в разрешении». Для того чтобы они могли приступить к работе с начала учебного года, местные власти согласились принять все расходы на счет городского бюджета, не требуя никакой дополнительной помощи. 20 октября 1912 г. попечитель Оренбургского учебного округа дал согласие на открытие в Троицке двух женских русско-татарских школ, если они будут действовать по Правилам об училищах для инородцев, утвержденных Министерством народного просвещения 1 ноября 1907 г. Предложенная программа не устроила троичских мусульман. По их новому ходатайству директор народных училищ Оренбургской губернии 12 ноября 1913 г. разрешил открыть 2 русско-татарских 1-классных женских училища по образцу существующего в Заречной слободке. Троицкая городская дума выделила по 2661 руб. на содержание каждой из них, рассчитанной на 50 учениц, а организаторы пригласили учительниц из числа мусульманок. Для учебного заведения в нижней части города было намечено пустующее здание 6-го Николаев-

ского приходского училища, а подходящее помещение в Заречной слободке Управа должна была подобрать совместно с представителями мусульманской общины¹⁶.

В сентябре 1914 г. начала работу новая частная мусульманская женская школа в Татарском пер. (ныне ул. 30 лет ВЛКСМ, 3), которая содержалась на средства вдовы купца Абдулвали Ахмеджановича Яушева Ашраф. Первоначально ее возглавляла жена Мингажа-хальфы Гайша-абыстай, а затем для руководства учебным заведением была приглашена выдающийся педагог Мухлиса Буби (1869—1937). Школа состояла из 8 классов: 4 начального и 4 среднего уровня. Кроме основ ислама, здесь преподавали историю, географию и другие светские предметы. При вместимости 160—170 человек в школе обучались не только троицкие мусульманки, но и приезжие девушки из казахских степей, Верного (Алматы), Туркестана, Ташкента, Самарканда и Бухары¹⁷. Ашраф Яушева сама контролировала учебный процесс и успеваемость, постоянно поощряла лучших воспитанниц подарками, а бедным оказывала материальную поддержку. В дни празднования Мавлюда она лично руководила хором учениц, исполнявшим духовные песни (мунажаты), а в другие мусульманские праздники организовывала чтение Корана¹⁸.

Благодаря финансовой поддержке троицких купцов братьев Яушевых начала работу новометодная женская школа при 1-й соборной мечети г. Верхнеуральска. Воспитание девочек ограничивалось изложением основ ислама, татарского языка, арифметики и географии. Женское мектебе нашло приют в доме верхнеуральского мещанина Ахмеджана Музафарова, где преподавала крестьянка деревни Нагадак Стерлитамакского уезда Уфимской губернии Ханифа Арасланова. В 1913—1914 уч. г. оно насчитывало 20 девушек. В 1912 г. с разрешения инспектора народных училищ Верхнеуральского уезда было открыто женское мектебе при 2-й соборной мечети города, которое помещалось на частной квартире в доме Тупицына. Преподавала в нем дочь указного муллы Зубайда Суюндюкова, получившая домашнее образование. Программа обучения принципиально не отличалась от принятой в первом приходе и была рассчитана на 3 года. В 1913—1914 уч. г. во второй женской начальной школе Верхнеуральска занимались 20 учениц¹⁹.

Обучение в мусульманских новометодных школах с преподаванием русского языка давало необходимую подготовку для поступления в правительственные низшие и средние образовательные учреждения. Так, например, к 1915 г. во 2-м женском приходском училище г. Оренбурга занимались 2 мусульманки, в 4-м — 10, в 6-м имени А.С. Пушкина — 5, в 9-м — 3, в 11-м — 1, в женской воскресной школе — 41, во 2-й городской женской гимназии — 2 и в частной женской гимназии с министерскими пра-

вами М.Д. Колмаковой-Комаровой – 11, а всего 75 мусульманок²⁰. В то же время создание национальных средних учебных заведений с преподаванием на родном языке сознательно тормозилось российскими властями. Так, в 1913 г. мусульмане Орска возбудили перед Городской думой коллективное ходатайство о постройке в городе мусульманской женской гимназии. Однако попечитель Оренбургского учебного округа, которому было передано прошение, нашел его преждевременным, указав, что Министерство народного просвещения рассмотрит его не ранее, чем через 3 года, когда будут точно определены свободные финансовые средства²¹.

В конце XIX – начале XX вв. специализированные мусульманские женские школы постепенно появляются и в сельских населенных пунктах Оренбургской губернии: в Аустяново, Бикбулатово, Биккузино, Биккулово, Биктемирово, Давлеткулово, Ибряево, 1-м и 2-м Имангулово, Исянгулово, Кабаново, Каипкулово, Карагузино, Кузебаково, Максютново, Новоаллабердино, Новомусино, Новых Чебеньках, Смак-Аюпово, Староаллабердино, Султакае, Утеево²² и других деревнях. Если в 1905 г. они были отмечены только в двух уездах при 473 школьницах (3,9% учащихся мусульман), то по данным 1915 г. в четырех уездах получали образование уже 2856 мусульманок (18,4%)²³. В отличие от мужских мектебе и медресе большинство мусульманских женских школ не имело собственных зданий, а располагалось в наемных помещениях. Они испытывали серьезные сложности в финансировании оплаты труда преподавательниц и обслуживающего персонала, освещения и отопления, приобретения учебных пособий и канцелярских принадлежностей.

Широкому развитию мусульманского женского образования препятствовало и отсутствие системы подготовки профессиональных педагогических кадров, которая первоначально осуществлялась в рамках самой общеобразовательной школы. В Оренбургской губернии эту проблему пытались решать двумя путями: за счет организации краткосрочных курсов, позволявших быстро повысить квалификацию при широком охвате участниц, или посредством открытия педагогического училища, обеспечивавшего более глубокую и разностороннюю подготовку, но при гораздо больших затратах времени.

Так, например, летом 1911 г. краткосрочные педагогические курсы для женщин устроило «Мусульманское общество г. Орска». 15 мусульманок изучали основы ислама, педагогику, географию, арифметику и другие предметы, по окончании 7 из них получили свидетельства о праве преподавания в начальных школах²⁴.

С 20 мая по 20 июля 1917 г. оренбургским губернским и уездным земствами были организованы методико-педагогические курсы для мусульманских учительниц в деревне Кабановой Оренбургского уезда и

губернии. В них приняли участие около 250 слушательниц из различных регионов, в том числе Средней Азии, Сибири и даже из китайской Манчжурии. Общее руководство курсами осуществляла Сара Касимовна Шакулова, заведующая земской гимназией в Казани, которая окончила историко-филологический факультет Сорбоннского университета во Франции. Были приглашены и другие высококвалифицированные лекторы: М. Абуталипов, М. Акимбетова, К.Н. Березников, С.Н. Бикбулатов, И. М. Бикчентаев, Дж. Валиди, Г. Галиева, М.-Ф.Г. Каримов, Б. Мукминова, Г. Муслими, К. Мухаммадиев, Н.С. Надиев, Х.В. Рамеев, Б.-Р.Т. Сулейманова, И.В. Терегулов, Б. Шараф, С.К. Шарипов. Программа включала: мусульманское вероучение, татарский и русский языки, арифметику, природоведение, географию, рисование, методику, дидактику, обществоведение, школьную гигиену, гимнастику, краткие сведения по дошкольному воспитанию и внешкольному образованию, практические занятия. Для участниц были устроены экскурсии в культурно-просветительские учреждения Оренбурга и в Илецкую Защиту для осмотра соляных копей²⁵.

Закономерным итогом развития мусульманского женского образования в Оренбургской губернии стало открытие в Троицке среднего педагогического училища для подготовки преподавательниц начальных школ. Его устав был утвержден попечителем Оренбургского учебного округа 19 мая 1915 г., что позволило с сентября приступить к работе. Учредительницей и главным спонсором учебного заведения стала вдова ташкентского купца 1-й гильдии Мухаммедшарифа Ахмеджановича Яушева Гайнижамал Багаутдиновна (?–19.09.1927). Мусульманское женское педагогическое училище получило неофициальное название «Дар аль-мугаллимат» (буквально «Дом учительниц» или «Женская учительская семинария»). Оно включало подготовительный и 5 основных классов, где преподавались: вероучение, история ислама, татарский, арабский и русский языки, арифметика, алгебра, геометрия, всеобщая, русская и татарская история, география, природоведение, анатомия, гигиена, элементарные сведения из физики и химии, общая педагогика, дидактика, история педагогики, методика преподавания русского языка и арифметики, рисование, чистописание, рукоделие и основы домашнего хозяйства, музыка и пение. В училище принимались девушки не моложе 12 лет по результатам успешной сдачи экзаменов. С них взималась ежегодная плата в размере 25 руб., но 10% обучавшихся полностью освобождались от нее, а еще 10% вносили только половину суммы, при этом предпочтение отдавалось бедным и способным девушкам²⁶. Директором училища была Ракия-ханум, а в 1917–1918 гг. — педагог, богослов, видный деятель джадидизма Габдулла Буби (1871–1922)²⁷. Здесь преподавали Газиз и Хаджар Адгамовы,

Закир Бакиров, Нияз Максудов, Кадыр Расулев, Ахметтазетдин (Шаги-ахмет) Рахманкулов, Габдулла Сакмари, Марьям-абыстай и др. В 1916 г. на обучение в «Дар аль-мугаллимат» были приняты 62 воспитанницы, а в 1917–1918 уч. году их число возросло до 179. Среди них были не только местные мусульманки, но и приезжие из Оренбурга, Верхнеуральска, Уфы, Атбасара, Петропавловска, Ташкента. Для них Асма Бакирова построила за свой счет 2-этажное здание общежития.

Рассмотрение вопроса приводит нас к следующим выводам. До конца XIX в. образование мусульманок Оренбургской губернии ограничивалось изучением домашнего хозяйства, чтения на татарском и арабском языках под руководством жен священнослужителей. Как следствие, уровень их грамотности был ниже, чем у мужчин. Со второй половины XIX столетия в условиях разложения патриархальной общины и укрепления капиталистических отношений, диалога западной и восточной культур в среде российских мусульман начинается постепенно меняться отношение к месту и роли женщины в общественной жизни. В рамках этого процесса на рубеже XIX–XX вв. сначала в городах, а затем и в сельской местности открываются частные женские школы, не связанные с конкретными приходами. Они обеспечивали уже не только религиозно-нравственное воспитание, но и обучение светским дисциплинам: арифметике, географии, природоведению, истории, русскому языку и др. В отличие от мужских учебных заведений большинство женских школ располагалось в наемных помещениях, испытывало серьезные сложности в финансировании. Широкому развитию мусульманского женского образования препятствовало отсутствие системы подготовки профессиональных педагогических кадров, которая первоначально осуществлялась в рамках самой общеобразовательной школы. В Оренбургской губернии эту проблему пытались решать двумя путями: за счет организации краткосрочных курсов, позволявших быстро повысить квалификацию при широком охвате участниц, или посредством открытия педагогического училища, обеспечивавшего более глубокую и разностороннюю подготовку, но при гораздо больших затратах времени.

Примечания

1. Биктимирова Т. А. Ступени образования до Сорбонны. – Казань: Алма-Лит, 2003. С. 17; Сеитов посад: очерки по истории Оренбургской (Татарской) Каргалы / Р. Искандаров, А. Искандаров. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. С. 65–66.
2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 73. Оп. 1. Д. 307. Л. 10 об.–11, 25 об.–26
3. ГАОО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 2743. Б. п.
4. ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1546. Л. 103.

5. ГАОО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 3366. Л. 44–44 об.
6. Отчет о состоянии народного образования в г. Оренбурге за 1915 г. // Оренбургские городские известия. Апрель–август. Оренбург: Типо-литография Наследницы Бреслина, 1916. С. 55; ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 90. Л. 45–46.
7. Сеитов посад: Очерки по истории Оренбургской (Татарской) Каргалы / Р. Искандаров, А. Искандаров. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. С. 68
8. Рахимкулова М.Ф. Преподавание естественных наук в татарских школах до-революционной России. Оренбург: ИЧП «Агентство «ПРЕССА»», 1998. С. 260
9. ГАОО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–4 об.
10. ГАОО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–5.
11. ГАОО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 3439. Л. 25–25 об.
12. Оренбургская газета. 1908. 4 марта.
13. ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 192. Л. 119–122.
14. Абубакирова М., Шамсутдинов И., Хасанжанова Р. Историю оставить народу своему. Троицк: ЗАО «Типография им. Сыромолотова», 2002. С. 85–86; Гимазова Р.А. Просветительская деятельность Нигматуллиных-Буби. Казань: Печатный двор, 2004. С. 91; Гизатуллин Р. Н. Мусульманские учебные заведения в дореволюционном Троицке // Российский научный форум «Россия. Культура. Будущность». Ч. II. Материалы Международной научно-практической конференции «Россия: взгляд изнутри и outside». Челябинск: ЧГАКИ, ЧИ (филиал) УрАГС, 2005. С. 106.
15. ГАОО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 288. Л. 3–4 об.
16. ГАОО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 288. Л. 2–2 об., 7–7 об., 10–14, 18–18 об., 20, 22.
17. Гимазова Р.А. Просветительская деятельность Нигматуллиных-Буби. Казань: Печатный двор, 2004. С. 90.
18. Абубакирова М., Шамсутдинов И., Хасанжанова Р. Историю оставить народу своему. Троицк: ЗАО «Типография им. Сыромолотова», 2002. С. 79–80.
19. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 618. Л. 312–323 об.
20. Отчет о состоянии народного образования в г. Оренбурге за 1915 г. // Оренбургские городские известия. Апрель–август. Оренбург: Типо-литография Наследницы Бреслина, 1916. С. 20–21, 69, 73, 85.
21. Оренбургский край. 1913. 20 апреля, 5 июня.
22. ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 192. Л. 2–17 об., 22–22 об., 89–89 об., 145 об., 159–159 об.; Д. 245. Л. 2 об. – 23.
23. ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 193. Л. 19 об – 20; Д. 236. Л. 2 об. – 3.
24. Ямаева Л.А. Мусульманский либерализм начала XX в. как общественно-политическое движение. Уфа: Пилем, 2002. С. 202; В мире мусульманства. 1911. 28 октября.
25. Оренбургское земское дело. 1917. 21 мая (3 июня), 4 (17) августа.
26. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 133. Д. 467. Л. 113–115 об.
27. Гимазова Р.А. Просветительская деятельность Нигматуллиных-Буби. Казань: Печатный двор, 2004. С. 88–89.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ НАРОДОВ РЕГИОНА В ПЕРИОД АКТИВНОГО ЗАСЕЛЕНИЯ И КОЛОНИЗАЦИИ РЕГИОНА (XVI–XVIII ВВ.)

Механизмы самоорганизации традиционных культур складываются под влиянием множества факторов, к числу которых можно отнести: особенности территориальных, природно-климатических условий (в которых существует культура и которая определяет механизмы хозяйственно-экономической самоорганизации народов), особенности этноконфессиональной структуры общества, геополитическое положение региона и особенности исторического развития, характер и последствия взаимодействия общества с другими социокультурными системами, а также миграционные процессы (существенным образом влияющие на трансформацию и адаптацию существующих культур региона).

Миграция как общественное явление, как социальный феномен свойственна всем человеческим обществам на различных стадиях их развития. Однако причины, определяющие интенсивность, направленность и состав миграционных потоков, зависят от уровня экономической развитости общественного строя, его территориальной расположенности, природно-климатических условий и гетерогенности состава населения региона.

В то же время недостаточно изученным остается влияние миграции как действенного фактора социальной динамики современного общества, развития экономических, политических, демографических и социокультурных процессов.

Одной из специфических черт, свойственных демографической ситуации на Южном Урале, всегда являлась относительно высокая территориальная подвижность населения и большие перепады в динамике миграции ее населения на всех этапах ее существования. В условиях трансформации региона, изменения политической ситуации и сокращения естественного прироста населения территориальная подвижность оказывалась значимым фактором воспроизводства. Миграция оказывает влияние на многие стороны экономического, социального и даже политического развития региона.

Миграция населения воздействует на общественное развитие и ведет к трансформации в структуре и качественном составе населения: имеют

место тенденции перераспределения населения, экономической селекции, демографических сдвигов, ускорение в развитии социума, а также к трансформации традиционных культур. Именно на территории Южного Урала миграционные потоки оказались тем мощным фактором, оказавшим влияние на самоорганизацию и трансформацию культур.

Миграцию как многофакторное явление более правильно рассматривать как совокупность объективных и субъективных факторов, так как факторы действуют не изолированно, а в совокупности, лишь меняя свою значимость. В зависимости от степени изменчивости они могут быть условно разделены на три группы: постоянно действующие факторы, относительно стационарные и переменные. Последние включают все, что зависит от жизнедеятельности человека¹.

Имея специфическую динамику и эволюцию, этнокультурная среда региона формировалась в течение длительного периода времени под действием факторов разного порядка (природно-климатических, историко-географических, социально-политических, экономических, демографических, миграционных). Одним из важнейших является географическое положение региона на стыке культур, цивилизаций и государственных образований.

Колонизация степей Южного Урала в этот период становится жизненно необходимой геополитической стратегией Российского государства. Началом активного заселения территории Южного Урала русскими подданными стало военное продвижение Русского государства на восток и юго-восток. Прежде всего это захват Казани и падение Казанского ханства в 1552 г., захват Астрахани и Астраханского ханства в 1554 г., добровольное присоединение башкирских племен в 1557 г. В 1588 г. формируется Уфимский уезд с центром в городе Уфе. Границы Уфимского уезда определялись областью кочевания башкирских племен, а именно средним течением реки Волги до предгорий Южного и Среднего Урала, с юга ограничены средним течением реки Урала и на севере – по реке Каме. В 1649 году башкирским племенам предоставили возможность решать самим свои внутренние дела: назначать старейшин, органы управления и т. д. Данная геополитическая стратегия развития региона была выгодна не только России, которая укрепила и обезопасила свои южные рубежи, но и коренным этносам для решения взаимных политических и экономических интересов.

Как территория только присоединенная, малозаселенная, она служила местом поселения различных беглых людей (вольнопоселенцев, разбойников, должников и т.д.). Немаловажную роль в формировании этнокультурной специфики региона сыграло казачество. Существуют различные научные версии происхождения казачества. Так, И.П. Ани-

кин в своем историческом очерке, посвященном исследованиям уральского казачества, опираясь на археологические факты и исторические свидетельства, относит первые поселения казаков к XI в. и выдвигает теорию происхождения казачества от русов — потомков скандинавов («северная» теория). Путем ассимиляции с племенами восточных славян скандинавы-русы (выходцы из Норвегии) создали ядро новой этнической группы, а начиная с XII в. — военно-хозяйственную общину, впоследствии оформившуюся в Яицкое казачье войско. По одной из версий, первыми поселенцами были мигрировавшие группы донских казаков, которые и дали начало культуре казачества. По другой версии, основную массу среди них представляли волжские казаки, которые искали в яицких степях «вольницу». Однако, во многих теориях высказывается идея конгломеративного происхождения казачества, которое и обусловило уникальность данной этнокультурной группы. В 1586 г. был основан городок Кош-Яик, и с 1591 г. волжские казаки именуют себя уже яицкими казаками и представляют отдельную боевую единицу. Небольшие группы казаков по реке Яик положили начало формированию Яицкого казачьего войска. По преданию, яицкие казаки получили от русского царя «владенную грамоту» на реку Яик «с вершин и до устья, с речки и протоки, также, которые в те речки и протоки бегут воды и со всеми угодыями», взамен казаки должны были осуществлять защиту рубежей Русского государства от набегов многочисленных кочевых племен.

Одна из первых волн переселенцев во второй половине XVI в. — вольноказачья — положила начало переселению русских на территорию Южного Урала и формированию славянского этнокультурного мира. Переселенцы этой волны представляли собой православную массу в обоих вариантах: никонианском и старообрядческом.

Во второй половине XVI в. из Среднего Поволжья, одновременно с русскими и представителями других народов (не являясь автохтонными народами Южного Урала), начали переселяться татары и мишари. Часть казанских татар, переселившихся в Приуралье после падения Казанского Ханства в 1552 г., получила позднее название «тептары».

Как видим, на этом этапе активно формируются «ядра» традиционных культур региона и начинается процесс взаимоадаптации организующихся этносов. Этот период положил начало уникальному взаимодействию представителей христианской и мусульманской цивилизаций, позволяющий на сегодняшний день говорить об уникальности и культурной самобытности региона.

Также активная колонизация велась беглыми крестьянами с Поволжья, преследуемыми правительством, раскольниками и другими маргинальными группами. Оренбургские степи и уфимские леса притягивают

все большее число переселенцев, что требует создания административно-управленческого аппарата на обжитых территориях. Если с конца XVII в. Уфимский уезд находился под управлением воеводства, то в 1708 г. образованная Уфимская провинция (указ Петра I от 1700 г.) вошла в состав Казанской губернии. При совместном проживании на одной территории разных по укладу жизни народов неотвратно возникают столкновения. В связи с усилившимися волнениями башкир в 1728 г. Уфимская провинция, за исключением г. Мензелинска, была изъята из ведения Казанской губернии и передана Сибирской губернии, но в 1731 вновь возвращена под управление Казанской губернии.

Надо отметить, что проживающие этносы данного региона (татары, мордва, вотяки, черемисы, донские и яицкие казаки, русские) жили все изолированно. Каждый этнос занимал свою нишу, отвоевывая территорию в процессе столкновений.

15 марта 1744 г. по указу Елизаветы I была создана Оренбургская губерния с центром в г. Оренбурге. Она была образована из Исетской и Уфимской провинций Сибирской губернии и Оренбургской комиссии Астраханской губернии. Также в ее состав были включены Ставропольский уезд и вся Закамская линия.

Российская императрица Анна Иоанновна жалует «Привилегии» 7 июня 1734 г. — этим документом город при устье Ори был назван Оренбургом. В «Привилегии» в духе протекционистской политики предоставлялся широкий простор для заселения Оренбурга. Этим мероприятием правительство Анны Иоанновны намеревалось сделать Оренбург важным стратегическим пунктом во взаимоотношениях России со Средней Азией, Казахстаном.

Конкретные задачи в области восточной политики русского государства начиная с XVIII в. были обусловлены развивавшейся экономикой России (нужны были новые источники сырья и восточные рынки для сбыта изделий) и усилением политического влияния на Востоке (подданство России народов Казахстана и Средней Азии). С этими установками было оформлено в 1731 г. подданство хана Младшего жуза Абулхаира и хана Среднего жуза Сенеке, положившее начало присоединению Казахстана к России.

В первой половине XVIII в. Южное Приуралье (Оренбургская губерния) пополняется притоком беглого населения. Среди факторов, активизирующих миграционные потоки, существенным оказывается массовое крещение языческого населения 1740 г. Чуваши, мордва, удмурты, маришцы, часть татар-магометан переселяются в Южное Приуралье. С 1719 по 1745 гг. число поселенцев возрастает практически вдвое с 20 тысяч душ м.п. до 37 тысяч душ м.п. (по данным I и II ревизии).

Следующая весьма значительная волна переселенцев приходится на период с 1745 по 1782 г. (II–IV ревизии) – около 160 тысяч душ, где на долю русских приходится 71,6 тысяч душ. Вторую по численности группу представляют татары. Русские преимущественно расселялись в Оренбургской и Ставропольской провинции, татары – в Уфимской провинции, а чуваш и мордва – в Оренбургской. Основная масса (более 60%) переселенцев прибывала из соседней Казанской губернии и была представлена преимущественно государственными крестьянами.

Немаловажным фактором, влияющим на формирование региона, была политика властей (с элементами русификации) в достижении поставленных геополитических целей. Интеграция народов в состав Российской империи осуществлялась разнообразными методами. В 1796 г. Уфимское наместничество опять преобразовано в Оренбургскую губернию с переносом столицы в Оренбург. В 1802 г. административный аппарат был переведен в Уфу, но военные учреждения и военный губернатор остались в Оренбурге.

Все без исключения историки признают, что в это время шел быстрый рост населения Оренбургской губернии² и что именно в это время были основаны главнейшие поселения на Южном Урале. Это подтверждается источниками³. Многие историки, характеризуя социально-экономические и политические причины переселения русских крестьян на окраины страны, пришли к выводу, что это было своеобразным протестом против крепостного права, гнета помещиков. Русские крестьяне, покидая свои родные места и переселяясь самовольно на окраины, выражали этим недовольство крепостническими порядками, господствующими в Центре России.

Миграция населения вызывалась начавшимся с середины XVIII в. наступлением правительства и помещиков на казенную деревню, особенно усилившимся в XIX веке. Растущее малоземелье и бедность, а также опасность бунтов в Центре страны вынудили правительство поставить вопрос о переселении государственных крестьян из малоземельных в многоземельные губернии на практическую основу. Для поощрения переселений в конце XVIII в. переселенцам выдавалось небольшое пособие, а в местах нового водворения предоставлялись временные льготы в уплате податей и отбывании рекрутской повинности. Однако, опыт этих переселений, устраиваемый правительством в XVIII в, в целом не был удачным.

Рост населения объяснялся природными богатствами края (обширные и плодородные земли, изобилие природных ископаемых, в особенности железа и меди) и развитием заводского строительства в XVIII в. на территории Южного Урала.

О том, как росло население, мы можем судить по результатам ревизий, проведенных в крае в XVIII веке. Но точные цифры установить трудно, так как имеющиеся материалы ревизий либо не охватывали всей территории Оренбургской губернии, либо содержали данные не о всех группах населения. По I ревизии 1719 г., по исчислениям Кабузана, на Южном Урале насчитывалось 108 518 душ м. п.⁴ II ревизия, по Кабузану, дала 140 662 душ. м. п.⁵ По III ревизии 1762 г., по его же данным, население выросло до 236 040 душ м. п.⁶ По расчетам К. Арсеньева, в 1766 г. по всей Оренбургской губ. числилось лишь 150 329 душ м. п.⁷ По данным «Материалов по истории Башкирской АССР», общая численность населения Оренбургской губ. в 1767 г. доходила до 421 119 душ об. п.⁸

Итого IV ревизии 1782 г., по Кабузану, составил 300 096 душ м. п.⁹, по В.С. Суходольскому и В.М. Черемшанскому — 289 155 душ м. п.¹⁰ Авторы «Очерков по истории Башкирской АССР» исчисляют количество населения в 1781 г. в 259 688 душ м. п.¹¹

К началу XIX в. (1800 г.) население Оренбургской губ. составило 884 787 душ м. п.¹² Если сравнить (по Кабузану) количество населения Южного Урала в 1719 г. (немногим более 200 тыс. душ об. п.) с населением в 1800 г., то оно выросло к началу XIX в. в 4 раза.

Такой прирост населения был возможен лишь благодаря переселенцам. И действительно, переселение русских и нерусских крестьян в Оренбургскую губернию все время возрастало в XVIII веке.

Густонаселенными уездами были уезды, расположенные в западной, центральной и северо-западной частях Оренбургской губ. Слабозаселенными оказались уезды южной и юго-восточной частей края. Промежуточное положение между ними по количеству жителей и населенных пунктов занимали Стерлитамакский и Челябинский уезды.

Что касается национального состава населения, то преобладающим в крае к концу XVIII — началу XIX в. стало русское. В течение XVIII в. оно все время росло. Об этом мы можем судить лишь косвенно — по росту податного населения Оренбургской губ., так как самую значительную часть податного населения составляли русские (главным образом крестьяне). Так, в 1719 г. русских было примерно около 35 тыс. душ об. п., в 1744 г. — около 120 тыс., в 1762 г. — более 250 тыс., в 1782 г. — более 340 тыс., в 1795 г. — около 430 душ об. п.¹³ За столетие русское население выросло в 12 раз.

Вторым по численности народом были башкиры — коренное население края. Сведения о них в XVIII в. самые разноречивые. Согласно «Топографии...» П.И. Рычкова, башкир в 50-х гг. XVIII в. было 106 176 душ об. п.¹⁴ По III ревизии (1761–1767 гг.) — 105 938¹⁵. В 1782–1784 гг. (по IV ревизии) башкир стало 137 407 душ об. п.¹⁶ Они распределялись в это время в Уфимском наместничестве по следующим округам: Уфимский —

15 205 душ об. п. (7 803 душ м. п. и 7 402 душ ж. п.), Бирский — 31 392 (15 796 и 15 596), Белебеевский — 13 653 (6 750 и 6 903), Стерлитамакский — 19 217 (9 893 и 9 324), Бугульминский — 3 135 (1 543 и 1 592), Челябинский — 16 953 (9 058 и 7 895), Оренбургский — 16 090 (8 248 и 7 842), Верхнеуральский — 20 625 (10 938 и 9 687)¹⁷.

Согласно вычислениям В.Э. Дена, башкирское население в Оренбургской губ., по итогам V ревизии и данным государственных окладных книг, исчислялось в 77 329 душ м. п. (примерно 153–154 тыс. душ об. п.)¹⁸.

Р.Г. Кузеев считает данные Дена о башкирах заниженными¹⁹. По его мнению, ближе к истине вычисления Ф.А. Фиельструпа, сделанные им в работе «Этнический состав населения Приуралья»²⁰. По расчетам Фиельструпа, в 1796 г. в Уфимской и Оренбургской губ. было башкир 106 тыс. душ м. п., или 212 тыс. душ об. п.

После башкир по численности шло тептяро-бобыльское население края. Тептяри и бобыли по своему этническому происхождению не являлись отдельным народом, а произошли от смешения представителей различных народностей, связанных между собой единством социально-экономического быта. После издания указа 1736 г., согласно которому тептяри стали наделяться землей за счет башкир, к ним стали приписываться разные выходцы, и число тептярей и бобылей стало быстро возрастать.

Значительную группу переселенцев составляли мишари. Они являлись выходцами из Симбирской и Казанской губ. и были одними из самых ранних переселенцев в Башкирию. Мишари, поселившись на башкирских землях, платили вначале им оброк, но после башкирских восстаний 1735–1740 гг. они были освобождены от уплаты оброка и получили в собственные наделы земли башкир, принимавших участие в восстании.

К концу XVIII в. стали довольно ощутимы результаты освоения русскими крестьянами Оренбургского края. Особенно большие успехи были достигнуты в сельском хозяйстве. К этому времени на Южном Урале окончательно сложились три крупных очага земледелия: в Исетской, Уфимской и Оренбургской провинциях. Главную роль в складывании этих очагов сыграли русские государственные крестьяне, переселившиеся сюда из различных районов Урала и Центральной России.

Русская крестьянская колонизация XVIII в. оказала мощное социально-экономическое влияние на народы Южного Урала, главным образом на башкир и калмыков. Прежде всего следует отметить значительные изменения в хозяйственном укладе башкир. До русской колонизации большинство башкир являлось кочевниками-скотоводами, сельское хозяйство было развито у них слабо. Появление русских крестьян

ускорило процесс перехода башкир к земледелию. С 30-х гг. XVIII в. с притоком русских переселенцев земледелие в северной части Башкирии становится главным занятием населения. Башкиры заимствуют у русских крестьян сельскохозяйственные орудия, учатся обработке почвы, как сеять хлеб и убирать урожай.

В результате развития земледелия началось массовое оседание кочевников-башкир на землю, а вместе с этим и рост материальной обеспеченности, что сказалось на естественном приросте башкирского населения края. Так, по IV ревизии (1782 г.) башкир насчитывалось 71 448 душ м. п.²¹, а по вычислениям Ф.А. Фиельструга, в 1796 г. в Уфимском наместничестве их было 106 000 душ м. п.²² Но основная часть башкирского населения переходила к земледелию очень медленно. Земледелие развивалось быстро и окончательно утвердилось в ряде районов Башкирии к середине XIX века²³.

Земледелие у калмыков также развивалось под влиянием русского крестьянского населения. В 1738 г. из числа калмыков была создана крепость Ставропольская, которая стала отдельной военной калмыцкой колонией, состоящей на службе у русского правительства²⁴. Но средства к жизни калмыки добывали не военной службой, а земледелием и ремеслом, развитие которых происходило целиком под влиянием русских крестьян. На особые участки, созданные в новых русских слободах, со всех калмыцких улусов посылались калмыков по несколько человек с лошадьми, и они должны были там под руководством русских крестьян учиться пахать землю, сеять, снимать и убирать хлеб²⁵. Весь урожай делился на две части: одна откладывалась на семена для будущего посева, а другая раздавалась в те улусы, из которых были работники на этой пашне. От работы на общественной пашне освобождались лишь те, которые у себя в улусах заводили пашни. Это мероприятие – создание общественной запашки у калмыков – имело успех. К концу XVIII в. многие из ставропольских калмыков стали земледельцами.

Развитие металлургической промышленности на Урале внесло в жизнь башкирского народа большие изменения. Железодельные и медеплавильные заводы строились на башкирской территории, и на этих заводах на подсобных работах использовался труд нерусского населения, главным образом башкир. Тем самым население Башкирии приобщалось и к промышленному труду, как и русские государственные и крепостные крестьяне. Общность положения русских и нерусских рабочих людей способствовала их сближению.

Пришлое русское крестьянское население принесло в Башкирию вместе с прогрессивной системой хозяйства и более совершенные формы материальной культуры. Если в Восточной Башкирии основным летним

жилищем скотоводов оставалась войлочная юрта, в Западной Башкирии (кроме южной ее части) юрты в XVIII в. в быту башкир стали редкостью. Западные башкиры жили, как правило, в деревянных избах, одинаковых по типу с русскими избами в Среднем Поволжье. В соседних с русскими селами башкирских деревнях стали применяться в быту столы и скамейки, хотя это еще не приняло повсеместного распространения²⁶.

Одежда западных башкир в течение XVII и XVIII вв. также претерпела заметные изменения. В изменении формы одежды опять сказалось некоторое русское влияние (сапоги, косоворотки)²⁷. Изменился у западных башкир и пищевой рацион²⁸. Постоянное общение с русскими вызвало необходимость овладеть и русской грамотой. В XVIII в. на территории Башкирии открываются русские школы, которые способствовали распространению грамотности среди башкир и усвоению более передовой русской культуры²⁹. Такие же школы были созданы в 1741 г. для калмыков³⁰.

Поселенцам в Оренбурге предоставлялись различные льготы: безвозмездное пользование земель, отведенной под дворы и постройки, помощь казенным строевым лесом с оплатой полученных материалов без процентов в течение 10 лет, освобождение от постоянной повинности. Для привлечения в Оренбург купцов разрешалось в первые три года (1735—1738) не брать пошлин с их товаров. Так были определены основные линии политики русского правительства на первом этапе хозяйственного освоения Оренбургского края. Дальнейшее развитие они получили в правительственных распоряжениях дополнением «Привилегии» был указ от 11 февраля 1736 г., изданный в разгар башкирского восстания, в основу указа был положен вышеупомянутый проект И.К. Кирилова. Этим указом были даны распоряжения по укреплению обороны Оренбургского края и усилению притока русского населения, в частности купцов. Русское правительство продлило срок беспошлинной торговли в Оренбурге еще на шесть лет (1736—1741 гг.). Хозяйственное освоение Оренбургского края стало государственной стратегической задачей: разведка полезных ископаемых, строительство горных заводов, развитие земледелия и торговли.

Формирование культур этносов региона шло под воздействием множества факторов. Природные условия местности оказывали влияние на хозяйственный уклад, особенности землепользования, сезонность работ, орудия труда, пищевой рацион и многое другое. Освоение великой степи (зоны рискованного земледелия) влекло за собой заимствование бытовых навыков, обеспечивающих выживаемость народа в сложных природно-климатических условиях. Взаимодействие культур было неизбежным в формирующемся полиэтническом регионе. Это взаимодействие стало не результатом свободного решения, а скорее отсутствием выбора. Трансформация стала объективным и неизбежным процессом.

Примечания

1. См.: Спицын А.И., Гончаров П.П., Кирхгесснер В.В. Проблемы миграции населения в Оренбуржье. Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2003. С. 3.

2. Арсеньев К. Статистические очерки России. СПб., 1848. С. 101–129; Ханыков Я. Географическое обозрение Оренбургского края // Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1859. Т. 5. Ч. 2. С. 1–37; Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 109–113; Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1971. С. 32–34, 100–115.

3. РГАДА. Ф. 1324 (Каталог спорных дел Оренбургской губернии). Оп. 1. Д. 1725. Л. 1–218; ф. 612 (Мехонская воеводская канцелярия). Оп. 1. Д. 121, 264, 872; ф. 611 (Куртамышская управительская канцелярия). Оп. 1. Д. 234; ф. 429 (Шадринская управительская канцелярия). Оп. 1. Д. 27; ф. 613 (Окуневская управительская канцелярия). Оп. 1. Д. 65; ф. 1355. Оп. 1. Д. 1886 (Экономические примечания к Генеральному межеванию Челябинского у.); д. 1885 (То же, Уфимского у.); д. 1881 (То же, Стерлитамакского у.); д. 1879 (То же, Мензелинского у.); д. 1876 (То же, Бугурусланского у.); д. 1871 (То же, Бирского у.).

4. Кабузан В.М. Указ. соч. С. 52.

5. Там же.

6. Там же. С. 53.

7. Арсеньев К. Указ. соч. С. 101–102.

8. Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1960, т. 5. С. 6 (Далее: Материалы...).

9. Кабузан В.М. Указ. соч. С. 53.

10. Суходольский В.С. Распространение христианства в пределах Оренбургского края в XVIII столетии. Оренбургские губернские ведомости. 1859. № 31. С. 185–189; Черемшанский В.М. Указ. соч. С. 113.

11. Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. Т. 1. Ч. 1. С. 256.

12. РГИА. Ф. 1537. Оп. 1. д. 3. Л. 222–222об.

13. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3, кн. 135 (Дела по Оренбургской экспедиции). Л. 77–103, 105–110 об., 361–366 об.; кн. 144 (Дела по Оренбургской комиссии). Л. 1–752; кн. 151. Л. 168–208 об., 270–273 об., 283–286 об., 369–386, 387–414, 457–462, 516–519; ф. 1355 (Экономические примечания к Генеральному межеванию). Оп. 1. Д. 1871, 1874, 1876, 1879, 1881, 1882, 1884, 1886.

14. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 92–93.

15. Материалы... М., 1956. Т. 4. Ч. 2, № 353, 354. С. 9, 11, 14.

16. Материалы... Т. 5, № 389. С. 382; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. С. 256.

17. Материалы... Т. 5. № 389. С. 381–382.

18. Ден В.Э. Население России по пятой ревизии. М., 1902. Т. 2. С. 287.

19. Кузеев Р.Г. Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI–XX вв. // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1968. Т. 3. С. 241.

20. Фиельструп Ф.А. Этнический состав населения Приуралья. Л., 1926. С. 11, 14.

21. Материалы... Т. 5. № 389. С. 382; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. С. 256.
22. Фиельструп Ф.А. Указ. соч. С. 11, 14.
23. Кузеев Р.Г. Развитие хозяйства у башкир в X–XIX вв. // Археология и этнография Башкирии. Т. 3. С. 296.
24. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. С. 116; РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 134. Л. 1208–1209, 1234–1238.
25. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. С. 118.
26. Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. С. 273.
27. Там же. С. 274.
28. Там же. С. 274–275.
29. Там же. С. 284–287.
30. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 136. Л. 603–626.

Т.И. Тугай

АРХИВНОЕ НАСЛЕДИЕ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ И СОЗДАТЕЛИ ГУБЕРНСКОГО АРХИВНОГО ФОНДА (1919 г.)

«Охранение памятников старины от истребления их временем, людьми и стихиями» — так в одном из протоколов Оренбургской ученой архивной комиссии (ОУАК, 1887–1919 гг.) определялась главная ее задача. Особенно остро эта проблема встала в первые годы советской власти. В предыдущих исследованиях была раскрыта роль последнего председателя ОУАК А.В. Попова, эмиссара музейного отдела НКП архитектора А.А. Стаборовского, петроградского историка А.П. Чулошникова по спасению музейного и архивного наследия Оренбургского края в условиях культурной катастрофы 1917–1920-х гг.¹ В данной статье речь пойдет об организаторах Оренбургского губернского архивного фонда, о тех, кому мы обязаны существованием Государственного архива Оренбургской области, отметившего в 2009 г. 90-летие.

1 июня 1918 г., благодаря непосредственному участию Союза архивных деятелей во главе с А.С. Лаппо-Данилевским, был принят декрет СНК «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР». Видные историки и архивисты разделяли идею необходимости концентрации (централизации) архивных документов, ставя на первое место историко-культурное значение архивов. По их мнению, возникла насущная необходимость в том, чтобы для спасения массы очень ценных архивных материалов, оставшихся бесхозными, был создан единый орган, не-

суший ответственность за архивы². Таким органом по декрету от 1 июня 1918 г. стал Государственный архивный фонд (ГАФ) РСФСР.

Благодаря участию в архивном законодательстве видных отечественных специалистов, ГАФ создавался, как доказали в указанной статье Е.В. Старостин и Т.И. Хорхордина, не для архивной администрации, а для спасения наиболее угрожаемых архивных фондов³. Другой декрет — от 31 марта 1919 г. — утвердил «Положение о губернских архивных фондах». Так была фактически завершена та организаторская работа по сохранению провинциальных архивов, которую еще до революции начинал А.С. Лаппо-Данилевский. Выдающемуся ученому и архивному деятелю не довелось дожить до ее реализации — в 1919 г. он скончался. Результатом законодательства советской власти стала организация губернских архивных фондов, в том числе в Оренбурге.

Тогда же при Наркомпросе было создано Главное управление архивным делом — Главархив (заведующий — Д.Б. Рязанов, с осени 1920 г. — М.Н. Покровский), который перенял функции Союза Архивных деятелей по сохранению центральных и местных архивов. Уже в первом выпуске журнала «Исторический архив» указывалось, что проблема охраны архивов в провинции — «наиболее важная очередная задача» Главархива. Провинциальным архивистам был предложен образец классификации губернских архивов и составлены анкетные листы для сбора сведений об архивных фондах⁴. Особое место отводилось архивам бывших губернских жандармских управлений.

Материалы по истории создания Оренбургского губернского архивного фонда хранятся в ЦГА Республики Казахстан в г. Алматы (ЦГА РК. Ф. 544.). Оренбургско-Тургайский архив, организованный в сентябре 1919 г., находился в ведении Оренбургского Уполномоченного Главархива РСФСР. Эту должность занимал Александр Петрович Михайлов, приступивший к своим обязанностям 16 сентября 1919 г.⁵ Мандат, выданный губернским военным комиссаром, предоставлял уполномоченному Главархива право осмотра тех помещений, в которых находились штабы и управления старой армии, «на предмет извлечения архивных дел»⁶.

Из первых отчетов А.П. Михайлова мы можем составить точную картину того, какой урон нанесли архивам Оренбургского края революция и гражданская война. Сведения о масштабах потерь содержатся в «Акте о состоянии здания и архивных дел архива бывших военных учреждений г. Оренбурга» (23 сент. 1919 г.) и «Отчете о состоянии Оренбургско-Тургайского гubarхива за 1919—1920 гг.», составленных для Главархива⁷.

Так, описывая состояние архива бывших военных учреждений, А.П. Михайлов свидетельствовал: «В начале 1918 г. большевиками была

предпринята попытка поджечь архив. Во время тушения пожара взломали крышу...»⁸. В таком состоянии здание архива оставалось до сентября 1919 г.: «Раскрыта часть крыши, выворочены железные листы, вывернуты замки, выломаны кирпичи, много побито стекол в оконных рамах... Внутри архив представлял такую картину: начиная от порога вплоть до последнего закоулка весь пол покрыт массой архивных дел в самом истерзанном виде, большей частью отдельных изорванных листов, измятых и грязных, большая часть полок отсутствует... Бумагу и деревянные полки растащили солдаты и ребятишки. Это расхищение продолжалось и во время пребывания казаков, особенно усилившись зимой 1918–1919 г., когда за недостатком топлива у жителей, последние таскали целые вороха бумаги»⁹.

В своем отчете за 1919–1920 гг. уполномоченный Главархива охарактеризовал состояние уездных и станичных архивов. Особенно пострадали архивы в Илецке и Орске, несколько раз подвергшихся осаде и бомбардировке. Многие казачьи станицы, как писал Михайлов, были сожжены дотла во время борьбы или карательных экспедиций. «Большинство волостных архивов уничтожено. Уничтожались они с одинаковым старанием и той, и другой стороной — и красными, и белыми»¹⁰, — замечает он. Плачевным было состояние архивов в Краснохолмском районе — в станицах Городище, Кардаилово, Татишево и др.¹¹ Губархив сделал письменное распоряжение по разным уездным учреждениям с просьбой извещать о состоянии архивных дел¹².

А.П. Михайлов установил, какие именно оренбургские фонды погибли или сильно пострадали во время событий 1918–1919 гг.¹³ Так, например, архивы казачьих учреждений: войскового штаба, хозяйственного управления, управы, артиллерийской бригады, архив при музее «Казачья изба» — были «почти целиком уничтожены»¹⁴.

Материалы Михайлова использовал впоследствии научный сотрудник Губархива А.Ф. Рязанов — это видно из протокола его выступления на Первом архивном совещании, проходившем в Оренбурге 9 июня 1927 г.¹⁵ Так, уцелевшие дела Казачьего войскового архива, по свидетельству Рязанова, утратили историческое значение. Фонд Штаба Отдельного Оренбургского Корпуса (1829–1852 гг.) находился «в одном из военных архивов» и погиб во время революции. Сохранились лишь остатки дел, «но благодаря их разрозненности, в большей доле потеряли свою историческую ценность». Фонд Оренбургской и Троицкой таможен «в революционное время без присмотра был оставлен в Караван-Сарае — почему пострадал»¹⁶. Фонд Оренбургской Губернской Земской Управы (1856–1918 гг.) был обнаружен в одном из зданий города в хаотическом беспорядке; часть увезена Дутовым при эвакуации в 1919 г. и погибла. От фонда Оренбургского Дворянского Депутатского Собрания (1790–

1915 г.) — одного из богатейших — осталось всего 23 связки. После эвакуации Дутова в 1919 г. он был брошен на произвол и расхищен.

Коллегия Оренбургского губернского архивного фонда, фактически, продолжила работу ОУАК. В течение 1919—1921 гг. велась переписка с учреждениями Оренбургской губернии о выявлении, учете, состоянии и передаче на государственное хранение документальных материалов. С этой целью были составлены специальные опросные листы¹⁷. Значительную опасность для архивных дел принес «бумажный голод», о котором сообщает А.П. Михайлов — уничтожение документов продолжалось и «в мирных целях»¹⁸.

Вновь встал вопрос о помещении для архива — он так и продолжал находиться при музее. Наконец, было выделено отдельное здание — на углу улиц Перовского и Водяной. Этот дом, по выражению Михайлова, требовал «огромного» ремонта — даже печи в нем были разбиты¹⁹. Он обращается в подотдел принудительных работ с просьбой выделить рабочих, но получает отказ²⁰.

Тем не менее, в неподготовленное здание начали перевозить документы. В период 1919—1920 гг. сюда поступило 22 архива, было перевезено до 180 возов, «так что нижние этажи здания Губархива были буквально до потолка завалены грудой дел»²¹.

Для их разборки необходимы были не просто рабочие руки, а квалифицированные специалисты. Неоценимую роль мог бы сыграть опыт ОУАК. Указывая отделу народного образования в ноябре 1919 г., что создаваемое Губернское архивное бюро не является преемником Архивной комиссии, так как «будет действовать на иных условиях»²², Михайлов, тем не менее, рассчитывал на помощь ее бывших членов, остававшихся в городе.

В организации Оренбургского архивного фонда приняли участие члены бывшей Архивной комиссии — Л.Л. Курашкевич (член ОУАК с 1902 г.) и С.М. Петров (1915 г.). Их подписи, наряду с подписью Михайлова, стоят под его отчетами в Главархив²³. Сергей Михайлович Петров в это время возглавлял школьный отдел ГУБОНО, а Люциан Лаврентьевич Курашкевич был назначен хранителем (заведующим) музеем.

Очевидно, от них Михайлов узнает и о других сотрудниках ОУАК. Он обращается за помощью в разборе и классификации документов к Арману Петровичу Гра²⁴. Впоследствии А.П. Гра будет избран первым почетным членом Общества изучения Киргизского края, созданного в Оренбурге в 1920 г. Общество объявило себя «прямым преемником Архивной комиссии»²⁵. При выборах в состав правления за Гра было отдано наибольшее количество голосов (23)²⁶.

В первые годы советской власти в архивном строительстве принял непосредственное участие еще один член бывшей ОУАК — Николай Ми-

хайлович Чернавский. Местные власти, подвергнув его преследованиям, чуть было не стоивших жизни, в сентябре 1921 г. вверили ему, как «местному историку», Челябинский государственный архив — и Чернавский стал, фактически, его основателем. Главархив, утвердив его на эту должность, заинтересовался и научным наследием старейшего краеведа. Примечательно, что личный фонд Н.М. Чернавского (ныне — в Челябинске) хранился в Оренбурге до середины 1920-х гг. По запросу главного архивного ведомства Центральный краевой архив (КАССР) составил описание этого фонда и отослал в Москву²⁷.

Чернавский провел большую подвижническую деятельность по сохранению местных материалов, требуя внимания властей к архиву²⁸. Усердие и настойчивость опытного архивиста дали свои результаты. К январю 1924 г. в Челябинском архиве числилось уже 162 фонда²⁹, и это несмотря на значительную гибель документальных материалов в годы гражданской войны и бумажный кризис 1920—1921 гг.

В Оренбурге же А.П. Михайлов рассчитывал на помощь в организации губернского фонда другого видного члена ОУАК (с 1910 г.) — Николая Николаевича Модестова. Он пытается найти его. По имевшимся сведениям, тот не покидал город в силу преклонного возраста. О своих долгих и безрезультатных поисках он рассказывает в отчете в Главархив. Наконец, Александр Петрович установил его местонахождение — в Оренбургской тюрьме — и ходатайствует об освобождении. Михайлов обращается за помощью в Главархив (необходимо освободить его!) и характеризует Н.Н. Модестова как «известного ученого и архивного деятеля»³⁰.

Следует заметить, что Н.Н. Модестов был первым исследователем оренбургского периода в жизни и творчестве Т.Г. Шевченко, В.И. Даля, организатора оренбургского музея Ф.К. Зана³¹, изучал начальную историю Оренбурга³². Очерк Н.Н. Модестова (в рукописи) об оренбургском музее хранится в ГАОО³³. Краеведческие изыскания Модестова на протяжении 1914—1916 гг. неоднократно публиковались в журнале «Русский Архив». Накануне революции он вел и активную организаторскую деятельность — в составе библиографической комиссии ОУАК и комиссии по организации музея, был председателем редакционного комитета.

Сложность ситуации по его освобождению в 1919 г. усугублялась тем, что он был священником. Несмотря на то что в Оренбурге он прихода не имел, подписывался всегда: «священник Модестов», а в протоколах ОУАК значился как «о. Модестов». Двойственность положения, в которое он себя поставил еще до революции, имела для него трагические последствия. Все ходатайства Михайлова так и остались безрезультатными — и старейший исследователь оренбургского края, скорее всего, погиб в заключении.

В 1918 г. в ходе «красного террора» на территории РСФСР было уничтожено 827 священнослужителей. В Оренбургской епархии в это же время пострадало не менее 60 священников, из которых 15 были убиты³⁴. В этой ситуации Главархив проявил обеспокоенность судьбой оставшихся бесхозными церковных архивов. По его распоряжению дела духовных консисторий за 1863—1917 гг. передавались в ведение губернских уполномоченных Главархива.

Как было установлено А.П. Михайловым, в период гражданской войны церковные архивы на территории губернии разгрому, в основном, не подвергались³⁵. Коллегия Оренбургского архивного фонда разослала опросные листы об их состоянии и к 23 января 1921 г. собрала в количестве около двухсот заполненных листов, содержавших необходимую информацию³⁶.

Узнав, что под арестом находится священник А.А. Гумилевский 1851 г.р., Михайлов дважды направляет прошения начальнику карательного отряда отпустить его, «как специалиста канцелярского для приведения в порядок архива духовной консистории»³⁷. Наконец, Гумилевского отдали в распоряжение уполномоченного Главархива, но только на двухнедельный срок. Причем начальник потребовал донести ему «в случае саботажа»³⁸. Таких случаев со стороны 68-летнего старика, очевидно, не последовало. Заручившись поддержкой Главархива, Михайлов официально принимает А.А. Гумилевского на службу, и его кандидатура была утверждена Главархивом НКП³⁹.

Этим же способом ему удалось спасти от репрессий и старейшего преподавателя Духовной семинарии, члена ОУАК с 1899 г., исследователя церковной истории — Дмитрия Степановича Медведева. Тот, имея академическое образование, получил в Архивном бюро должность младшего архивариуса⁴⁰. Он также был утвержден Главархивом⁴¹.

А.П. Михайлов обращается с просьбой к заведующему тыловым ополчением, занимавшимся «трудовым воспитанием» служащих старого режима — выделить двух «грамотных рабочих» для разборки архивных дел. И в его распоряжение откомандировывают некоего Билярского⁴². Это стало большой удачей. Николай Александрович Билярский был старейшим архивистом. Его личное дело хранится в фонде Оренбургского архивного бюро (ф. 683) ГАОО⁴³. Двадцатилетним юношей — в 1888 г. — он поступил в Оренбургское губернское правление «канцелярским служителем», а в 1901 г. был назначен помощником архивариуса. После Февральской революции 12 мая 1917 г. постановлением Оренбургского губернского Учредительного собрания его утвердили в должности архивариуса Губернского архива, в которой, не прерывая службы, он состоял и при большевиках. Именно с ним все лето 1920 г. Михайлов проводил, как

он пишет, «весьма интенсивную работу» по перевозке архивов в новое здание⁴⁴. Позже, в 1924 г., в отзыве о Н.А. Билярском руководство Центрального краевого архива отмечало, что только благодаря нему в период Гражданской войны были сохранены ценнейшие для истории архивные материалы⁴⁵.

Михайлов же в своем отчете 1920 г. характеризует его «как весьма знающего свое дело человека», а перед местными властями хлопочет, чтобы взять того на постоянную службу, «как опытного специалиста»⁴⁶. Он просит и Главархив утвердить Билярского в должности архивариуса I-го разряда «как опытного и честного служащего»⁴⁷. Более того, он полагает справедливым назначить ему за предварительную работу по перевозке и разбору документов особое вознаграждение в размере хотя бы половины месячного содержания (1956 руб.) из суммы, определенной Главархивом. С подобным ходатайством Михайлов обращается и в губернский исполком⁴⁸.

Николай Александрович получает удостоверение архивариуса Губернского архивного фонда⁴⁹. А в 1921 г. по рекомендации А.П. Михайлова заменяет того на посту Временно исполняющего должность заведующего Оренбургско-Тургайским губархивом⁵⁰. Его первоочередной задачей теперь было заняться перевозкой всех архивов г. Оренбурга в здание бывшей Духовной консистории, где расположился Центральный архив⁵¹. Однако оплатить труд Билярского до зачисления в штат (за июнь-июль 1920 г.) губисполком отказался, сопроводив свой отказ бюрократически-взыскательным резюме о деятельности губархивбюро в целом: «Примильная выплата производится тогда, когда каждый сотрудник производит усиленную работу за сокращением штата, чего в данном случае не было, и в данное время выплата премиальных денег не производится даже состоящим на лицо сотрудникам, так как администрацией признано, что работа служащих производилась непродуктивно»⁵².

И это невзирая на то, что горстка архивистов создавала заново архивную службу, «когда гражданская война разрушила все аппараты, когда приходилось работать в неотапливаемых помещениях, где замерзала вода, замерзали чернила»⁵³. Работая в таких условиях, они теряли здоровье, не помышляли об отпуске. Н.И. Билярский, например, впервые попросился в отпуск только в 1925 г., незадолго до выхода на пенсию, и то, только потому, что «нуждался в лечении минеральными грязями»⁵⁴. Заболев в 1920 г. острой формой суставного ревматизма, он даже был помещен в больницу. Об этом свидетельствует его рапорт, написанный чужой рукой, в котором он с трудом смог поставить только свою подпись⁵⁵. В июне 1922 г. Николай Александрович заболел брюшным тифом — едва оправился только в сентябре и сразу возобновил работу. На пенсию он был

отправлен по состоянию здоровья — инвалидом II группы⁵⁶. Только за год до этого решено было выдать ему вознаграждение-компенсацию за неиспользованный отпуск, но лишь в размере месячного оклада. В приказе по Центральному краевому архиву КССР прямо указывалось, что т. Билярский потерял здоровье на службе в Губархиве⁵⁷.

Непросто складывались отношения «старых специалистов» с советской властью. Несмотря на призывы большевистских лидеров активно использовать их на «культурной работе», они сталкивались с недоверием и подозрительностью с момента поступления на службу. Вот, например, какую анкету им необходимо было заполнить: «*Принимали ли участие в вооруженной борьбе против советской власти? Если да, то где, когда, в какой должности и по каким побуждениям? Каково было Ваше отношение к Октябрьскому перевороту? Где в это время находились? Владели ли помещьем, фабрикой или торговлей?*» и т.д.⁵⁸ Аналогичные сведения необходимо было предоставить о родителях и других родственниках. Н.И. Билярский, как и многие другие, вынужден был отвечать уклончиво: «сочувственно», отец, хотя и был офицером старой армии, но умер в 1879 г.

А.П. Михайлов хорошо осознавал всю шаткость положения своих подчиненных. Необходимо было утвердить их статус, как советских работников. Он составляет Обращение работников Губархива в Оренбургский местком с просьбой принять их всех в состав «1-го месткома работников просвещения и социалистической культуры» (сам Михайлов состоял членом 3-го месткома)⁵⁹. Это Обращение имело и другую не менее важную цель. Членство в месткоме предоставляло право получать продуктовые карточки, дававшие возможность выжить в условиях голода начала 1920-х гг. Чтобы получить их, необходимо было еще и официальное подтверждение, что служащий действительно является членом союза работников просвещения⁶⁰.

Из списка, данного в приложении к ходатайству Михайлова, мы и узнаем о том, кто же были первые сотрудники Оренбургского архива, созданного в 1919 г. (тогда — Оренбургско-Тургайского губархива)⁶¹:

Это — сам Михайлов Александр Петрович — временный уполномоченный Главархива по Оренбургской губернии;

Билярский Николай Александрович (1867 г.р.) — и.о. старшего архивариуса;

Медведев Дмитрий Степанович (1860 г.р.) — образование — Духовная Академия, 33 года преподавательской службы — и.о. младшего архивариуса;

Гумилевский Александр Алексеевич (1851 г.р.) — образование — Духовная семинария — и.о. секретаря.

Однако созданием оренбургского архивного фонда в это время занимались не только штатные сотрудники губархива. В декабре 1919 г. был создан Историко-статистический отдел⁶². Его основной задачей был учет уцелевших историко-культурных ценностей, подлежащих охране. Заведующим отделом был назначен молодой историк из Петрограда А.П. Чулошников. В январе 1920 г., также под председательством Чулошникова, при отделе народного образования ВРК была создана Ученая комиссия. Среди ее первоочередных задач было «составление инструкций по архивному делу и спасению памятников старины...»⁶³.

Научную квалификацию Чулошникова в области археографии использовал уполномоченный Главархива А.П. Михайлов, пригласивший его на должность исполняющего обязанности архивариуса при Губархиве. Ученому были выданы два удостоверения, дающие ему право осматривать все помещения, в которых находились штабы управления старой армии, а также гражданские учреждения — «для предстоящей централизации архивного дела»⁶⁴.

Подобно А.П. Чулошникову, другой молодой историк, выпускник Московского университета М.Н. Тихомиров (впоследствии академик) тоже отправился в далекую провинцию, где едва закончилась гражданская война. Он активно включился в работу по сохранению исторических памятников на Южном Урале. Обезжая окрестные села, Тихомиров собрал коллекции памятников быта, а на территории Казахстана — рукописи иргизских монастырей. Им был спасен ценнейший архив Оренбургского края — документы и семейные реликвии Аксаковых⁶⁵, имение которых находилось в Бугурусланском уезде тогдашней Самарской губернии.

Усадебные архивы, как известно, более всего пострадали в первые месяцы советской власти. 3 ноября 1918 г. в Оренбург было направлено письмо за подписью С.Ф. Платонова. Известный историк тогда исполнял обязанности заведующего Главного управления архивным делом. В соответствии с декретом от 1 июня 1918 г. (о создании Единого Архивного Фонда) Платонов указывал: «*Существует масса весьма ценных в историческом и культурном отношении архивных материалов и книжных сокровищ, находящихся в частных руках в отдельных городах и, в особенности, в помещичьих усадьбах*»⁶⁶. Далее говорилось об опасности их уничтожения. В связи с этим губернские комиссии должны были незамедлительно принять меры к спасению усадебных архивов и других ценностей.

В своем отчете за 1919–1920 г. А.П. Михайлов отмечал: «*...Еще в более печальном положении оказались архивы частных владельцев. Хотя в Оренбуржье «дворянских гнезд» было немного, и оренбургское дворянство не имело глубоких корней в прошлом, как в других губерниях, тем не менее, и здесь*

происходил разгром «буржуйского имущества». Такая участь постигла все ближайшие к Оренбургу имения – как-то Тимашева, Пащикова, Соколова»⁶⁷.

Описание Тимашевской усадьбы и последовавшего ее разорения местными крестьянами мы находим в недавно вышедшей книге оренбургского краеведа, профессора ОГПИ С.Е. Сорокиной. Было вынесено все, что унести было возможно: зеркала, комоды, шкафы, столы, ванны, посуда, книги, альбомы и прочее из господского дома оказались в сельских избах... Кое-что из мебели и сейчас можно обнаружить, к примеру, в соседней Ивановке⁶⁸. Полностью был разрушен и сравнен с землей памятник-часовня над усыпальницей Тимашевых. В поисках царских орденов вскрывали даже могилы.

Хроника старинного дворянского рода Тимашевых была собрана С.Е. Сорокиной по крупицам. Ее исследование основано на материалах российских архивов и документах, представленных потомками рода. Значительный родословный материал был почерпнут автором из личного фонда А.Е. Тимашева, хранящегося в Российском государственном историческом архиве (СПб) – Ф. 1687. История спасения этого фонда, а точнее – семейного архива Тимашевых – до настоящего времени еще не была известна и может стать дополнением к исследованию С.Е. Сорокиной. Связана она также с деятельностью А.П. Михайлова.

Но прежде всего необходимо сказать о той роли, которую сыграл в этом деле Б.И. Николаевский. Борис Иванович Николаевский (1887–1966) – русский социал-демократ (видный представитель меньшевистского крыла), политический деятель, публицист, историк-архивист, исследователь русского революционного движения, имя которого долгие годы было на родине под запретом. Главным в его жизни были архивы, которым он отдал полвека⁶⁹. После Февральской революции Б.И. Николаевский с увлечением работал в Комиссии для ликвидации дел политического характера бывшего Департамента полиции при Министерстве юстиции, созданной в марте 1917 г. А после ее ликвидации в июне – в Особой комиссии для обследования деятельности бывшего Департамента полиции и подведомственных ему учреждений при Чрезвычайной следственной комиссии. Эта комиссия была создана для расследования «противозаконных по должности действий» бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц. Николаевским были найдены и сохранены многие важнейшие в историческом плане документы. Безусловно, он имел сведения, что семейный архив А.Е. Тимашева – бывшего министра внутренних дел, а с 1856 по 1862 г. начальника штаба корпуса жандармов, управляющего Третьим отделением – должен находиться в родовом имении, в с. Ташла Оренбургского уезда.

Когда началась реформа архивного дела в России, Б.И. Николаевский принимает участие в выработке проекта создания Главного управления архивным делом, а затем занимает должность инспектора Главархива. С 1919 по февраль 1921 г. Николаевский возглавлял Московский историко-революционный архив. Он налаживает государственную архивную службу, спасает брошенные архивы. Одним из первых распоряжений нового ведомства было: «Усадебные архивы... подлежат немедленной доставке в Москву, в хранилище частных архивов»⁷⁰. Так, В.В. Крылов пишет, что именно Николаевским был найден личный архив министра внутренних дел А.Е. Тимашева⁷¹. Башкирский краевед Ф.Д. Ахмерова в книге «Мне не в чем каяться, Россия, пред тобой» (2005), посвященной жизни и деятельности Бориса Николаевского, утверждает, что архив Тимашева был обнаружен им в Уфе (Николаевский был родом из Уфимской губернии).

Обратившись к документам ЦГА РК, мы находим более объективные сведения. Б.И. Николаевский, действительно, в 1919 г. побывал в наших краях, в том числе и в Оренбурге — в качестве инспектора Главархива. У него тогда было вполне определенное поручение «по собиранию документов времени белогвардейского правления» на Урале и Сибири⁷². Итогом этой его поездки стал чемодан документов периода правления А.В. Колчака, сданных им затем в Главархив.

А.П. Михайлов был из его «команды». Именно Николаевский рекомендовал Главархиву утвердить того на должность Временного уполномоченного по Оренбургской губернии⁷³. Тогда же начались их совместные поиски архива Тимашева. Уже после отъезда Б.И. Николаевского из Оренбурга А.П. Михайлов докладывал в Главархив о ходе и результатах этих поисков. Сначала на все свои запросы в Ташлу Александр Михайлович получал неутешительную информацию. Заведующий уездным отделом образования Б.Т. Дульнев (до революции он был директором Ташлинского двухклассного училища) и местный учитель М. Лукьянов в своих ответах заверяли его в том, что *«от архива и следа не осталось... Часть неизвестно куда девалась, а часть по всей вероятности истребили и растащили»*⁷⁴.

Но Михайлова это не убедило, и он проявил редкое упорство в достижении своей цели. Необходимо было получить информацию из «первых рук» — от последнего управляющего имением. Им был некто Поляков, местонахождение которого оставалось неизвестным. Но А.П. Михайлов разыскал его — в Оренбурге. От него он узнал, что из всего усадебного имущества и сохранился только... сундук с *семейным архивом*, «спасенный им заблаговременно»⁷⁵.

Этот архив, несмотря на распоряжение центра, еще долгие годы оставался в Оренбурге. О его содержании и значении мы узнаем из выступле-

ния А.Ф. Рязанова на I архивной конференции в 1927 г. Обширный фонд рода Тимашевых в результате систематизации, проведенной сотрудниками губархива, был разбит на пять отделов: 1. Происхождение рода Тимашевых, 2. Бумаги по управлению именными и хозяйством, 3. Семейная переписка, 4. Государственная служба и общественная деятельность Тимашевых, 5. Фотографии. По мнению А.Ф. Рязанова, «этот фонд земельных магнатов и крепостников Оренбургского края дает много интересных материалов современному историку, много тем — художнику слова»⁷⁶. Данные из него включил впоследствии в свои диссертационные материалы А.П. Чулошников (раздел о башкирском восстании 1735 г.)⁷⁷ Впоследствии это фонд был передан в ЦГИА (СПб).

Что касается Б.И. Николаевского, то после заключения в Бутырской тюрьме в январе 1922 г. его выслали за пределы СССР за «антисоветскую» деятельность. За рубежом он продолжал собирать и исследовать документы по истории освободительного движения и в 1924 г. даже стал официальным представителем Института имени К. Маркса и Ф. Энгельса в Берлине. Однако в 1932 г. советское правительство лишило его гражданства.

Недавно были опубликованы письма матери к нему из советской России, хранящиеся в коллекции Бориса Николаевского в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира. Среди них — и письма из Оренбурга, где она проживала до 1923 г.⁷⁸ Из них мы узнаем, что через нее он пытался восстановить связь с А.П. Михайловым, который в 1922 г. заведовал «академическим отделом Киргизии» (Казахстана)⁷⁹. Б.И. Николаевский хотел получить от него какую-то информацию из Оренбургского архива, и тот выразил готовность оказать содействие, «только имея руководящую нить»⁸⁰. Интересно заметить, что и значительно позже — в начале 1930-х гг. — выдающийся архивист интересовался «оренбургскими» делами. Е.П. Николаевская, уже в Москве, просматривала в библиотеке «Труды ОУАК», упоминала в одном из писем даже Н.Н. Модестова⁸¹. Но что она искала в изданиях Оренбургской архивной комиссии, какое именно поручение сына пыталась выполнить — определить трудно, так как его письма к ней не сохранились.

В письме от 2 июля 1922 г. Евдокия Павловна сообщила сыну: «*Михайлова я искала... когда ты еще сидел в тюрьме. Все это ушло в прошлое. Он умер в дороге, переезжая в Питер к брату. Случайно в одном вагоне с ним ехал до Москвы Николай [зять Б.Н.]*»⁸²

Несколько месяцев спустя, 31 декабря 1922 г., умер старейший деятель ОУАК Арман Петрович Гра. Возможно, по этой же причине в 1923 г. в числе сотрудников Центрального Краевого Архива КАССР, которому отошли все фонды Оренбургского губернского архива, мы уже не встречаем ни имени А.А. Гумилевского, ни Д.С. Медведева⁸³. Последнего, не-

смотря на почтенный возраст, А.П. Михайлов предполагал поставить заведующим после завершения своей работы временного уполномоченного⁸⁴. Из всего первоначального штата остался к 1923 г. только один Н.А. Билирский.

Незадолго до своей скоропостижной кончины Александр Петрович Михайлов писал в Главархив: *«Заканчивая свой отчет, я должен сознаться, что далеко не испытываю чувства полного удовлетворения от результатов своей работы. Но, оглядываясь назад, на пережитое, я прихожу в ужас при воспоминаниях о тех переживаниях, которые пришлось вынести как раз в самый острый момент жизни в Оренбурге в конце 1919 и начале зимы 20 года. Это было время ликвидации колчаковщины, когда Оренбург был переполнен пленными, солдатами и больными. Эпидемии брюшного и сыпного тифа косили без числа людей, которых не успевали хоронить...»*⁸⁵.

Из протокола выступления А.Ф. Рязанова на первом архивном совещании 9 июня 1927 г. мы можем точно установить, какие фонды были спасены в первые годы советской власти. Это – старейший Фонд Оренбургской Комиссии и Оренбургского Губернского правления (1737–1797 гг.), Фонд Канцелярии Оренбургского Военного Губернатора (1797–1881 гг.)⁸⁶, Фонд Жандармского Управления (значится как Секретное отделение предыдущего фонда). Именно за эти фонды еще в 1917–1918 гг. бился председатель ОУАК А.В. Попов⁸⁷.

Материалы последнего явились уже в 1920-е гг. основной источниковой базой для исследовательской деятельности членов архивного бюро и Истпарта по темам – «Политическая ссылка» и «Революция 1905 г.» Весной 1921 г. был образован Главархив при Академическом центре Наркомпроса КАССР, по плану которого предполагалось создать Центральный краевой архив в г. Оренбурге с секцией Архива революции.

В перечне Рязанова указывается один из самых старейших – Фонд Оренбургского и Челябинского Духовных правлений (1740–1880 гг.), а также Фонды Оренбургских губернских учреждений, Фонды губернских судебных учреждений, Фонды Оренбургского и Орского Полицейского управления и Оренбургского полицмейстера, Фонды Оренбургского Инженерного округа и Горного Отдела ОКВ, Фонд статистики (3000 экз.), Газетный фонд (597 связок газет с 1823 г.), Фонды ООРГО и ОУАК, а также – персональные фонды, в том числе А.В. Попова и др. Эти исторические фонды А.Ф. Рязанов назвал важнейшими и дал им краткую характеристику⁸⁸. А после совещания значение Оренбургского архива Рязанов сделал достоянием общественности города⁸⁹. Как следует из доклада на том же совещании заведующего Губархивбюро М.А. Васильева, всего было сохранено **189 дореволюционных фондов**. Это – более половины имевшихся к 1927 г. (из 310)⁹⁰.

Помимо этого необходимо упомянуть и об архивных материалах, переданных к этому времени Башкирской и Казахской АССР. 40 фондов были выделены Кзыл-Орде в связи с разделом архива в 1925–1926 гг.⁹¹ Среди них оказался, например, один из ценнейших – Оренбургской Пограничной Комиссии. А.Ф. Рязанов первым указал на несправедливость принятого решения, «что [было] совершенно неправильно, т.к. фонд смешанного характера и включает в себе дела по управлению не только киргиз-кайсаками, но и Оренбургской областью»⁹².

Что касается другого фонда – Тургайского областного управления (преемника Пограничной комиссии), то в 1925 г. разборочной комиссией Центрального архива КАССР были составлены описи дел, отобранных к уничтожению. Только одни описи заняли 199 листов!⁹³

В 1920 г. Башкирская советская республика изъявила желание собрать все материалы, касающиеся жизни башкирского народа и края. Председатель Башнаркомпроса (Б. Шараф) просил выделить их в организуемый Башкирский Архив из фонда бывшего Губернского правления⁹⁴. Такое разрешение было дано Главным управлением архивного дела (А. Трояновским) с предоставлением описи в Главархив⁹⁵. Главархив мотивировал это решение тем, что централизация и управление архивными фондами должны соответствовать административному делению⁹⁶. Как следует из доклада А.Ф. Рязанова, БАССР передали и фонды башкирско-мещерякского войска⁹⁷.

Все эти материалы были спасены в 1917–1920-х гг., благодаря подвижничеству архивных деятелей, и составили основу не только Оренбургского (ГАОО), но Казахстанского и Башкирского республиканских архивов.

Примечания

1. См. Тугай Т.И. Архивный героизм оренбургского краеведа // Уральские Бирюковские чтения: сб. науч. статей / науч. ред. проф. С.С. Загребин. Вып. 3: Из истории российской интеллигенции. Челябинск: Изд-во «Абрис», 2005. С. 434–441; А.А. Староборовский – организатор Оренбургского музея в 1919 г. // Четвертые Большаковские чтения. Культура Оренбургского края: история и современность: науч.-образ. и культ.-просвет. альманах / науч.ред. С.В. Любичанковский. Оренбург: Печатный дом «Димур», 2009. С. 43–49; Казахстан в жизни и творчестве историка А.П. Чулошникова // Диалог культур: евразийский опыт и региональная специфика: мат.межд. науч.-пр. семинара. Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2009. – С. 429–438.

2. См. Старостин Е.В., Хорхордина Т.И. Декрет об архивном деле 1918 года // Вопросы истории. 1991. № 7–8. С. 41–52.

3. Старостин Е.В., Хорхордина Т.И. Указ. соч. С. 47.

4. Исторический архив. Первая книга. Петроград, 1919 г. С. 2–4, 48–55.

5. ЦГА РК. Ф. 544. Оп. 1. Д. 3. Л. 20–21.

6. Там же. Д. 6. Л. 4.

7. Там же. Д. 4. Лл. 1–12 об.; 13–20 об.
8. Там же. Л. 1.
9. Там же. Л. 1–1 об.
10. Там же. Л. 16 об.
11. Там же. Л. 24.
12. Там же. Л. 16 об.
13. Там же. Лл. 4 об.-10.
14. Там же. Л. 4 об.
15. ЦДНИ ОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 7. Л. 23–26 об.
16. Там же.
17. ЦГА РК. Ф. 544. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–81.
18. Там же. Д. 4. Л. 15.
19. Там же. Л. 3.
20. Там же. Д. 6. Л. 20, 21.
21. Там же. Д. 4. Лл. 3, 17, 18.
22. Там же. Д. 6. Л. 7.
23. Там же. Д. 4. Л. 2 об.
24. Там же. Л. 3.
25. Там же. Ф. 693. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
26. Там же. Л. 4.
27. ЦГА РК. Ф. 544. Оп. 1. Д. 35. Л. 16.
28. См.: Боже, В.С. Краеведы и краеведческие организации Челябинска до 1941 г.: справочное пособие. Челябинск, 1995. 192 с. С. 32; Летописцы земли Уральской. Материалы к истории Челябинского краеведения / сост., науч. ред. В.С. Боже. Челябинск, 1997. – С. 16.
29. Архив – хранитель времени: История архивной службы Челябинской области в документах, воспоминаниях, фотографиях / под ред. А.П. Финадеева. Челябинск: ЧПО «Книга», 2004. С. 23.
30. ЦГА РК. Ф. 544. Оп. 1. Д. 4. Л. 3 об.
31. См.: Отчет о составе и деятельности ОУАК за 1913 г. Оренбург, 1914. С. 28.; Модестов Н.Н. Т.Г. Шевченко как бытописатель и историк Оренбургского края // Труды ОУАК. Оренбург, 1916. Вып. XXXIII. С. 155–163; Он же. В.И. Даль в Оренбурге. Ист. очерк // Труды ОУАК. Оренбург, 1913. Вып. XXVII. С. 1–92; Указатель литературы о жизни и деятельности В.И. Даля, его произведениях и научных трудах // Там же: (в указатель включено 37 названий источников); Он же: Магистр философии Фома Карлович Зан в Оренбурге // Тр. ОУАК. Вып. XXXV. С. 7–55.
32. Модестов Н.Н. Основание г. Оренбурга и первоначальное благоустройство его (по донесению советника Ив. Кир. Кирилова в св. Синод) // Тр. ОУАК. 1917. Вып. XXXV. С. 57–74.
33. ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 123. Л. 1–26.
34. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2001. – С. 159.
35. ЦГА РК. Ф. 544. Оп. 1. Д. 4. Л. 17 об.
36. Там же. Д. 9. Л. 1–200.
37. Там же. Д. 6. Л. 22, 24.
38. ЦГА РК. Ф. 544. Оп. 1. Д. 6. Л. 23.
39. Там же. Л. 27, 31.

40. Там же. Лл. 25, 26, 37.
41. Там же. Лл. 36, 37.
42. Там же. Д. 6. Л. 15, 16.
43. ГАОО. Ф. 683. Оп. 4. Д. 26.
44. ЦГА РК. Ф. 544. Оп. 1. Д. 4. Л. 18.
45. ГАОО. Ф. 683. Оп. 4. Д. 26. Л. 35.
46. ЦГА РК. Ф. 544. Оп. 1. Д. 4. Л. 18; Д. 6. Л. 13.
47. ГАОО. Ф. 683. Оп. 4. Д. 26. Л. 3.
48. Там же. Л. 3, 6.
49. ЦГА РК. Ф. 544. Оп. 1. Д. 6. Л. 17.
50. Прим.: А.П. Михайлов был назначен заведующим Главархивом при НКП КАССР.
51. ГАОО. Ф. 683. Оп. 4. Д. 26. Л. 14.
52. Там же. Л. 7.
53. ГАОО. Ф. 683. Оп. 4. Д. 26. Л. 35.
54. Там же. Л. 40.
55. Там же. Л. 27.
56. Там же. Л. 42.
57. Там же. Л. 33.
58. Там же. Л. 23–24.
59. ЦГА РК. Ф. 544. Оп. 1. Д. 6. Л. 38.
60. См.: ГАОО. Ф. 683. Оп. 4. Д. 26. Л. 10.
61. ЦГА РК. Ф. 544. Оп. 1. Д. 6. Л. 37.
62. Ахметова С.Ш. Историческое краеведение в Казахстане / С.Ш. Ахметова. — Алма-Ата: Казахстан, 1982. С. 80.
63. ЦГА РК. Ф. 921. Оп. 1. Д. 30. Л. 10.
64. Там же. Ф. 544. Оп. 1. Д. 6. Л. 6, 8.
65. См.: Шмидт С.О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество: краеведческий альманах / [сост. М.И. Корнилова]. М.: Профиздат, 1990. Вып. I. С. 18; Фурорьянский Л.И. Интеллигенция и культурная жизнь на Южном Урале в годы гражданской войны / Интеллигент в провинции: сб. ст. / отв. ред. проф. М.Е. Главацкий. Екатеринбург, 1997. Вып. 2. С. 154–156.
66. ЦГА РК. Ф. 544. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–2.
67. ЦГА РК. Ф. 544. Оп. 1. Д. 4. Л. 16.
68. Сорокина С.Е. Усадьба на фоне истории. Хроника рода Тимашевых. Оренбург: ООО «Оренб. кн. изд-во, 2006. С. 565–566.
69. Крылов В.В. Его страстью был архивизм (о Б.И. Николаевском) // Отечественные архивы. 1995. № 3. С. 25–36.
70. Сборник декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу / Главное архивное управление РСФСР. М., 1921. С. 75.
71. Крылов В.В. Указ. соч.
72. ЦГА РК. Ф. 544. Оп. 1. Д. 4. Л. 13.
73. Там же. Д. 6. Л. 5.
74. Там же. Д. 4. Л. 21.
75. ЦГА РК. Ф. 544. Оп. 1. Д. 4. Л. 16.
76. ЦДНИ ОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 7. Л. 16 об.
77. НА ИРИ РАН. Ф.11 «У». Оп. 1. Д. 7. Лл. 1–168, 47.

78. Николаевская Е. Жизнь не имеет жалости: письма 1922–1935 гг. сыну Борису Ивановичу Николаевскому из Оренбурга и Москвы в Берлин и Париж / Идея, составление и ком. А. Ненарокова. М. – Стэнфорд: РОССПЭН, Изд-во Гуверовского института, 2005. 416 с.

79. Прим.: Весной 1921 г. был образован Главархив при Академическом центре Наркомпроса КАССР.

80. Николаевская Е. Жизнь не имеет жалости... С. 49–50.

81. Там же. С. 271.

82. Там же. С. 55.

83. ЦДНИ ОО. Ф. 7924. Оп.1. Д. 7. Л. 17.

84. ЦГА РК. Ф. 544. Оп. 1. Д. 35. Л. 25, 26.

85. ЦГА РК. Ф. 544. Оп. 1. Д. 4. Л. 20 об.

86. Прим: Летом 2003 г. он сильно пострадал от пожара – в частности, фонды № 6, 10, 11 – Канцелярии генерал-губернатора, насчитывавшие 38072 ед.хр.

87. См.: Тугай Т.И. Указ.соч.

88. ЦДНИ ОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 7. Л. 23–26 об.

89. Рязанов А.Ф. Историческое значение Оренбургского Архива // Вестник просвещенца. Оренбург, 1927–1928. № 9–10.

90. ЦДНИ ОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 7. Л. 14.

91. Там же.

92. Там же. Л. 22.

93. ЦГА РК. Ф. 544. Оп. 1. Д. 43.

94. Там же. Д. 3. Л. 3.

95. Там же. Л. 9, 11.

96. Там же. Л. 26.

97. ЦДНИ ОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 7. Л. 22 об.

А.Н. Дубинин

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ НАРОДОВ ЮЖНОГО УРАЛА (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Рубеж XIX–XX вв. чрезвычайно богат на события, определившие судьбы страны и Оренбургского края на многие десятилетия вперед, – именно в этот период зарождались истоки многих социально-политических и иных процессов и тенденций, приведших в новом, XX столетии страну и мир к революционным и военным потрясениям.

В ряду этих событий и явлений, коренным образом изменивших судьбы Оренбуржья и оренбуржцев – русско-японская война 1904–1905 гг.

и буржуазно-демократическая революция 1905–1907 гг., зарождение парламентаризма и аграрная реформа П.А. Столыпина, Первая мировая война 1914–1918 гг., вторая (Февральская) буржуазно-демократическая и социалистическая (Октябрьская) революции и другие.

Первая буржуазно-демократическая революция способствовала гражданскому пробуждению российского общества; развитию общественного – рабочего, аграрного и национально-освободительного движения против социального и национального видов угнетения, за гражданские права и свободы.

Революционные события в Оренбургской губернии проявились, в частности, в развертывании стачечной и забастовочной борьбы железнодорожников Оренбурга; выступлениях крестьян в уездах; возникновении национального (мусульманского) движения и др.

Своеобразным катализатором этих и других процессов выступала и периодическая печать Оренбуржья начала XX в.

Выяснению ее места в общественной жизни края занимались в последние два десятилетия немало оренбургских историков и краеведов, результаты исследований которых существенно расширяют наши представления об этой интереснейшей во всех отношениях социокультурной эпохе.

Следовало бы отметить в этой связи публикации Б.Б. Алимбаевой, В.В. Амелина, Г.И. Вертоусовой, Т.А. Камсковой, Д.А. Сафонова, Т.В. Судоргиной и др.²

В этот период газетно-журнальный мир представлял собой достаточно широкий спектр официальных изданий, изданий частных лиц, общественных объединений и организаций – газет, журналов и др. (например, «Записки» и «Труды» научных сообществ; «Справочные книжки Оренбургской губернии», «Адрес-календари», «Адрес-календари и Памятные книжки Оренбургской губернии» и др.).

Если в первые годы начавшегося столетия в губернии пресса была представлена единицами печатных изданий, то в последующие годы, особенно после опубликования 17 октября 1905 г. Манифеста Николая II «Об усовершенствовании государственного порядка», обещавшего, в том числе, и свободу печати, становится все более заметной тенденция как количественного роста изданий, так и жанрового разнообразия оренбургской периодики.

Деятельность печатных средств информации в стране стала регламентироваться «Временными правилами о повременных изданиях» от 24 ноября 1905 г. Для печатных изданий отменялись предварительная цензура и система административных взысканий; отменялось право министра внутренних дел воспрещать обсуждение в печати вопросов государственной важности и т.д.

Старейшим из печатных губернских изданий оставалась обновленная газета «Оренбургские губернские ведомости» («Ежедневное издание оренбургских губернских ведомостей»). В 1896 г. неофициальный отдел газеты стал издаваться отдельно под заголовком «Неофициальный отдел «Оренбургских губернских ведомостей». Редактором «Неофициального отдела» был назначен Н. Иванов, член Ученой архивной комиссии. С 1 января 1897 г. «Ведомости», при поддержке губернатора В.И. Ершова, превратились из еженедельного в ежедневное издание, сохранив доминирующее положение на рынке периодики губернии.

Материалы в газете публиковались с этого времени по расширенной, чем прежде, программе: телеграммы Российского агентства; иностранные известия; русская жизнь; сообщения из жизни губернии; городская хроника; корреспонденции; статьи и исследования по истории, этнографии, статистике, сельскому хозяйству, торговле, промышленности и другие; фельетоны; театр и музыка; судебная хроника; смесь; справочный отдел; календарные даты; объявления.

К официальной прессе, наряду с «Оренбургскими губернскими ведомостями», относились и «Тургайские областные ведомости» (официальная и неофициальная части) — еженедельная газета на киргизском языке (Оренбург, 1891—1917); с 1895 г. — с приложением — «Тургайской газетой», содержащим только неофициальную часть.

Старейшим из частных изданий и первым по времени появления в губернии была еженедельная газета «Оренбургский листок» (1876—1906). Издатель и редактор — И.И. Евфимовский-Мировицкий. В 1887 г. в ней появилось приложение — «Листок объявлений».

«Оренбургский листок» был не только общественно-литературной газетой, но и научным изданием. В нем публиковались материалы по этнографии, археологии, географии и истории. Благодаря подвижнической деятельности И.И. Евфимовского-Мировицкого газета стала летописью не только города Оренбурга, но и всего края. После кончины в 1905 г. редактора вскоре прекратила свое существование и газета.

«Оренбургский листок» не являлся единственным частным периодическим изданием в губернии. В последнее десятилетие XIX в. (1892—1894) Н.А. Баратынским (издатель и редактор) три раза в неделю в Оренбурге издавалась либеральная газета «Оренбургский край». На ее страницах публиковались, в частности, материалы по истории и этнографии края, стихи и проза оренбургских авторов — Л. Исакова, Н. Иванова, И.С. Шукшинцева, А.Е. Алекторова, Н.Н. Фирсова и др.

На частные средства в Орске с 1914 г. издавалась первая ежедневная городская газета «Орский телеграф», публиковавшая, главным образом, телеграммы Петроградского телеграфного агентства и местную рекламу.

Период после 1905 г. стал временем появления в губернии множества новых печатных изданий, в том числе такого необычного прежде типа, как партийные издания. Некоторые из них, правда, просуществовав непродолжительное время, исчезали или меняли свое название.

В 1905 г. в Оренбурге вышел из печати первый номер общественно-политической и литературной газеты «Голос Оренбуржья», а в 1906-м — в Челябинске — ежедневная газета «Труд», отражавшие платформу Союза 17 октября.

С мая 1906 г. в Оренбурге издавалась легальная газета Оренбургской организации РСДРП(б) «Степь». Впоследствии, из-за преследования властями, выходила под названиями «Наш путь» и «Простор» (январь—сентябрь 1907 г.).

В 1907 г. при поддержке Уральского областного и Уфимского комитетов РСДРП непродолжительное время (вышел всего 31 номер) издавалась первая (на татарском языке) легальная социал-демократическая газета «Урал». Издание было запрещено властями. В 1907 же году в Оренбурге вышел из печати первый и единственный номер социал-демократической газеты «Пахарь».

Такая же судьба была и у челябинской газеты «Голос рабочего», издание которой было предпринято в 1908 г. «по соглашению Челябинского и Златоустовского комитетов» РСДРП. Были выпущены всего два номера, а на 3-м подпольная типография была обнаружена и разгромлена жандармами.

Промонархическая печать в губернии была представлена газетой «Правый путь» (1907).

В этот же период зарождается национальная (иноязычная) пресса. Появились периодические издания, отражающие взгляды и потребности татарского, башкирского, казахского этносов губернии на их языках.

Оренбург стал местом издания таких региональных изданий, как газета «Вақыт» (с 1906 г., редактор — Р. Фахретдинов³) и «литературный, научный и политический» журнал «Шуро» (1908—1917, редактор — Р. Фахретдинов). Издателями выступили братья Ш. и З. Рамиевы, золотопромышленники и меценаты. С либеральных позиций «Вақыт» и «Шуро» освещали жизнь, историю и культуру татарского и башкирского мусульманского населения Урала и Поволжья. В изданиях печатались писатели, журналисты и общественные деятели Р. Фахретдинов, А. Валиди, Х. Габитов, Г. Сулейманов, Ш. Бабич и др.

К числу изданий консервативного мусульманского духовенства относился журнал «Денъя ва магыйшат», издававшийся товариществом оренбургских и каргалинских имамов. На татарском же языке издавались и сатирические журналы «Чикертка» (1906, как приложение к журналу

«Саранча» издателя и редактора П.А. Александрова), «Чукеч» (1906–1910), «Карчыга» (1906–1907), «Яз» (1907).

Позиции различных идейно-политических течений казахской национальной интеллигенции выражали журнал «Айкап» (1911–1915 гг., издатель и редактор – М. Сералин) и газета «Казах» (1913–1918), также издававшиеся в Оренбурге.

Журнал «Айкап» отражал аграрно-демократические настроения идейно-политической мысли в Казахстане. Газета «Казах» придерживалась либерально-демократических позиций. На их страницах освещались проблемы аграрных отношений, просвещения и знаний, развития товарно-денежных отношений в казахском ауле, разоблачалась колонизаторская политика царизма. В числе сотрудников этих изданий – Ж. Сейдалин, С. Сейфуллин, Б. Майлин, лидер казахской конституционно-демократической партии и общенационального движения казахского народа, ученый-экономист А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов и другие.

Спектр изданий был весьма широк – издавались также педагогические, литературные, сатирические и другие газеты и журналы.

В губернии распространялся, например, «Вестник Оренбургского учебного округа», издававшийся в 1912–1915 гг. в Уфе (редактор – М.А. Миропиев). Каждый номер журнала содержал официальный отдел (законоположения по Министерству народного просвещения, распоряжения попечителя округа, инспекторов народных училищ, сведения о перемещении, награждении преподавательских кадров и т.п.), педагогический (статьи по дидактике и методике преподавания, библиографические и критические материалы, школьная хроника) и научный (материалы по истории, географии и этнографии края).

Дирекция народных училищ Оренбургской губернии в 1907–1910 гг. издавала журнал «Оренбургские педагогические записки» (редактор – Н.А. Спицын). Всего вышло 16 номеров. Значительное место в журнале занимала школьная хроника края – информация о народных чтениях, педагогических совещаниях, школьных экскурсиях.

С 1907 г. в Оренбурге Обществом взаимной помощи учителям и учащимся в начальных училищах Оренбургской губернии издавался журнал «Учительский вестник».

Из периодических изданий религиозных конфессий, представленных в губернии, кроме изданий мусульман, следует отметить и издания православной церкви. Это – «Оренбургские епархиальные ведомости» – официальный печатный орган Оренбургской епархии (Оренбург, 1873–1917). Инициатор издания – секретарь Оренбургской духовной консистории И.И. Евфимовский-Мировицкий, редактор неофициального отдела.

В официальной части «Ведомостей» печатались распоряжения епархиальной и вышестоящей властей; сведения о продвижении по службе и награждении клириков епархии; протоколы и журналы заседаний съездов духовенства и другие материалы. Неофициальная часть состояла, помимо материалов богословского характера, из публикаций по истории края и народного образования, церковно-статистических описаний приходов, этнографических и бытовых наблюдений. Среди авторов — Р.Г. Игнатъев, В.Н. Витевский, Н.М. Чернавский, И.А. Сперанский, И.П. Кречетович.

В апреле—декабре 1917 г. вместо «Оренбургских епархиальных ведомостей» стали издаваться «Оренбургский церковно-общественный вестник» (редактор — Н.М. Чернавский), освещавший события церковной и общественной жизни Оренбургской епархии с право-консервативных позиций, и «Церковно-школьный листок оренбургской епархии» (редактор — А.П. Пинегин).

Газеты и журналы в городах и других населенных пунктах губернии можно было приобрести в киосках, у уличных разносчиков или получить по подписке. Список центральных российских изданий, получаемых в губернии, был довольно внушительным. Только в Челябинске, например, в 1911 г. горожане выписывали газеты и журналы 161 названия — «Русское слово», «Биржевые ведомости», «Сенатские объявления» и др.

В 1917 г., после свержения царизма в губернии, как и в стране в целом, складывается иная политическая и социокультурная ситуация.

Изменяются условия функционирования и периодических изданий. Появляется множество различных, прежде всего партийно-политических газет и журналов, издание которых было невозможно в условиях царской власти. В Оренбурге это — газеты «Заря» Совета рабочих депутатов (редактор — Ф.А. Булкин), «Свободное слово солдата» Совета солдатских депутатов, проправительственный «Оренбургский губернский вестник»; «Оренбургский казачий вестник»; в Челябинске — «Известия Челябинского военно-революционного комитета» (1917), кадетская «Народная свобода», «Союзная мысль» и многие другие.

Но это уже другая история, у которой тоже, к счастью, имеются свои летописцы.

Примечания

1. Периодическая печать — совокупность всех произведений печати, появляющихся периодически, в определенные (редко — неопределенные) сроки. Сюда относятся газеты, журналы, сборники, обзоры. На языке российского законодательства того времени периодическая печать обозначалась — «Повременные издания».

2. См.: Алимбаева Б.Б. Роль печати в культурном развитии казахского народа // Этнополитические процессы в трансформирующемся российском обществе: мате-

риалы межрегион. науч.-практ. конф. Оренбург, 2005. С. 158–162; Амелин В.В. Из истории национальной прессы в Оренбуржье // Пресса и общество: к 300-летию российской печати: материалы обл. научно-практ. конф. Оренбург, 2003; Вертоусова Г.И. И. Евфимовский-Мировицкий – издатель первой частной газеты в Оренбурге (1839–1905 гг.) // Украинцы в Оренбургском крае: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 150-летию со дня пребывания Т.Г. Шевченко в Оренб. крае. Оренбург, 1997. С. 161–163; Камскова Т.А. Оренбургские страницы журнала «Мусульманин» // Татары в Оренбургском крае: науч.-практ. конф.: тез. докл. Оренбург, 1996. С. 78–80; Капустин В.И. 300-летие российской печати. Славянский вопрос на ее страницах // Культура славян Оренбуржья: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Оренбург, 2003. С. 147–150; Кутушев Р.Ф. Национальная пресса в Оренбурге в 1905–1907 гг. // Оренбургу – 250 лет: программа и материалы науч. конф., посвящ. юбилею города. Оренбург, 1993. С. 78–80; Национальные меньшинства Оренбуржья (хроника общественной и культурной жизни по материалам периодической печати конца XIX-начала XX вв.) / сост. А.В. Амелин. Оренбург, 2003; Оренбургский край // Уральский месяцеслов. 1992: Календарь-справ. Челябинск, 1991. С. 255–256; Пресса и общество: к 300-летию российской печати: материалы обл. научно-практ. конф. Оренбург, 2003. Ч. 1. 2003; Сафонов Д.А. Периодика Оренбургского края: основные вехи истории // Пресса и общество: к 300-летию российской печати: материалы обл. научно-практ. конф. Оренбург, 2003; Судоргина Т.В. Местная периодическая печать последней четверти XIX в. о жизни еврейского населения г. Оренбурга // Евреи в Оренбургском крае: материалы науч.-практ. конф. Оренбург, 1998. С. 23–29; Она же. Оренбургская пресса последней четверти XIX-начала XX вв. о народах, населяющих Оренбуржье // Роль средств массовой информации в профилактике и нейтрализации этнического экстремизма: Материалы заседания пробл.-целевого семинара. Оренбург, 2002. С. 89–92.

3. Выдающийся просветитель, богослов, писатель, журналист Р. Фахретдинов (1859–1936) еще в конце 1880-х гг. в рамках программы реформ просвещения составил проект об издании единой газеты для тюркских народов Урала и Поволжья.

СОХРАНЕНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В 20–30 гг. XX СТОЛЕТИЯ

Одним из важнейших вопросов в советской культурной политике был вопрос сохранения русской классики в театральном искусстве. Однако этот вопрос носил проблемный характер, что было следствием значительных разногласий между лидерами ВКП(б) относительно места и значения культурного наследия царской России для России новой – социалистической. Борьба за власть в стране носила не только политический и военный, но, безусловно, и идеологический характер, поскольку именно распространение и укрепление в общественном сознании новых ценностей и стереотипов позволило бы получить одобрение созданной государственно-политической системы и, следовательно, обеспечило бы в конечном итоге возможность господства большевистской партии. Задача идеологического воздействия на народные массы отводилась как образовательной сфере, так и сфере искусства. На период установления советской власти и гражданской войны искусство играло более важную роль в реализации указанных целей, так как подавляющая часть населения была безграмотна, и соответственно эффективно воздействовать на ее сознание можно было только через художественные образы. При этом власть стремилась организовать больший масштаб этого воздействия. Поэтому театр и развивающееся в это время кино, официально признаваемые «массовыми», выступали как более значимые для проводимой политики виды искусства. В целом культура стала восприниматься лидерами ВКП(б) как «служанка политики», инструмент воздействия на людей, их поведения и сознания. Они ставили следующую задачу: «... всю сумму накопленного капитализмом богатейшего, исторически неизбежного для нас запаса культуры и знаний и техники, – превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма»¹.

Положение классической русской драматургии в театрах, представляющей дореволюционную культуру России, «классово чуждой» революционным целям, проходит несколько периодов, характеризующих отношение к ней как самой власти, так и театральных деятелей и артистов. Под прямым влиянием революционных настроений в городах России в 1918 г. началось проведение зрелищных массовых постановок, которые стремились к максимальному сближению спектаклей с революционны-

ми митингами и массовыми манифестациями. Характерной особенностью массовых представлений было упрощение идеи и сценических образов, в связи с чем вводится даже специальный термин — «театральный инстинкт», обозначающий ответную эмоциональную реакцию зрителей на постановку, звучали призывы к их объединению с актерами в театральном действии. Массовые зрелища носили политизированный агитационный характер, по существу являясь политическими акциями. Некоторые теоретики пролетарского театра считали эти постановки не просто новой формой, а едва ли не главным путем развития советского театрального искусства. Для театрального искусства данные инсценировки представляли опасность тем, что грозили ликвидацией профессиональной драматургии и актерского мастерства, с их многолетним опытом и традициями. Массовые представления и более поздние символистские постановки в начале двадцатых годов определялись влиянием на развитие драматических театров «Пролетарской культурно-просветительской организацией» (Пролеткультом), которая представляла собой массовую организацию, возникшую еще в начале 1917 г. Провозгласив полную независимость от органов государственной власти, сначала от Временного, потом и от Советского правительства, Пролеткульт после Октябрьской революции официально находился при Наркомпросе в качестве «добровольной организации пролетарской самодеятельности» во всех областях культуры. Пропагандируя в искусстве революционный нигилизм, теоретики и руководители Пролеткульта — П. Керженцев, А. Ган, В. Тихомолов, А. Богданов, В. Плетнев — отвергали дореволюционную культуру как «бесполезное наследие», вредное для пролетарского сознания. Все традиции дореволюционной культуры России Пролеткульт делил на «феодалные» и «буржуазные» и объявлял враждебной пролетариату. Этому немало способствовал тот факт, что более или менее серьезные драматические произведения зачастую вызвали непонимание неизбалованного зрителя из рабоче-крестьянской среды, были ему неинтересны. Негативное влияние на сохранении классических театральных традиций и русской драматургии оказал В.Э. Мейерхольд, назначенный заведующим ТЕО осенью 1920 г. Он развернул буйную деятельность, стараясь приобщить театры к задачам коммунистической пропаганды и революции и с этой целью выдвинул программу «Театрального октября», которую сразу же поддержало много горячих приверженцев, особенно среди молодежи. Полемически направленная против академических театров программа призывала к разрушению старого сценического искусства. Его противником в этом вопросе был А.В. Луначарский. Являясь народным комиссаром просвещения в 1917–1929 гг., он непосредственно руководил развитием театра, стал одним из организаторов Пролеткульта. Его позиция в отношении те-

атрального искусства была также вполне определенной — он обосновывал полное подчинение театрального искусства государственной политике², создание «художественно-революционного» театра как «самого желательного», способного сильно воздействовать на душу зрителя³. Однако при этом и учитывалось обязательное сохранение классических художественных традиций, так как массовый зритель стремится к зрелому и подлинному мастерству. Позднее, в 1923 г., А.В. Луначарский во время празднования 100-летия со дня рождения А.Н. Островского выдвинул лозунг «Назад к Островскому», призывая творческую интеллигенцию к реалистическому, социально-психологическому и социально-выдержанному искусству. Отчасти схожую позицию занимала и председатель Главполитпросвета Н.К. Крупская. В начале 1921 г. она выступает с критикой деятельности Главполитпросвета в области театра. Отмечая поддержку Главполитпросветом футуристов, выступивших на сцену, Крупская характеризовала последних как «выразителей худших элементов старого искусства, низводящих искусство на низшую ступень», указывала на недопустимость трактовки зрительских масс «как скопища существ, не могущих подняться до уровня человеческих мыслей и чувств»⁴. Тем самым вновь поднимался вопрос о значении русских театральных традиций для развития нового советского театра.

Обращению в середине 20-х гг. к русской классической драматургии во многом способствовала и ситуация в театральном искусстве вызванная условиями нэпа. В результате обострения продовольственной ситуации в 1921 г. и начавшейся в стране новой экономической политики положение театров резко изменилось, основная часть из них переводилась на хозрасчет и переходила к частным владельцам. Это повлекло за собой сокращение количества всех культурно-просветительных учреждений, особенно в сельских районах, и также отразилось на театральном репертуаре. Лишенные серьезной материальной поддержки, губернские и уездные театры напрямую зависели от кассовых сборов и подстраивали свой репертуар под вкусы нэпманов. В результате театры лавировали между директивами партии, запросами передового зрителя и интересами нэпманов. Их работа часто подвергалась острой критике, особенно в вопросах репертуара и его исполнения. Театры стали объектом столкновения враждебных, прямо противоположных интересов. В начале 20-х гг. театральные сцены захватила «историческая халтура» — «Павел I», «Генрих Наваррский», «Женщина у трона» и др. Несмотря на борьбу театрального руководства с засорением репертуара подобными произведениями, на периферии «старых пьес ставили очень мало»⁵, при этом местной драматургии практически не было, а имеющиеся в то время новые пьесы (советские) зачастую считались непригодными для постановок⁶. Такая

ситуация сохранялась вплоть до середины 20-х гг.⁷, в количественном соотношении с другими пьесами русская драматургия в репертуаре театров составляла примерно 20–25%. Официально это объяснялось тем, что репертуар театров намечался из «наиболее выдержанных пьес»⁸.

Принимая во внимание указанные выше условия сохранения классической русской драматургии, безусловно, надо отметить, что определяющим фактором являлась политика самого государства в этой области, направленная на создание централизованной системы руководства деятельностью театров. Общее руководство театральным делом РСФСР было возложено на Театральный отдел Наркомпроса (ТЕО), учрежденный в январе 1918 г., главная задача которого заключалась в создании «нового театра, в связи с перестройкой государственности и обществу на началах социализма»⁹. Работа ТЕО Наркомпроса проводилась в двух направлениях: сохранение и раскрытие старых ценностей театра с их академической разработкой и создание нового академического театра¹⁰, также он выполнял функции контроля над театральной жизнью РСФСР¹¹. При ТЕО с 1 февраля 1919 г. были созданы свои печатные периодические органы: «Вестник театра» и «Вопросы театра». К 1920 г. идеологическим центром ТЕО стала Научно-художественная коллегия, которая определяла театральную политику в целом. В 1922 г. был создан цензурный комитет — Главлит, которому предписывалось контролировать все литературные и художественные произведения, в том числе и пьесы.

Прошедший в 1923 г. XII съезд РКП(б) принял решение о переходе в идеологической работе от митинговой агитации к массовой пропаганде. Система контроля над деятельностью зрелищных предприятий становится более жесткой. Декретом от 9 февраля 1923 г. при Главлите организуется Главрепертком (Главный репертуарный комитет), в основную задачу которого входил контроль над репертуаром всех художественных учреждений страны. В принципы и методы контроля Главреперткома входило «отражение в искусстве сложных идеологических процессов, происходящих в общественных глубинах», «необходимость единой репертуарной политики и централизации просмотра в Главреперткоме» всех пьес. Одной из задач Главного репертуарного комитета были составление и рассылка по Гублитам репертуарных списков с разделением пьес на три группы — безусловно разрешенных, по литературе «А»; условно разрешенных, по литературе «Б»; запрещенных¹². Постановка классических дореволюционных произведений осуществлялась под строгим контролем Гублитов — специально созданных органов. Классическая русская драматургия в основной массе относилась ко второй группе. Именно эта группа и подвергалась тщательному отбору, просматривались пьесы преимущественно дореволюционного выпуска, не вошедшие в списки ГРК. При этом

«из пьес по литературе «Б» допускались самые безвредные, учитывая при этом состав аудитории в каждом конкретном случае»¹³. В параграфе № 3 «Положения о Главлите» указывались элементы содержания художественных произведений, не допускаемых Главреперткомом. Эти «не допускаемые элементы» разделялись по нескольким группам, в зависимости от важности нарушений. В первую группу входили элементы, содержащие агитацию против советской власти, разглашающие военные тайны республики, возбуждающие общественное мнение путем сообщения ложных сведений, возбуждающих националистический и религиозный фанатизм, носящих порнографический характер. Вторая группа состояла из углубляющих первую группу «отрицательными элементами» — классовое примиренчество, пацифизм, анархо-индивидуализм, романтизм и романтика уголовщины, хулиганство и идеализация босячества, апология пьянства и наркомании, бульварщина, мещанство, грубая советизация¹⁴. При таких достаточно «общих» критериях отбора классические произведения нередко не допускались к постановке, тем более что экспертами выступали партийные работники, как правило, негативно относившиеся к «классово чуждой» культуре. Поэтому в целом театральное руководство данного периода игнорировало классику вообще, как отечественную, так и зарубежную. Примечательна и сама процедура репертуарного контроля на местах — «Завулит сам просматривал пьесу и определял, выдержана она идеологически или нет»¹⁵.

Переломным моментом на пути развития советского театра явилось прошедшее в мае 1927 г. театральное совещание при Агитпропе ЦК ВКП (б), на котором театр был объявлен отдельным фронтом идеологической борьбы, среди намеченных на нем важнейших задач особое внимание уделялось отбору репертуара. Участники совещания указывали, что «настоящее положение репертуара театров в целом не является отвечающим задачам театра в условиях Советского Союза»¹⁶. В связи с этим перед театральным искусством ставились новые требования: в эпоху построения социализма театр должен быть не развлечением, а культурным организатором социализма, передовым борцом в переустройстве быта и создания нового человека. Новые задачи культурной политики государства обсуждались и на XV съезде ВКП(б), где вновь поднимается вопрос об усилении идеологической классовой борьбы, подчеркивается особая важность культурно-воспитательной работы в массах. Решая поставленную задачу изменения театрального репертуара, Политбюро ЦК ВКП(б) постановило 26 января 1928 г. изменить кадровый состав Главреперткома НКПроса РСФСР, также при нем организовался Совет по вопросам репертуара¹⁷. В том же году создается Главискусство — новое структурное подразделение государствен-

ной системы управления всех видов искусства в РСФСР, в том числе и театрального. 3 сентября 1930г. для улучшения контроля над искусством и массовой информацией Политбюро ЦК ВКП(б) принимает решение реорганизовать Главлит, фактически сводившее его функции к узко цензурным¹⁸. Партийное и государственное руководство понимало духовное и воспитательное значение классической драматургии, необходимость ее сохранения, но вместе строго придерживалось главного принципа доктрины советской культурной политики: «... всю сумму накопленного капитализмом богатейшего... запаса культуры... превратить... в орудие социализма»¹⁹. Основным критерием работы театров становилась социально-политическая значимость, которая и определяла отбор произведений русских классиков²⁰.

В целом по количественному соотношению в репертуаре пьес русской классики и других положений с конца 20-х до начала 40-х гг. мало менялось. От общего числа постановок они составляли примерно четвертую часть²¹. На периферии негативно отразились низкий профессиональный уровень актерского состава, острая нехватка инвентаря и реквизита²². Тем не менее, русская классика в советских театрах была сохранена, ее представляли произведения А.Н. Островского, М. Горького, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.С. Грибоедова, А.П. Чехова, А.В. Сухо-Кобылина, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова и др.

Примечания

1. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 36. С. 382.
2. Луначарский А.В. Революция и кризис театра // Вестник театра. 1919. № 1. С. 6.
3. Культура театра. 1921. № 4. С. 1–5.
4. Правда. 1921. 13 февраля.
5. ГАОО. Ф. 454. Оп. 1. Д. 22. Л. 49.
6. Там же. Л. 165.
7. Там же. Л. 49.
8. Там же. Л. 128.
9. Сборник декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 1. М., 1919. С. 140–143.
10. ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 4. Д. 327. Л. 43.
11. Там же. Л. 43–45.
12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 808. Л. 39.
13. ГАОО. Ф. 454. Оп. 1. Эд. хр. 2. Д. 22. Л. 145.
14. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 808. Л. 39.
15. ГАОО. Ф. 454. Оп. 1. Ед. хр. 2. Д. 22. Л. 165.
16. Там же. Оп. 46. Д. 1. Л. 39.
17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 670. Л. 5.
18. Там же. Д. 794. Л. 11–12.

19. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 36. С. 382.

20. ГАОО Ф. 455. Оп. 46. Д. 1. Л. 39.

21. Там же. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 11. Л. 23.

22. Там же. Ф. 454. Оп. 1. Д. 22. Л. 139.

О.В. Ягудина

СТАНОВЛЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВА НА ТЕРРИТОРИИ УРАЛЬСКОГО И ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬИХ ВОЙСК В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.

В русской истории XVII век является веком многочисленных социальных потрясений. Но именно раскол Русской православной церкви стал во многом определяющим событием дальнейшей духовной жизни русского народа. Одним из последствий реформ Никона стало формирование оппозиции в лице «ревнителей благочестия». Впоследствии их стали называть раскольниками, старообрядцами. В словаре Н.М. Малеча указывается, что среди уральских казаков общепринятым было употребление термина «раскольщики»¹.

После осуждения старообрядцев на соборе 1666–1667 гг. по всей стране последовали многочисленные казни, которые навели ужас на всю страну и привели к массовому бегству на окраинные земли. Одним из первых указов, закрепляющих репрессивную политику по отношению к староверам, стал указ, изданный царевной Софьей в 1685 году. Указ состоял из 12 статей, суть которых сводилась к следующему: «выявленных раскольников надлежало пытать и далее, если они во время пыток не покорятся официальной церкви, казнить («сжечь»). Тех из раскольников, кто, желая спасти жизнь, покорится церкви, а потом вновь вернется к расколу, надлежало казнить смертью без испытанья». Тяжким наказанием подвергались и не раскольники, которые предоставляли старообрядцам свое жилище в качестве убежища, не доносили на раскольников властям².

Несмотря на предпринимаемые правительством против раскола репрессивные мероприятия, старообрядческое движение с каждым годом набирало свои обороты, и уже к последней трети XVII в. в окраинных районах государства сформировались первые религиозные общины. «Никакие запреты, никакие гонения не могли их уничтожить: таились

они в городах и селениях, скрывались в лесах и пустынях, но оставались древлеправославными христианами»³.

Районами первоначального распространения старOVERия стали Заонежье, Среднее Поволжье, леса Белоруссии и северная Украина, донские степи и Урал. На севере закрепились беспоповщина, а в центральной и южной частях страны – поповщина. Впоследствии староверами были основаны городки, в частности на территориях по донским притокам – Хопру, Медведице, Чиру и т.д. На территории Уральского и Оренбургского казачьих войск тоже имелись поселения, где проживало подавляющее большинство староверов – станицы Разсыпная, Звягинская, Челябинская, Сакмарская, Бородинская, Студеновская, города Гурьев, Уральск.

Становление старообрядческих общин на Урале проходило при поддержке крупных российских староверческих скитов – Керженец (Нижегородская область), Стародубье (Украина), Ветка (Беларусь), Иргиз (Заволжье). В большей степени нас интересуют иргизские монастыри, которые в жизни уральского старообрядчества играли важную роль, предоставляя литературу, наставников, а в некоторых случаях и убежище от правительственных репрессий. Их «слава и значение превзошли и Керженец, и Ветку, и Стародубье»⁴. В 1752 г. Тевкелев писал, что на Иргизе собралось около 3 тысяч человек разного звания⁵. Уральские казаки-старообрядцы продолжали контактировать с иргизскими скитами вплоть до 1837 г.⁶ Являясь одним из центров старообрядцев-беглопоповцев, иргизские монастыри простирали свое влияние на староверов всего Оренбургского края⁷.

Говоря о появлении первых староверов на территории Уральского, а впоследствии и Оренбургского казачьих войск, историки приводят весьма противоречивые сведения. Назвать точную дату практически невозможно, но важно отметить, что такие факторы, как отдаленность войсковых земель от центра, некоторая самостоятельность в управлении позволяли сохранить веру и обряды неизменными. Что касается Оренбургского войска, то здесь в распространении старообрядчества сыграло значительную роль близкое соседство с уральскими казаками.

Впервые о службе яицких казаков упоминается в актах 1591 г., тогда их число не превышало 40 человек, «затем эта горсть смелых людей постепенно умножалась беглыми...», среди которых большой процент составляли староверы, бежавшие от преследований⁸. Историки склоняются к мнению, что именно вышеупомянутый указ 1685 г. послужил толчком к появлению первых старообрядцев в Уральском регионе. Исследователь Л.А. Словохотов так описывал данное событие: «Как кроты, как совы и летучие мыши скрывались раскольники в лесах, по скитам, в пещерах, в отшельничестве от ищущих их воинских команд, попов и дьячков. Уни-

чтожением древних икон, разсылкой беглых раскольников на прежние места их жительства, а то и в каторгу, «неведущие», что творят представители господствующей церкви, держали наш край в напрасном возбуждении и скрытом затаенном озлоблении»⁹.

Отношения между казаками-старообрядцами и правительством были весьма напряженными. Если, к примеру, староверы крестьянского сословия выбирали пассивные формы защиты своих религиозных убеждений, то казачество было готово защищать «веру предков» с оружием в руках. В связи с этим властям приходилось идти на уступки, так как в противном случае разгоревшийся бунт затронул бы непосредственно пограничные районы.

В этом отношении показательна позиция царской власти в событиях второй половины XVIII века. Казанский епископ Лука Конашевич предпринял попытку борьбы с раскольничьими идеями в казацкой среде на Урале. Он «настаивал отобрать от церквей старопечатные книги и снабдить их новоисправленными, старопечатные книги собрать в одно место, запечатать; воспрещено было креститься двуперстным знамением...»¹⁰, отказавшихся принимать новоисправленные книги отрешали от церкви. Далее он подчиняет Яицкое духовенство и церковь Оренбургскому духовному правлению и намеревается учредить на Яике особое Духовное правление для борьбы с расколом. Но его чаяниям не было суждено сбыться, чему помешали волнения, начавшиеся среди казаков. Неплюев, предвидя, чем это может закончиться, принимает решение приостановить деятельность Луки Конашевича. В связи с этим в среде уральских казаков зародилась мысль о бегстве на Кубань. Сторону казаков в этом вопросе заняла и Военная коллегия в Санкт-Петербурге. И уже в 1756 г. по повелению Елизаветы было решено «посвящать в священнослужители избранных обществом лиц из казаков»¹¹.

В 1795 г. последовало подтверждение привилегий Уральского войска в вопросе права избрания казаками священнослужителей и не иначе как из казачьей среды¹², и эта льгота обозначалась как особенная, так как была дарована только уральским казакам.

Раскол распространялся и за счет внутренней миграции. В 1816 г. «с целью охраны солевозного тракта от Илецкой защиты на Самару и казенных транспортов была устроена Новоилецкая дистанция, часть которой — форпосты Затонный, Сухореченский и Озерский заселили уральским казаками», которые в своем большинстве были старообрядцами¹³.

Быстрое распространение староверия на казачьей территории вызывало беспокойство у властей. Несмотря на комплекс различных мероприятий, число последователей раскола не только не снижалось, но продолжало неуклонно увеличиваться.

В.А. Перовский, который в 1833—1842 гг. и в 1851—1857 гг. являлся Оренбургским военным губернатором и Оренбургским и Самарским генерал-губернатором соответственно, неоднократно в своих отчетах отмечал пагубное влияние раскола, стараясь вникнуть в суть данного явления, пришел к выводу о том, что любые «...меры, направляемые... на уничтожение раскола, ожесточают еще более слепых его поборников и, следовательно, приносят только вред, а не пользу»¹⁴.

В 30-х гг. XIX в. по инициативе военно-гражданской и епархиальной властей была устроена первая православная церковь в г. Уральске, который являлся одним из центров казачьего старообрядчества. Другим шагом, предпринятым начальством было стремление обратиться в единоверие Иргизский монастырь, который, находясь в 150 верстах от г. Уральска, представлял собой своеобразную «метрополию» для оренбургских и в особенности для уральских казаков. В проекте также было создание еще 10 православных церквей. В результате уральские казаки обратились к наказному атаману с просьбой об обращении Успенской часовни в раскольническую церковь на их собственном иждивении. Получив отказ, обратились с повторной просьбой уже непосредственно к императору, на что он повелел сделать внушение уральским раскольникам об устройении у них не старообрядческой церкви, а единоверческой¹⁵.

С момента обращения староверов к императору Перовский объявляет уральскому расколу открытую войну, распорядившись о закрытии часовен и молебных домов под различными благовидными предлогами, он также запрещает сводные браки среди старообрядцев. Другим важным шагом Перовского становится преобразование Успенской часовни из раскольнической в единоверческую, которая, по его мнению, являлась средоточием и рассадником раскола во всем Уральском войске. 16 марта 1842 г. Высочайшим соизволением на данное мероприятие было ассигновано из казны 5000 рублей, а Святейший Синод указом определил, что все священники часовни находятся в непосредственной зависимости от епархиального архиерея¹⁶.

В 1839 г. выходит секретный указ Святейшего Синода, который, по мнению оренбургского военного и гражданского начальства, привел к нежелательным последствиям. Указ, носивший компромиссный характер, был крайне негативно встречен начальством Оренбургской епархии, которое видело в этом послабление раскольникам. Суть его сводилась к следующему: староверы Уральского войска получали разрешение на освящение сводных браков. Старообрядцев, венчавшихся в церквях господствующей религии, предписывалось вносить в особые тетради, отделяя от православных¹⁷.

Для составления более ясной и подробной картины раскола Перовский поручил настоятелю Златоустовского монастыря игумену Иоанну совершить поездку по старообрядческим селениям Оренбургского края, выделив для этой цели 300 рублей. Итогом данного расследования был рапорт с указанием причин распространения раскола на данной территории, который впоследствии был присоединен к всеподданнейшему отчету по управлению краем за 1851—1852 гг., что и заставило обратить пристальное внимание правительства на казаков-староверов¹⁸.

30—50-е гг. XIX столетия были трудным временем в жизни оренбургских и уральских казаков-старообрядцев, многие исследователи обозначают этот период как «переходный». Если раньше «коренной формой» старообрядчества на данной территории была беглопоповщина, то уже в 50-х гг. увеличивается число последователей беспоповских толков, так как постоянные конфликты между наставниками беглопоповщины и наставниками Австрийской иерархии, созданной в 1846 г., усиливали в старообрядцах сомнения по поводу истинности их священства¹⁹.

Примечания

1. Малеча Н.М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Т. 3. Оренбург. С. 568.
2. Шеватов Б.А. Угрешские узники. За веру на костер // Наука и религия. 2003. № 7. С. 37.
3. Мельников Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул, 1999. С. 111.
4. Данилко Е.С. Старообрядчество на Южном Урале: Очерки истории и традиционной культуры. Уфа, 2002. С. 22.
5. Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 2. Казань, 1897. С. 345.
6. Витевский В.Н. Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военно-гражданской власти в конце XVIII и XIX вв. Казань, 1878. С. 15.
7. Чернавский Н.М. Оренбургская епархия в прошлом и настоящем. Вып. 1. Оренбург, 1900. С. 426.
8. Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. С. 220—221.
9. Словохотов Л.А. Исторические права Оренбурга как центра целого края на Высшие учебные заведения // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии Вып. XXXIV. С. 27.
10. Данилко Е.С. Старообрядчество на Южном Урале: очерки истории и традиционной культуры. С. 26.
11. Карпов А.Б. Памятник казачьей старины: краткие очерки из истории Уральского войска. Уральск, 1992. С. 29.
12. Чернавский Н.М. Оренбургская епархия в прошлом и настоящем. Вып. 1. С. 171.

13. Данилко Е.С. Старообрядчество на Южном Урале: очерки истории и традиционной культуры. С. 34.
14. Чернавский Н. Оренбургская епархия в прошлом и настоящем. Вып. 1. С. 386–387.
15. Там же. С. 363–366.
16. Там же. С. 432–434.
17. Чернавский Н.М. Оренбургская епархия в прошлом и настоящем. Вып. 2. Оренбург, 1900. С. 403–404.
18. Там же. С. 615–617.
19. Чернавский Н. Оренбургская епархия в прошлом и настоящем. Вып. 1. С. 780–783.

О.Ю. Устинова, В.Ф. Глуховский

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНО-МАССОВОЙ РАБОТЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В 1941–1945 ГГ. (ИЗ ОПЫТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ)

Начало Великой Отечественной войны обусловило серьезные перемены в деятельности культурно-массовых учреждений. Часть из них ввиду ограничения финансирования, передачи зданий под военные нужды, отсутствия специалистов были закрыты. Наибольшие трудности отмечались в сельской местности, где значительное количество культпросветработников отправилось на фронт.

Сокращение сети культурно-просветительных учреждений вызвало серьезные опасения со стороны центральных и местных органов государственной власти. 12 марта 1942 г. вышел приказ Комитета по делам искусств при СНК СССР «О домах народного творчества», в соответствии с которым на местные Советы возлагалась обязанность восстановления творческо-методических центров по руководству художественной самодеятельностью, прежде всего, в областных центрах¹. Директива СНК РСФСР, изданная 15 августа 1943 г., предусматривала открытие бездействующих районных домов культуры, библиотек, избчитален и укомплектование их кадрами. Выполняя распоряжения вышестоящего руководства, облисполкомы Южного Урала поставили перед горрайисполкомами задачу освободить в кратчайшие сроки здания культпросветучреждений, занятые под другие цели, а перед областными отделами народного образования – провести совещания политпросве-

работников, направленные на устранение недостатков в работе учреждений культуры и искусства².

Следуя решению Чкаловского облисполкома от 14 августа 1941 г., Гавриловский районный исполком сократил сумму расходов по району на 43503 руб. Это привело к закрытию 1 сентября 1941 г. 6 изб-читален в Александровском, Гавриловском, Никитинском, Надеждинском, Черно-Отрожском, Н.-Сокулакском сельсоветах, имущество которых было передано библиотекам. Однако 11 декабря 1941 г. решение было отменено и избы-читальни восстановлены³. Аналогичное решение последовало в отношении учреждений культуры Краснохолмского района. Чкаловский облисполком потребовал от председателя райисполкома в течение января 1942 г. освободить от зерна клубы, дома культуры, избы-читальни, библиотеки, кинотеатры. «По мере освобождения помещений немедленно организовать, усилить работу политико-просветительных учреждений района. Категорически запрещается занимать эти помещения под другие цели без решения облисполкома»⁴.

Изучая состояние работы культпросветучреждений области в начале 1942 г., члены Чкаловского облисполкома отметили: «Гирьяльская изба-читальня (Буртинский), Городишенская изба (Краснохолмский), политпросветработники села Михайловки (Андреевский), Ново-Петровская библиотека (Люксембургский), Дом культуры (Октябрьский), Елшанская библиотека (Бузулукский) и др. проводят большую политико-массовую работу среди населения, систематически устраивают лекции, доклады по текущему моменту, читают сводки информбюро...» Вместе с тем «ряд политпросветучреждений области не только не улучшили своей работы, а наоборот, ...работу совершенно свернули, здания политпросветучреждений заняли под другие нужды и до сего времени не освободили. В Ивановском, Соль-Илецком, Ак-Булакском, Зиянчуринском, Кувандыкском, Домбаровском, Переволоцком районах допущена политическая недооценка и свертывание работы большинства политпросветучреждений». Чкаловский облисполком обязал райисполкомы и заведующих районо «восстановить сеть политпросветучреждений, освободив здания от зерна и другого имущества, произвести необходимый ремонт, обеспечив топливом и необходимым инвентарем. Организовать в каждом полевом стане, в каждой бригаде красные уголки, обеспечив их соответствующей литературой, плакатами, лозунгами, шашками, шахматами и музыкальными инструментами»⁵. В результате принятых мер численность изб-читален возросла. К ноябрю 1942 г. в Чкаловской области оставались бездействующими только 197 изб-читален вместо 640, не работавших к началу 1942 г.⁶

В военное время органы местного самоуправления сосредоточились на проведении ремонта помещений клубов, библиотек и изб-читален,

сборе книг, мебели для них, обеспечении топливом, электроэнергией и др.⁷ Белозерский райисполком 25 октября, 4 и 19 ноября 1943 г. проверял выполнение решения облисполкома от 16 сентября 1943 г. № 1192 «О подготовке политпросветучреждений в деревне к работе в зимних условиях», 25 января 1944 г. собрался для обсуждения результатов работы изб-читален в сельских Советах⁸. Ак-Булакский районный исполком 1 ноября 1944 г. обсудил ход подготовки культпросветучреждений к зиме. Отмечалось, что «из 7 библиотек отремонтировано 5, одна в Сагарчине ремонтируется, райбиблиотека нет. Из 23 изб-читален 12 отремонтировано». Члены райисполкома потребовали от председателей сельсоветов «до 15 ноября 1944 г. укомплектовать все просветительные учреждения работниками»⁹.

Ситуация с организацией работы культпросветучреждений оставалась напряженной и в последующие годы, что неоднократно отмечалось на заседаниях исполкомов Советов различных уровней¹⁰. В частности, средства, запланированные на культурные нужды, тратились не в полном объеме или направлялись на другие цели. Так, Домбаровский райисполком Чкаловской области израсходовал в 1943 г. на оснащение библиотек только 39,7% средств, на избы-читальни — 39,5%. Ивановский райисполком списал с бюджетов 7 сельсоветов района 10900 руб., не использованных в 1943 г. на обеспечение работы изб-читален¹¹. Аналогичная ситуация складывалась в большинстве районов области.

Начиная с 1943 г., внимание к культурно-массовым учреждениям усилилось. Заслушав доклад председателя культурно-просветительной постоянно действующей комиссии о работе учреждений культуры в районе, члены Ивановского райисполкома обязали председателей сельсоветов освободить до 10 августа 1944 г. использовавшиеся не по назначению помещения клубов, изб-читален, обеспечить их ремонт. 4 января 1945 г. Чкаловский облисполком принял решение «О мероприятиях по улучшению работы изб-читален, сельских клубов и районных домов культуры». Решение предусматривало восстановление к 1 февраля текущего года закрытых в военное время изб, сельских клубов и районных домов культуры, возвращение принадлежавших им помещений. Члены облисполкома потребовали от председателей горрайисполкомов «обеспечить организацию новых изб, сельских клубов с расчетом, чтобы на территории каждого сельского Совета была изба или клуб. Организовать районные дома культуры в Ак-Булаке, Соль-Илецке, Саракташе, восстановить в Аскеевском районе и провести капитальный ремонт в Переволоцком, Зиянчуринском, Павловском, Тоцком районных домах культуры. Укомплектовать кадрами»¹².

Стремясь улучшить условия жизни сотрудников культурно-просветительных учреждений, местные органы власти приступили к вне-

дению постановлений СНК СССР от 16 августа 1944 г. № 1113 «О повышении заработной платы заведующим избами-читальнями, сельскими клубами, директорам, художественным руководителям и инспекторам районных домов культуры» и № 1114 «О повышении заработной платы библиотечным работникам»¹³.

Активизации работы культурно-массовых учреждений способствовали смотры работы, совещания сотрудников политико-просветительных учреждений и др.¹⁴ Так, в Курганской области в 1943 г. состоялся смотр районных домов культуры, библиотек и изб-читален. По области восстановили в этот период 5 районных и 15 сельских библиотек, 75 изб-читален, отремонтировали 84 библиотеки, 318 изб-читален, подобрали помещения для 11 библиотек и 106 изб-читален¹⁵.

Наряду с организацией работы клубов и изб-читален органы местного самоуправления Южного Урала уделяли внимание развитию библиотечной сети. Этому способствовало постановление СНК РСФСР от 21 декабря 1944 г. «О мероприятиях по укреплению библиотек Наркомпроса РСФСР». Трудности в процессе восстановления библиотечной сети наблюдались в первую очередь в сельской местности, поскольку значительную часть помещений передали под военные нужды и недостаточно финансировали начавшуюся реконструкцию разрушенных зданий¹⁶.

Выполняя решение республиканского правительства от 21 декабря 1944 г., Чкаловский облисполком потребовал от областного отдела народного образования и Бугурусланского, Бузулукского, Чкаловского райисполкомов образовать в 1945 г. районные библиотеки с книжным фондом не менее 3000 томов в каждой, 277 передвижных библиотек при районных библиотеках области с количеством 100–150 книг в каждой для обслуживания населения сельсоветов, не имевших библиотек. В Курганской области к марту 1945 г. обеспечили работу 33 районных и 105 сельских библиотек, 592 изб-читален¹⁷. Многие библиотеки практиковали поездки своих сотрудников в Москву и Ленинград, областные города для покупки литературы. Численность библиотек в результате осуществленных мероприятий составила 94,2% от довоенного уровня¹⁸.

Эффективная деятельность Советов депутатов трудящихся разных уровней позволила к концу войны заметно улучшить работу южноуральских культурно-массовых организаций. Если в 1941 г. насчитывалось 4909 изб-читален, то уже в 1944 г. их численность составила 5039¹⁹. Весной 1942 г. в Челябинской области функционировали 165 клубов, 97 массовых библиотек, к марту 1945 г. – 638 клубов, 383 библиотеки²⁰. Аналогичная ситуация наблюдалась в Чкаловской и Курганской областях.

Важной составляющей культурно-массовой работы местных органов власти являлась организация кинообслуживания населения. В военных

условиях произошло сокращение киносети, что объяснялось передачей киноустановок и транспорта на нужды войны, зданий кинотеатров под оборонные цели. К началу 1943 г. южноуральская киносеть сократилась примерно на 25,6%. Села Челябинской области к 1 января 1942 г. располагали 52 действующими стационарными киноустановками из предусмотренных 96, 60 звукопередвижками из плана 123. В Курганской области в 1943 г. насчитывалось только 72 комплекта киноаппаратуры из 139²¹. Положение с киносетью улучшилось в основном к концу войны.

Наиболее остро ситуация с демонстрацией кино обстоит в сельской местности. На заседании Чкаловского облисполкома 26 ноября 1942 г. отмечалось: «В обслуживании трудящихся кино есть ряд существенных недостатков: бездействует 55 киноустановок (из плановых 169), не выполняется план по количеству рабочих дней на 20%, в том числе по селу на 26%. ... Политико-массовая работа со зрителем поставлена неудовлетворительно (отсутствуют доклады, разъяснения сводок Совинформбюро, содержания фильмов и др.). Ремонтные мастерские не обеспечены оборудованием и не укомплектованы специалистами». В этих условиях члены исполкома обязали начальника областного управления кинофикации Симонову «улучшить качество руководства и контроль за работой государственной, ведомственной и профсоюзной киносети, путем систематической проверки работы отдельных районных управлений кинофикации, кинотеатров и передвижек. Не позднее 1 января 1943 г. пустить в эксплуатацию всю бездействующую городскую и сельскую киносеть». Перед горрайисполкомами ставилась задача оказать помощь начальникам районных управлений кинофикации в создании «нормальных условий для работы кинотеатров в зимних условиях (ремонт, топливо, свет)», а также обеспечить транспортом передвижную киносеть в сельской местности²².

Стремясь приблизить культурно-массовые очаги к населению, местные органы власти организовывали просмотр фильмов непосредственно в поле. Так, Сорочинский сельсовет выделил несколько бригад для культурного обслуживания колхозников и трактористов в период посевной кампании 1942 г. Кино увидели в Ивановке, Никольском, Сарбакино, Скоковке и других селах Сорочинского района Чкаловской области²³. В Халиловском районе в клубе Ново-Николаевской МТС действовал киноаппарат, который во время весеннего сева 1942 г. обслуживал жителей с. Александровки, Ново-Харьковки, Писаревки²⁴. В суровые военные будни сельские жители продолжали ходить в клуб на танцы, смотрели кино.

Курганский облисполком организовал в августе – сентябре 1943 г. месячник просмотра кинофильмов, которые показали в десятках колхозов

и производственных бригад. На 9 киносеансах, состоявшихся в Исетском районе, побывало 1500 человек, в Упоровском районе на 13 киносеансах – 2500 сельских жителей. Кинофильмы посмотрели за месяц в 364 колхозах и 328 тракторных бригадах Курганской области²⁵.

Состояние киносети Южного Урала в целом стало улучшаться с 1943 г. Это объяснялось изменением ситуации на фронте в пользу Красной Армии, перераспределением средств на культурно-бытовые нужды. Вместе с тем центральные и местные органы власти отмечали бездействие большого количества киноустановок в Челябинской, Чкаловской, Курганской областях, простой и нерегулярность доставки оборудования к месту показа фильмов, перебои в электроснабжении, запущенное состояние кинотеатров ряда городов и районов²⁶. Перед областными и городскими исполкомами ставилась задача ввести в эксплуатацию в 1944 г. бездействующие киноаппараты, организовать в каждом райцентре постоянно действующий кинотеатр, оборудовать их за счет получаемых в централизованном порядке новых механизмов и перераспределения имевшихся в области, освободить до 1 июня 1944 г. занятые под другие цели помещения кинотеатров, увеличить их количество за счет использования клубов и домов культуры на договорной основе.

Выполняя указания республиканского правительства, местные органы власти усилили внимание к работе киносети региона. Чкаловский облисполком 20 марта 1944 г. обязал начальника областного управления кинофикации Симонову «довести к концу 1944 г. киносеть области до 230 киноустановок с распределением по городам и районам». Кроме того, члены исполкома просили Комитет по делам кинематографии при СНК СССР «выделить 62 киноаппарата, необходимых для доведения по области сети в соответствии с постановлением Совнаркома СССР от 4 февраля 1944 г. до 230 киноустановок». «В целях улучшения кинообслуживания населения сельской местности и приближения руководства кинофикации к районам и сельсоветам» перед областным управлением кинофикации была поставлена задача «произвести в месячный срок разукрупнение межрайонных отделов кинофикации, организовав районные отделы». Медногорский горисполком 14 июля 1944 г. рассмотрел вопрос «О ходе строительства постоянного кинотеатра»²⁷.

Курганский облисполком в 1944 г. организовал работу трех новых стационарных звуковых киноустановок в г. Кургане и Шадринске, а также в Мехонском, Каргапольском, Сафакулевском районах. Это позволило обеспечить функционирование в среднем 22 городских стационарных киноустановок, в сельской местности – 23 кинотеатров²⁸. В итоге сеть стационарных киноустановок и немых кинопередвижек была восстановлена во всех районах Курганской области. К февралю 1945 г. количество

сельских звуковых кинотеатров в области увеличилось с 4 до 10 за счет открытия новых в Каргапольском, Макушинском, Далматовском и других районах.

Таким образом, Великая Отечественная война внесла изменения в деятельность Советов депутатов трудящихся Южного Урала и их исполнительных комитетов по решению культурно-массовых задач. Несмотря на то, что первоочередное значение приобрели вопросы военно-мобилизационного характера, агропромышленного развития, культурная сфера также находилась в центре внимания органов местного самоуправления. Однако интерес к ней со стороны местных органов государственной власти усилился только к концу войны ввиду улучшения положения на фронте и активизации интереса союзного и республиканского руководства к удовлетворению культурно-бытовых потребностей граждан СССР. Это не позволило местным Советам в полном объеме восстановить культурный потенциал Южного Урала.

Примечания

1. Российский государственный архив литературы и искусства (далее РГАЛИ). Ф. 962. Оп. 14. Д. 211. Л. 13.
2. Объединенный государственный архив Челябинской области (далее ОГАЧО). Ф. П-288. Оп. 6. Д. 250. Л. 1; Государственный архив Оренбургской области (далее ГАОО). Ф. Р-1014. Оп. 2. Д. 183. Л. 9.
3. ГАОО. Ф. Р-1084. Оп. 4. Д. 22. Л. 109, 148.
4. Там же. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 160. Л. 105.
5. Там же. Ф. Р-1014. Оп. 2. Д. 161. Л. 30.
6. Культурное строительство в РСФСР: документы и материалы. 1941–1945 / гл. ред. М.П. Ким: в 3 т. М., 1989. Т. 3. С. 133.
7. Государственный архив общественно-политической документации (далее ГАОПДКО). Ф. 79. Оп. 2. Д. 228. Л. 33; Советы за 50 лет / ред. кол.: С.Ф. Найда. М., 1967. С. 346; Улучшить работу колхозных клубов // Октябрьское знамя. 1942. 3 апр. С. 1.
8. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 2. Д. 767. Л. 19 об. – 20 об.; Д. 827. Л. 14.
9. Там же. Ф. Р-1164. Оп. 1. Д. 154. Л. 163, 163а.
10. ОГАЧО. Ф. Р-528. Оп. 1. Д. 194. Л. 123 об.; Ф. Р-1665. Оп. 1. Д. 42. Л. 7; Д. 43. Л. 28; Д. 48. Л. 27; Центр документации новейшей истории Оренбургской области (далее ЦДНИОО). Ф. 14. Оп. 7. Д. 3. Л. 23 об., 25; Государственный архив Курганской области (далее ГАКО). Ф. Р-638. Оп. 3. Д. 246. Л. 112; Ф. Р-755. Оп. 2. Д. 250. Л. 76 – 77; ГАОПДКО. Ф. 60. Оп. 2. Д. 235. Л. 44; Ф. 78. Оп. 2. Д. 50. Л. 8; Ф. 261. Оп. 1. Д. 12. Л. 81 об.
11. ГАОО. Ф. Р-61. Оп. 3. Д. 146. Л. 156; Ф. Р-1014. Оп. 2. Д. 270. Л. 17.
12. Там же. Ф. Р-1014. Оп. 2. Д. 309. Л. 4.
13. Повышение заработной платы работникам изб-читален, сельских клубов и домов культуры // Путь к коммуне. 1944. 14 сент. С. 2; Повышение заработной платы библиотечным работникам // Там же. С. 2.

14. ГАКО. Ф. Р-1141. Оп. 2. Д. 11. Л. 12; ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 28. Л. 30 – 31; Аверина А. Пример хорошей постановки политико-массовой работы // Юргамышский колхозник. 1944. 16 марта. С. 2; В райкоме ВКП(б) и райисполкоме. О проведении смотра работы политпросветучреждений // Красное Знамя. 1944. 25 нояб. С. 1; Улучшить работу колхозных клубов // Октябрьское знамя. 1942. 3 апр. С. 1.
15. Мы этой памяти верны: библиотечная деятельность на территории Южного Зауралья в годы Великой Отечественной войны / авт.-сост. С. А. Бавыкина. Курган, 2004. С. 25 – 26.
16. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. А-534. Оп. 1. Д. 706. Л. 9.
17. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 2. Д. 310. Л. 40, 41; Мы этой памяти верны: библиотечная деятельность на территории Южного Зауралья в годы Великой Отечественной войны / авт.-сост. С. А. Бавыкина. Курган, 2004. С. 29.
18. ГАРФ. Ф. А-534. Оп. 1. Д. 3. Л. 22; Д. 706. Л. 2–3.
19. Корнилов Г.Е. Культурное развитие уральского села в годы Великой Отечественной войны // Развитие культуры уральской советской деревни (1917–1987 гг.): сб. науч. тр. Свердловск, 1990. С. 69.
20. Социально-экономическое строительство Челябинской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Челябинск, 1985. С. 30.
21. ОГАЧО. Ф. Р-1600. Оп. 1. Д. 38. Л. 26; История земли Курганской / науч. ред. И.Е. Плотников: в 3 ч. Курган, 2001. Ч. 3. С. 100.
22. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 2. Д. 189. Л. 8, 9.
23. Кинопередвижки на полях // Колхозный труд. 1942. 31 мая. С. 2.
24. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 8. Д. 10. Л. 61.
25. История культуры Южного Зауралья / отв. ред. В.В. Подливалов; ред. Т.В. Тимофеева: в 2 т. Курган, 2004. Т. 2. Советский период. С. 44 – 45.
26. РГАЛИ. Ф. 2473. Оп. 1. Д. 212. Л. 3; Д. 216. Л. 30; ГАКО. Ф. Р-1541. Оп. 2. Д. 37. Л. 76.
27. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 2. Д. 833. Л. 56; Ф. Р-1084. Оп. 4. Д. 31. Л. 14.
28. РГАЛИ. Ф. 2473. Оп. 1. Д. 233. Л. 57; История земли Курганской. С. 100.

СПЕЦИФИКА КУЛЬТУРНО-МАССОВОЙ РАБОТЫ СРЕДИ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х гг.

Несмотря на многочисленные трудности, в послевоенные годы сохранилась и продолжала развиваться созданная еще в 1920–1930-е гг. система культурно-массовых учреждений. Вполне естественно, что в национальных селениях клубы и библиотеки старались организовать свою работу с учетом этнокультурных запросов жителей.

В конце 1950-х гг. в селах Оренбургской области, где компактно проживали представители национальных меньшинств, при клубах действовало около 200 кружков художественной самодеятельности, в которых занималось более 2000 участников. Так, например, в Северном районе действовало 25 кружков (345 участников), в Асекеевском – 40 кружков (500 участников), в Аксаковском – 15 кружков (250 участников), в Бугурусланском – 8 кружков (89 участников), в Буртинском – 10 кружков (90 участников). Только за пять месяцев 1959 г. силам участников национальных кружков было дано более чем 150 концертов.

В целях обеспечения коллективов художественной самодеятельности необходимой методической литературой областной Дом народного творчества и областной методический кабинет культпросветработы осуществляли обмен с аналогичными учреждениями Татарской, Башкирской, Чувашской и Мордовской автономных республик. Материалы эстрадных сборников, получаемых из этих республик, размножались и направлялись творческим коллективам соответствующих национальностей. Кроме того, клубы сами выписывали необходимую литературу на родных языках или обеспечивались ею за счет областного библиотечного коллектора.

При областной филармонии продолжал свою деятельность татарский драматический передвижной театр. Только в 1958 г. театром было показано 129 спектаклей, которые посмотрело около 18,5 тыс. зрителей. Широко использовалась практика обменных гастролей и приглашения для выступления перед оренбургскими зрителями артистов из национальных республик. В 1959 г. областной филармонией были организованы концерты народного артиста Татарской АССР Альмеева, Удмуртского ансамбля песни и пляски, группы ведущих артистов Башкирской АССР. Башкирский республиканский передвижной театр на гастролях в Оренбургской области дал 18 спектаклей.

Традиционно обращалось внимание и на пополнение библиотечных фондов литературой на родных языках. Соответствующие заказы посылались в книготорги соседних национальных республик, а получаемая литература распространялась в соответствии с заявками и профильными характеристиками библиотек области. К 1959 г. в области действовали 104 библиотеки, комплектующиеся национальной литературой, в том числе: на татарском языке — 49 сельских, 6 районных (из них одна детская) и 3 городские библиотеки; на башкирском языке — 12 сельских библиотек и 2 избы-читальни; на казахском языке — 2 районные и 22 сельские библиотеки, а также 2 избы-читальни; на чувашском языке — 4 сельские и 2 районные библиотеки. В 1959 г. заказ на литературу на татарском языке был составлен на общую сумму 47761 руб., на казахском языке — 17530 руб., на чувашском языке — 1000 руб. В связи с тем, что Башгосиздат не прислал тематический план своей издательской деятельности на 1959 г., литература на башкирском языке заказана не была.

Хуже обстояли дела с обеспечением кинотеатров области фильмами на родных языках народов Оренбуржья. В областном отделении кинопроката имелось 40 кинофильмов, с нерусским языком озвучивания. Из них 24 фильма были на китайском языке и по вполне понятным причинам не могли найти своего зрителя. С татарским языком озвучивания имелось всего 9 фильмов, с казахским — 3, с немецким и башкирским — по 2 фильма.

Вплоть до конца 50-х гг. сохранилась и продолжала развиваться созданная еще в предвоенные годы система национального образования. Но уже в этот период начинается постепенный процесс отказа от принципа преподавания на родном языке и перевода национальных школ на русский язык обучения, с включением в качестве этнокультурного компонента преподавания родного языка как предмета.

В 1959—1960 учебном году в Оренбургской области осуществляли свою образовательную деятельность 291 национальная школа (в том числе 26 средних, 86 семилетних и 179 начальных). В них работали 1322 учителя. Образовательный уровень преподавательских кадров был невысоким. Только 185 учителей имели высшее образование. Большинство педагогических работников национальных школ закончило педагогические техникумы — 729 человек, еще 365 учителей имели образование за учительский институт и 41 человек имели только общее среднее образование.

После изучения состояния преподавания и качества знаний учеников нерусских школ 20 октября 1958 г. облоно был издан приказ «О состоянии и мерах улучшения преподавания русского языка в нерусских школах области». В соответствии с данным приказом была осуществлена проверка всех учителей русского языка национальных школ. Итоги про-

верки обсуждались на заседаниях советов по народному образованию, где намечались конкретные меры по устранению выявленных недостатков. Районные отделы образования приглашали на свои заседания отдельных директоров национальных школ, которые докладывали о состоянии преподавания русского языка. На основе обобщения опыта работы лучших преподавателей русского языка организовывались районные педагогические чтения. В школах были организованы выставки лучших работ по русскому языку. Во все национальные школы было разослано составленное в облоно методическое письмо «О нормах оценок знаний учащихся по русскому языку в нерусских школах».

Для директоров нерусских школ области был организован семинар, на котором они делились опытом своей работы. С основным докладом по теме «Контроль и руководство за преподаванием русского и родного языков в нерусских школах» перед участниками семинара выступила заместитель заведующего облоно Л.П. Ткачева.

В Министерстве просвещения РСФСР была подана заявка на распределение учительских кадров в татарские, башкирские и казахские школы области. На контроль был взят вопрос о распределении в национальные школы выпускников русско-татарского отделения Оренбургского педагогического института и педагогических училищ области.

На основе изучения рациональности размещения сети национальных школ областным отделом народного образования был составлен план их реорганизации. В 1958–1959 учебном году облоно осуществил проверку состояния учебно-воспитательной работы в 20 национальных школах, а также состояние руководства нерусскими школами в Екатеринбургском, Кувандыкском и Матвеевском районах.

Несмотря на то, что признак национальности не являлся значимым при приеме в средне-специальные и высшие учебные заведения анализ состава учащихся и студентов по признаку национальности позволяет отметить определенные тенденции. Так, из 190 учащихся Оренбургского музыкального училища не русскими по национальности было всего 28 человек, в том числе: украинцев – 13 человек, евреев – 6 чел., татар – 5 чел., белорусов – 4 человека.

В Бузулукском библиотечном техникуме на стационарном отделении обучалось 336 человек. Среди них: украинцев – 19, белорусов – 3, мордвы – 3, татар – 2, марийцев – 1. Еще 370 человек учились на заочном отделении, в том числе: украинцев – 18, мордвы – 6, чувашей – 5, татар – 4, белорусов – 4, евреев – 3, башкир – 2 человека¹.

В таблице 1 приведены сведения о национальном составе студентов Оренбургских сельскохозяйственного, педагогического и медицинского институтов.

Таблица 1 – Национальный состав студентов вузов
Оренбургской области (1959 г.)

Национальность	Сельхозинститут				Пединститут		Мединститут	
	очн. отделение		заочн. отделение		всего ст-ов	в т.ч. на 1-м курсе	всего ст-ов	в т.ч. на 1-м курсе
	всего ст-ов	на 1-м курсе	всего ст-ов	на 1-м курсе				
Русские	1634	290	453	236	1200	269	1117	191
Украинцы	143	26	112	36	70	19	99	22
Татары	87	18	27	21	118	12	49	11
Казахи	13	–	20	15	5	1	5	–
Башкиры	11	5	4	–	5	–	1	–
Мордва	13	–	5	2	3	–	3	–
Чуваши	2	–	5	–	1	1	4	1
Белорусы	6	2	–	–	5	1	13	1
Евреи	22	2	5	1	61	10	77	16
Немцы	14	3	6	2	6	5	9	1
Армяне	1	1	1	1	4	–	3	1
Латыши	1	–	–	–	1	–	–	–
Эстонцы	1	–	–	–	–	–	–	–
Поляки	1	–	–	–	1	–	–	–
Корейцы	5	2	–	–	–	–	1	1
Греки	3	1	–	–	–	–	1	1
Марийцы	–	–	–	–	1	–	–	–
Молдоване	–	–	–	–	1	–	–	–
Грузины	–	–	–	–	1	–	2	2
Болгары	–	–	–	–	1	–	–	–
Осетины	–	–	–	–	1	–	1	1
Ингуши	–	–	1	–	–	–	–	–
Адыгейцы	–	–	–	–	–	–	1	1
Всего	1957	350	639	314	1485	320	1385	250

В апреле 1959 г. Оренбургским обкомом КПСС была проведена проверка осуществления массово-политической работы среди нерусского населения Асекеевской, Акбулакской и Домбаровской партийными организациями.

В Акбулакском районе нерусское население составляло в этот период 26,2% населения, в том числе: 17,7% казахов, 4,4% татар и 4,1% представителей других национальностей. Организации агитационной работы

среди этой категории жителей нерусской национальности райкомом уделялось особое внимание. В состав лекторской группы райкома входили 7 человек нерусской национальности. В обществе по распространению политических и научных знаний состояли еще 8 докладчиков и 32 члена из числа национальных меньшинств. В структуре общества было создано 2 национальных лектория — при Акбулакской и Акобинской казахских школах. Только за первый квартал 1959 г. членами общества было прочитано 156 лекций в нерусских селах, в том числе 34 — на родном языке. Кроме того, 11 кружков на казахском языке действовало в районной сети партийного просвещения и еще 9 — в сети комсомольского просвещения. Агитационно-массовую работу на родном языке вели 87 агитаторов, из них 73 казах и 14 татар.

Во всех 11 нерусских селах района имелись клубы и избы-читальни. При этом кружки художественной самодеятельности были созданы только в трех поселках: в п. Алгабарс — 2 кружка и по одному в п. Чаган и Кзыл-Ту. Во всех четырех кружках занималось всего 50 человек.

Кинокартины на казахском языке в район не поступали. Жителями района выписывалось 25 журналов на татарском языке, 50 газет и журналов на казахском языке и 18 газет на немецком языке. В расположенном в районном центре магазине «Книга» имелось 107 книг на казахском и татарском языках. Еще 130 книг на родных языках имелись в районной библиотеке, но интересом у читателей они не пользовались. В связи с этим запросы на национальную литературу руководством библиотеки не делались и книжные фонды не обновлялись. Система национального образования была представлена 7 казахскими и 9 русско-казахскими школами.

Обращая внимание вышестоящего руководства на необходимость учета специфики национального состава населения района, местное партийное руководство просило обратить внимание торгующих организаций на необходимость завоза в район большего количества чая, сахара и тканей яркой расцветки.

Одним из самых многонациональных был Асекеевский район, в котором в 1959 г. проживало 35,7 тыс. чел., в том числе: русских — 14 171 чел., татар — 12055 чел., мордвы — 3803 чел., украинцев — 3504 чел., чувашей — 1445 чел. и еще 736 чел. других национальностей.

При Асекеевском районном Доме культуры действовали шесть татарских кружков всех жанровых направленностей: драматический, хоровой, танцевальный, музыкальный, кружок сольного пения и чтецов. В них занималось порядка 50 человек. Репетиции проводились не менее 3—4 раз в неделю. За первое полугодие 1959 г. в районном Доме культуры силами татарских кружков художественной самодеятельности было дано 4 концерта. За этот же период было организовано и проведено 10 вечеров та-

тарской молодежи. Кроме того, эти коллективы принимали участие во всех концертных программах, которые представлялись русскими коллективами районного Дома культуры.

Сильные коллективы художественной самодеятельности были организованы в татарских селах Старо-Кульшарипово, Старо-Мукменово, Кутлуево и Нижнее-Султангулово. В то же время самодеятельные коллективы в мордовских и чувашских селах района (например, в с. Самаркино) произведения национального народного творчества в своей работе практически не использовали.

На период весеннего сева 1959 г. была создана татарская агитбригада. Ее силами в селах района было дано 10 выступлений и прочитано столько же докладов на татарском языке. За первое полугодие 1959 г. этой бригадой было показано 77 спектаклей и киноконцертов.

Количество книг на татарском языке в районной и сельских библиотеках Асекеевского района немногим превышало 10% от общей численности книжного фонда. Всего в сельских библиотеках и клубных учреждениях района имелось 30304 экземпляра книг. Из них на татарском языке было 3700 книг. Практически отсутствовала литература на мордовском и чувашском языках. В районном книжном магазине имелось всего 46 названий книг на татарском языке. В книжных магазинах всего Асекеевского района насчитывалось 1635 экземпляров книг на татарском языке, 926 — на мордовском и 75 — на чувашском языках. В основном это были школьные учебники. Жителями района выписывались газеты и журналы на родных языках: на татарском языке — 6 газет «Коммунист», 12 — «Ялыкын», 2 «Азат Хатын», 2 — «Татар Яшльэре», 18 — «Советский Татарстан», 30 — «Чаян», на чувашском языке — 3 газеты «Капкан», 5 — «Ялав» и 5 экземпляров немецкой газеты «Новая жизнь». На родных языках изготавливались стенные газеты, боевые листки, «молнии». В общественных местах национальных колхозов вывешивались плакаты, лозунги, стенды и щиты, выполненные на родных языках.

За полугодие в районе было дано 30 киносеансов фильмов на татарском языке. При этом демонстрировались только два фильма: «Рассказы о Ленине» и «Девушка без адреса».

Из 73 школ Асекеевского района 15 были татарскими (4 семилетние и 11 начальных), одна мордовская (средняя) и еще одна чувашская (семилетняя). При трех семилетних татарских школах имелись интернаты на 15–20 мест. Кроме того, в Асекеевской средней школе было создано 9 татарских классов, в которых обучалось 143 ученика. Во всех национальных школах района обучалось 1114 учеников и преподавало 86 учителей (в том числе 6 с высшим образованием, 44 с образованием за учительский институт и 36 со средним педагогическим образованием).

Преподавание и воспитание во всех этих школах велось на родном языке. Отсюда, одной из проблем развития системы образования на родных языках являлось то, что выпускникам национальных школ сложнее было поступить в высшие учебные заведения. Так, ни один из выпускников национальных школ Асекеевского района в 1958–1959 гг. не поступил в вуз и только 20 человек были зачислены в техникумы области.

По итогам проверки бюро обкома состояния массово-политической работы среди нерусского населения Асекеевского района было принято постановление «О серьезных недостатках в проведении массово-политической работы среди нерусского населения в Асекеевской районной партийной организации». Обкомом отмечались имеющиеся недостатки и были поставлены конкретные задачи по улучшению качества работы районной партийной организации в этом направлении. В частности, как на недостаток в решении вопросов хозяйственного и культурного строительства с учетом национального состава населения района было указано на то, что в татарских колхозах создавались свинофермы, но ни один представитель татарского населения на них не работал².

Традиционно многонациональным был состав населения Домбаровского района. Всего в районе проживало 23081 человек, из них 33,3% составляли русские, 31,7% – казахи, 23,0% – украинцы, 2,2% – татары, 1,2% мордва, 1,1% – белорусы, 0,2% – узбеки и 0,1% – евреи. Кроме того, в районе в этот период проживало около 450 немцев.

В казахских колхозах вся лекторская работа проводилась на родном языке. Только в течение 1959 г. было прочитано 75 лекций на казахском языке. В составе лекторской группы райкома числились 23 человека, из них 15 русских по национальности, 5 украинцев, 2 казаха и татарин. Среди докладчиков райкома партии было 17 русских, 4 украинца, 6 казахов, 2 мордвина и 1 еврей. Районное отделение общества по распространению научных и политических знаний состояло из 58 человек, в том числе 23 русских, 12 казахов, 12 украинцев, 4 мордвина, 2 татар, еврея и немца. Кроме того, в районе насчитывалось 388 агитаторов. По национальности они распределялись следующим образом: русских – 267, казахов – 85, украинцев – 23, немцев – 11, прочих национальностей – 2.

Сопоставление приведенных данных о национальном составе идеологических работников, ведущих культурно-массовую работу в районе, наглядно свидетельствует о несоответствии данных показателей доле казахского и украинского населения в общей численности населения района.

Тематика лекций была традиционной: разъяснение решений последних партийных съездов, участие граждан Советского Союза в выборах, освещение международного положения, разъяснение реакционной сущности ислама.

Несмотря на то, что казахи составляли треть населения района, в системе кинопроката фильмов на казахском языке не было. В клубной системе имелся лишь один казахский творческий коллектив в с. Истемис. В книжных магазинах литература на казахском языке отсутствовала. В Ащebutакской, Еленовской, Истемисской сельских библиотеках книги на казахском языке составляли не более 10% от общего объема книжных фондов.

Жителями района выписывалось 43 экземпляра газет и 16 журналов на казахском языке, 7 журналов на украинском, 15 на немецком и 2 на грузинском языках.

Система национального образования в Домбаровском районе была представлена 18 казахскими (в т.ч. 2 семилетние в с. Истемис и п. Домбаровка) и 9 смешанными школами (в т.ч. Еленовская и Красночабанская семилетки). В них в 1958–1959 учебном году обучалось 569 казахских детей.

В соответствии с директивами из Центра на местах развернулась активная работа с немецким населением. В развитие постановления ЦК КПСС от 29 июня 1955 г. «О мерах по усилению массово-политической работы среди спецпоселенцев» Оренбургским областным комитетом партии 21 мая 1957 г. было принято постановление «О состоянии и мерах улучшения массово-политической работы среди немцев». К этому времени на территории области, главным образом на территории Александровского, Белозерского, Люксембургского, Покровского и Переволоцкого районов, проживало порядка 12 тыс. немцев. В ходе проведенной проверки была выявлена масса недостатков в организации работы с немецким населением. Система массовой пропаганды в немецких селах практически отсутствовала. Лекции на политические и научные темы читались эпизодически. Лекторы, приезжая из райцентров, выступали в основном в центральных усадьбах колхозов и поэтому охват лекционной работой немецкого населения был крайне незначительным. Местная же интеллигенция, из немцев, к чтению докладов не привлекалась. Даже в таком крупном немецком селе, как Кичкас Переволоцкого района, где проживало достаточно много учителей, медицинских работников, специалистов сельского хозяйства, лекторского объединения не было создано и ни один из местных интеллигентов, знающих немецкий язык, не являлся членом общества по распространению политических и научных знаний³. Бюро обкома отмечало усиление деятельности «сектантов-меннонитов», «...которые организуют сборища, ведут среди населения по существу антисоветскую работу, призывают немцев не ходить в клубы, кино, на лекции, собрания, не участвовать в общественно-политической жизни. Особое внимание меннониты обращают на привлечение в члены

религиозных общин молодежи, детей. В Люксембургском районе меннониты организовали союз молодежи и воскресные религиозные школы для детей, которые противопоставляются комсомольским и пионерским организациям...»⁴

Для устранения имеющихся недостатков в массово-политической работе бюро обкома постановило смелее выдвигать немцев на руководящую советскую и партийную работу, увеличить количество лекций и докладов на естественно-научные и антирелигиозные темы, организовать наглядную агитацию, призывы и лозунги на немецком языке. Отделу народного образования было поручено выяснить возможность перевода обучения детей в немецких школах на немецкий язык. Усиление агитационной деятельности, учет специфики немецкого населения по-прежнему рассматривались как одно из действенных средств по искоренению традиционных форм жизнедеятельности и религиозных «пережитков» в немецких колхозах.

Не лучше обстояло дело и с культурно-просветительской работой. Показ кинофильмов в немецких селах происходил не чаще раза в месяц, колхозные клубы зимой отапливались нерегулярно, кружки художественной самодеятельности при них созданы не были, культурные мероприятия практически не проводились. Концертные и театральные бригады из областного центра в немецкие села также не посылались. Фонды библиотек не пополнялись научно-популярной и антирелигиозной литературой.

Особое внимание обращалось в ходе проверки на состояние работы с молодежью. Комиссия констатировала запущенное состояние комсомольской работы. Так, комсомольская организация колхоза им. К.Маркса Покровского района, насчитывающая в своем составе 30 комсомольцев, в том числе – 12 немцев по национальности, в течение года провела всего четыре собрания. Молодежные вечера в колхозе не проводились, после двух занятий кружок текущей политики распался. В течение года в комсомол было принято только три новых члена и столько же выбыло из комсомольской организации по религиозным убеждениям. В колхозе им. Буденного Белозерского района (немецкие села Ждановка, Романовка, Федоровка, Николаевка, Каменка) проживало более 500 молодых людей комсомольского возраста, из них в комсомольской организации состояло всего 38 человек. В течение двух лет, предшествовавших проверке, в комсомол был принят только один молодой колхозник, а вышло по религиозным мотивам – четыре. Партийная организация колхоза насчитывала всего 11 человек, в том числе 7 немцев. Столько же членов и кандидатов в члены партии было и в колхозе им. Жданова Александровского района (центр – с. Хортица), из них немцами по национальности были только два человека – председатель колхоза и радиотехник. В кол-

хозе им. Тельмана этого же района (центр – с. Петровка) партийным был только один представитель немецкого населения. Один немец был в числе девяти членов партийной ячейки колхоза им. К. Маркса Покровского района. Также всего один немец числился в партийной ячейке колхоза им. К. Маркса Люксембургского района, состоящей из шести человек⁵.

В Кичкасской средней школе было всего 30 пионеров (из 130 учеников пионерского возраста) и 19 комсомольцев. В Петровской семилетней школе Александровского района ученической комсомольской организации не было вообще. В начальных школах сел Федоровка, Николаевка Белозерского района, с. Канцеровка Александровского района, с. Красиково Люксембургского района и целом ряде других школ пионерских организаций либо не было вообще, либо в них состояло всего 2–5 пионеров. В Ишальской начальной школе Люксембургского района из 26 учеников только 3 были пионерами. В Красиковской школе этого же района пионерами числились 6 учеников из 27. Здесь сказывалось влияние традиций меннонитов, которые отвергали всякие формы взаимодействия с государством. Так, пяти пионерам Преторийской средней школы родители запретили носить красные галстуки. Многих детей родители не пускали на школьные вечера. Взамен этого, члены меннонитских общин устраивали для детей рождественские елки, в дни религиозных праздников обходили все дворы и делали детям подарки. Отмечалось посещение детьми и религиозных собраний. С одобрением меннониты относились к изучению детьми точных наук: математики, физики, химии, черчения, русского и иностранных языков. Литература и история объявлялись ложными науками. В школах немецких сел отмечался достаточно низкий образовательный уровень педагогических работников. Кроме того, сами учителя нередко были людьми религиозными. Например, учитель Степановской школы Переволоцкого района Нейфельд ушел из школы и стал проповедником. Учитель Сузановской школы Покровского района был замечен на религиозных собраниях меннонитов. И подобные факты не были единичными. За связь с меннонитской общиной был снят с должности и исключен из партии председатель колхоза им. Тельмана Александровского района А.П. Энс⁶.

Несколько лучше обстояли дела с работой с немецким населением в Покровском районе, где в селах колхоза им. К. Маркса (центр – с. Претория) проживало 1252 представителя немецкого населения. 8 из 15 депутатов Преторийского совета были немцами. Один представитель немецкого населения был депутатом районного совета. Еще в октябре 1955 г. районным комитетом партии был рассмотрен вопрос об усилении массово-политической и антирелигиозной пропаганды среди немецкого населения в колхозе им. К. Маркса. Для улучшения кинообслуживания

немецкого населения было решено выделить новую киноустановку. Для заведования Преторийским сельским клубом был подобран опытный культработник. Для чтения лекций, докладов и выступлений с концертными программами были организованы регулярные выезды в с.Претория студентов и преподавателей областной культпросветшколы. С учителями школ, воспитателями детского дома и работниками культпросветучреждений было проведено совещание по вопросам улучшения культурно-массовой и антирелигиозной работы. Летом 1956 г. в селах колхоза им. К. Маркса побывал чкаловский планетарий, сотрудниками которого было прочитано 9 лекций.

В результате проверки членами комиссии был сделан вывод о том, что местные партийные органы, довольствуясь относительным благополучием в хозяйстве немецких колхозов, не обращали должного внимания на необходимость проведения политической и культурно-просветительской работы с немецким населением. Все это приводило к сохранению влияния религиозных организаций и меннонитских проповедников на немецкое население⁷.

После обсуждения на бюро обкома партии вопроса о политико-массовой работе среди немецкого населения Александровским и Люксембургским райкомами КПСС были разработаны планы мероприятий по усилению партийно-комсомольской, агитмассовой, культурно-просветительской и пионерской работы среди немецкого населения на второй квартал 1957 г. В этот период в немецких селах было прочитано 38 лекций на естественно-научные и атеистические темы, проведено 19 сеансов кинофильмов, проведены партийные и комсомольские собрания. После проверки специалистами обкома состояния работы с немецким населением в этих районах было предложено передать под культпросветучреждение здание расформированного детского дома в с. Подольское. При управлении культуры предлагалось организовать двухмесячные курсы руководителей художественной самодеятельности и культпросветработников из клубных учреждений немецких колхозов. В связи с тем, что ученики первых классов плохо владели русским языком, предлагалось открыть при школах подготовительные классы или укомплектовать детские сады соответствующими сотрудниками, которые прививали бы детям навыки разговорной речи на русском языке. Поднимался и вопрос о подготовке учительских кадров из немцев, которые могли бы общаться с учениками на родном для них языке. Для этого предлагалось принимать их в педагогический институт и педучилища вне конкурса⁸.

Люксембургский райком партии предлагал направлять пропагандистские кадры непосредственно из немецкого населения на краткосроч-

ные пропагандистские курсы, курсы подготовки руководителей музыкальных и технических кружков, а также в культпросветшколы области. В немецких колхозах предлагалось ввести штатную единицу секретаря партийной организации. Кроме того, планировалось улучшить снабжение немецких сел строительными материалами для строительства клубов, красных уголков и школ. Кабинеты партийного просвещения и отделения общества по распространению политических и научных знаний предполагалось снабдить дополнительной антирелигиозной литературой по меннонитскому течению. В дополнение к этому районная партийная организация просила чаще направлять в немецкие села областные театральные коллективы, концертные бригады, передвижные цирки.

В районы области с немецким населением было решено направить пропгруппы обкома партии для оказания помощи местным органам в организации массово-политической работы с немцами. В состав пропагандистских групп вошли работники обкома КПСС и ВЛКСМ, облоно, управления культуры, лекторы областного планетария, общества по распространению научных и политических знаний. Каждая пропгруппа имела кинопередвижку. С 12 по 30 июня 1957 г. она работала в Белозерском, Переволоцком, Покровском, Александровском, Соль-Илецком и Люксембургском районах. В немецких колхозах членами групп проводились совещания и семинары с агитаторами, комсомольские собрания, было прочитано 79 лекций, в том числе 65 на научно-естественные темы, 8 — о международном положении, 4 — на молодежные темы и 2 — на сельскохозяйственные темы, было продемонстрировано 58 сеансов документальных и художественных кинофильмов. Местным органам было рекомендовано обустроить в немецких селах спортивные площадки и стадионы, открыть колхозные и межколхозные пионерские лагеря⁹.

Александровский райком пересмотрел состав агитаторов в немецких селах, подобрав 10 человек, немцев по национальности, которые могли вести разъяснительную работу с населением на их родном языке. Руководителем агитколлектива был утвержден также немец — Рампель, который прошел в 1957 г. обучение на областных курсах пропагандистов. Лучших политически грамотных производственников-немцев направил в агитколлективы Люксембургский райком. В этом же районе на должность второго секретаря райкома ВЛКСМ был избран активист из немцев — Нейфельд. В Люксембургской МТС был проведен семинар секретарей партийных организаций, председателей сельских советов по вопросам организации политической и культурно-просветительской работы среди немецкого населения. В этом же районе был организован трехдневный семинар для заведующих клубами, избами-читальнями и библиотеками немецких сел. В поселке Сузаново Покровского района была открыта

библиотека, насчитывающая около 150 читателей. Для Преторийского клуба был приобретен баян и 10 пар лыж.

Более благополучной с точки зрения культурно-массовой и пропагандистской работы среди немецкого населения была в Соль-Илецком районе. Здесь немцы трудились на сольруднике, кирпичном заводе, Перовской МТС, втором отделении совхоза «Маяк», колхозах «Прогресс» и «Аще-Бутак», в первой полеводческой бригаде колхоза им. Калинина.

В частности, из 559 рабочих сольрудника 159 человек были немцами по национальности. По свидетельству руководства рудника, все они выполняли и перевыполняли нормы выработки. Например, бурильщик Берг выполнял норму на 124%, проходчик Гунн – на 127%, машинист Реш – на 124%. Немецкие рабочие были активными рационализаторами. По предложению рабочих Класена и Рейнера на сольруднике была внедрена система многопоточной подачи соли.

Культурно-массовая работа на сольруднике также была налажена. При клубе были организованы драматический, хоровой и музыкальный кружки, в которых занималось около 80 человек, в основном из немецкой молодежи.

Многие немцы занимали руководящие должности. В Перовской МТС 7 из 9 тракторных бригад возглавляли бригадиры немцы. Немец Вингердт возглавлял Соль-Илецкий механический завод, директором Красномаякской средней школы был также немец – Гильдебрант. Во всех немецких колхозах района действовали партийные и комсомольские организации. В течение 1956 и 1957 годов в партийные организации района было принято 18 немцев¹⁰.

Как уже отмечалось, около 450 немцев проживало в Домбаровском районе. В июле 1957 г. на бюро Домбаровского райкома партии рассматривался вопрос «Об усилении массово-политической работы среди немецкого населения». В феврале 1959 г. в райцентре было проведено собрание с немецким населением, на котором обсуждалась статья «Подачки нам не нужны», опубликованная в газете «Коллективный труд».

Таким образом, к концу 1950-х гг., во многом благодаря внешнеполитическим факторам, правовое положение немецкого населения было несколько выравнено, а советское и партийное руководство как в Центре, так и на местах обратило самое пристальное внимание на необходимость активной идеологической и пропагандистской работы с советскими немцами.

С начала 1960-х гг. ситуация в сфере реализации государственной национальной политики стало постепенно изменяться. Это во многом было обусловлено развитием идеи строительства социально и национально однородного государства и формирования новой исторической общ-

ности людей — «советского народа». Широкими темпами распространялось национально-русское двуязычие. Школы поэтапно отказывались от принципа преподавания на родном языке и переходили на русский язык обучения, с включением в качестве этнокультурного компонента преподавания родного языка как предмета. Значительно возросли потоки национального населения в индустриальные центры Южно-Уральского региона. Интенсивный приток разноэтнических групп населения в города привел к массовому распространению межэтнических браков, что также укрепляло позиции русского языка. В этих условиях происходили и определенные изменения в системе культурно-массовой и идейно-воспитательной работы, базирующейся, в соответствии с новым Уставом партии, принятым XIX съездом, на принципах дружбы и братства всех народов СССР, нетерпимости к национальной и расовой неприязни.

Примечания

1. ЦДНПО. Ф. 371. Оп. 20. Д. 396. Л. 32–36.
2. ЦДНПО. Ф. 371. Оп. 20. Д. 396. Л. 29–31, 37.
3. ЦДНПО. Ф. 371. Оп. 19. Д. 598. Л. 1–2.
4. Из истории оренбургских немцев: сборник документов. (1817 – 1974гг.). Оренбург; Москва: Готика, 2000. – С. 241.
5. ЦДНПО. Ф. 371. Оп.19. Д. 598. Л. 12,16, 36–37.
6. ЦДНПО. Ф. 371. Оп.19. Д. 598. Л. 3–5, 16, 20.
7. ЦДНПО. Ф. 371. Оп.19. Д. 598. Л. 8–12.
8. ЦДНПО. Ф. 371. Оп.19. Д. 598. Л. 37–38.
9. ЦДНПО. Ф. 371. Оп.19. Д. 598. Л. 40, 44, 48.
10. ЦДНПО. Ф. 371. Оп.19. Д. 598. Л. 58–60.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ГУ ЦДННОО ДОКУМЕНТАМИ ОРЕНБУРГСКИХ ОБЛАСТНЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕГИОНА

Распад Советского Союза, запрет деятельности Коммунистической партии Советского Союза, установление демократии в 1991 году привели к появлению в нашей стране многочисленных общественных объединений, документы которых стали принимать на хранение бывшие партийные архивы. На базе Оренбургского партийного архива 11 ноября 1991 г. был создан Центр документации новейшей истории Оренбургской области, который и начал вести работу по комплектованию архива документами общественных объединений. В источники комплектования вошли политические, профсоюзные, молодежные, национальные, благотворительные и другие общественные организации. В последнее время увеличивается интерес исследователей к истории создания и деятельности национальных общественных организаций. В данном случае архивные учреждения выступают в качестве хранителя информации, необходимой исследователям. Цель данной статьи – изучить роль государственного учреждения «Центр документации новейшей истории Оренбургской области» (далее – ГУ ЦДННОО) по сохранению документов национальных общественных организаций как способа сохранения этнокультурного наследия.

Важное место в работе отдела комплектования, архивов организаций и делопроизводства ГУ ЦДННОО занимает определение круга национальных организаций, сохранение документов которых особенно важно для исследователей. Национальные общественные объединения в Оренбуржье начали образовываться в начале 90-х гг. XX века. С выходом в 1995 г. Федерального закона № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» национальные объединения подлежали регистрации в органах юстиции. Для установления контакта с организациями ГУ ЦДННОО сотрудничает с органами регистрации, использует материалы министерства культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области, средств массовой информации о мероприятиях, проводимых отдельными национальными организациями. Впервые в 1994 г. два национальных объединения – украинское и белорусское культурно-просветительские

общества — включены в список организаций — источников комплектования. В этом же году в Центре документации новейшей истории Оренбургской области была проведена встреча руководства с руководителями данных организаций. На встрече обсуждались вопросы делопроизводства, передачи документов на хранение, проведена экскурсия по архивохранилищам, где показаны условия хранения. С этого года специалисты ГУ ЦДНННОО ежегодно устанавливали контакты с различными национальными объединениями в целях заключения договоров о сотрудничестве. Согласно ежегодному докладу министерства информационной политики, общественных и внешних связей Оренбургской области в 2008 г. на территории области действовало 110 национально-культурных общественных объединений. Документы всех этих организаций, безусловно, важны для исследователей, так как весь комплекс позволит будущим историкам национальных объединений изучить все аспекты их деятельности, начиная от учредительных документов и заканчивая отчетами о проведенных мероприятиях. Главной задачей специалистов ГУ ЦДНННОО явилось установление рабочих контактов с новыми для архивной практики источниками комплектования, в том числе с национальными общественными объединениями. В 2007 г. в списки организаций — источников и организаций — возможных источников комплектования ГУ ЦДНННОО вошли 11 национальных объединений. Со всеми организациями установлены рабочие отношения. В ходе сотрудничества с объединениями оказалось, что многие организации фиксируют не все мероприятия, в силу этого на хранение поступают неполные по информационной для исследователей значимости документы. Документация оформлялась зачастую с отступлениями от правил ведения делопроизводства, как правило, документы имелись в единственном рукописном варианте. Необходимо отметить тот факт, что организации образовывались на общественных началах, и людей, которые были бы специалистами в области делопроизводства и являлись бы ответственными за архив организации, почти не было. К тому же у многих объединений не имеется источников финансирования. По состоянию на 01 января 2010 г. в списке организаций — источников комплектования ГУ ЦДНННОО значилось 6 национальных организаций: Оренбургская региональная общественная организация «Русский национальный центр», Оренбургская городская общественная организация «Мордовский культурный центр», Оренбургская региональная татарская национально-культурная автономия, ассоциация казахов Оренбуржья, Оренбургская областная общественная организация немцев «Видергебург» и еврейская национально-культурная автономия города Оренбурга. Как результат, в 2005–2010 гг. с вышеперечисленными организациями были заключены договоры об отношениях и сотрудничестве

в области архивного дела, организациям сотрудниками ГУ ЦДННОО оказывается методическая помощь по ведению делопроизводства. Результатом плодотворного сотрудничества является передача на хранение документов национальных организаций. Так, в 2006 и 2010 гг. на хранение в ГУ ЦДННОО передала документы Оренбургская областная общественная организация немцев «Видергебурт». Из переданных на хранение наиболее ценными для исследователей являются учредительные документы организации (устав, свидетельство), протоколы отчетно-выборных конференций, заседаний Совета. Среди документов имеются «Памятная записка Совета немцев России и общества немцев РФ «Видергебурт» о положении немцев в России» и материалы о мероприятиях, проведенных организацией. Проанализировав содержание документов, мы можем констатировать, что далеко не все мероприятия, проводимые организацией, своевременно документируются. И данная проблема характерна для большинства национальных общественных объединений. Особо следует отметить создание в организациях довольно большого количества фотодокументов, как наиболее простого и доступного вида документирования событий. К сожалению, на хранение в архив они почти не поступают. Проводится фотографирование, как правило, основных мероприятий, зачастую фотоматериалы исполняются в единственном экземпляре, с которыми собственники расстаются неохотно, так как позже фотографии используются ими для оформления выставок о деятельности организации. Отметим, что сотрудники отдела комплектования ГУ ЦДННОО готовы собственными техническими средствами снять копии с фотографий и передать на хранение. На данный момент на хранение в ГУ ЦДННОО переданы фотодокументы Оренбургской областной украинской культурно-просветительской общественной организации им. Т.Г. Шевченко. В коллекции представлены фотоматериалы праздника украинской культуры, посвященного 250-летию Оренбургской губернии и 60-летию Оренбургской области, состоявшегося 25 сентября 1993 г. в с. Дедуровка Оренбургского района Оренбургской области. На фотодокументах изображены гости и участники праздника Украинской культуры: глава администрации Оренбургского района И.Г. Павлычев, открывающий праздник, председатель Оренбургского областного украинского культурно-просветительского общества им. Т. Шевченко Н.М. Бурлак в момент выступления, гость праздника – писатель, краевед Л.Н. Большаков, артист театра музыкальной комедии А.К. Пашенко, выступающий в роли Яшки-артиллериста, артист театра драмы им. Горького К.Н. Карпович в момент выступления, танцевальная группа Оренбургского училища культуры «Ритм», фольклорный коллектив библиотеки им. Шевченко.

Интерес представляют фотографии «Дней украинской культуры», посвященных 150-летию со дня прибытия Тараса Григорьевича в ссылку в Оренбургский край и проходивших в г. Оренбурге 6–8 июня 1997 года. Фотодокументы запечатлели гостей праздника: профессора кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета Ю.С. Зобова, краеведа Л.Н. Большакова, советника посла Украины в России В.Г. Крикуненко, начальника информационно-аналитического центра администрации области В.А. Шорикова, председателя комитета по межнациональным отношениям администрации области В.В. Амелина. Также имеется фотоотчет о проведении для участников «Дней украинской культуры» экскурсии в областном краеведческом музее и выступлении фольклорных коллективов области на праздничном концерте.

Пробелы в создании документов национальными объединениями сотрудники Центра вынуждены восполнять своими силами, для чего специалисты отдела комплектования, архивов организаций и делопроизводства ГУ ЦДННОО с недавних пор занимаются инициативным комплектованием. В отделе имеется цифровой фотоаппарат и сотрудники посещают мероприятия, чтобы помочь национальным общественным объединениям фиксировать наиболее важные моменты с целью пополнения фотодокументов. Среди наиболее важных событий отметим фотосъемку открытия подворий в культурном комплексе «Национальная деревня», который является единственным комплексом такого вида в Российской Федерации. В 2009 г. на хранение в ГУ ЦДННОО поступили фотографии с открытия русского подворья, а также фотоэкспонаты русского музея. Впоследствии на хранение будут переданы фотографии остальных национальных подворий.

Все национальные объединения Оренбуржья тесно сотрудничают с министерством культуры, информационной политики, общественных и внешних связей Оренбургской области, основной целью которого является создание благоприятных условий для реализации государственной национальной политики и обеспечения свободы общественных организаций. В Оренбуржье принят закон «Об областной целевой программе реализации модели региональной национальной политики Оренбургской области на 2006–2010 годы», основной целью которого является сохранение этноконфессионального согласия и гармонизация межнациональных отношений в регионе.

Политические события последнего времени приводят к появлению новых национальных объединений. Сотрудники ГУ ЦДННОО отслеживают деятельность данных организаций, мероприятия, проводимые ими, участие в культурной жизни Оренбуржья. Деятельность вновь появив-

Таким образом, специалистами отдела комплектования, архивов организаций и делопроизводства ГУ ЦДННОО ведется работа по приему документов на хранение от национальных общественных объединений. Документы о деятельности национальных организаций очень важно сохранить для потомков, так как объединения играют большую роль в патриотическом и толерантном воспитании нынешнего поколения. Немаловажным для будущих исследователей является тот факт, что в Оренбуржье, где, по данным переписи 2002 г., проживают более ста национальностей, отсутствуют национальные конфликты, и немалая заслуга в этом принадлежит национальным объединениям. На сегодняшний день имеется немало трудностей в сотрудничестве с данными организациями. Однако сотрудники продолжают вести работу в данном направлении, так как в будущем документы национальных общественных объединений позволят исследователям составить целостную картину об этническом положении Оренбургской области в конце XX – начале XXI веков.

А.Н. Молощенков

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛИВШИЕ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УКРАИНЦЕВ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В 20–30-х гг. XX в.

На жизнь отдельного человека и различных общностей всегда воздействуют социальные и политические факторы, определяющие их функционирование. Существование национальных групп зависит от того, какие политические и социальные процессы происходят в обществе. В этом отношении украинцы Южного Урала не являются исключением, и, соответственно, жизнедеятельность их определялась системой, имевшей во всей стране и влиявшей на всех людей.

Установление советской власти на территории страны сопровождалось серьезными противоречиями и противостояниями всего населения. В подобных условиях обострились многие проблемы, отражавшиеся на жизнедеятельности людей.

Особую роль в судьбе жителей Южного Урала сыграл голод 1921 г. В этот год произошла засуха, охватившая многие регионы страны. Крестьяне постарались заранее подготовиться к трудной зиме, запасая все возможные продукты, однако это не спасло многие тысячи жизней. В пищу употребляли все, чем только можно было питаться. Ели не только мясо и

внутренности животных, но и кости и шкуры¹. К ноябрю в селе Буланово, например, голод достиг такой силы, что беднота съела всю живность, включая собак и кошек, и уже стали наблюдаться случаи людоедства².

К голоду добавлялись страх и паника, возникавшие из-за бандитов и мародеров. Крестьяне боялись выезжать из своих сел, никого из посторонних не впускали в свои дворы, наблюдалось состояние полного недоверия ко всем людям. По дорогам между населенными пунктами и в самих селах погибало много бродяг³.

К весне 1922 г. в селах Украинского сельского совета многие постройки стояли без кровли, поскольку солому скормили животным, а камыш и стропила сожгли в печах. Кроме того, к смерти от голода стали добавляться и летальные исходы от цинги, дизентерии, брюшного тифа и холеры⁴.

В Башкирии голодала большая часть населения — около 2 млн человек. Советское правительство, общественность, зарубежные благотворительные фонды оказывали голодающим посильную помощь. К лету 1922 г. в Башкирии действовало несколько тысяч столовых, в которых питалось почти 1,5 млн чел., работал 591 детдом на 48 443 чел., 25 тыс. детей было эвакуировано в урожайные губернии⁵. В этот период из других южноуральских районов, спасая детей, отсылали их в более благоприятные регионы, например, 300 акбулакских детей были отправлены в Черниговскую губернию⁶. Другим способом уберечь детей от голодной смерти являлся детский дом, где на них распределялись продукты. Так, из Дмитриевской, Шарлыкской, Романовской волостей семьи отправили своих детей в детский дом Булановского комитета АРА⁷.

Несмотря на предпринимаемые меры, последствия голода были очень тяжелыми. Это прежде всего сказалось на численности населения, которое в результате эвакуации и смерти в Башкирии сократилось на 650 тыс. чел. (22%). В этот период начался активный процесс реэмиграции переселенцев на свою историческую родину, где экономическая стабильность и продовольственная достаточность позволяли избежать голода. Безусловно, этот процесс затронул и украинцев, переселяющихся на Украину. Достаточно отметить, что уже в середине 20-х гг. из Башкирии только на Украину переселилось 7,5 тыс. чел. Возвращались, как правило, семьи, не потерявшие родственные связи, имеющие возможность обустроиться, а также те, кто имел средства на приобретение жилья и необходимого имущества⁸.

В последующие годы наблюдался обратный процесс эмиграции уехавшего населения во время голода, получивший название «голод—беженцы—обратники». При этом они имели не только материальные трудности с передвижением, но и проблемы с устройством на старом месте жительства, связанные, в том числе, и с административными изменениями⁹.

Численный состав украинского населения Южного Урала в 20–30-х гг. XX в. оценить весьма сложно. Причиной этого являются и политические, и социальные события. Среди важных политических событий – это, безусловно, установление советской власти, Гражданская война, репрессии и другие, в том числе, затрудняющим аспектом выступили постоянные изменения территориально-административных границ. Социальные факторы обусловлены идентификацией малороссов как украинцев с приобретением суверенитета основной территории и миграционные процессы.

Между тем, можно, основываясь на имеющихся данных, проследить основные количественные изменения украинского населения, но эти данные весьма условны. Если за основу Южного Урала брать три региона – Башкирию, Оренбуржье и Челябинскую область, – то динамика выглядит следующим образом: в 1920 г. украинцев проживало около 177 тыс., в 1926 г. – приблизительно 216 тыс. человек, а в 1939 г. – более 327 тыс. человек¹⁰. Тем самым, наблюдалось возрастание числа украинцев на рассматриваемой территории, что отражалось на жизни региона. При этом следует учитывать и те негативные процессы, которые отрицательно сказывались на естественном приросте населения, поскольку увеличение его происходило в основном в результате механического прироста.

Миграция носила как добровольный, так и вынужденный характер. Например, в 1920 г. в южно-уральском направлении было отправлено 74 политических беженца с Украины, среди которых присутствовали рабочие и советские служащие¹¹. В начале 20-х гг. наблюдается тенденция к иммиграции украинского населения из зарубежных стран. Характерен в этом отношении пример 1923 г., когда из Америки 86 человек обратились с просьбой вернуться на Украину для создания собственной коммуны¹². Но в связи с малоземельем и перенаселенностью в УССР осуществление подобных просьб осложнялось, а предоставляемые условия не являлись благоприятными для переселяющихся. Между тем, чтобы сохранить выгодную тенденцию к иммиграции, правительство шло на уступки, освобождая необходимые земли. Следовательно, это вынуждало местных жителей двигаться дальше на Восток страны, в том числе и на Южный Урал. Люди прибывали из разных стран и различными по количеству группами. Например, в том же 1923 г. из Нью-Йорка приехали 16 человек, чтобы присоединиться к ранее созданным коммуна¹³, а в 1924 г. из Чехословакии иммигрировало до 1000 украинцев¹⁴.

Обращает на себя внимание тот факт, что в 20-е гг. работа, проводимая среди так называемых «нацменов», касалась в основном татар, киргизов (казахов) и немцев, а украинцев почти не затрагивала. Например, в 1925 – 1926 гг. на территории Оренбургского уезда отсутствовали

избы-читальни и литература на украинском языке¹⁵. Между тем, в количественном отношении по тому же уезду они занимали второе место после татар: татар – 20482 человека, украинцев – 15789, немцев – 11471, киргизов – 7874, мордвы – 4268 представителей¹⁶.

После окончательного установления советской власти, связанного с прекращением активных боевых действий Гражданской войны, на всей территории Советского Союза произошли значительные перемены в общественной и политической жизни. Большевистское правительство иначе оценивало все общественное устройство и по-новому подходило к определению дальнейших путей для развития государства. Старые методы по формированию населения в тех или иных районах, а также перераспределение этого населения не могли использоваться при данных обстоятельствах. Власти искали новые механизмы для уменьшения напряжения связанного с владением и обработкой земли.

В условиях плановой экономики существовала необходимость и планового подхода к переселенческому делу. Главной задачей политики переселения являлось освоение малонаселенных районов СССР, имевших большое хозяйственное или политическое значение. Однако, осознавая невозможность переселения всех нуждающихся из перенаселенных районов центральной части страны, правительство намеревалось разрешить возникающие проблемы за счет возрастающей индустриализации и вовлечения сельскохозяйственного населения в этот процесс¹⁷. Тем не менее, был выделен ряд территорий, которые предполагалось заселить, – это Дальний Восток, Сибирь, Урал, Черноморье и часть Крыма, а также районы Закавказья¹⁸.

Плановое переселение было впервые открыто в Поволжье в 1924 – 1925 гг. Первым постановлением Правительства, устанавливавшим цели и задачи советского переселения, было Постановление Совета Труда и Оборона от 17 октября 1924 г. В этом Постановлении основной задачей признавалось вовлечение в хозяйственный оборот необжитых земель с целью увеличения сельскохозяйственной и промышленной продукции страны путем рационального расселения и эксплуатации естественных богатств колонизируемых районов¹⁹.

Переселенческие организации были созданы после возникновения миграционного движения, которое развивалось в советское время стихийно с территорий Украины, Белоруссии и средних губерний РСФСР. Районные Переселенческие Управления сформировались с 1926 г. Они начали свою деятельность в крайне тяжелых условиях и были поставлены перед необходимостью производить одновременно работы по подготовке земельных фондов для переселенцев и по устройству уже прибывших в районы заселения ходоков и переселенцев²⁰.

Усиление плановых начал в процессе регулирования передвижения населения и налаживание деятельности сопутствующих структур способствовало снижению числа самовольных движений. К примеру, в 1925–1926 гг. процент самовольных переселенцев ко всем переселенцам составлял 54%, в 1926–1927 гг. – 36%, а в 1927–1928 гг. снизился до 33%²¹. Следовательно, государство постепенно устанавливало контроль над этим процессом.

Среди самовольных переселенцев в большей степени наблюдались домохозяйства, наиболее нуждавшиеся в переселении. Украинцы покидали самовольно свои земли по причине отсутствия нарядов на переселение со стороны властей²².

Однако поскольку существовало самовольное передвижение, то и некоторые тенденции власти регулировать не могли. Так, несмотря на существовавший запрет на переселение в Казахстан, в его пределы в этот период происходила усиленная миграция, составлявшая примерно до 10 тыс. чел. в год, из УССР, РСФСР и других районов Союза²³. Это происходило потому, что внутрисреспубликанский земельный фонд, в частности на Украине, к тому моменту был использован почти полностью.

По-прежнему серьезной проблемой для правительства оставалось обратное движение переселенцев, обусловленное как плохой подготовкой фонда для переселенцев, происходившей из-за недостаточности финансирования этих мероприятий, так и слабой обеспеченностью самих переселенцев²⁴.

Переселение в рамках нового подхода в организации сельского хозяйства, а именно, коллективизации, представлялось как один из важных факторов. При этом эффект от реализации процесса рассматривался в двух направлениях. С одной стороны, устройство переселенцев в необжитых и слабообжитых районах давало возможность привлечь в хозяйственный оборот миллионы гектаров земли, с другой, позволяло уменьшить напряженность в аграрно-перенаселенных регионах. Построение переселенческого дела предполагалось на основе плановых начал и коллективизации по отношению к переселяющимся хозяйствам²⁵.

Семьи, готовые переезжать на новые места жительства, намеривалось наделять лучшими фондами земли по природным условиям – почвенным, растительным, водообеспеченности, поскольку ожидалось, что заселяемые районы решат задачу быстрого развертывания крупного товарного сельского хозяйства²⁶. Кроме того, важной установкой в деле коллективизации переселенческих хозяйств являлось формирование колхозов, которые не только удовлетворяли требованиям развития крупного товарного хозяйства, но и создавали условия для приживаемости переселенцев на новых местах²⁷. Вместе с тем для них предусматривались и

суды, преследующие цели успешного переезда и обустройства. При этом переселяющимся на Урал и Поволжье для индивидуальных хозяйств ссуды составляли 330, а для коллективных – 400 рублей²⁸.

Правительство ориентировалось прежде всего на беднейшие слои населения, надеясь, что бедняцкие и батрацкие элементы будут заинтересованы в объединении в коммуны и артели, как будущей основы сельского хозяйства СССР, а не в товарищества совместного обрабатывания земли²⁹. В процентном соотношении распределение между социальными слоями, участвовавшими в переселении, выразалось следующим образом: 60% – бедняки, 30% – середняки и не более 10% – состоятельные хозяйства³⁰.

Можно предположить, что для украинского населения южно-уральского региона процесс объединения в совместные хозяйства происходил легче, чем для других национальностей. На это указывает и В.Я. Бабенко, говоря о том, что для украинцев коллективизация в Башкирии проходила менее болезненно, чем в других регионах страны, объясняя данный факт присущей украинским и башкирским земледельцам общинной формы ведения сельского хозяйства³¹. Отчасти подтверждение заключаются в цифровых показателях. Например, в Украинском сельском совете Оренбуржья больший процент вступивших в колхозы в 1930 г. отмечался именно в селах с украинским населением: 1-я Украинка – 83% от общего числа хозяйств, 2-я Украинка – 70%, Новопавлоград – 68%, а в селах по преимуществу с русскими жителями – меньшее число: Григорьевка – 20%, Бузулук – 30%³². В.П. Мотревич в своих исследованиях отмечает, что увеличение числа колхозных дворов на Урале за годы третьей пятилетки связано со вступлением в артели единоличников, а также размещением переселенцев³³, среди которых значительную часть составляли именно украинцы.

Коллективизационные мероприятия осуществлялись совместно с процессом раскулачивания, затронувшего значительные массы людей всей страны. Раскулачивание, с точки зрения перемещения людей, включало в себя несколько тенденций – выселение, вселение и расселение с территории региона. Украинцы, как и другие национальности Советского Союза, подверглись этим перемещениям, что отражалось на жизни и самочувствии населения края.

В первую очередь это касалось индивидуальных хозяйств, успешно осуществлявших свою деятельность. Между тем, к подобным земледельцам могли относиться не только кулацкие семьи, но и середняки. К примеру, в Украинском сельском Совете первых было около 5%, и их хозяйство составляло до 10 рабочих лошадей, 10–15 голов крупного рогатого скота, до 30 голов овец, пахотной земли от 20 до 30 гектаров, до 100 гектаров сенокоса.

сов и зачастую нанимавших батраков для обработки земель. Средняцких хозяйств насчитывали до 65%, имевших по 2 лошади, 2–3 головы крупного рогатого скота, 5–10 голов овец и от 7 до 10 гектаров посевных площадей³⁴. А поскольку под раскулачивание попадали семьи, обладавшие в среднем от 19 до 40 десятин земли, от 4 до 6 голов лошадей, от 12 до 30 голов мелкого рогатого скота, а также имевших сезонных рабочих³⁵, то под репрессии могла попасть значительная часть украинского крестьянского населения Южного Урала, что значительно сказалось бы на представительстве их в регионе.

Однако на территории Украинской ССР наблюдался массовый процесс раскулачивания, сопровождавшийся выселением населения в малоосвоенные районы СССР. Например, в 1930 г. в Украине заключению в концлагеря подлежало до 15 тыс. чел., а высылке — от 30 до 35 тыс. В свою очередь на территорию Урала и Казахстана предполагалось выселить по 20–25 тыс. семейств³⁶. Безусловно, не все из них являлись украинцами по национальности, но можно предположить, что большая часть. Возможно, некоторая доля украинцев, высланных из родных мест, оказалась на территории Южного Урала, где продолжила свою жизнедеятельность.

Жизнь высланных людей на новых местах складывалась тяжело и имела множество проблем. В 1930 г. отмечалось: «Несмотря на ряд принятых соответствующими органами решений, вопрос со снабжением кулацких переселенцев продовольствием и жизненно необходимыми промышленными товарами практически осуществляется весьма неудовлетворительно»³⁷. И в 1931 г. продолжалось «безобразное использование рабочей силы спецпереселенцев и беспорядок в их содержании»³⁸, что заставляло руководство страны принимать различные меры.

Анализируя функционирование переселенного контингента в период раскулачивания, сложно делать серьезные выводы об их влиянии на культурную составляющую региона, поскольку данные люди находились в сложных условиях и ограничивались определенными территориями проживания. В частности, постановления Политбюро устанавливали порядок поселения, по которому предполагалось, что высылаемые кулаки подлежат расселению в районах небольшими поселками, управляемыми назначаемыми комендантами³⁹.

Таким образом, 20–30-е гг. XX в. стали временем серьезных испытаний для всего населения Южного Урала и страны в целом, и для украинцев в частности. Тяжелые последствия голода, коллективизации, раскулачивания и репрессий повлияли на жизнь и самочувствие людей. Периоды снижения численного представительства украинцев сменялись увеличением за счет миграционных процессов, как контролируемых, так и стихийных. Следовательно, украинская часть населения Южного Урала играла свою важную роль в жизнедеятельности края.

Примечания

1. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (далее ЦДНННОО). Ф. 6002. Оп. 1. Д. 402. Л. 56.
2. Там же. Д. 145. Л. 10.
3. Там же. Д. 402. Л. 57
4. Там же. Л. 57–58.
5. Бабенко В.Я. Украинцы Башкирской ССР. Уфа, 1992. С. 37.
6. Гордиенко А. Украинское население Акбулакского района // Украинцы в Оренбургском крае: матер. науч.-практич. конфер. Оренбург, 1997. С. 151.
7. ЦДНННОО. Ф. 6002. Оп. 1 Д. 145. Л. 10.
8. Бабенко В.Я., Баранова Н.А. Украинские переселенцы в Башкирии: XVII – первая четверть XX вв. (этнодемографическая характеристика) // Развитие социально-экономического сотрудничества Башкортостана и Украины: матер. междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2003. С. 13.
9. Государственный архив Оренбургской области (далее ГАОО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 417. Л. 319–319 об.
10. Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г.; Всесоюзная перепись населения СССР 1939 г.; Попов С.А. Из истории поселения украинцев в Челябинской области; Статистический сборник Челябинской губернии за 1920–1923 гг.; Фиельструп Ф.А. Этнический состав населения Приуралья.
11. ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 143. Л. 9.
12. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Р-364. Оп. 1. Д. 25. Л. 41 – 41 об.
13. Там же. Оп. 3. Д. 1. Л. 58.
14. Там же. Л. 133.
15. ЦДНННОО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 244. Л. 11–15.
16. Там же.
17. Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 5675. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–2.
18. Там же. Л. 2.
19. Там же. Д. 7. Л. 2–2 об.
20. Там же. Л. 2 об.
21. Там же. Л. 3.
22. Там же. Д. 2. Л. 51.
23. Там же. Д. 7. Л. 3.
24. Там же. Л. 7.
25. Там же. Д. 9. Л. 1.
26. Там же. Д. 27. Л. 89.
27. Там же. Л. 64.
28. Там же. Д. 7. Л. 25.
29. Там же. Д. 27. Л. 63–64.
30. Там же. Д. 7. Л. 85.
31. Бабенко, В.Я., Баранова Н.А. Указ. соч. С. 15.
32. ЦДНННОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 402. Л. 102.
33. Мотревич В.П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск, 1990. С. 38–39.

34. ЦДНИОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 402. Л. 88.
35. Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 173 а. Л. 4–15.
36. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. Н.Н. Покровский. М., 2005. С. 72.
37. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 17. Д. 166. Л. 78.
38. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. Н.Н. Покровский. М., 2005. С. 305.
39. Там же. С. 72.

Ю.Ф. Сулейманова

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА С МУСУЛЬМАНСКИМ ДУХОВЕНСТВОМ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – XIX ВВ.

Постепенное увеличение мусульманского населения в ходе включения в состав империи новых территорий вынуждало власть искать пути его интеграции в структуру российского православного государства. Религиозные преследования и насильственное обращение мусульман в православие в XVI в. сменились в конце XVIII в. политикой веротерпимости, которая стала одним из принципов государственного строительства. Со второй половины XIX в. в русской имперской политике стал доминировать принцип государственного единства России, который связывался с идеей национального государства. Это предполагало интеграцию нерусских народов в состав империи, а в перспективе — их слияние с русскими. Одним из важных условий осуществления этой задачи в регионах, населенных мусульманами, было установление определенных отношений правительствующей власти с многочисленными духовными лицами, которые играли значительную роль как в духовной, так и в гражданской жизни мусульман¹.

Кроме выполнения богослужебных обязанностей, духовенство руководило сферой образования мусульман, осуществляло судопроизводство по их брачным, семейным и наследственным делам по правилам своей веры.

Мусульманские духовные учреждения были крупными собственниками, владея вакуфами (недвижимая собственность или капиталы, отданные или завещанные мусульманами в пользу мечетей и религиозных учебных заведений). Исходя из этого, мусульманское духовенство оцени-

валось властью как важный объект и одновременно инструмент русской политики в мусульманских регионах и потому было всегда предметом ее внимания².

Со второй половины XVIII в. правительство считало необходимым устраивать «духовный быт» мусульман и определять подробности их религиозной жизни в законе. Первым законодательным актом, регламентировавшим «духовные дела» мусульман на территории империи, был указ Екатерины II от 22 сентября 1788 г., согласно которому в Уфе учреждалось Собрание из двух-трех мулл из «казанских татар» под председательством муфтия для надзора за назначением мулл и проведения испытаний кандидатов на мусульманские духовные должности³.

Духовному собранию были поручены следующие вопросы: «Давать мусульманам подчиненного им округа фетвы о верности или ошибочности деяний в религиозных или духовных делах; принятие экзаменов у лиц, назначаемых на должности выполняющих обязанности по шариату ахунов, мухтасибов, мударрисов, хатыбов, имамов и муэдзинов в вопросах науки, практики и морали; выдача разрешений на строительство и ремонт мечетей; раздел имущества мусульман по шариату»⁴.

Закон признавал высшее и низшее духовенство. Духовные управления представляли из себя коллегиальные органы из двух-трех человек под председательством муфтия и канцелярии. Кандидаты на должность муфтия должны были избираться «магометанским обществом», один из которых по представлению МВД утверждался императором. При вступлении в должность высшие магометанские чины должны были приносить присягу на верность государю.

В законе определялись штаты, размер жалованья и порядок организации работы управлений. В предметы ведения входило заведование мечетями, вакуфами и школами при них, а также назначение и наблюдение за приходским духовенством соответствующего округа. Приходское духовенство являлось низшей инстанцией, рассматривавшей и решавшей духовные дела магометан: порядок богослужения, исполнение обрядов, расторжение и заключение браков, а также наследственные дела. По ходатайству низшего духовенства судебные дела могли быть переданы в духовное правление, которое при судебном разбирательстве имело право определять только духовное наказание⁵.

В обязанность духовенства вменялось ведение метрических книг. Однако представители духовенства очень часто нарушали правила ведения этих книг. В основном нарушения касались заключения браков⁶. В таких случаях заседание ОмДС выносило решение о расторжении такого брака и предания суду нарушившего правила азанчея⁷. Муллы избирались приходскими обществами и утверждались губернскими правлениями.

В Оренбургском округе кандидатам было необходимо пройти в правлениях предварительные испытания в знании правил мусульманского закона.

Со второй половины девятнадцатого века вопрос о мусульманском духовенстве постоянно находился в поле внимания правительства. Исходя из мнения о том, что духовные лица оказывали огромное влияние на мусульманское население, власти стремились регламентировать его положение.

Очередным поводом для возобновления обсуждения в правящих кругах вопроса о магометанском духовенстве и его позиции по отношению к властям стал всеподданнейший отчет оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского за февраль 1865 — март 1866 гг. Охарактеризовав состояние ислама в Оренбургском крае, Н.А. Крыжановский обратил внимание на важность и значение «магометанского вопроса» для восточной части России⁸. Эту идею Н.А. Крыжановский развил в 1867 г. в своем представлении на имя министра внутренних дел. По мнению генерал-губернатора, мусульманское духовенство, представлявшее собой «замкнутое сословие», оказывало огромное влияние на умы мусульманского населения, что препятствовало интеграции последнего в структуру Российского государства. Так, любые правительственные начинания в крае расценивались мусульманами при содействии их духовенства как обращение в «русскую веру» и поэтому бойкотировались⁹. В целях «сближения мусульман с Россией», по мнению генерал-губернатора, важно было поставить магометанское духовенство в «более правильное отношение к правительству», подчинив его действия контролю. Для этого считал необходимым, чтобы дальнейшие мероприятия исходили частично от уже реформированного правления, а частично от правительства, но при поддержке правления. Реформирование Духовного собрания Н.А. Крыжановский предлагал начать со следующих мер: 1. Ввести в состав Собрания члена от правительства из русских чиновников для контроля над постановлениями Собрания; 2. Членов собрания назначать из лиц, знающих русскую грамоту, а впоследствии окончивших курс в гимназии; 3. Деловую переписку, а также метрические книги вести на русском языке; 4. Порядок коллегиального рассмотрения некоторых дел заменить на административный порядок принятия решений; 5. Определять духовных лиц к должности не по выбору, а по назначению; 6. Всем магометанским духовным лицам назначить определенный оклад от казны для того, чтобы «воспретить всякие поборы» и «поставить мулл в зависимость от правительства»; 7. Воспретить башкирским и татарским муллам обучать киргизов¹⁰.

По поводу предложений генерал-губернатора выразили свои замечания два министра внутренних дел: П.А. Валуев и А.Е. Тимашев. По мне-

нию первого, требование от мулл гимназического образования оставило бы магометанские приходы без верослужителей. А.Е. Тимашев, разделяя мнение генерал-губернатора, что основной задачей намечавшихся реформ должно было стать ослабление противодействию «русской цивилизации» со стороны магометанских учреждений, а действия должны исходить от уже реформированного Собрания, считал, что введение чиновника в состав Собрания, требование использования русского языка в делопроизводстве и ведении метрических книг могло быть понято мусульманами как «стеснения в вере», и потому, при желательности этих мер, МВД видело в их введении «существенные затруднения»¹¹. Об этом свидетельствовали неоднократные факты распространения муллами среди мусульманского населения слухов о якобы намечавшемся массовом крещении, что вызывало массу недовольств¹².

В Оренбургском крае для обсуждения вопроса о мусульманском духовенстве в 1870 г. был создан Комитет с участием губернаторов Уфимской, Оренбургской, Уральской и Тургайской областей под председательством генерал-губернатора. К этому времени существенно изменилось мнение оренбургского генерал-губернатора. Если в 1867 г. он полагал необходимым реформировать Духовное собрание, то в 1870 г. целью преобразований считал уничтожение этого органа как особого учреждения, исходя из идеи о разделении дел религии и управления. Относительно замещения духовных должностей, во всеподданнейшем отчете и представлении указывалось на необходимость практики назначения. В положениях Комитета говорилось о том, что муллы должны избираться обществом и утверждаться начальством. В 1867 г. для духовных лиц требовалось знание русского языка, в 1870 г. не выдвигалось никаких условий и даже предлагалось отменить испытания. Отсутствие единства во мнениях вынудило Тимашева признать невозможным выработку общих начал. МВД вынесло решение не принимать общие меры, так как «всякая общая реформа может вызвать у магометанского населения опасения в посягательстве на их религию»¹³.

С 70-х гг. XIX в. в правительственном политическом лексиконе появилось понятие «мусульманский вопрос», что означало не только признание наличия мусульманских подданных в империи и необходимости их «слияния с коренным населением», но и возникновение в «мусульманском мире» признаков национального и религиозного «пробуждения». Особенно «опасным» в этом отношении, по мнению властей, являлся Поволжский регион. Опасаясь «татаро-мусульманского сепаратизма», власти форсировали политику «сближения», делая ставку на русский язык и на усиление правительственного контроля за деятельностью духовенства в округе Оренбургского духовного собрания¹⁴.

В рамках программы «просвещения инородцев» правительство пыталось ввести русские классы при мусульманских религиозных учебных заведениях. Однако правительственные мероприятия встретили сопротивление мусульманского духовенства и мусульманских обществ. В этой ситуации правительство приняло решение о русификации прежде всего мусульманских духовных лиц, поставив в 1890 г. одним из условий для замещения духовной должности в Оренбургском округе знание русского языка. Так, согласно письму оренбургскому губернатору, приходские муллы при мечетях и медресе обязательно должны были преподавать русский язык, в случае же незнания ими языка мулл должны были заменить учителя войсковых народных школ¹⁵. На это письмо последовал ответ, что введение обязательного русского языка невозможно, так как муллы не знают и не желают изучать русский язык¹⁶. Следовательно, магометане вообще могли остаться без верослужителей. Поэтому от внедрения этой меры правительство отказалось.

Большое значение правительство придавало личности главы мусульманского духовенства и председателя духовного управления, который, по мысли властей, должен был иметь «нравственное влияние на своих единоверцев», а также являться «проводником идеи сближения магометанского населения с русскими. Первоначально законом предусматривалось выборное начало по отношению ко всем духовным лицам. На практике это не осуществлялось. Правительство очень тщательно подбирало кандидатуры на должность муфтия.

В целом, в XIX в. позиции официального духовенства и буржуазии, ориентировавшейся на сотрудничество с государством, укрепились. Первый муфтий ОмДС М. Хусаин (1788–1824) проводил политику, направленную на подчинение духовенства как ему лично, так и государству. В дальнейшем в рамках реформ Николая I по созданию бюрократического государства был создан Устав ОмДС. Император и его брат великий князь Михаил Павлович уделяли большое внимание религиозному воспитанию мусульман-военнослужащих. В крупнейших городах Волго-Уральского региона существовали должности военных ахунов, имамы были назначены в ряд основных военно-морских портов. С 1850 г. была создана должность главного ахуна башкирско-мещеряцкого войска в лице имама мечети Караван-сарая в Оренбурге. Из этой среды в 1840 г. был назначен новый муфтий ОмДС Габдулвахид Сулейманов. Первые два муфтия (М. Хусаин и Г. Габдрахимов) были известны как высокообразованные улемы и мударрисы, связанные с властями и национальной буржуазией Оренбургской губернии. Сулейманов не имел такого опыта и образования, а с 1822 г. становится гражданским имам-хатыбом Санкт-Петербурга, затем преподавателем мусульманского вероучения в ряде

военно-учебных заведений столицы. Их куратор великий князь Михаил Павлович сыграл ключевую роль в назначении нового муфтия. Такая система назначения муфтиев сохранялась на протяжении всего XIX века¹⁷.

Таким образом, в Российской империи система управления мусульманскими духовными делами была построена на различных основаниях. Со второй половины XVIII в. правительство считало необходимым регламентировать «духовный быт» мусульман, определив в законе подробности управления. Эта точка зрения привела к учреждению Оренбургского собрания (1788 г.). Результат этого взгляда — включение мусульманского духовенства в структуру государственного управления и признание шариата в правовой жизни мусульман. В отношении областей, присоединенных позже, была применена другая точка зрения — мусульманские духовные лица воспринимались только как служители веры. В решении судебных дел предпочтение отдавалось адату. Вероятно, вторая позиция была более предпочтительна для власти, но приходилось считаться с уже имевшейся конфессиональной организацией духовенства, которую нельзя было просто отменить. Поэтому единственное, на что шла власть, — это ограничение территориальной компетенции органов управления. Существовавших духовных лиц правительство сумело сделать своими агентами, что позволяло власти использовать их в своих интересах, иметь их в качестве посредников в общении с мусульманскими подданными.

Примечания

1. Воробьева Е.И. «Единая и неделимая Россия» и «иностранческий вопрос» в имперской идеологии самодержавия // *Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности*. М., 2001. С. 45.
2. Там же. С. 53.
3. Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII — начале XX века. СПб., 2008. С. 101.
4. Хабутдинов А.Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII — начале XX вв. Казань, 2001. С. 86.
5. Воробьева Е.В. Указ. соч. С. 76.
6. ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 257. Л. 1.; ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 260. Л. 1; ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 262. Л. 1; ГАОО. Ф. 11. Д. 265. Л. 1.
7. ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 257. Л. 2.
8. Воробьева Е.В. Власть и мусульманское духовенство в Российской империи (вторая половина XIX — 1917 год) // *Исторический ежегодник*. Омск, 1997. С. 48.
9. Там же. С. 50.
10. Там же. С. 51.
11. Там же. С. 53.
12. ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 272. Л. 5.
13. Воробьева Е.В. Власть и мусульманское духовенство в Российской империи (вторая половина XIX — 1917 год) // *Исторический ежегодник*. Омск, 1997. С. 55.

14. Хабутдинов А.Ю. Указ. соч. С. 95.

15. ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 303. Л. 1.

16. Там же. Л. 2.

17. Хабутдинов А.Ю. Указ. соч. С. 76.

С.Ю. Полкунова

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОЖЕВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЮЖНОГО УРАЛА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В экономике Южного Урала видное место занимала кожевенная промышленность. Обилие в регионе животного сырья явилось побудительной причиной возникновения и становления производства по выделке кож и мехов. В довоенное время кожевенное производство по сравнению с другими отраслями обрабатывающей промышленности (в частности с валяльным производством) развивалось интенсивнее и достигло размеров фабрично-заводской промышленности¹. В годы Первой мировой войны в Южно-Уральский регион прибыли квалифицированные рабочие из западных губерний страны, что способствовало расширению местной кожевенной промышленности. В период Гражданской войны многие предприятия прекратили свою деятельность. В 1919 г. бежавшие с белогвардейцами бывшие владельцы оренбургских кожевенных заводов Зарынов, Цайгер, Кукин и другие сожгли оборудование заводов². Также было разрушено 23 завода овчинно-скорняжной промышленности.

Тяжелое состояние промышленности после окончания Гражданской войны требовало качественно новых методов и форм реконструкции производства. Переходом к новому направлению в экономической политике стали решения X съезда РКП (б) в марте 1921 г. и X конференции РКП (б), в которых была разработана экономически обоснованная концепция путей восстановления экономики страны на основе новых хозяйственных методов экономического стимулирования. В дальнейшем эти положения получили развитие в постановлениях и законодательных актах Советского правительства. СНК СССР 9 августа 1921 г. принял «Наказ о проведении в жизнь начал новой экономической политики», а 12 августа 1921 г. СТО принял постановление «Основные положения о мерах к восстановлению крупной промышленности, к поднятию и развитию про-

изводства». В ведении ВСНХ и его местных органов находились заводы и фабрики, которые получали обеспечение материальными, продовольственными и финансовыми ресурсами как за счет общегосударственного снабжения, так и из других источников. Средние и мелкие предприятия снимались с государственного снабжения. Основным методом работы предприятий был признан хозяйственный расчет. В декабре 1921 г. на хозяйственный расчет были переведены предприятия кожевенной промышленности Оренбургской области. На заседании Президиума Челябинского ГСНХ 23 марта 1922 г. было принято постановление о переводе челябинских кожевенных заводов на хозрасчет с 1 апреля 1922 г.³

Восстановительный период начался с концентрации производства, сосредоточения его на технически более оснащенных и географически более выгодно расположенных предприятиях. Основной формой организации промышленного производства стали тресты. Они, являясь объединениями однородных или взаимосвязанных между собой предприятий, получали полную хозяйственную и финансовую независимость.

Кожевенное производство Южного Урала концентрировалось в рамках оренбургского и челябинского кожевенных объединений. В начальный период нэпа кожевенное производство характеризовалось отсутствием денежных средств, недоброкачественным сырьем, нехваткой оборудования, топлива и вследствие этого – низкой производительностью труда⁴. В начале 1920-х гг. кожевенная промышленность была представлена мелкими слабомеханизированными предприятиями. В июне 1922 г. Управление кожевенно-меховыми предприятиями Оренбургской губернии ведало 4 кожевенными заводами (№№ 1, 3, 8, 23), овчинно-дубильным заводом, сапожной и шубно-пошивочной мастерскими. В 1923 г. Оренбургский кожевенно-меховой трест объединил вышеперечисленные предприятия, за исключением кожзаводов №№ 8, 23. В 1922 г. Челябинское кожевенное объединение состояло из 8 кожевенных заводов г. Челябинска. Согласно промышленной переписи по городам и поселениям городского типа Челябинской губернии в 1923 г. действовало 65 заводов (14 государственных, 7 кооперативных, 44 частных) кожевенно-меховой промышленности, из них 78,5% предприятий было охвачено трестированием⁵. На основании приказа № 32 Челябинского ГСНХ от 20 декабря 1923 г. Челябинские кожевенные заводы вошли в состав новообразованного местного государственного треста «Челябинский промкомбинат»⁶. Кожевенные заводы располагались на значительном расстоянии друг от друга. На одном предприятии был барабан, на другом прокатный станок, на третьем сушило. Такое положение осложняло производственный процесс. Склады сырья и готового товара также находились отдельно друг от друга. Вследствие этого кожа, проходя различные стадии

обработки, перевозилась с одного завода на другой, при этом увеличивались расходы. Для сокращения расходов в 1924 г. были приняты меры к сосредоточению производства на одном, наиболее крупном, заводе № 4 г. Челябинска⁷. С этой целью к заводу достроили необходимые помещения, разместили дополнительное оборудование (промывные и дубильные барабаны, гашпиля и т. д.). Расширение завода № 4 и увеличение его оборудования было произведено с тем расчетом, чтобы одно предприятие могло в состоянии переработать заданное годовой программой количество кож. Один из заводов — № 3 Челябинского объединения полностью был приспособлен под отделочную мастерскую, а завод № 7 — под посадочную.

На предприятиях преобладал ручной труд. Производство велось полукустарным способом. Так, после дубления в барабане кож полоскание, а также смазка их тюленьим жиром производились ручным способом.

Санитарное состояние предприятий не соответствовало нормам. Рабочим не выдавалось полагающегося по договору белья. Были случаи, когда на весь цех было лишь одно полотенце. Как сами рабочие говорили: «Вообще условия работы не больно того... Производство вредное, отпуска всего полмесяца. Одежку выдают нам не особенно доброкачественную. Вот рукавицы выдали нам да качества плохого, что и работать нельзя»⁸. На производственном процессе отрицательно сказывалось слабое освещение, низкие потолки, а также недостаточное количество вентиляторов.

Здания и оборудование южно-уральских заводов находились в тяжелом состоянии, и требовались крупные капиталовложения для проведения восстановительных работ. Оборудование предприятий было устаревшее, оставшееся с довоенного времени. В результате проведенного ремонта в 1923/24 году на оренбургских заводах оборудование было частично обновлено и к 1925 г. изношенное заменено новым. В Челябинском округе также принимались меры для расширения кожевенных заводов. На заседании Президиума Челябинского окрисполкома 31 марта 1925 г. было принято постановление об установлении дополнительных чанов на предприятиях, выделении денежных средств в размере 15000 руб. для постройки водопровода до кожевенных заводов.

Сравнительно быстрый подъем кожевенной промышленности и необходимость увеличения производства обуви потребовали укрупнения трестов. На заседании президиума Киргизского ЦИК от 23 мая 1924 г. было принято решение о передаче Оренбургского кожевенного объединения в ведение КЦСНХ⁹. На основании декрета СНК СССР от 17.07.1923 г. «О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах), находящихся в управлении местных органов» был образован «Киркрайкожмехтрест»

для согласования и объединения деятельности предприятий кожевенно-меховой промышленности. В состав треста вошли Семипалатинское, Оренбургское кожевенно-меховые объединения и акмолинские кожевенные заводы. По выработке крупных и мелких кож Оренбургское объединение находилось на первом месте. Так, на акмолинских кожзаводах в 1923/24 хозяйственном году было выделано 29212 шт. крупных кож и 1521 шт. мелких, Семипалатинским объединением – соответственно 17958 шт. и 8741 шт., оренбургскими кожевенными предприятиями – 41569 шт. и 20837 шт.¹⁰

Местные органы власти не поддержали решение о создании Киргизского краевого кожевенно-мехового треста. Оренбургским губернским комитетом РКП (б) на X партийной конференции, проходившей в марте 1925 г., отмечалось, что кожевенно-меховое объединение и ряд других промышленных предприятий губернии, переданных в ведение краевым органам, имеют исключительно местное значение. Им был поставлен вопрос перед Киргизским краевым комитетом РКП (б) о передаче предприятий губернского значения в ведение Оренбургского губисполкома¹¹. Однако 6 апреля 1925 г. было принято постановление президиума ВЦИК «О выходе Оренбургской губернии из состава Казахской АССР». Вследствие этого на заседании президиума ВЦИК 13 июля 1925 г. по вопросу о разделе имущества, предприятий и учреждений между Казахстаном и Оренбургской губернией было решено передать Оренбургское кожевенно-меховое объединение Оренбургскому губисполкому.

Важной задачей восстановления и развития кожевенной промышленности являлось обеспечение ее сырьем. Еще до начала Гражданской войны внутренний рынок страны не обеспечивал полностью кожевенную промышленность сырьем, в особенности тяжелым. Импорт кожевенного сырья играл важную роль в развитии промышленности также и в период новой экономической политики. В первой половине 1920-х гг. ввозилось практически только южноамериканское сырье¹². Несмотря на меры, предпринятые государством для восстановления сырьевой базы, предприятия испытывали трудности в снабжении необходимыми материалами на протяжении 1920-х гг. Так, к окончанию восстановительного периода в 1926 г. сырьевых ресурсов Оренбургской губернии было недостаточно для покрытия производительности трех заводов кожмехтреста. Ввоз сырья из других губерний являлся необходимой мерой. Местными материалами трест был обеспечен только на 43,5% от своих потребностей. В результате этого наблюдалась недогрузка предприятий. Кожевенные заводы Южного Урала работали в среднем с нагрузкой 70–75% их пропускной способности¹³.

На предприятиях производилось до 100 различных видов и сортов кожевенных изделий. Продукция трестов в основном удовлетворяла нужды

деревни. Все кожевенные предприятия Оренбургской губернии в 1926 г. удовлетворяли спрос рынка на изделия лишь до 65 %. Из них 40 % приходилось на продукцию треста.

Несмотря на ряд трудностей, кожевенное производство возрождалось. В 1923/1924 г. предприятия Оренбургского «Кожмехтреста» увеличили выпуск крупных кож по сравнению с 1922 г. в 1,7 раза, мелких кож – в 3,1 раза, овчин – в 1,4 раза. К 1927/1928 г. продукция трестом была изготовлена на 1 974 000 руб. против 1 596 895 руб. в 1925/1926 г., таким образом, выпуск изделий возрос на 23,6%¹⁴.

Расширение масштабов производства сопровождалось привлечением новых рабочих кадров. Численность рабочих, занятых в кожевенной промышленности Южного Урала, значительно увеличилась. В 1923/1924 г. на челябинских кожевенных заводах работало 224 человека, в Оренбургском тресте – 256 (186 чел. – рабочих, 70 чел. – служащих). В 1926/1927 г. на оренбургских кожевенных заводах численность рабочих по сравнению с 1923/1924 г. увеличилась на 54,3%, что составило 287 человек, а контингент служащих уменьшился на 35,8%, и числилось 45 человек.

В восстановительный период одним из наиболее трудных был вопрос о соотношении уровней заработной платы рабочих и производительности труда. Нормальное соотношение между ними, на основе которого возможно дальнейшее расширение производства, выражается в опережающем возрастании уровня производительности труда. В те годы не во всех отраслях наблюдалось такое положение, в том числе и в кожевенном производстве. Сложная проблема оплаты труда усугублялась денежной инфляцией, обесцениванием рубля, вздорожанием предметов потребления¹⁵. В среднем заработная плата южно-уральских квалифицированных рабочих кожевенной промышленности в месяц в середине 1920-х гг. варьировалась от 45 руб. до 60 руб., а чернорабочих и малоквалифицированных работников – от 24 до 32 руб.¹⁶ К 1925/1926 хозяйственному году заметен значительный рост заработной платы служащих. Если в 1923/1924 г. по оренбургским кожевенным заводам среднемесячный заработок служащих составлял 56 руб., то в 1925/1926 г. – уже 90 руб. Архивные источники свидетельствуют, что в переводе на довоенные рубли заработная плата рабочих кожевенной промышленности не достигла уровня 1913 г., и в 1925 г. производственные рабочие недополучали против 1913 г. 54% заработной платы, подсобные рабочие – 49%¹⁷.

Как видно из таблицы, производительность труда повышается непропорционально заработной плате, которая увеличивалась с 1913 г. по 1925 г. более интенсивно, чем производительность.

Архивные данные подтверждают мнение исследователей Ю. М. Иванова, С. П. Постникова и М. А. Фельдмана о том, что жизненный уровень

Таблица 1 – Динамика производительности труда и заработной платы производственных рабочих кожевенной промышленности Оренбургской губернии¹⁸

Год	Производительность труда	Заработная плата
1913	100%	100%
1925/26	26, 5%	47%

российского пролетариата в 1920-е гг. оставался ниже того, который существовал в царской России.

В условиях новой экономической политики кожевенное производство возродилось, было проведено его расширение и переоборудование. Значительно увеличился выпуск кожевенной продукции. Были созданы условия для дальнейшего развития кожевенной промышленности, превращения ее в крупную механизированную отрасль.

Примечание

1. Краткий обзор экономического состояния тяготеющих к Ташкентской железной дороге районов и коммерческой деятельности дороги за 1923–24 г. Оренбург, 1925. С. 28.

2. Отдельнов Л.В., Ралдыгина Г.М. Оренбургская губернская партийная организация в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.). Оренбург, 1969. С. 7.

3. ОГАЧО (Объединенный государственный архив Челябинской области). Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 484. Л. 73.

4. ГАОО (Государственный архив Оренбургской области). Ф. 217. Оп. 1. Д. 531. Л. 20.

5. Подсчитано по: ОГАЧО. Ф. Р-899. Оп. 1. Д. 1. Л. 206.

6. ОГАЧО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 693. Л. 32.

7. ОГАЧО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 735. Л. 11.

8. На кожзаводе // Оренбургский рабочий. 1926. № 6. С. 6.

9. ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 588. Л. 36.

10. Государственная промышленность КССР // Советская Киргизия. Оренбург, 1924. № 1–2. С. 54.

11. ЦДНИ ОО (Центр документации новейшей истории Оренбургской области). Ф. 1. Оп. 1. Д. 497. Л. 45.

12. Промышленность СССР в 1924 г. М., 1925. С. CLX.

13. ОГАЧО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 735. Л. 2; ЦДНИ ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 383. Л. 6.

14. ГАОО. Ф. 189. Оп. 1. Д. 5. Л. 95.

15. История народного хозяйства СССР (1917–1963 гг.). М., 1964. С. 78.

16. ОГАЧО. Ф. П-91. Оп. 1. Д. 320. Л. 18; ЦДНИ ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 688. Л. 106.

17. ЦДНИ ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 978. Л. 101.

18. Там же. Л. 103.

ПРИБОЩЕНИЕ СЕЛЯНОК ЮЖНОГО УРАЛА К КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ (1929–1941 гг.)

Приобщение женщины к культуре имело большое значение, так как именно в культурно-просветительных учреждениях она могла научиться читать, писать, расширить знания и кругозор, а также удовлетворить эстетические и духовные потребности.

Проблема культурно-просветительной работы затрагивалась различными историками, однако о приобщении к ней женщины освещено было недостаточно. Такие работы давали в целом общую характеристику ознакомления женщин с культурой. В статье С.В. Налобинной подробно описано культурное развитие советской деревни. Культурно-просветительная работа носила политико-просветительский характер, особенно это проявилось в период принятия новой Конституции СССР. Чаще стали проводиться беседы, доклады, лекции. Происходит дальнейший рост числа кружков в сельских клубных учреждениях, число киноустановок продолжало расти, открывались библиотеки. По мнению С.В. Налобинной к концу второй пятилетки произошли значительные качественные изменения в духовном облике колхозного крестьянства¹. Представляет интерес монография М.В. Попова, в ней он отмечает: «Экономические отношения, государственная политика, официальная идеология, рассматриваемого периода представляются важнейшими факторами формирования культуры. Решающее влияние этих факторов на изменения, происшедшие в культуре и быте различных социальных слоев советского общества, в том числе и крестьянства, неоспоримо». Также историк утверждает: «...культура в 1920–1930-е – это сталинская, подконтрольная, хорошо управляемая и послушная часть системы. В то же время подъем культурного уровня населения в 1920–1930-е гг., имел положительное общечеловеческое значение. Культуре присущи: многообразие, альтернативность, поэтому всеобъемлющего, стопроцентного контроля над духовной жизнью народа достичь невозможно. Вследствие этого сохранялось своеобразие городской и сельской традиционных культур, причем сельская обладала значительной устойчивостью и до конца не была уничтожена даже в процессе массовой коллективизации»².

Центром политико-просветительной работы в деревне были избы-читальни. Они долгое время не имели собственного здания и занимали зачастую часть школы, сельского совета, либо чаще всего это была при-

способленная крестьянская изба. В ноябре 1929 г. ЦК ВКП(б) принял постановление об избах-читальнях. В нем ставилась задача повысить роль клубных учреждений в политической и культурной жизни села³. При избах-читальнях создавались «уголки крестьянок», это был кружок по работе среди женщин деревни. Он брал на себя инициативу организации детских площадок, садов, яслей, также вел работу с хулиганством и пьянством. Для поднятия культурного уровня среди женщин, необходимо было регулярно проводить беседы, вечера вопросов и ответов. За счет культфондов для изб-читален должны были выписываться газеты и журналы. Особой популярностью среди женщин пользовались журналы «Крестьянка», «Батрачка», «Делегатка» и «Работница»⁴. Из отчета Оренбургского окрполитпросвета о состоянии политико-просветительной работы среди населения, особенно женского, округа за 1928–1929 гг. отмечалось, что работа в этом направлении велась слабо. Работники изб-читален нерегулярно проводили беседы по текущим политическим вопросам, редко организовывали читки книг и газет, а также за этот период времени отсутствовал точный статистический учет. Так же они были плохо подготовлены к работе, в результате чего не справлялись с выдвинутыми государством задачами. К примеру, в Булановской избе-читальне Оренбургского округа, антирелигиозная беседа прошла: «...недостаточно авторитетно, работник не справился с задачей»⁵. Аналогичная ситуация складывалась и в других районах Южного Урала. Поэтому были организованы краткосрочные курсы подготовки и переподготовки культпросветработников. «С 9 июня 1930 г. в Оренбурге начали работать окружные курсы избачей. Через месяц районы получают квалифицированных работников на фронте культурной революции» — так прошла информация в газете «Оренбургская коммуна»⁶. В конце 1930-х — начале 1940-х курсы все еще оставались главной формой повышения квалификации культпросветработников. Так, в 1936 г. в Челябинской области подготовку прошли 800 человек избачей⁷, а в 1938 г. — 236⁸. В Башкирии летом 1936 г. были проведены краткосрочные семинары для избачей и заведующих колхозными клубами⁹. Избы-читальни испытывали острый недостаток в литературе, обычно книгами обеспечивали делегаты из города, периодика так же выписывалась нерегулярно¹⁰.

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР в январе 1930 г. при сельскохозяйственном банке РСФСР и при местных областных и краевых банках создавались фонды содействия строительству и оборудованию культурно-бытовых учреждений в крупных колхозах, куда входили средства, ассигнованные государственным бюджетом, и средства кооперативных организаций. Во время голода 1930-х гг. государство попыталось перенести тяжесть расходов по содержанию изб-читален на колхозный

бюджет. В марте 1931 г. постановлением Колхозцентра РСФСР колхозам Уральской области было предложено для финансирования политпросветработы выделить 3088 тыс. рублей. В апреле 1931 г. вышло постановление ЦИК и СНК РСФСР, в котором колхозам предлагалось выделять средства для финансирования не только тех культурно-просветительных учреждений, которые организовывались и содержались сами колхозами, но и тех очагов культуры, которые были на содержании сельсоветов. Однако уже летом-осенью 1931 г. колхозы смогли выделить на культурные нужды значительно меньше средств, чем предполагалось госпарторганами. В связи с неурожаем было невозможно создание ссудного фонда по строительству деревенских культурных учреждений. Сократилось выделение средств из местного бюджета¹¹. По данным 58 культпросветучреждений, в РСФСР на 1932 год было намечено израсходовать из местного бюджета на их содержание 88,0 тыс. рублей, но было выделено лишь 45,2 тыс. рублей¹².

Особую роль в этот период времени играла работа клубных учреждений. Клуб был местом не только проведения досуга, но и важным средством политического воздействия. В кружках и секциях при клубах женщины слушали лекции на политические, медицинские, антирелигиозные темы, читали газеты и книги. Избы-читальни и клубы использовались партийно-советским руководством для проведения различного рода хозяйственно-политических и агитационно-пропагандистских кампаний. Большинство культпросветработников были секретарями партийных и комсомольских ячеек либо занимали другие руководящие должности. Во время празднования революционных праздников и годовщин женщины охотно присоединялись к демонстрациям, выставляли столы с хлебом-солью возле изб-читален во время шествия демонстрации¹³. Избы-читальни и клубы принимали участие в хлебозаготовках, пере выборах Советов, в кампаниях по повышению агротехнических знаний и других хозяйственно-политических мероприятий. Во время пере выборов в Курганском округе на улицах были развешены плакаты, лозунги, призывающие избирателей на выборы¹⁴. Широкое распространение получило устройство избами-читальнями и клубами «красных» повозок, культпалаток. Так, во время посевной кампании 1936 г. в Оренбургской области были организованы культпросветучреждениями радиопередвижки, на поля были посланы агитбригады, аналогичная ситуация складывалась и в других районах Южного Урала¹⁵.

Организация досуга являлась одним из направлений деятельности изб-читален и клубов. В деревне основной формой были «красные» посиделки. В практику многих культпросветучреждений вошло выделение отдельных дней для работы с женщинами, особенно это распростране-

ние получило в мусульманских районах Южного Урала, это было связано с особенностями мусульманской религии, запрещающей женщинам посещать общественные места в присутствии посторонних мужчин¹⁶. В казачьих районах культурно-просветительная работа среди казачек проводилась так же, как и среди крестьянок. Трудность посещения казачками культурных учреждений обуславливалась: «...неизжитым консерватизмом у мужчин»¹⁷. Широкое распространение получили вечера «красной пряжи» и различные кружки, наиболее распространенными были сельскохозяйственные, политические, художественной самодеятельности. Среди женщин успехом пользовались кружки художественной самодеятельности, такие, как музыкальные, хоровые, литературные, театральные, кройки и шитья. В газете «Большевицкая смена», за 16 января 1937 г., была отмечена качественная работа, проводимая в сельских клубах Оренбургской области. Например, в с. Буланово заведующий клубом комсомолец Деревянкин за короткое время организовал несколько вечеров самодеятельности, а также были поставлены спектакли «Пустяковые дела», «Знатный внук». В колхозе «Красная нива» Бугурусланского района, в культпросветучреждениях имелись гитара, патефон, радио, гармоника. Не менее трех раз в месяц ставились спектакли, проводились вечера самодеятельности¹⁸. В Башкирской АССР на 1 января 1937 г. по данным переписи Управления искусств республики, в колхозах из кружков художественной самодеятельности было театральных 10646, хоровых – 156, музыкальных – 95, литературных – 40. В них занималось 19,6 тыс. человек. При этом башкирских кружков было 21,8%, татарских – 30,1%, русских – 31%, чувашских – 5,5%¹⁹.

Деятельность культурно-просветительных учреждений имела недостатки. Это признавала и власть. В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1936 г. «О культурно-просветительной работе в колхозах», говорится о «...недостаточности обеспечения удовлетворения растущих запросов колхозных масс. Органы Наркомпроса проглядели необходимость перестройки и улучшения культурной и политико-просветительной работы в деревне в связи с полной победой коллективизации. Созданные в период индивидуального хозяйства избы-читальни, рассчитанные для простейшей культурной работы оказались уже не приспособлены для культурно-просветительной работы, отвечающей новым требованиям колхозного строя и общего культурного подъема деревни». Занятия в кружках проводились нерегулярно. Весной и летом они обычно совсем прекращали работать в связи с полевыми работами. Уровень руководства ими не был достаточно высок. Также в постановлении говорилось о необходимости направить в деревни работников городских клубов для персонального отбора людей на подготовку колхозных культпросветра-

ботников²⁰. В культурной жизни села участвовала в основном молодежь, взрослых женщин тяжело было втянуть в различные кружки, так как они были заняты в работе на колхозных полях, огородах, а также в домашнем хозяйстве. Несмотря на все недостатки, число изб-читален и клубов продолжало расти. Если в 1929 г. в Оренбургском округе изб-читален насчитывалось 130, то на конец 1940-го число возросло до 758, в Челябинском округе выросло с 127 до 1096, в Башкирии — с 385 до 1245, в Курганском округе рост изб-читален составил 158, на 1940 год данных нет. В Оренбургском округе в 1929 г. был 231 клуб, а уже в конце 1940 г. — 525, в Челябинском округе их число возросло с 29 до 560, в Башкирии — с 800 до 3866, в Курганском округе в 1929 г. было 16 клубов, на 1940 год сведений нет, по РСФСР на конец 1940 г. насчитывалось 69227 клубов²¹.

Таким образом, число культурно-просветительных учреждений продолжало расти, что положительно сказывалось на просвещении сельянок. Однако посещали их в основном молодое население, взрослые женщины неохотно участвовали в культурной жизни села, да и в весенне-летний период, в связи с полевыми работами, деятельность этих учреждений обычно прекращалась.

Примечания

1. Налобина С.В. Культурное развитие уральской советской деревни 1929–1937 гг. // Развитие культуры уральской советской деревни (1917–1987 гг.): Сборник научных трудов. Свердловск: УрО АН СССР, 1989. С. 41.

2. Попов М.В. Культура и быт крестьян Урала в 1920–1941 годах: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 1997. С. 4–5.

3. Там же. С. 67.

4. Государственное учреждение «Объединенный государственный архив Челябинской области» (далее — ГУ «ОГАЧО»). Ф. 180. Оп. 1. Д. 189. Л. 38.

5. Государственное учреждение «Государственный архив Оренбургской области» (далее — ГУ «ГАОО»). Ф. 449. Оп. 1. Д. 4. Л. 63.

6. Культурное строительство в Оренбуржье. Документы и материалы. 1918–1941. /сост. Л.И. Белова. Челябинск. Юж.-Урал. кн. изд-во, 1985. С. 140.

7. ГУ «ОГАЧО». Ф. 288. О. 1. Д. 418. Л. 15.

8. Государственной учреждение «Государственный архив Российской Федерации» (далее — ГУ «ГАРФ»). Ф. 2306. Оп. 70. Д. 562. Л. 9.

9. Государственное учреждение «Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан» (далее ГУ «ЦГАООРБ»). Ф. 122. Оп. 17. Д. 448. Л. 126.

10. Культурное строительство в Оренбуржье. Документы и материалы. 1918–1941 гг. /сост. Л.И. Белова. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1985. С. 137–138.

11. Попов М.В. Культура и быт крестьян Урала в 1920–1941 годах: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 1997. С. 68.

12. ГУ «ГАРФ». Ф. 2307. Оп. 70. Д. 430. Л. 14.

13. ГУ «ГАОО». Ф. 449. Оп. 1. Д. 4. Л. 64–65.
14. Государственное учреждение «Государственный архив Курганской области» (далее – ГУ «ГАКО»). Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 359. Л. 576.
15. Попов М.В. Культура и быт крестьян Урала в 1920–1941 годах: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 1997. С. 79–80.
16. Женщины страны Советов. Краткий исторический очерк. М., 1977. С. 131.
17. Государственное учреждение «Центр документации новейшей истории Оренбургской области» (далее – ГУ «ЦДНННО»). Ф. 4. Оп. 1. Д. 193. Л. 37.
18. Теняев К. В клубах нашей области // Большеви́стская смена. 1937, 16 января.
19. Попов М.В. Культура и быт крестьян Урала в 1920–1941 годах: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 1997. С. 86.
20. Государственное учреждение «Российский государственный архив социально-политической истории» (далее ГУ «РГАСПИ»). Ф. 17. Оп. 120. Д. 200. Л. 85, 87.
21. Попов М.В. Культура и быт крестьян Урала в 1920–1941 годах: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 1997. С. 72–73; Народное хозяйство Башкирской АССР за 60 лет, 1917–1977: стат. сб. Уфа, 1979. С. 164; Народное хозяйство Челябинской области: стат. сб. Челябинск, 1967. С. 363; Уральское хозяйство в цифрах. Социальная статистика. Вып. 1. Свердловск, 1930. С. 107; ГУ «ГАОО». Ф. Р-1003. Оп. 4. Д. 20. Л. 7; Большая Советская энциклопедия / под ред. С.И. Вавилова. М., 1947. С. 1808.

К.В. Русаев

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТНОЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ В 1970-х гг.

Для любого современного государства воспитание подрастающего поколения является одной из первоочередных задач. Современная Россия является молодым государством, молодежная политика которого еще только начинает складываться. Экспериментируя с формами и методами работы с молодежью, перенимая опыт иностранных государств, не стоит забывать о том богатом наследии, которое дала нам советская эпоха. В СССР забота о подрастающем поколении являлась частью внутренней политики, где особое внимание отводилось развитию культуры и спорта. Обязанность по воспитанию юношей и девушек в духе коммунистической морали лежала, прежде всего, на одной из самых крупных молодежных организаций страны – Ленинском Комсомоле, к опыту которого мы бы и хотели обратиться, рассмотрев конкретный период его деятельности.

В 1970-х гг. Оренбургская областная комсомольская организация проводила большую общественную работу в области развития молодежного спорта и физической культуры. На XXII областной комсомольской конференции, проходившей 19 января 1980 г., подчеркивалось значение этой деятельности среди молодежи: «Надежным средством в деле коммунистического воспитания молодежи в формировании личности является физическая культура и спорт. В документах партии подчеркивается значение физической культуры и спорта, как важного и действенного средства укрепления здоровья народа, повышения работоспособности и производительности труда, создание психологического климата в трудовых коллективах, укрепления трудовой дисциплины, подготовки молодежи к защите Родины, воспитания трудящихся и подрастающего поколения в духе коммунистического морали»¹.

Много сил и энергии было вложено областной комсомольской организацией в развитие физической культуры и спорта в 1970-х годах. Вопросы развития физической культуры и спорта широко и систематически обсуждались бюро обкома ВЛКСМ и коллегией облспорткомитета на совещаниях активов комсомольских и физкультурных работников. На развитие физического воспитания ежегодно выделялись значительные средства профсоюзными комитетами, промышленными предприятиями, колхозами и совхозами².

По инициативе обкома ВЛКСМ, городских комитетов в области проводились такие массовые мероприятия, как Всесоюзный турнир по боксу, посвященный памяти Героя Советского Союза М. Джалиля, турнир по волейболу на приз первого в мире летчика-космонавта СССР Юрия Алексеевича Гагарина, Спартакиада Ударных Всесоюзных комсомольских строек, многодневная велогонка «Союз» на приз Всесоюзного промышленного объединения «Оренбурггазпром», спартакиады целинных районов и многие другие.

При непосредственном участии комсомольской организации в области регулярно и систематически проводились ежегодные соревнования среди детей и подростков области за призы клубов «Кожаный мяч», «Плетеный мяч», «Золотая шайба», «Белая ладья» и др. В указанные соревнования комсомольская организация ежегодно вовлекала свыше 50 тыс. молодых ребят³.

Наряду с указанными выше спортивными мероприятиями еще одной формой массовой физкультурно-спортивной работы являлись проводимые по инициативе ЦК ВЛКСМ Всесоюзные спортивные игры «Старты надежд», которые нашли широкую прописку в общеобразовательных школах области. Ежегодно в этих соревнованиях принимало участие свыше 180 тыс. пионеров и школьников⁴.

Традиционными спортивными мероприятиями являлись и военно-патриотические игры «Орленок» и «Зарница», а также спартакиады всеобшественных ударных комсомольских строек, в которых только в середине 70-х гг. участвовало 2816 молодых строителей в 8 видах спорта⁵.

Оренбургская областная организация ВЛКСМ активно занималась и подготовкой тренеров-общественников, и спортивных судей. Так, например, в 1970 г. комсомольская организация завода резинотехнических изделий г. Оренбурга совместно с другими организациями разработала мероприятия, предусматривающие подготовку тренеров-общественников, судей по спорту, руководителей спортивных кружков⁶. Благодаря работе областного комсомола по подготовке спортивных работников к концу десятилетия отряд специалистов физической культуры и спорта насчитывал 2290 человек.

Неотъемлемой частью физкультурной и спортивной подготовки молодежи являлся комплекс «Готов к труду и обороне». Этот комплекс с точки зрения партийных и комсомольских функционеров являлся «программой и нормативной основой советской системы физического воспитания и был призван сыграть большую роль в подготовке всесторонне развитых и активных строителей коммунистического общества, стойких защитников Родины»⁷.

О масштабе этой формы деятельности говорит количество вовлеченной в нее молодежи. Так, если в 1970 г. к сдаче комплекса нормативов ГТО приступило 217 171 юношей и девушек⁸, то уже в конце 70-х гг. за значок ГТО соревновалось свыше 400 тысяч молодых людей⁹.

В целях дальнейшей популяризации комплекса в области комсомольскими и физкультурными организациями нередко проводились соревнования по многоборью ГТО: личные первенства области, зональные соревнования среди сборных команд сельских районов, соревнования среди сборных команд ДСО и ведомств. Так, например, в 1977 г. было проведено областное первенство по многоборью ГТО на призы газеты «Комсомольская правда», в котором участвовало 246 тысяч юношей и девушек¹⁰.

Сдача комплекса нормативов ГТО, безусловно, играла важную роль в военно-патриотическом воспитании и физической подготовке молодежи, способствовала популяризации спорта, активного образа жизни.

Стоит сказать, что деятельность комсомола в развитии спорта и физической культуры не ограничивалась проведением массовых спортивных соревнований, игр и эстафет. Активно трудились комсомольцы и на возведении новых спортивных сооружений. Так, в круг задач, поставленных уже ранее упоминавшейся комсомольской организацией завода РТИ, входила организация мероприятий, предусматривающих участие

молодежи в создании и благоустройстве спортивной базы Оренбуржья¹¹. На протяжении всего десятилетия руками комсомольцев возводились все новые и новые спортивные объекты. Так, только за последние два года рассматриваемого десятилетия ими было построено в области 5 стадионов, 535 комплексных спортивных площадок, 135 водных станций¹².

Всего же к 1980 г. спортивная база Оренбургской области насчитывала два стадиона, 751 спортивный зал, 6 плавательных бассейнов, 122 стрелковых тира, 56 лыжных баз, свыше 6 тысяч волейбольных, баскетбольных площадок, полей для игры в футбол и хоккей. На спортивных площадках области к концу 70-х гг. свыше 430 тыс. трудящихся и учащейся молодежи посвящало свой досуг физической культуре и спорту¹³.

Следует сказать, что развитие физической культуры и спорта в области среди молодежи к 1980 г. приобрело также конкретную, четко выраженную утилитарную задачу, что и было отмечено на XXII областной комсомольской конференции: «Сегодня перед комсомольскими и физкультурными организациями стоит важная задача полнее и эффективнее использовать физическую культуру и спорт в целях укрепления производительной и общественной дисциплины, повышения производительности труда для активного и содержательного досуга юношей и девушек. Сократить количество невыходов на работу за счет широкого использования физической культуры и спорта, как профилактического средства против различных заболеваний»¹⁴.

Важное место в деятельности Оренбургской областной комсомольской организации занимала работа по организации и развитию в области художественной и культурной жизни. Указывая на роль комсомола в деле культурного воспитания подрастающего поколения, VI пленум Оренбургского обкома ВЛКСМ, проходивший 21 мая 1971 г., отмечал: «Нам надо вплотную заняться формированием у каждого юноши и девушки устойчивых эстетических взглядов, активности художественно-творческих увлечений, потребности не только смотреть фильм, телепередачу или спектакль, но и самим участвовать в кружках художественной самодеятельности, литобъединениях, самодеятельных студиях»¹⁵.

Только в середине 70-х гг. в области действовало 1716 клубных и 1170 библиотечных учреждений, 273 вокально-инструментальных ансамбля, 865 хоровых и 211 драматических коллективов, объединяющих более 50 тысяч человек¹⁶, что, безусловно, являлось высокими показателем. В разнообразную деятельность этих культурных учреждений вносили значительную лепту и комсомольские организации области, обеспечивая шефство над ними.

Поистине массовой формой культурного воспитания молодежи являлись коллективы художественной самодеятельности. На протяжении

всего рассматриваемого десятилетия в Оренбургской области действовало более 6 тысяч ансамблей художественной самодеятельности, в которых состояло более 90 тысяч молодых людей¹⁷. Стараясь занять свободное время молодежи, разнообразить ее культурную жизнь, комсомол области не только способствовал созданию подобных коллективов, но и организовывал их выступления в трудовых коллективах области, в селах, на уборке урожая, на Всесоюзных стройках области и т.д.

В практику работы комитетов комсомола по развитию культурной жизни молодежи также входили проводимые совместно с учреждениями культуры вечера трудовой славы, чествование рабочих династий, посвящение в рабочие и хлеборобы, молодежные вечера, диспуты, кинолектории т.д.

В Оренбургской области комсомолом организовывались различные фестивали и конкурсы, в которых принимали участие тысячи молодых людей. Так, только в 1975 г. 14 тысяч юношей и девушек городов и сел Оренбуржья приняли участие в различных художественных конкурсах. С 70-х гг. стали традиционными фестивали, конкурсы-смотры комсомольской и молодежной песни.

В Оренбуржье также регулярно проводились областные смотры творческой молодежи театров, молодых литераторов, выставки работ молодых художников. Росту творческой активности молодых писателей, художников, артистов способствовало учреждение премии Оренбургского обкома ВЛКСМ им. Мусы Джалиля в области литературы и искусства.

Особое внимание в области уделялось начинающим литераторам. Действующие при поддержке обкома ВЛКСМ и газеты «Комсомольское племя» литературное объединение им. Мусы Джалиля проводило регулярные занятия с молодыми писателями и взаимодействовало с различными литобъединениями области. Наставники объединения осуществляли разбор произведений молодых авторов и давали консультации.

Росту литературного мастерства молодых сочинителей способствовала публикация их произведений на страницах молодежной областной газеты «Комсомольское племя».

Занималось литобъединение им. Мусы Джалиля и пропагандой литературы и писательского мастерства, организовывая встречи и вечера молодых авторов с читателями во всех городах и районах области, направляло творческие бригады на ударные стройки. Так, в 70-х гг., молодые писатели выезжали на строительство Ириклинской ГРЭС, четвертой доменной печи и прокатного стана – 800 Орско-Халиловского металлургического комбината, Оренбургского газохимического комплекса, на строительство железной дороги Погромное–Пугачевск¹⁸.

За время своего существования литературное объединение им. Мусы Джалиля воспитало таких известных в Оренбуржье писателей, как лауреата

Премии Ленинского комсомола Ивана Уханова, Владислава Бахревского, Ивана Лысцова, Бориса Копальгина, Петра Краснова, Надежду Кондакову. Многие из воспитанников литобъединения стали профессиональными журналистами и успешно работали в областных газетах «Комсомольское племя», «Южный Урал», в районных газетах Оренбуржья, а также в издательствах: Башкирском, Южно-Уральском, «Известия» и «Правда»¹⁹.

Здесь же стоит упомянуть и особый вклад студенческих строительных отрядов, которые занимались не только благоустройством области, но и организовывали на местах своей дислокации концерты художественной самодеятельности. Так, например, только в 1970 г. ими было дано 83 таких концерта²⁰.

Безусловно, комсомольская организация оказывала определенное влияние на развитие спорта и культурной жизни в области. В то же время, в достаточно широкой и массовой работе среди молодежи имели место различные упущения и недочеты. Некоторые комсомольские организации районов и городов области, стремясь как можно больше вовлечь молодежи в те или иные спортивные и культурные мероприятия, недостаточно занимались улучшением их качественной стороны.

Так, например, нередко слабой на деле оказывалась организация соревнований «Кожаный мяч», «Золотая шайба», «Старты надежд» и др. На XVII областной комсомольской конференции по этому поводу было сделано следующее замечание: «Не всегда и не везде детские соревнования проводятся красочно, эмоционально и с тщательной подготовкой мест соревнований и квалифицированным судейством»²¹. В ряде районов Оренбургской области отмечались факты «показухи» и «подставленных игроков». Так, например, в 1970 г. при проведении областных соревнований на приз клуба «Кожаный мяч» в командах г. Бузулука и Акбулакского района играли подставные игроки²². Имелись также случаи, когда в некоторых районах области годами не проводились соревнования среди молодежи, как это было, например, в Курманаевском районе²³.

В целом же, характерным для 1970-х гг. являлся недостаток спортивных сооружений в области, многим требовался ремонт, не хватало квалифицированных судей и тренеров-общественников²⁴.

Имелись недостатки и в подготовке молодежи к сдаче комплекса ГТО. Так в 1974 г. на XIX областной комсомольской конференции отмечалось: «В Северном районе по существу ни один юноша и девушка из числа работающей молодежи не сдали нормы полностью»²⁵. И такое положение дел было не только в Северном районе. Так, например, в том же году в педагогическом институте города Оренбурга из общего числа студентов сдали нормы ГТО лишь 17,3%. Низкий уровень подготовки молодежи к сдаче комплекса ГТО сохранялся на протяжении всего десятилетия.

Учитывая эти факты, неудивительно, что на областных комсомольских конференциях неоднократно отмечалось: «Физическая культура еще не в полной мере используется для укрепления здоровья, трудовой дисциплины, повышения производительности труда, для активного отдыха молодежи»²⁶.

Не удалось избежать ошибок и просчетов и в культурном воспитании молодых людей. Пропагандируя работу клубов и вовлекая в них молодежь, ряд комсомольских организаций на деле не занимались работой самих культурных учреждений. Так на XXI областной комсомольской конференции отмечалось: «Факты зачастую свидетельствуют о том, что целый ряд учреждений культуры из центров, организующих вокруг себя молодежь, превращаются в своего рода пункты прокатов фильмов, разовых мероприятий по красным дням календаря. Редко проводятся диспуты, встречи с интересными людьми, вечера отдыха молодежи»²⁷.

Нередким явлением было слабое оснащение материально-технической базы культурных учреждений в ряде районов области, отсутствие технического оборудования и музыкального инвентаря. Кроме этого, часто в сельских домах культуры не была развита такая новая для того времени форма проведения досуга, как дискотека. По словам руководителя Аксеновского дома культуры Елены Горбуновой, сельская молодежь даже не знала что это такое²⁸.

В число недостатков развития культурной жизни Оренбуржья входили и проблемы, связанные с организацией коллективов художественной самодеятельности. Как отмечала та же Елена Горбунова, «репертуар многих коллективов примитивный, не отвечает теме смотра... коллективы создаются от случая к случаю, то есть от смотра до смотра»²⁹.

Исходя из всего вышесказанного, можно предположить, что именно неразвитость возможностей современной культуры вместе с наличием морально устаревших форм работы с молодежью, часто сочетающихся с чисто формальным подходом, приводили к тому, что молодежь просто не желала участвовать в культурной жизни. И, действительно, если внимательно рассмотреть заявления руководителей комсомольской организации о том, каким образом следует развивать культурную жизнь в области, можно найти немало примеров устаревших взглядов в отношении культурного воспитания молодежи, непонимания ее досуговых потребностей. Так, например, на XXII областной комсомольской конференции в докладе первого секретаря обкома ВЛКСМ прозвучали следующие слова: «Популярность завоевывают дискотеки, которые собирают большое количество молодежи, способствуют пропаганде хорошего вкуса. Но хотелось бы предостеречь их организаторов, наших комсомольских работников, чтобы эти клубы не стали слепым подражанием западу, навязыва-

нием буржуазной моды. В области немало самостоятельных коллективов, однако клубную сцену заполняет эстрадная музыка, оттесняя народную песню, духовые оркестры»³⁰.

Из этого заявления отчетливо видно нежелание руководителей отвечать актуальным запросам молодежи и навязывание устаревших форм культуры. По-видимому, подобное отношение к культуре было вызвано не только идеологической направленностью, но и явным непониманием современной ситуации. Подобная неадекватность действий могла быть обусловлена значительным возрастом (свыше 30 лет) ряда руководителей комсомольских организаций, которые не могли объективно понять культурные запросы молодого поколения, а также укоренившихся формальных методов работы в комсомольской организации. Учитывая то, что выразителем подобного подхода являлся сам первый секретарь комсомольской организации области, не удивительно, что такие же взгляды были распространены и в ряде районных и городских организаций.

Без преувеличения можно сказать, что в подобном отношении к культуре были скрыты многие причины неудач в этой области, да и в целом в работе с молодежью.

Итак, в 1970 г. Оренбургская областная комсомольская организация проводила массовую работу по культурному и спортивному развитию молодежи. Однако, несмотря на масштабный характер этой деятельности, ее качественная сторона была не слишком высокой. Подолгу не решался и сохранялся ряд проблем, преобладал формальный подход к решениям тех или иных вопросов, требования и постановления руководителей комсомола нередко не выполнялись на местах, руководители комсомольских организаций часто не учитывали эстетических запросов молодежи, не мыслили в духе времени. Все это, естественным образом, снижало эффективность воспитательной деятельности, подавляло интерес юношей и девушек к участию в спортивных и культурных мероприятиях и заставляло молодых людей искать развлечений на улице. Объективным результатом отсутствия интереса молодежи к организованному досугу явилось увеличение антиобщественных поступков в 1970-х годах.

Примечания

1. ЦДНПО. Ф. 1697. Оп. 23. Д. 2. Л. 65.
2. ЦДНПО. Ф. 1697. Оп. 23. Д. 2. Л. 65.
3. ЦДНПО. Ф. 1697. Оп. 18. Д. 5. Л. 34.
4. ЦДНПО. Ф. 1697. Оп. 23. Д. 2. Л. 68.
5. ЦДНПО. Ф. 1697. Оп. 20. Д. 1. Л. 23.
6. ЦДНПО. Ф. 1697. Оп. 13. Д. 36. Л. 38.
7. ЦДНПО. Ф. 1697. Оп. 15. Д. 6. Л. 127.

8. От XVII до XVIII. Февраль. 1970 г. – Март 1972 г. / сост. В.К. Кулинко, Н. Марков. Оренбург, 1972. С. 34.
9. ЦДНННННН. Ф. 1697. Оп. 23. Д. 2. Л. 33.
10. ЦДНННННН. Ф. 1697. Оп. 20. Д. 2. Л. 49.
11. ЦДНННННН. Ф. 1697. Оп. 13. Д. 36. Л. 38.
12. ЦДНННННН. Ф. 1697. Оп. 23. Д. 2. Л. 32.
13. ЦДНННННН. Ф. 1697. Оп. 23. Д. 2. Л. 65.
14. ЦДНННННН. Ф. 1697. Оп. 23. Д. 2. Л. 67.
15. ЦДНННННН. Ф. 1697. Оп. 14. Д. 4. Л. 131.
16. ЦДНННННН. Ф. 1697. Оп. 20. Д. 1. Л. 21.
17. Делегату XXI областной отчетно-выборной комсомольской конференции. Молодежь Оренбуржья в десятой пятилетке. Год 1975 – год 1978 / под ред. В.И. Корниенко. Оренбург, 1978. С. 31.
18. ЦДНННННН. Ф. 1697. Оп. 23. Д. 1. Л. 53.
19. ЦДНННННН. Ф. 1697. Оп. 23. Д. 1. Л. 50.
20. ЦДНННННН. Ф. 1697. Оп. 13. Д. 46. Л. 28.
21. ЦДНННННН. Ф. 1697. Оп. 13. Д. 36. Л. 37.
22. ЦДНННННН. Ф. 1697. Оп. 13. Д. 46. Л. 56.
23. ЦДНННННН. Ф. 1697. Оп. 21. Д. 3. Л. 33.
24. ЦДНННННН. Ф. 1697. Оп. 13. Д. 36. Л. 37.
25. ЦДНННННН. Ф. 1697. Оп. 17. Д. 5. Л. 27.
26. ЦДНННННН. Ф. 1697. Оп. 21. Д. 3. Л. 33.
27. ЦДНННННН. Ф. 1697. Оп. 21. Д. 3. Л. 22–23.
28. ЦДНННННН. Ф. 1697. Оп. 23. Д. 2. Л. 78–79.
29. ЦДНННННН. Ф. 1697. Оп. 23. Д. 2. Л. 78–79.
30. ЦДНННННН. Ф. 1697. Оп. 23. Д. 2. Л. 31.

Ю.В. Егорова

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАКОВ (СЕРЕДИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

Своеобразие свадьбы оренбургских казаков в рассматриваемое время определялось сложными путями формирования этнического состава войска, особым статусом казаков в обществе.

Самое ожидаемое, самое волнующее событие для женщины во все века и времена – свадьба. И для оренбургских казачек, конечно же, тоже. Приближение рождественского мясоеда ожидалось незамужними казачками с волнением, а замужними с любопытством. В это время в Оренбургском казачьем войске заключалось самое большое количество браков. Кроме того, свадьбы игрались перед праздником Казанской Божьей матери (22 октября по старому стилю) и весной на Красную горку. Летом

свадьбы были редкостью. Это были «беглые, воровские» свадьбы, т.е. тайком от родителей. Внимательно следили свахи и девушки-казачки, не заказала ли чья семья для холостого казака пошив «хорошего тулупа», т.е. шубы, крытой сукном, считалось это верным признаком: будут женить¹. Брак русских казаков заключается довольно рано, не выходя, однако же из пределов законного возраста, т.е. жених должен быть не моложе 18, а невеста — 16 лет. Женитьба казаков по большей части бывает не по взаимному согласию жениха и невесты, а по воле и выбору родителей². Свадебные хлопоты начинались с избрания сватов. Столь важный вопрос решали родственники жениха на семейном совете, где принимались во внимание не только внешность и характер девушки, но, в первую очередь, ее родословная и материальное положение семьи. Существовало и такое, что выбор невесты зависел от жениха, родители не препятствовали ему, а вот избрание жениха зависело от воли родителей. О приданом не спрашивают: что дадут родители, тем и довольны. Молодые всегда надеются, что их наделят достаточно³. У оренбургских казаков сватать ходили обычно как мужчины, так и женщины, в конце XIX в. чаще всего — сами родители жениха. Часто они выбирали себе «колонновожатого» — крестного отца невесты или кого-либо из ее родственников, которого называли «сватовщиком»⁴. Конечно, сваты должны были сами быть счастливы в браке, являться опытными и ловкими в «деле сватовства» людьми, хорошо знающими все общепринятые правила этикета и различные приметы. Магия сватовства была проста, но очень разнообразна. Например, отправляться к родителям невесты надо было обязательно вечером, идти пешком в этом случае считалось зазорным, унижительным, у казаков не было даже выражения «сваты пришли», а только «сватовщики приехали». Существовали общепринятые формулы начала разговора, а, дождавшись приглашения, сваты проходили в избу и старались сесть под матицу (балку, поддерживающую потолок). В свою очередь родители невесты сразу не давали окончательного определенного ответа. После взаимного сговора о браке между родителями заключался с участием родных словесный договор, выговаривалась «кладка» или «запрос», т.е. плата за невесту, смотря по состоянию, от 10 до 100 рублей, иногда еще выговаривали шубу или шелковое платье невесте. Задушевная подруга, которой являлась старшая из подруг и любимой у невесты, подходила к сватам с подносом или блюдцем в руках и говорила: «Вам песенки на потешки, нам денежки на орешки!» Сговор оканчивался вечеринкой или «пропоем». Подготовка к бракосочетанию включала как развлекательные и практические действия, так и обряды санкционирующего характера. Это самый печальный этап свадебного ритуала. О нем говорили: для отца невесты «лучше овин сжечь, чем выдать дочку замуж». Просватанная девушка освобождалась

от всех домашних работ: «дедует девка, куда денутся». Подружки невесты в это время жили у нее в доме, помогали шить приданое, скоблить полы, лавки и мыть стены. Вечером после работы у сговоренки молодежь собиралась на вечерки, угощали всех родители невесты⁵. Вечерние сходбища продолжаются иногда до полугода. На эти вечера жених приходит к невесте со своей водкой и закусками, которыми и угощает гостей невесты. Жених обходится с невестой как муж с женой. Нарушение приличий строго преследуется; свободное же обращение, проистекающее от взаимной доверчивости, отнюдь не делает бесчестным имя девушки. Накануне бракосочетания бывает девичник. В девичник сходятся к невесте ее подружки и поют ей прощальные песни. Сюда допускается и жених, который должен принести невесте в подарок цветное платье, башмаки, головной убор, игольник с нитками, наперсток и ключи. Последним он дает ей знать, что она вступает в права домохозяйки. Невеста дарит ему шапку, сапоги, шейный платок, рубашку и шаровары. В назначенный день поезда к венцу невесту провожают ее подружки, а жениха — его хорошие приятели и знакомые⁶. Невеста отправляется в церковь в сопровождении старшей дружки и свах, а жених — в сопровождении своего дружки и подружьев, и он едет отдельно от нее. После венчания невеста едет в повозке с близкими своими приятельницами; позади нее сидят мать и сваха, последняя должна иметь кольца на всех пальцах. Во время поезда мать и сваха закрывают молодую полотенцем, чтобы нечистый глаз не испортил ее. За повозкой едет жених, после него тянутся в несколько рядов вершники, и один из них держит на длинном шесте вместо знамени полосатую плахту (юбку). По прибытии новобрачных домой их сажают вместе за стол. Нигде так много не выпивается водки, как на свадьбе казаков: на бедной уничтожается от 10 до 15 ведер, а на богатой — от 20 до 40. Свадьбу проводят в пляске, питье и пении не только дома, но и на улице. С пирующими разделяют веселье и не приглашенные, и гуляют до полночи. Сваха и посаженная мать отводят молодую в брачную избу, девушки раздевают, а молодой приходит позже, с одним дружкой⁷. На следующий день собираются все гости как с той, так и с другой стороны. Во время этого стола молодая одаривает родных своего мужа сорочками, платками, полотенцами и т.п.; после чего дружка разносит гостям на подносе водку, пряники и конфеты, предлагая «сыры закусить и на сыры положить». Молодые в это время кланяются в ноги. Тот из родственников, к которому обращается дружка, выпивает рюмку водки, берет с подноса пряник или конфетку и кладет на «сыры», т.е. обещает лошадь, козу, корову, барана или денег сколько сможет, смотря по состоянию и близости родства. На третий день теща устраивает блины. Зять по приходу в дом тестя дарит теще башмаки, затем садится за стол. А теща в свою очередь берет ложку

масла и, выливая его на голову зятя, приговаривает: «Будь зять также сладок и мягок для своей жены, как сладко и мягко это масло». После этого берет тарелку с блинами, ставит их на стол и покрывает их другой тарелкой. Зять берет блины, переворачивает тарелку, а затем верхнюю из них бросает в потолок. И она вдребезги разбивается. Этим дается знать, что обряд исполнен и стол открыт. Во время происходящей церемонии все стоят на ногах тихо и смиренно. А когда разбивается тарелка, поднимается шум и гам, бьется посуда и все, что попадется под руку. После угощения начинается общее веселье, причем происходят безобразные сцены: мужчины впрягают лошадей и волов во что попало, к хвостам животных привязывают шкуры и все, что попадется под руку, сами одеваются во всевозможные костюмы и в таком виде разъезжают по улицам. Тут можно встретить и «Полкана-богатыря» с метлой в руках, «Еруслана Лазаревича», идущего на Змея Горыныча, одетом в рогожу, долженствующем изображать его чешуйчатую кожу или древнего рыцаря на коне, одетого вместо шлема в высокую баранью шапку, вместо щита в левой руке плетеная корзина, а вместо меча осколок доски⁸.

Приведенный свод свадебных обрядов оренбургских казаков представляет собой единый комплекс, имевший как общие, так и особенные черты. Дальнейшее изучение типологии уральской свадьбы позволит расширить знания о тех сложных этнических процессах, которые вели к образованию особой группы в составе русского народа и были прерваны революцией. Уже сейчас наличие в свадебной обрядности оренбуржцев южно- и севернорусских элементов подтверждает тот факт, что на территории Южного Урала пересеклись несколько потоков русской колонизации.

Примечания

1. Капустина В. Героини погибшего мира // Гостиный Двор. 2008. № 22. С. 134.
2. Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. С приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты. Оренбург: Типография Б.Бреслина, 1891. С. 242.
3. Терещенко А.В. История культуры русского народа. М.: Эксмо, 2007. С. 330.
4. Абрамовский А., Кобзов В., Кузнецов В. Сквозь призму веков: из прошлого оренбургского казачества. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2002. С. 106.
5. Там же. С. 107–108.
6. Стариков Ф.М. Указ. соч. С. 243.
7. Терещенко А.В. История культуры русского народа. М.: Эксмо, 2007. С. 331.
8. Стариков Ф.М. Указ. соч. С. 243–244.

ОРЕНБУРГСКИЙ УЕЗД КАК МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ КРОССКУЛЬТУРНОЙ СИСТЕМЫ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

На протяжении XVIII в. Оренбургская губерния все более приобретала черты внутренней территории Российского государства и становится плацдармом для его среднеазиатских геополитических устремлений. Строительство и расширение территории городов, интенсивность миграционных процессов¹, изменение плотности населения — все это актуализировало проблему земельных ресурсов и наложило отпечаток на процессы движения землевладения. До сих пор в историографии процесс развития земельных отношений в Оренбургской губернии рассматривался в общегубернском масштабе без территориальной (уездной) увязки. Между тем обширность губернии, физико-географические и природно-климатические характеристики, этнословный состав населения ее различных частей, степень вовлечения земельных ресурсов в хозяйственный оборот не могли не обусловить междуездных различий.

Таблица 1 — Структура землепользования в уездах
Оренбургской губернии², дес.

Уезд	Структура землепользования в уездах						
	усадеб	пашня	сенокос	степь	лес	неудобья	всего
Белебеевский	6904	198968	724997	219036	809846	64467	2024220
Бирский	7952	216507	293237	5759	1656350	55340	2235140
Бугульминский	5545	255854	249040	179830	384333	58971	1133570
Бугурусланский	9405	375401	198693	805252	197883	139271	1725910
Бузулукский	3987	106741	61413	1761680	178577	168529	2280920
Верхнеуральский	4712	22251	248992	840563	1901290	236749	3254560
Мензелинский	7010	235714	126237	39554	650367	46297	1105180
Оренбургский	2703	111418	159597	3169530	725379	87618	4256250
Стерлитамакский	5542	117438	660771	122512	934842	47606	1888710
Троицкий	5832	129430	329135	744776	1441820	165390	2816390
Уфимский	4431	164252	287766	110731	1504360	51588	2123130
Челябинский	9465	187071	559018	1540510	579644	511410	3387120
Итого в губернии	73488	2121045	3898896	9539733	10964691	1633236	28231100
%	0,26	7,51	13,81	33,79	38,84	5,79	100,00

Таблица 2 – Структура землепользования в уездах Оренбургской губернии³, %

Уезд	Земельные угодья (%)						
	усадеб	пашня	сенокос	степь	лес	неудобья	всего
Белебеевский	0,34	9,83	35,84	10,8	39,99	3,19	100
Бирский	0,36	9,68	13,16	0,27	74,04	2,48	100
Бугульминский	0,49	22,57	21,93	15,94	33,87	5,20	100
Бугурусланский	0,55	21,74	11,53	46,67	11,45	8,06	100
Бузулукский	0,18	4,68	2,70	77,20	7,84	7,39	100
Верхнеуральский	0,15	0,68	7,66	25,85	58,39	7,27	100
Мензелинский	0,63	21,33	11,95	3,47	58,49	4,13	100
Оренбургский	0,07	2,74	3,96	74,17	16,99	2,08	100
Стерлитамакский	0,30	6,22	34,98	6,49	49,49	2,52	100
Троицкий	0,21	4,59	11,74	26,43	51,16	5,87	100
Уфимский	0,22	7,72	13,59	5,21	70,81	2,45	100
Челябинский	0,28	5,52	16,56	45,45	17,10	15,09	100

Мы видим, что распределение пашенных, сенокосных земель, усадеб, лесов и неудобий в уездах губернии было неравномерным. На фоне остальных уездов губернии Оренбургский уезд имеет усредненные показатели по количеству земель различных категорий. В самом Оренбургском уезде из 4256250 дес. земли пашни составляли всего 111418 дес., или 2,6%, степь составляла более 74,17%, лес – 17%. Преобладание степи обуславливало и этнодемографический состав населения, а именно – высокий удельный вес башкир, которые вели полукочевое хозяйство. Увеличилось количество и усложнились сделки с башкирами по поводу аренды, продажи, отъема земли. Увеличивается доля спорных земель, по поводу которых идут судебные разбирательства. В целом сфера поземельных отношений усложняется и все чаще запутывается. Сталкиваются две «цивилизационные культуры», две системы ценностей, два хозяйственных менталитета.

Население уезда по материалам V ревизии (1795 г.) состояло из 64126 душ обоего пола, из которых наибольшую долю (34,83%) составляли башкиры, обладавшие вотчинным правом на земли. Служилые казаки составляли 31,47%, почти 11% – помещицы крестьяне, также в уезде проживали служилые и отставные солдаты, удельные и чемоданные крестьяне, ясашные татары, купцы, священнослужители, дворовые люди и др.

Процессы движения землевладения в уездах губернии происходили различными темпами, интенсивность их различалась даже в близко расположенных друг к другу уездах, не говоря уже об отдаленных. Движение

Таблица 3 – Этносословный состав населения (V ревизия, 1795 г.)
и земельные угодья в Оренбургском уезде в начале XIX в.⁴

Население	Душ обоего пола	
	абс.	%
Башкиры	22333	34,83
Казачи служилые и отставные	20183	31,47
Крестьяне помещичьи	6983	10,89
Солдаты служилые и отставные	2911	4,54
Купцы	2703	4,22
Разночинцы	2524	3,94
Крестьяне чемоданные	2271	3,54
Крестьяне удельные	1105	1,72
Мещане	703	1,10
Тептяри	524	0,82
Дворовые люди	513	0,80
Крестьяне ясашные татары	487	0,76
Мордва	476	0,74
Крестьяне-экономические	203	0,32
Мещеряки	135	0,21
Священно-церковнослужители	72	0,11
Всего по 5 ревизии	64126	100,00

землевладения состояло из различных форм перераспределения земли: самозахват земли, земельное пожалование, перевод земли в казенный фонд, землеотвод, наделение землей переселенцев из центральных губерний, признание земли вотчинной, купля-продажа земли. Исследователям предстоит еще выяснить роль того или иного механизма перераспределения владельческих прав на землю.

В полиэтнических территориях договорные отношения – с регистрацией ли, без регистрации – приводили к интенсификации социальных, хозяйственных контактов различных этнических групп.

Общими для всех уездов были помещичья колонизация, расширение территории городов и заводское строительство, в ходе которых происходило активное и невиданное перераспределение земельных ресурсов от башкир заводовладельцам, игнорировалось вотчинное право. Меняется и отношение к понятию «вотчинное право». Башкиры понимают его как исключительное право, правительственные чиновники – как условное: поскольку башкиры являлись подданными царя, то и земля была «царской»⁵.

В процессе движения землевладения участвовали различные этносы и сословия. Так, Н.В. Ремезов предлагает следующий порядок категорий

землевладения по мере их возникновения: 1) землевладения башкир-вотчинников; 2) служилых людей; 3) городов; 4) сходцев из свободных и беглых людей (впоследствии удельных и государственных крестьян); 5) башкирских припущенников; 6) частных владельцев и заводов; 7) казны; 8) удела; 9) покупные земли крестьян⁶. Башкиры, считавшие себя обладателями вотчинного права, вступали в земельные отношения с целым рядом этнословных категорий населения края, о чем свидетельствуют так называемые «спорные дела», отложившиеся в архивах: с мишарями, тептярями, помещиками, государственными крестьянами, государственными чиновниками и, наконец, с правительством. Мишари и тептяри также отстаивали свои права на землю в спорных делах друг с другом, башкирами, государственными крестьянами, чиновниками, помещиками.

В процессе движения землевладения происходило межэтническое и межсловное перераспределение земельных угодий от одних групп населения к другим. Генеральное межевание закрепило это перераспределение.

Генеральное межевание, проводившееся на территории России с 1766 г. до середины XIX в., призвано было юридически оформить и закрепить право фактических владельцев на земельную собственность. Главная цель — проверка земельных прав и выявление захваченных казенных земель, размежевание землевладений и землепользований, установление их границ, ликвидация запутанности земельных отношений, ликвидация чересполосицы.

Начало межеванию Оренбургской губернии было положено указом 1797 г., в котором говорилось о размежевании земель в Саратовской, Новороссийской, Оренбургской и Симбирской губерниях⁷. Как и в других губерниях, межевание земель на территории Оренбургской губернии должно было производиться на основе межевой инструкции, принятой в 1766 г.⁸ Однако местные особенности землевладения, обширность и малонаселенность края требовали особого подхода при межевании земель, внесения ряда дополнений к прежней инструкции, что и было сделано в указах от 14 августа 1798 г., 17 июля 1804 г., 21 июля 1804 г.⁹ Земли предполагалось размежевать не по частным владениям, а по так называемым «дачам»¹⁰. В ходе генерального межевания межевались участки земли совместного пользования, а затем, уже в ходе так называемого специального межевания, происходило межевание внутри данной дачи на индивидуальные или коллективные (общинные, деревенские) земельные владения. Все земельные споры, возникавшие в ходе межевания, должны были решаться в межевой конторе. Преимущество получала та сторона, которая могла представить в подтверждение своих прав законным об-

разом оформленные документы. Если обе стороны не имели подобных документов, то «спорные земли переходили в число государственных земель»¹¹. В ходе межевых работ наряду с определением границ частных владений устанавливались границы остальных населенных пунктов, городов, сел, деревень. С наделением земель однодворцев, иностранных поселенцев, церквей, мельниц и т.д. было положено начало образованию многочисленных разрядов землевладельцев, в том числе и тех, кто прежде владел землей без юридических оснований.

К середине XIX в. Оренбургская губерния выпадает из числа территории, куда направлялся миграционный поток, такими территориями становится Сибирь.

Во второй половине XIX в. (по данным на 1877 год) в Оренбургской губернии было учтено 15,4 млн. дес. земли. Из них в Оренбургском уезде — 4210884 дес., из которых частновладельческие земли составляли 434210 дес., или 10,3%, крестьянские — 813633 дес., или 19,3%¹². Именно в Оренбургском уезде зафиксирован наибольший рост частновладельческих земель, который, как и рост земельной собственности обществ и товариществ, происходил за счет башкирских земель¹³. Что касается перераспределения земель внутри башкирских вотчин, то передача земли в частную собственность из общественного надела появляется у них только после 1861 г.

Увеличение численности населения, возникновение новых населенных пунктов, увеличение размеров старых населенных пунктов приводило к увеличению плотности населения и соответственно исчезновению пустопорожных («празднолежащих») земель, расширению пахотных земель за счет леса (подсека), за счет степных угодий; к середине XIX в. устанавливается относительная сбалансированность пашни и сенокоса. Техника земледелия усложняется, переложная система сменяется трехпольем. Земельные отношения приобрели правовой характер, многочисленные земельные споры завершались судебными решениями. В целом, в Оренбургском уезде сложилась адаптированная ко множеству объективных факторов кросскультурная система землепользования.

Примечания

1. В ходе миграционного потока на протяжении XVIII в. численность населения Оренбургской губернии увеличилась в два раза, причем механический прирост доминировал над естественным приростом.

2. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 939.

3. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 939.

4. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 939.

5. М.К. Любавский воспринимал вотчинное право на землю как комплекс от-

ношений, связанных, с одной стороны, с правом владения землей, основанных на нормах обычного права и, с другой стороны, законоустановлениями государственной власти России. Конфликт различных систем правосознания, вырастающих из хозяйственно-экономических различий вотчинников-башкир и пришлого русского и нерусского населения. Тольц В.С. Материалы М.К. Любавского по истории Башкирии // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии / ИИЯЛ БФАН СССР. Уфа, 1971. С. 221–232.

6. Ремезов Н.А. С. 204–205.

7. ПСЗРИ. Т. 27. № 20395.

8. ПСЗРИ. Т. 17. № 12570.

9. ПСЗРИ. Т. 28. № 18625, 21351, 21407.

10. В словаре С.И. Ожегова, помимо знакомых, приведено следующее значение: «Дача. Участок земли под лесом» (Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1985. С. 131). Можно предложить следующее определение: дача – это территория земли (леса и других земельных угодий), находящаяся в совместном (чаще) или индивидуальном пользовании и владении проживающего (как правило) на данной территории, населения. Дачи явились основной территориальной единицей при разделении уезда в ходе межевания и могли включать владения нескольких лиц.

11. ПСЗРИ. Т. 24. № 18019.

12. Супонина Е.А. Поземельное устройство помещичьих крестьян с 1861 г. по начало 20 в. в Оренбургской губернии // Вестник ОГУ. 2009. № 9. С. 17–19.

13. Там же.

Вторая
СЕКЦИЯ

**ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ
ЮЖНОГО УРАЛА:
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
И СОХРАНЕНИЯ**

РОЛЬ ТРАДИЦИИ В СОХРАНЕНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

В недрах народной жизни всегда живет культура, впитавшая в себя многообразный опыт совместной жизнедеятельности людей. Культура — необъятное и ни с чем не соизмеримое явление, охватывающее буквально все: фольклор, традиции, нравственные устои, производство и быт, политику и право. Она выражает всеобщность человеческого существования. Традиции в культуре народа имеют ярко выраженную специфику, являясь элементами культурного наследия, они передаются от поколения к поколению в течение длительного времени. Новое поколение начинает свою деятельность, оживляя труд предшествующего поколения, их созидательную деятельность, которая застыла и воплотилась в материальные и культурные ценности. Усвоение всего того, что создано прошлым поколением, является необходимым условием деятельного отношения к современности. Ценности прошлых поколений передаются не только в непосредственной форме (использование материальных ценностей производства, быта, культуры), но и в опосредованной форме, в виде традиций. Традиции — это неотъемлемый элемент в функционировании системы явлений, с помощью которых в истории сохраняется преемственность поколения. По теории толерантности и ее ценностям необходимо считаться с убеждениями, правами и традициями различных стран и народов. Каждая нация движется по пути общественного прогресса не только на основе современного социального опыта, но и прошлого. Прошлое входит как элемент в современное национальное. Не учитывать это обстоятельство — значит упустить важнейший элемент «механизма» развития нации как исторически сложившейся устойчивой формы общности людей. Вне традиции невозможно представить во всей полноте ни один вид деятельности людей. Выделяются социальные функции традиции: стабилизация форм и способов деятельности; закрепление разрозненного опыта людей в производстве материальных и культурных ценностей; передача социального опыта старшего поколения в различных сферах деятельности и общественной жизни.

В условиях непрерывной смены поколений каждая общность через систему традиций воспроизводит свои духовные ценности. Традиции — это такие общественные явления, посредством которых от поколения к поколению передаются идеи, знания, нормы поведения, способы, приемы, формы, мотивы деятельности людей, различные вкусы, стили, творческие направления.

Традициология в качестве отдельной науки не сформировалась, этот процесс только еще идет в настоящее время. В условиях модернизации традиция рассматривалась как явление отмирающее, не способное ни реально противиться современным формам жизни, ни сосуществовать с ними. Традиционные явления культуры оценивались как рудимент, который должен был исчезнуть по мере возрастания активности модернизационных процессов. Со временем взгляд на традицию как на застывшую форму был поставлен под сомнение. Американский востоковед Л. Пай утверждал, что процессы модернизации оказываются «бесконечно более сложными, чем предполагают существующие подходы». По его убеждению, вынужденная модернизация, вместо того чтобы приводить к общественному прогрессу, «может вызывать широкий спектр очень глубоких разрушительных реакций, грозящих нарушением идентичности индивидов», «препятствующим «их способности к их человеческим и политическим отношениям», «парализующим активность»¹. Ф. Ригс выразил идеи концепции «переходного общества». По его мнению, традиционное общество «под влиянием сил модернизации эволюционирует в социально-политическую систему нового типа, и такая новая система, часто характеризующаяся по-прежнему как традиционная или как переходная, вырабатывает свои собственные системные характеристики, образуя оригинальный механизм самовоспроизводства и поддержания стабильности. Иными словами, традиция под напором сил современности не сдавала своих позиций, как того ожидали; она обнаружила значительные адаптивные способности, порождая специфические национальные формы модернизации»². В 1984 г. Э.С. Маркарян выступил в журнале «Советская этнография» с программной статьей, предлагающей концептуальные положения традициологии как науки, он вынес на обсуждение тезис о том, что «культурная традиция и сегодня продолжает оставаться универсальным механизмом, который благодаря селекции жизненного опыта, его аккумуляции и пространственно-временной трансмиссии позволяет достигать необходимой для существования социальных организмов стабильности. Без действия этого механизма общественная жизнь людей просто немыслима... Общая природа и функции этих форм (форм традиции в прошлом и настоящем), механизмы их образования и замены остались в принципе теми же самыми»³. К.В. Чистов в журнале «Советская этнография» (1981, № 2) писал: «Термины «культура» и «традиция» в определенном теоретическом контексте синонимичны или, может быть точнее – почти синонимичны. Термин «культура» обозначает сам феномен, а «традиция» – механизм его функционирования. Проще говоря, традиция – это сеть (система) связей настоящего с прошлым, причем при помощи этой сети совершаются определенный отбор, стереотипизация

опыта и передача стереотипов, которые затем опять воспроизводятся»⁴. На конференции по вопросам этнокультурной традиции, состоявшейся в Ереване в 1978 г., традиция была определена как «механизм само-сохранения, воспроизводства и регенерации этнической культуры как системы. Традиции включают в себя процесс и результаты стереотипизации как сгусток социально-исторического опыта людей»⁵. В сохранении этнокультурного наследия большая роль отводится национальным традициям. Традиции национальные (обычаи, обряды, ритуалы, этикет) – нормативные формы повседневной жизни, сложившиеся исторически, обеспечивающие преемственность культуры, поддерживающие единство нации, способствующие взаимопониманию поколений. Традиционный характер норм усиливает их обязательность, подчеркивает степень их устойчивости. Свадьба, похороны, новогодние празднования – универсальные события в жизни людей независимо от национальной принадлежности, но сопровождающие их обряды имеют традиционную национальную форму. Традиции национальные существуют в любой сфере жизнедеятельности: от кулинарии до традиционно развитых научных школ данного народа. Основная функция традиций – сохранение преемственности человеческой памяти и истории. Национальные обряды – формы, в которых отмечаются значимые события в жизни человека или народа. В национальной обрядности наиболее сильно выражены преемственность национальной истории и нормативный характер национального сознания. Национальные обряды сочетают в себе элементы духовной и материальной культуры: костюмы, национальная пища, предметы быта вместе с народным фольклором, героями народного этноса, играми, имитирующими историческое прошлое. Обряды не являются игрой в прошлое, они представляют форму социализации молодого поколения, способ идентификации себя со своим народом, его культурой. Национальные ритуалы – приемы или способы организации повседневной жизни: например, японская чайная церемония. Ритуалом является любой нормативно закреплённый порядок действий (прием гостей, посещение исторических достопримечательностей). Национальный этикет – способы и формы обращения и приветствия, вручения подарков и ведения переговоров, принятых в данной стране. Соблюдение правил национального этикета – один из лучших способов оптимизации общения и повышения его эффективности как в деловом, так и в межличностном общении⁶.

Традиция – это не бессмысленное, иррациональное следование стереотипам. Это следование порядку. Любой член общества в народной культуре ответственен за порядок, который начинается с него самого. Как заметил В. Швებель, «традиции часто ведут народ надежнее, чем его самые умные головы».

Примечания

1. Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997. С. 171.
2. Осипова О.А. Американская социология о традициях и странах Востока. С. 92.
3. Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции. Ереван, 1978. С. 87.
4. Чистов К.В. Традиция, «традиционное общество» и проблема варьирования. Советская этнография, 1981. № 2. С. 106.
5. Абрамян Э.Г. Инновация и стереотипизация как механизмы развития этнической культуры // Методологические проблемы этнических культур: материалы симпозиума. Ереван, 1978. С. 93.
6. Нации и этносы в современном мире: словарь-справочник. СПб., 1991. С. 83.

Н.М. Мухамеджанова

ИСЛАМСКИЕ КУЛЬТУРЫ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ*

Исламские народы Волго-Уральского региона уже в петровскую эпоху оказались в зоне активных модернизационных процессов, что было связано с их территориальной близостью к промышленным, военным и культурным центрам, определяющей интенсивность диффузных, обменных процессов в регионе; наличием длительных и устойчивых связей с русским народом и русской культурой; достаточно высоким уровнем социально-экономического развития; наличием собственных хозяйственно-экономических традиций, ставших основой новых видов деятельности (развитие торговли, ремесел и т.д.). Когда в конце XIX в. в России начинается бурный процесс развития капиталистических отношений, как реакция на эти процессы в исламских культурах возникает культурно-религиозное реформаторство, джадидизм (от араб. «усул-иджадид» — новый метод), который становится важнейшим фактором адаптации исламских народов Волго-Уральского региона к новым задачам существования в российском обществе.

Культурно-религиозное реформаторство, во главе которого стоял просветитель Исмаил Гаспринский, носило комплексный характер: охватывало языковую сферу (формирование нового литературного языка), религиозную (приспособление норм ислама к новым социальным усло-

* Работа выполнена при поддержке РФНФ (грант №09-03-81301а/У)

виям), систему образования (создание и распространение джадидистских школ, основанных на новом содержании и методах образования), информационную сферу (развитие книгоиздания и периодики на национальном языке). И. Гаспринский предлагает развернутую программу развития образования мусульман в России, наиболее значимыми идеями которой нам представляются следующие:

- видение цели школы в воспитании и развитии ребенка, которая наиболее успешно может быть реализована посредством обучения на родном языке;

- необходимость распространения школ (народных, низших профессиональных, ремесленных) с обучением на татарском языке;

- реализация высшего образования среди народов России на основе общегосударственного русского языка;

- введение в содержание образования светских наук: географии, истории, арифметики, естественных наук, педагогики, законоведения и др.;

- целенаправленная подготовка педагогических кадров вместо «тупых учителей (ходжей)»¹;

- «усовершенствованные методы преподавания вместо существующих ныне долбления и палки», «сознательное, а не принужденное из-под палки стремление к просвещению»² и др.

Видя в школе «орган умственного и нравственного воспитания» личности, И. Гаспринский предлагает реформу, направленную на обновление целей, содержания и методов образования российских мусульман. Образование становится социальной технологией модернизации исламских сообществ России. Несмотря на сложность социально-политической ситуации в России конца XIX – начала XX в., значительная часть идей просветителя была реализована: в Башкирии уже к концу XIX в. 1/6 часть школ была джадидистской³; в 1909 г. осуществляется официальный перевод всех конфессиональных школ Таврической губернии на «новометодное» образование, а в 1914 г. все они практически превратились в светские, утратив свой первоначальный конфессиональный характер⁴; в 1910 г. на «новометодное» образование перешли 90% мектебов и медресе Казанской губернии, джадидистские школы возникли практически во всех регионах исламской культуры России. Результатом реформаторской деятельности И. Гаспринского было также развитие печати на татарском языке, издание учебной литературы, развитие женского образования и периодики для женщин, но самое главное – тюркским народам была дана единая языковая литературная форма, которая способствовала общению к грамотности всего населения.

Таким образом, реформаторские идеи, возникшие в исламских культурах еще в конце XVIII – начале XIX в. (А. Курсави), во второй полови-

не XIX в. благодаря развитию социальных технологий стали достоянием широких масс. Уже в начале XX в. свыше 200 татар учились в университетах России, а десятки молодых людей получали образование в европейских странах⁵, существовало несколько десятков периодических изданий на татарском языке, в том числе для женщин.

Уникальность и значимость данного опыта для развития исламских народов России подтверждается современниками данных процессов: «...в 1880 г. в России насчитывалось 11 млн. мусульман, вся их печатная литература состояла из 7–8 книг; у них была одна типография... В 1910 г. их было уже 20 млн.; они имели свыше 1000 печатных книг, 14 типографий и 16 периодических изданий, 200 человек, получивших образование в России, и 20 — в Западной Европе, около 100 литераторов, 6 высших и 5000 низших школ, 37 благотворительных учреждений, три небольших банка и три сельских банка. Именно это великое «мусульманское» движение, которое захватило и такие племена, как вотяки, черемисы, чуваша... особенно в области школьного просветительского дела. За последние 10 лет мусульманское население России сильно развилось в культурном отношении: у казанских татар на 150 человек приходится сейчас одна мечеть и один мулла, у русских и инородцев того же района один священник приходится только на 1500 душ; у первых одна школа на 100 душ обоего пола; у православных — одна на 1500–3000 человек. Распространение книжной и газетной литературы у мусульман-татар относительно еще более высокое»⁶.

Исламские реформаторы, в том числе И. Гаспринский, стремясь освободить ислам от идей, препятствующих модернизации мусульманской общины, опирались прежде всего на идеи суфизма, который обладал значительным гуманистическим потенциалом, поскольку рассматривал человека как «вместилище божественного», вместилище дарованных Богом возможностей и способностей, которые он должен реализовать самостоятельно. Свобода воли дана человеку для того, чтобы он мог выполнить свое главное предназначение — быть зеркалом, отражающим лик Бога, а значит смысл человеческого существования — в исполнении этого высшего долга самосовершенствования⁷. Значение, которое придавалось в суфизме личности верующего как носителя духовных способностей, и его свобода от догматики способствовали развитию духа свободомыслия и критической рефлексии социального бытия в среде исламской интеллигенции.

Именно религиозное реформаторство, селективное отношение к сакральной традиции, ее реинтерпретация и активизация «резонансных зон» культурного наследия обусловили, на наш взгляд, проникновение в исламские культуры тех новаций, которые изначально трактовались как

противоречащие исконной традиции ислама, например, становление и развитие профессионального театра, живописи и в целом усиление светских тенденций в духовной культуре народов. Немаловажное значение для культурной трансформации ислама имело и то обстоятельство, что через Среднюю Азию в Волго-Уральский регион проник ислам ханафитского толка, который отличается от других масхабов большей степенью толерантности и либеральности по отношению к другим конфессиям, пережиткам языческих верований и представлений, к нововведениям в религиозной догматике (бида).

Таким образом, реформирование ислама способствовало обновлению культуры исламских народов, не разрушая их культурной идентичности, создавало возможности для синтеза исламской культуры с достижениями других народов и цивилизаций. На наш взгляд, развитие мусульманских народов региона на рубеже XIX–XX вв. осуществлялось на основе собственной (хотя и модифицированной) традиции, что обусловило, во-первых, интенсивность развития народов в данный период; во-вторых, различия в уровне и результатах модернизации в сравнении с другими народами региона.

Образование становится катализатором инновационных процессов в мусульманских культурах региона. Джадидистские школы возникают в Казани, Уфе, Оренбурге, крупных селах Волго-Уральского региона. Лучшими «новометодными» школами в Уфе стали «Галлия» и «Усмания», в Казани – «Марджания», «Мухаммадия», «Анапаевское». В Оренбурге центром развития мусульманской культуры становится медресе «Хусаиния» – высшее учебное заведение, основанное купцами Хусаиновыми и просуществовавшее с 1889 по 1924 год. Подготовка педагогических кадров для медресе осуществлялась в специальных школах, созданных И. Гаспринским в Бахчисарае в 1883 году. Контингент учащихся включал в себя жителей всех мусульманских регионов России: татар, башкир, казахов, киргизов, узбеков, народов Кавказа. Автономное управление, акцент на изучение светских и естественных наук, на углубленное изучение русского языка отличали Хусаинию от других мусульманских учебных заведений России. Целью медресе было не столько подготовка кадров мусульманского духовенства, сколько подготовка специалистов для различных сфер общественной жизни, высокообразованных людей. Так, в программу обучения шакирдов входили светские предметы: татарский, русский, иранский, арабский, немецкий, французский языки, татарская, русская, иранская и арабская литература, педагогика, психология, законоведение, логика, гигиена и медицинские знания, торговое дело и политэкономия и т.д. В целом же доля светских предметов составляла не менее 5/6 учебного времени

шакирдов, а мусульманская конфессиональная школа приблизилась по уровню образования к лицам и гимназиям.

Преподавателями Хусаинии активно велась исследовательская, переводческая, издательская деятельность, поддерживались научные и общественные связи с исламскими центрами зарубежных стран: Египта, Турции, Ливана, Сирии, Аравии. На базе медресе функционировали курсы по «новометодному» образованию для учителей из всех исламских регионов России: Сибири, Кавказа, Средней Азии, Крыма. Из стен медресе вышли выдающиеся деятели культуры, науки, образования и просвещения тюркоязычных народов России, известные общественные деятели. Герой Советского Союза, поэт и журналист Муса Джалиль, а также его друг Фуат Булатов, погибшие в Маобитской тюрьме, также были воспитанниками Хусаинии. В 1921 г. на базе Хусаинии было создано 4 института народного образования: ТИНО (татарский), БИНО (башкирский), КИНО (казахский и киргизский) и ВИНО (восточный для учащихся из Средней Азии). Воспитанниками Хусаинии были заложены основания татарского национального театра⁸.

Подобные процессы происходят и в других мусульманских регионах России. Модернизация образования способствует становлению и развитию кадров профессиональной национальной интеллигенции, деятельность которой, с одной стороны, ведет к развитию и усложнению культур, появлению новых культурных форм. С другой – интеллигенция как носитель «нарративных стратегий» (С. Бенхабиб), производящая знаки и символы коллективной идентичности, посредством которых народ осознает себя как единое, специфическое целое, способствует институционализации этнокультурных сообществ, создает условия для становления этнической самоидентификации, развития национального самосознания. Если на ранних этапах модернизации этническая самоидентификация была характерна лишь для узкой прослойки духовной элиты этнического сообщества, то по мере распространения диффузных процессов происходит кристаллизация этнического самосознания низших слоев этнического сообщества. Так, например, уже в начале XX в. народы Волго-Уральского региона, которые прежде назывались просто мусульманами, идентифицируют себя как татаро-башкиры, башкиры, татары и т.п. В начале XX в. процессы этнокультурного развития исламских народов Волго-Уральского региона вступают в политическую фазу, выражаясь в идеях культурно-национальной автономии и политического суверенитета. В это же время у исламских народов возникают политические партии и движения, выдвигающие идеи политического реформаторства, мусульманский либерализм, отстаивающий необходимость «европеизации» всех сфер жизни общества – идеи, близкие программным положениям партии кадетов.

Усиление влияния ислама в российских этнических культурах породило в конце XIX — начале XX в. страх представителей реакционных кругов, боязнь того, что исламское реформаторское движение окажет на народы России то же влияние, что и реформация Лютера на католический мир. «...Надвигается туча магометанская, новое нашествие, но не монгольское, а мусульманское, не дикарей из Азии, а дикарей цивилизованных, прошедших университеты, гимназии и кадетские корпуса...»⁹, — пишет по данному поводу главный идеолог русификаторской политики российского государства Н.И. Ильминский. Тревога по поводу усиливающегося влияния ислама на народы России стала одной из главных причин «отката» реформ и ужесточения национальной политики российского государства в начале XX в., в том числе запрета на распространение национальных изданий, ужесточения цензуры.

Джадидизм возникает как выражение настроений буржуазно-либеральных кругов исламских сообществ России и формируется в ожесточенной полемике с консервативным, охранительным направлением — кадимизмом, защитником «старого метода» и традиционного ислама. Противостояние джадидистов и кадимистов, модернистов и традиционалистов возникает в мусульманских культурах как своеобразный аналог противостояния западников и славянофилов в русской культуре и отражает ту потребность в самоопределении по отношению к Западу и Востоку, которая становится неизбежным следствием модернизации всех традиционных сообществ. В 30-е гг. XX в. — в период очередного витка унификации — история этого раскола в среде национальной интеллигенции завершилась полным разгромом того и другого, а их наиболее активные участники были репрессированы как враги народа.

Современная эпоха, когда «вызов» модернизации встает с особой остротой перед всеми странами мира, вновь актуализирует этот уникальный опыт культурно-религиозного реформаторства. Интерес к нему связан с тем, что данный опыт отражает общие типологические особенности модернизационного перехода, с которыми столкнулись исламские страны на рубеже XX—XXI веков. Одной из ведущих тенденций социального развития в странах исламской культуры сегодня становится культурное, прежде всего религиозное, реформаторство, направленное на изменение «экономического стиля мышления» верующих и создание, таким образом, дополнительных резервов капиталистической модернизации. Так, в исламских странах способом внедрения нововведений, не подрывающих устоев веры в сознании верующих, стало инотолкование исламских догм под лозунгом «возрождения раннеисламской традиции». При этом ислам трактуется как изначально содержащий в себе семена капиталистического духа, предусматривающий уважение к свободе предприни-

мательства и частной собственности, а пророк Мухамед — как предтеча «бизнеса по-исламски». Основным содержанием религиозных реформ становится разработка концепции личности, пересмотр прежних воззрений на обязанности верующих, утверждение ценностей материального благополучия и накопления как угодных Богу, разработка рекомендаций, касающихся трудовых отношений, делового партнерства и т.д.¹⁰ Однако в исламских культурах Волго-Уральского региона подобные процессы происходили еще в конце XIX века. А следовательно, эта страница истории Волго-Уральского региона позволяет рассмотреть процессы модернизации на пересечении локальных (этнических), национальных и глобальных тенденций.

Во-вторых, этот опыт дает чрезвычайно интересный материал для сравнительных исследований процессов модернизации в исламском мире. Так, модернизация исламских народов Волго-Уральского региона по своему содержанию и методам осуществления принципиально отличается от опыта реформ, который был реализован в других странах исламской культуры. Так, в 20–30-е гг. XX в. реформатор Турции Мустафа Кемаль Ататюрк поставил перед страной цель — создать в Турции подобие западного государства и западной нации. Кардинальные изменения затронули все структуры, все сферы общественной жизни: экономическую, политическую, культурную, религиозную. «Турки не только изменили свою конституцию (сравнительно простое дело, по крайней мере по форме), но эта еще не оперившаяся Турецкая Республика низложила Защитника исламской Веры и упразднила его институцию — халифат; лишила имущества исламскую Церковь и распустила монастыри; сняла паранджу с лица женщин, отринув вместе с ней и все, что она символизировала; вынудила верующих мужчин смешаться с неверующими, заставив носить шляпы с полями, которые мешали исполнять традиционный исламский обряд молитвы, требующий коснуться пола мечети лбом; безоговорочно отвергла исламское законодательство; сначала перевела швейцарский гражданский кодекс на турецкий язык дословно, а итальянский уголовный — с небольшими изменениями, а затем ввела их в действие голосованием Национальной ассамблеи и, наконец, заменила арабское письмо на латинское, что не могло не отбросить прочь большую часть османского литературного наследия», — пишет А. Тойнби¹¹ о тех мерах, которые должны были радикально изменить национальную, политическую, культурную и религиозную идентичность турецкого народа, и в результате привели к появлению «расколота́й страны» и «шизофрени́и культуры»¹².

Такой нетворческий, подражательный путь модернизации, названный А. Тойнби «иродианством», а С. Хантингтоном — «кемализмом», сопровождается разрушительной ломкой всей традиционной культуры

и, как следствие, возникновением множества социальных и духовных проблем. И в этом, на наш взгляд, состоит главное, принципиальное отличие турецкой модернизации от модернизации исламских народов нашей страны: если модернизация в Турции осуществлялась усилиями государственной власти, то есть имела насильственный характер, то модернизация в Волго-Уральском регионе осуществлялась как процесс самоорганизации народа, его адаптации к условиям существования в стремительно капитализирующейся России.

Как это ни парадоксально, опыт модернизации исламских сообществ Волго-Уральского региона по своему содержанию и методам оказывается гораздо ближе модернизации стран Юго-Восточной Азии, которая осуществлялась на собственной культурной основе, на селективном использовании инокультурных новаций, их осторожном, «мягком встраивании» в социокультурную систему, не разрушающем культурные традиции и идентичность народа. Поэтому этот опыт может быть очень интересен и полезен для исследователей, изучающих процессы модернизации в мировом масштабе.

В-третьих, осмысление этого опыта чрезвычайно важно для понимания современных процессов в исламских культурах России и мира. Современный этнический и религиозный ренессанс, в том числе исламский ренессанс у народов Волго-Уральского региона, вызывает у населения России определенную «исламофобию» — рост страха у населения страны перед исламским фундаментализмом и экстремизмом, вызванный международной обстановкой. Следствием «исламофобии», в свою очередь, становится сближение исламского духовенства с властью, стремление государства усилить контроль над религиозной жизнью общества.

Однако, на наш взгляд, «местный ислам» не представляет реальной угрозы политической стабильности в регионе и в стране в целом. Причинами подобного положения дел являются не только специфика самого ислама, который существовал в регионе в его наиболее толерантной, либеральной форме ханафитского мазхаба, но и реформирование и обновление самого ислама под влиянием идей джадидизма. «Мы почти не встречаем здесь (в массовом сознании, в повседневной практике, в проповедях духовенства, в теориях, разрабатываемых лидерами мусульманских движений и организаций) категорических императивов, строгих требований обязательного соблюдения законов, входящих в круг норм шариата — мусульманского права и этикета, тщательного и скрупулезного соблюдения мусульманских обрядов, а тем более каких-либо ограничительных указаний, распространяющихся на сферу быта, семейных отношений, культуры, искусства. Жестко регламентирующих табу, которые запрещали бы, к примеру, изображение живых существ в

современном искусстве или появление мусульманской женщины в обществе с открытым лицом, не существует. Ни о каком «изуверстве», ни о каком «мракобесии», ни о каком «обскурантизме», «фанатизме» современного суннитского Ислама в России говорить не приходится. Вся последовательная система реформирования, обновления, джадидизма, через которую прошел российский Ислам с конца XIX в., позволила ему органично вписаться в духовную структуру общества, пережившего модернизацию и находящегося уже на постмодернистской стадии своего социокультурного развития», — так характеризуют современный российский ислам отечественные ученые¹³.

Результатом длительного периода модернизации всего образа жизни исламских народов: урбанизации, рационализации и секуляризации, роста образованности населения, развития светской профессиональной культуры, улучшения условий жизни людей — является тот факт, что исламские народы по своим социокультурным характеристикам оказываются гораздо ближе русскому народу, нежели странам традиционной исламской культуры зарубежных стран. А следовательно, сегодня Россия, как никогда в истории, близка к достижению той цели, о которой писал И. Гаспринский, ратующий за единение христианских и мусульманских народов: «России суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских государств, что нисколько не умалит ее значения как великой христианской державы»¹⁴. Длительный процесс модернизации народов России делает достижение данной цели наиболее реалистичной перспективой развития российской цивилизации на современном этапе.

И, наконец, этот уникальный опыт модернизации исламских сообществ Волго-Уральского региона еще раз подтверждает мысль, декларируемую Концепцией модернизации российского образования до 2010 г.: «Модернизация образования — это политическая и общенациональная задача, она не должна и не может осуществляться как ведомственный проект. Интересы общества и государства в области образования не всегда совпадают с отраслевыми интересами самой системы образования, а потому определение направлений модернизации и развития образования не может замыкаться в рамках образовательного сообщества и образовательного ведомства». Следовательно, модернизация образования — не только педагогическая, но и важнейшая социальная проблема, от решения которой зависит будущее общества. И недооценка социального смысла проблем образования способна сыграть роковую роль не только в его судьбе, но и в судьбе всей страны.

Примечания

1. Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения // Дружба народов. 1991. № 12. С. 220.
2. Там же. С. 220.
3. Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999. С. 62.
4. Ислам в Евразии: современные этические и эстетические концепции суннитского Ислама, их трансформация в массовом сознании и выражение в искусстве мусульманских народов России. М., 2001. С. 383.
5. Там же. С. 136–156.
6. Цит. по: Рахимкулова М.Ф. Медресе «Хусаиния» в Оренбурге. Оренбург, 1997. С. 194.
7. См.: Степанянц М. Гуманистическая традиция в мусульманской культуре // Общественные науки и современность. 1994. № 4; Сагадеев А. Гуманизм в классической мусульманской мысли // Общественные науки и современность. 1994. № 4.
8. См.: Рахимкулова М.Ф. Указ. соч.
9. Батунский М.А. Россия и ислам. В 3-х т. М., 2003. Т. 2. С. 543.
10. См.: Ионова А. Исламский взгляд на проблему человека в условиях рыночной экономики // Вопросы экономики. 1993. № 8.
11. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 1996. С. 121.
12. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 237.
13. Ислам в Евразии... С. 17–18.
14. Гаспринский И. Указ. соч. С. 208.

Л.С. Панина

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В ПОСЛОВИЦАХ НАРОДОВ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ

Интерес к языковой картине мира как путь к познанию самого главного — носителя языка — возник не на пустом месте. Обращение к трудам русских лингвистов прошлого (к работам Ф.И. Бушлаева, А.А. Потехни, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова) с позиций современного прочтения позволяет заметить наиболее важные и значимые моменты для решения одной из проблем, какие единицы отражают языковую картину мира, какие единицы составляют языковую картину мира. По мнению известного лингвиста Л.В. Щербы, заметившим, «...что наш язык... имеет громадный ассортимент готовых шаблонов, готовых фраз и даже готовых мыслей...».

Все это позволяет говорить о том, что одним из основных направлений современных лингвистических исследований является детальное изучение языковой картины в отдельных ее фрагментах, т.е. представлений о том, что внешняя действительность преломляется в языке каждого

народа. Идея В. Фон Гумбольта о внутренней форме языка, превращающей его в зеркало мира, отражает изучение в анализе национальной ментальности и форм ее воплощения. Это объясняется потребностью в выявлении и изучении специфики отдельных фрагментов языковых систем, отражающих характерные для любого народа духовные ценности.

Под языковой картиной мира мы, вслед за Г.В. Колшанским, В.И. Пустоваловой, Е.С. Яковлевой и некоторыми другими исследователями, понимаем выраженную языковыми средствами систему знаний человека об окружающем мире, своего рода мировидение с помощью языка, языковых единиц. Языковая картина мира в результате этого тесно связана с мышлением отдельного человека и в целом народа, представляет собой отражение реальной действительности и выражает национально-культурную специфику сознания народа – носителя языка. Индивидуальная языковая картина мира – выраженные с помощью языка знания отдельной личности об окружающем мире. А из этого складываются знания всего народа. И будут эти знания передаваться из поколения в поколения, пока будут живы народы.

Говорят, что народ жив, пока жива песня, которую поет над колыбелью мать, и сказка, через язык и образы которой ребенок делает свои первые шаги в познании разнообразия своего мира. Сюда еще необходимо добавить пословицы и поговорки, элементы народной вышивки, одежды, архитектуры и быта. В наше время, когда, с одной стороны, во всем мире размываются самобытные черты этнических культур и все меньше остается носителей, в частности, такого древнего жанра аутентичного фольклора, как пословицы и поговорки, с другой стороны, возрастает интерес к этническим корням любой национальности, этнической культуре как таковой.

Это положение справедливо по отношению к любому конкретному языку и обществу его носителей, которые естественным образом оказываются носителями определенной культуры. Язык не просто отражает жизнь общества, он воздействует на нее.

Известно, что «...язык выступает как форма словесного искусства», становится воплощением культурного замысла, преломленного в этнически обусловленном сознании носителя языка.

Веками в языке собираются, шлифуются, кристаллизуются лучшие образцы народного опыта человеческой мысли, идеалы душевной красоты и нравственности, заключенные в изумительную по своей краткости форму пословиц и поговорок. Эти единицы могут воссоздать тот образ действительности, который человек имеет в виду, когда говорит и понимает. О таких единицах говорят как о единицах, отражающих картину мира, вернее, их называют языковой картиной мира.

Ни в каком другом виде языкового творчества не отражено с такой силой и афористичностью все многообразие народной жизни.

Пословицы и поговорки оцениваются как проявления народного ума, народного характера, составляя важную и чрезвычайно интересную часть национальной культуры. Как и каждый элемент культуры того или иного народа, той или иной национальности, пословицы и поговорки представляют собой большую ценность для различных областей знания, связанных с изучением жизни и деятельности человека.

Как известно, в любой единице языка любого народа «запоминаются» или «забываются» актуальные в культурной и духовной традиции носителей языка представления и понятия.

Одной из основных задач изучения языковой картины мира представителей разных народов, живущих на территории многонационального региона, является выявление лингвокультурологического потенциала пословиц и поговорок при определении этноспецифики языкового отражения концептосоставляющих материального и духовного мира каждого из народов, населяющих территорию многонациональной области. Понятнейшее содержание культурно значимых черт народа основывается на его социально-историческом опыте, универсальных и национально-специфических ориентирах определенного социума. Пословицы и поговорки разных народов как нельзя лучше отражают этот аспект.

Известный русский языковед, историк, этнограф В.И. Даль определял пословицу так: «...коротенькая притча; сама же она говорит, что голая речь не пословица. Это — суждение приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности. Пословица — обиняк, с приложением к делу, понятый и принятый всеми... Полная пословица состоит из двух частей: из обиняка, картины общего суждения и из приложения, толкования, поучения; нередко, однако же, вторая часть опускается, представляется сметливости слушателя, и тогда пословицу почти не отличить от поговорки»¹.

Эти высказывания дают основание считать, что под пословицей понимаются выражения, имеющие переносный характер («речь обиняком»), но различающиеся тем, что первая имеет характер суждения, привязана к определенной ситуации, а вторая — нет. Иначе говоря, пословица, в отличие от других устойчивых сочетаний, имеет форму предложения.

Пословицу характеризуют как результат мышления по аналогии, ибо в речи она маркирует подобие, сходство двух конкретных ситуаций, одна из которых входит в означаемое, а другая является референтом пословичного знака.

Мы убеждены, что пословица сохраняет способность сигнализировать о типовой ситуации между вещами, т.е. указывать на модель ситуа-

ции до тех пор, пока носители языка в состоянии уловить аналогию между значением предложения – деривационной базы и набором признаков собственного пословичного означаемого. Это и побуждает признать, что пословица по своей сути должна быть иконичной. Иконизм ее осуществляется на уровне смысла, или точнее, на уровне логики данной единицы, но при этом важно, что он отражает отношения между означаемым и означаемым².

Нами изучались пословицы и поговорки народов, живущих в Оренбургском крае, собранные в различных сельских районах области, а также и представленные в различных сборниках и словарях. В большинстве случаев эти пословицы и поговорки имеют одновременно и буквальный (прямой) и переносный смысл. Выявление и описание лингвоспецифичных концептов, которые в одно и то же время отражают и формируют образ мысли народа, заставляет нас обратить внимание на то, что в значениях большого количества лексических единиц отражаются как специфические, так и общие народные черты. Например: *Без ветра трава не шелохнется* (арм.); *Берегись воды, которая не журчит и не пенится* (тадж, казах.); *Беря в жены дочь, смотри на мать* (русс.); *Бог захочет, что хромая со слепой невестами станут* (арм.); *Богатство подобно любовнице – не сегодня, так завтра может уйти* (арм.); *Больше делай, меньше говори* (русс., башк.); *Бывает и один стоит тысячи, бывает и тысяча одного не стоит* (казах., тат.); *Бывает человек, что целого мира стоит, бывает и такой, что осла не стоит* (казах., тадж.); *У чужого порога собака кошкой становится* (башк.); *Хорошо плов есть, но один раз у нас, другой – у вас* (арм.); *Что ветер приносит, то ветром и уносит* (укр., белорус., татар.); *Что мне с того, что в Багдаде хурмы много* (тадж.); *Под красной наружностью черти живут* (арм., укр.); *Дай с ноготок, попросит с локоток* (русс., укр.) и другие.

В них как бы совмещаются два явления, прямое и переносное употребление, что и создает образную основу. Например, пословица: *Дай с ноготок, попросит с локоток* – используется в прямом смысле, когда речь идет именно о результате, когда некоторые не могут ограничить свою деятельность, прося хоть самую малость. Но в переносном смысле эта пословица может применяться и других ситуациях: *«Иногда, уступив в чем-то кому-то, можно потерять свое»*. Употребляется она, как и всякая пословица, в определенной ситуации: когда говорят о соответствии одного и другого, значимого и незначимого. Следовательно, пословица не только образна, но и ситуативна.

Известно, что переводить паремиологические единицы, особенно образные, чрезвычайно сложно. Это объясняется тем, что они имеют ярко выраженный национальный (этнический) характер, используют ре-

алии, а через них — ассоциации, которые уникальны для этой этнической группы и поэтому часто непонятны носителям других языков. Поскольку пословица — это речевое произведение, то речевой стиль ее и многозначность тоже усложняют адекватный перевод национальных пословиц на русский язык.

Как показал анализ пословичного материала разных народов нашей области, очень много пословиц и поговорок создано по «моделям», т.е. встречаются и у других народов, хотя у каждого имеют свое лексическое наполнение. И тогда трудно сказать, у какого народа появилось то или иное выражение, пословица или поговорка. Выделить собственно национальные образования очень трудно. Признаками, хотя и не очень надежными, могут служить этнизмы: *названия одежды, еды, предметов быта, собственные имена и географические названия.*

В изученных нами пословицах и поговорках обнаруживается система символов, свойственная какому-либо народу. Например, символом коварства у разных народов служит *змея*, символом силы — *медведь*, трусости — *заяц*. Например: *Кто волка боится, не держит овцы (русск.); Медведя узнают по лапам, а лису — по хвосту (арм., казах.); Волк никогда не бывает сытым (укр., белорус.); Волк меняет шерсть, а характер никогда (русск.); Змея только шкуру меняет, но не повадки (арм., укр.)* и др.

Давно замечено, что к ключевым культурным компонентам многих народов относится понятие *добра и зла*, без анализа которого не представляется возможным описать культуру любого этноса адекватно. Безусловно, для языкового сознания современных носителей языка многие слова и понятия лишены внутренней формы, поскольку она забылась, стерлась. Но для осознания аспектов этнического мировоззрения.

Так, *добро и зло* четко противопоставляются в армянских, русских, украинских, казахских народных пословицах: *Доброе имя дороже сокровищ мира (казах., татар.); Хоть ты свершил давно, добро иль зло, глядишь — назад оно к тебе пришло (башк.); Доброе слово, как летний день, злое слово, как зимний день (тадж.); Истинная добродетель не нуждается в слове (еврейск.); Уча людей добру, сам помни о добре (евр.)* и др.

Замечено, что такое качество человека, как *лень*, противопоставляется *трудолюбию*: *От слова до деяния большое расстояние (тадж.); Зима заставит идти на заработки (арм., укр.); Ленивая рука покоится на пустом желудке (башк.); Ленивому всегда праздник (укр.); Труд и горы сваливает (укр., белорус.); Работка грязна, да денюжка бела (арм.); Рука сама по себе — золотой браслет (арм.)* и др.

Известно, что в разных языках семантически близкие пословицы могут по-разному осмысливать один и тот же образ, поэтому установление межъязыковых параллелей важно также для релевантного сопоставления

пословиц в разных языках. С этой целью, кроме буквального перевода, прибегаем к так называемому семантическому эквиваленту. Тогда можно сказать, что существует много вариантов одной и той же поговорки, бытующей у разных народов, когда поговорки отличаются друг от друга только реалиями. Достаточно привести примеры поговорок, которые нами обнаружены у разных народов, проживающих в Оренбургской области, например: *И скворец никогда не запоет по-соловьиному* (арм., морд.); *Дурак не спутник, осел не советчик* (казах., башк.); *Не все песни до конца поются* (башк.); *Глазам боязно, рукам страх невдомек* (русск.); *Стыд не дым, глаз не ест* (русск.); *Собачьих глаз дым не ест* (русск., арм.); *Весной волк шерсть меняет, а повадки никогда* (татар., башк., морд.); *В Симбирске телка рубль, да перевоз тысячу* (чуваш., морд.); *Кто пытается ухватиться за борта двух лодок, тот обязательно потонет* (башк., казах.); *За двумя зайцами погонишься, ни одного не убьешь* (русск., казах.); *Если бы предыдущий знал, что будет говорить следующий, он бы совсем не говорил* (арм.); *И на хорошем дереве сучья есть* (морд.) и др.

Существование близких по смыслу паремиологических единиц у разных народов еще раз доказывает выводы известного лингвиста А.А. Потебни. А.А. Потебня еще в прошлом веке обратил внимание, что поговорки представляют собой нечто схожее с алгебраическими формулами. То, что делает алгебра по отношению к конкретным величинам, то же — и поговорка по отношению к пространственным текстам³.

Эта мысль получила дальнейшее развитие и углубление в трудах более позднего времени (Г.Л. Пермяков, Ю.А. Гвоздарев, Л.Б. Савенкова и др.).

Как нами было уже отмечено раньше, поговорка иконична, следовательно нельзя не согласиться с положением, что поговорка — знак определенной ситуации или знак определенных отношений между предметами и вещами. Чрезвычайно интересна в этом плане работа Г.Л. Пермякова, предложившего «теорию клише». Автор считает, что поговорку делают не реалии, а логическая конструкция, реалии же выступают лишь в качестве «строительного материала»⁴. Что и подтверждает мысль об иконизме поговорок. Из одних и тех же реалий, например, *лес* и *звери* (которые сами по себе не представляют никакого изречения), в зависимости от характера объединяющей их логической связи, получаются у разных народов совершенно разные поговорки. Сравним: *Каков лес, таковы и звери* (башк.); *Был бы лес, а звери будут* (чув.); *Если верблюду понадобится чертополох — он вытянет шею* (арм.); *На крапиве груши не рождаются* (арм.); *От соловушки — соловушка, от сверчка — сверчок* (тадж.); *С умом — подумаем, а без ума сделаем* (чув., башк.); *Не думал не гадал, как в беду попал* (башк.); *Сколько заяц в норе ни прячется, а волку в зубы попадет* (тадж.); *Дурак не спутник, осел не советчик* (башк.); *Что*

хочешь, делай, Пуги Петросом не станет (арм.); Чужие деньги считать – не разбогатеть (арм.) и др.

Наличие таких структур (логических моделей) объясняет, почему у разных народов, территориально отдаленных друг от друга, существуют очень похожие по форме и содержанию пословицы. Сравним:

Куда не поедешь, везде одно солнце, хотя солнце одно, но народ разный (чув.); Чужую крышу кроет, а своя течет (арм.); Сапожник без сапог (русс.); Ягненка хвалят весной, а цыпленка – осенью (арм.); Цыплят по осени считают (русс.); И медведь думает, что его медвежата самые красивые (морд.); Поет ворона вороненку: «Мой беленький!», ежиха говорит ежонку: «Мой мягонький!» (морд.); Лягушке ее головастики кажутся лучом солнца (башк.) и др.

Такие образования нельзя считать чистыми заимствованиями одного народа у другого. Это реализация международных мотивов в устном народном творчестве согласно заданным логическим структурам. Взаимодействие и взаимопонимание, взаимопроникновение культур, языков приводит, конечно, к заимствованиям. Но, заимствуя, народ, как правило, творчески перерабатывает ту или иную пословицу или поговорку. Это может быть лексическое преобразование. Достаточно сравнить две пословицы, например, русского и армянского народов: *В руках мастера ремесло как в плену (арм.); Дело мастера боится (русс.)* или пословицы: *Рука руку моет – обе чисты бывают (русс.)* и *Рука руку моет, а обе – лицо (арм.)* и др.

Каждый народ наполняет пословицу своим содержанием. Это могут быть и отдельные слова, отражающие специфику каждого языка и каждого народа, и целые выражения, характерные для каждого народа. Это могут быть и имена собственные (антропонимы или топонимические названия). Как показывают наблюдения, и введение конкретных имен собственных и топонимов в основном используются для рифмы во внутрифразовом контексте, а также иногда обладают вторичной номинативной функцией, указывая на принадлежность «героя» пословицы к определенному полу и отмечая какие-либо поведенческие характеристики, присущие данному полу, и потому носителю данного имени. Иными словами, антропонимы в пословице максимально семантически упрощены, их роль сводится к функции местоимения кто-то (Ашот, Петрос, Пуги – у армян; у русских – Иван, Марья, и т.д.)... Примером могут служить следующие армянские и русские пословицы.

Согрешил Айрапет, а в ответе Карпет (арм.); Та же Марья, только в другом сарафане(русс.); Пока Сусанна наряжалась, служба в церкви кончилась (арм.); Сколько ни старайся, из Пуги Петроса не сделаешь (арм.); В Индию поедешь, есть надежда на возвращение, а в могилу уйдешь – надежды нет (арм.); Влюбленному и Багдад не далек (арм.) и др.

Как показал анализ лишь нескольких пословиц армянского и русского народов, в них можно обнаружить их семантическое сходство.

Лингвистический анализ пословиц разных народов говорит о том, что в основе таких образных пословиц лежат обычно метафоры. Например:

Одну веревку развяжешь, развяжешь и много (арм.); Красота на время, а доброта навека (арм.); Настоящая дружба – чистый родник (арм.); Была лошадь – искал хомут, нашел хомут – лошадь сдохла (тадж.); Чем рост с верблюда, лучше уж ум с пуговицу (башк.); Хорошо худо не живет (русск.) и др.

В основе других пословиц может быть и стилистический прием, такой, как метонимия. Это иллюстрируют следующие примеры:

Не двинешь рукой – не двинешь и ртом (тадж.); Кто выпил молоко – остался цел, а кто посуду облизал – попался (башк.); Слово – стрела, выступишь – не вернешь (арм., азерб.); Мать дороги – копыта, мать разговора – уши (чув.) и др.

Многие пословицы разных народов с точки зрения языковых особенностей построены на основе гиперболы. К таким пословицам можно отнести некоторые пословицы разных народов: *Рука сама по себе золотой браслет (арм.); Имеющий тысячу друзей – спасся, имеющий тысячу голов скота – погиб (башк.); Не имей сто рублей, а имей сто друзей (рус.); Шилом моря не нагреешь (рус.); Пьяному море по колено, а лужа по уши (рус.); Под одним деревом можно приютить тысячу овец (арм.); Незнающий избавлен от тысячи бед (тадж.); Кто силен руками – одного повалит, кто силен знаниями – тот тысячи повалит (арм.)* и др.

Для того чтобы выявить общность и специфику национальных пословиц и поговорок, нами использовался метод тематической подачи материала, разработанный Г.Л. Пермяковым. Пословицы и поговорки являются не знаками определенных ситуаций, а *логемами* – все пословицы одного смысла у разных народов являются вариантами одной и той же ситуации, т.е. пословица сохраняет способность сигнализировать о типовой ситуации или отношении между вещами.

Подобная классификация ситуаций положена в основу логикотематических классификаций пословиц и поговорок некоторых сборников разных народов.

Как показал анализ лишь небольшого количества паремиологического фонда разных народов, каждый народ спрессовывает в пословицы свой собственный опыт, но как часто он совпадает с опытом других народов. Следовательно, любая пословица несет на себе нестираемую печать национального характера, национальной судьбы, является отражением языковой картины мира каждого народа.

Примечания

1. Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1957. С. 12.
2. Савенкова Л.Б. Русские паремии как функционирующая система АДД. Ростов н/Д., 2002. С. 17.
3. Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Изд. 3-е. Харьков, 1930. С. 47.
4. Пермяков Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока. М., 1979. С. 8.

Т.Ю. Скопинцева

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ РУССКИХ СЕЛ ОРЕНБУРЖЬЯ: НА ПРИМЕРЕ ФОЛЬКЛОРА с. НИЖНЯЯ ПАВЛОВКА

Понятие «народная традиция» трактуется сегодня достаточно широко. Однако, при всех подходах, существенным фактором в трактовке народной традиции и народной культуры является этническая или национальная компонента. Можно сказать, что народность традиции и культуры обязательно выражается в этнических или национальных характеристиках. Этничность — это то, что нельзя «обойти» при любой работе с народной культурной формой. Наиболее привлекательные формы этничности с упрощенным «распетым, *растанцованным*» строением получают сегодня широкое распространение среди любителей фольклора и становятся «общими», перешагивая границы регионов. Подобные культурные тексты тиражируются и выкладываются в Интернете. Так традиционная форма унифицируется и региональная специфика, красота «особенности» своей (не общей) культуры, «...лица не общее выражение...» — уходит. Кто-то может возразить — дескать, ничего страшного, все в порядке, ушло одно, а пришло другое, петь не перестали! Действительно, универсальное, живое начало традиционной жизни, трансформируясь, остается в практике. Однако в этом случае не надо говорить о региональной специфике.

В чем выражается специфика *региональности* традиционной формы, хорошо знают специалисты-теоретики. Региональная специфика традиционного пения коренится между нотами *до* и *ре*. Она в том, что за пределами унификации. Традиционное пение — это интонирование, *спады* и *подъемы*, жестика и пластика голоса и тела. Это нам поясняет музыкант-

теоретик, доцент Московской консерватории Савельева Нина Михайловна, знаток региональной специфики Оренбургского фольклора. За ее плечами более 20 лет «собираательской», полевой работы в русских (крестьянских и казачьих) оренбургских селах. Учитывая сказанное профессионалом, любой выход за пределы региональности, унификация формы – это уход от задач сохранения региональной специфики. Это сведение традиции к общей мелодии, к переведенному на язык литературы тексту – утрата той самой уникальности культуры региона, о которой мы ведем речь. Здесь сталкиваются две проблемы – проблема музеефикации культурных форм и проблема их тиражирования. Обе проблемы решаются только усилиями профессионалов. Важная роль в их решении принадлежит системе подготовки специалистов.

Среди артефактов, попадающих под определение культурного наследия, можно выделить материальные и нематериальные формы. Нематериальное, духовное прошлое сохранено в толщах обыденности и в различных проявлениях народного духа. Как выяснилось, с материальными артефактами дело обстоит не очень хорошо – рушатся исторические здания, рассыпаются в вековую пыль курганы, затеваются на местах старых городов промышленные и иные стройки, обращающие еще сохранившиеся следы прошлого в небытие. Однако еще хуже дело обстоит с явлениями нематериальными. К таковым относятся все проявления народной традиции – обычая, обряда, песенного и танцевального фольклора...

Бесспорная ценность традиционной культуры никем не опровергается, необходимость ее сохранения также не ставится под сомнение. Однако содержание и структура современных городских и сельских праздников, в которых пылкий взгляд фольклориста и культуролога пытается выявить след традиции, заставляет задуматься о проблеме сохранности прошлого, его народной истории...

В научной и обыденной практике уже сложились формы и способы отношения к наследию: материальные актуальные артефакты пускаются в оборот и становятся основой для извлечения какой-либо (в больших случаях – актуальной) пользы. «Зримые» ценности художественной культуры в целом ряде случаев попадают в хранилища музеев и пополняют реестры различных выставок. Традиции наших предков не имеют этих форм сохранения. Их носители живут и меняются вместе со временем, их создавшим. Песни и обряды хранятся в сердцах и душах. Они имеют коллективную природу бытования, сложно, а в ряде случаев – невозможно сохранить такой материал в одиночку. Все социальные катаклизмы высекают не только микро- и макрообшности, семьи и деревни, но и традиции, которыми они живут. На сохранности традиции отражаются различные формы изменения социальных условий, на которые так богата

русская и российская история: переселение с насиженных мест, изменение социальных иерархий, разрушение привычных способов адаптации. Усложнение культуры ведет к разрушению привычных ареалов бытования традиционных форм, их ослаблению, возможному искажению или уничтожению.

После крушения советской идеи построения нового мира на развалинах старого ценность прошлого нашей культуры уже никто не опровергает, хотя оценка вызывает споры. Механизм отношения к прошлому (увы!) сложился и закрепился в нашей обыденной и официальной практике. Ценность искусственного артефакта исторически соединилась с ценностями мира официальной – искусственно созданной культуры. Искусственное и официальное на протяжении всей русской и впоследствии российской истории доминировало над традиционной жизнью, воспринимавшейся как сама природа – дикая, не требующая заботы и охраны.

В случае отсутствия возможности увидеть, услышать и прочувствовать записанный «текст» о народной культуре основным способом ее воссоздания остается ее интерпретация. Интерпретация хороша уже тем, что включает чувства, к которым относятся и патриотизм, и любовь к Родине, и политические пристрастия. Субъективность профессиональной интерпретации не проповедует народную культуру «вообще», вне ссылок на время и место, без указаний эпохи и региона России. Она предполагает адресность, авторство и ответственность.

Присущий традиционным формам способ освоения традиции основан на *проживании* формы, погружении в традиционный смысл. Этот путь уводит в прошлое, в синкретизм формы и содержания. При работе с вербальным или стилизованным экраным текстом для этого требуются специальные знания о народной культуре, народной традиции, этнографии. Если таковых нет, грамотная работа затруднительна и для многих невозможна. Народоведение требует пояснений, обширных комментариев и иллюстраций. Проблема может быть затруднена отсутствием целостности в самом фольклорном и этнографическом материале¹, его фрагментарности. Это происходит потому, что многие «носители» информации получили знания в раннем детстве, когда в силу своего возраста в обрядовой традиционной культуре они не были глубоко задействованы, многого не видели и не знали. В советский период традиционные действия не воспроизводились и утратились а старшее поколение – знатоки, когда-то исполнявшие семейно бытовые и календарные «тексты», сегодня (по возрасту) отсутствуют. Хочется показать уровень сохранности этнографического и фольклорного материала в одном из оренбургских сел, когда-то имевшем прекрасный певческий коллектив, сегодня уже утраченный. Наш рассказ о свадебной традиции с. Нижняя Павловка

Оренбургского р-на Оренбургской области записан в 1996 году². В селе исторически проживали переселенцы Пензенской и Тамбовской губерний. Концы села назывались Пензяки, Тургай, Мордва. Исторически старожилы различали Нижнюю и Верхнюю Павловки, где тамбовская и пензенская традиции сливались и разъединялись, оформляя единую свадебную форму и вспоминая, в чем было различие. Переселенцы Пензенской губернии имели и мордовские корни³.

В 1996 г. мы собрались для того, чтобы вместе восстановить ход свадебной традиции. Мы вспоминали ход свадебного обряда в селе и все действия ему сопутствующие. Поскольку старожилы помнили свои обычаи не по рассказам, наша беседа прерывалась комментариями по поводу разных обрядовых действий на разных «концах» села⁴.

Сватовство, как и принятие, в русской традиции связывалось с сакрализацией обрядового пространства, с сакральными атрибутами русской избы. Сватали «крестный, крестная – человека 3–4» – сваты входили в избу и садились под «матку»⁵. Разговор начинали издалека: «Здрате-здрате, говорят, у вас курочка⁶ есть – у нас петушок, давайте их загоним в один клевушек!». Если родители невесты выказывали согласие то к сватам выводили невесту и спрашивали, пойдет ли она замуж. Только получив ее согласие, на стол выставляли угощение, которое, как правило, сваты приносили с собой. Вся компания некоторое время сидела у невесты, после чего шла в дом жениха. В доме жениха сватов ждали, здесь угощение могло быть обильным, а само действие в седее женщины называли «лавки глядеть». Бедность и невозможность пышных празднеств иногда сразу после сватовства предполагала «запой»⁷.

По традиции невеста готовила обязательное приданое и подарки жениху и его родне. Материальное оснащение молодых в традиционной культуре оговаривалось, ничего не проходило мимо внимательных глаз сватов и свашек. В приданое невесты обязательно входила «постель» – все необходимое для нее. Утром перед свадьбой специально выбранные родственники несли приготовленные невестой постельные принадлежности в дом жениха. Это шествие сопровождалось пением – пели «Веряя моя, верешка». Женщин и родню «с постелью» встречали в доме жениха, постель «продавали» и «покупали». Шутки и каламбуры сопровождали этот веселый торг. Во всех действиях в доме жениха принимали участие все присутствующие родственники, собравшиеся с раннего утра. Это была близкая родня, среди собравшихся назначали «чины», обязательные «чины» – дружка, полдружка, свашка. Для всех собравшихся накрывался «столик». Женщин с «постелью» угощали, после чего свадебный поезд мог выезжать за невестой. Отъезду предшествовало благословение жениха отцом с матерью. После этого свадебный поезд был готов ехать к невесте.

Подруги невесты собирались в ее доме с вечера, чтобы взять веник для бани. Шли к жениху — пели «Нас по сеньюшкам...» Веник в доме жениха готовили родственники, наряжали лентами, вместе с веником жених передавал девушкам мыло и одеколон⁸. Когда подарки (веник, мыло, одеколон) девушки приносили в дом невесты, невеста и все подружки шли в баню⁹, после чего подружки оставались в доме невесты. Невесте в последний раз заплетали косу, для девушек готовили «печальный ужин». В этот вечер девушки оставались ночевать в доме невесты.

Рубашку, сшитую для жениха девушки ранним утром перед свадьбой несли в дом жениха, пели «По зорям ли зорюшка». В доме жениха девушек ждали, специально для них готовилось угощение. Вернувшись, девушки «собирали» невесту к венцу. Девушки невесту «славили», а она «вопила» родителям, крестным. Предполагалось прощение с родней и оплакивание девичьей жизни, которая уходила навсегда: «Разродимая моя матушка, благослави меня во путь во дороженьку, ва чужи люди, ва незнамые». За столом в доме невесты сидели «девки, дети какие»¹⁰. Они участвовали в «выкупе невесты». Выкуп вели дети и девушки. Рассказчицы поясняли: «Когда молодых собрали, жених приезжает, вначале даже не слазит с подводы, только вслед за дружкой и свашкой заходит в дом за невестой»¹¹. Когда жених приезжает за невестой, дети сидят, им в рюмочки деньги бросают, невесту выкупают¹². Невеста выкуплена и за стол усаживаются поезжане. Девушки поезжан «обыгрывают»¹³. Невесте в этом застолье поют «В пятницу Маша была весела». Стол, за которым сидела невеста, всегда накрыт скатертью. Когда невеста выходит из-за стола, подружки ей шепчут: «Дерни за угол скатерти!» — и невеста дергает, чтобы подружки тоже следом за ней вышли замуж.

Женщины поясняют, что после выкупа дружка выводил невесту и усаживал «в свои»¹⁴ сани, а жених садится в свои. Невеста на санях вставала, кланялась на четыре стороны, а когда сани трогались, бросала «за спину» «слезный платочек». Поезд отъезжал и все родные невесты запевали: «Сторона-ль моя сторонушка», родители невесты при этом не присутствовали — они не выходили из дому. По традиции родители и в окна не смотрели, сидели «в переднем углу»¹⁵. Когда молодые из дома вышли, родители три раза целуются, чтобы невесте с женихом хорошо жилось. После отъезда молодых в церковь в доме родителей невесты для соседей накрывали угощение «веселый стол».

Невесту с женихом дружка выводит на улицу в тишине, никаких песен при этом ни на Верхней ни на Нижней Павловке женщины не вспомнили. Дружка выводил молодых за полотенце и обходил весь поезд. Крестная шла рядом с иконой¹⁶. Процессия три раза обходила «поезд», дружка обращался ко всем собравшимся: «Люди званые и незваные, бла-

гословите нас ва путь ва дороженьку». Все собравшиеся ему отвечали: «Бог благословит!» — после чего «свадебный поезд» ехал в церковь¹⁷. Не играла гармонь, не было песен. Поезжане ехали вереницей, «на семи подводах в тишине». Когда с невестиного дома молодые отъезжают к венцу, на Нижней Павловке обязательно запевали «Запрягай-ка, Ванюшка, семь коней».

Когда обвенчали, молодые и поезжане выходят их ворот церкви — тут гармошки заиграли¹⁸. В Верхней Павловке как только вышли все из церкви, играла гармонь, все садились в повозки и свадебный поезд ехал к родителям невесты. Как только молодые подъезжали к дому родителей невесты, родня кричала: «Едут!». Родители невесты выходили за ворота всем вино, конфеты выносили, молодые выплескивали вино за спину. Когда родители невесты стояли у ворот своего дома — молодые круг специально объезжали, чтобы всем показаться и по улице круг проезжали. У дома могли останавливиться, чтобы поезжане зашли в дом невесты, где им подавали по рюмке вина, после чего все ехали в дом жениха. У дома жениха молодых встречали родители хлебом-солью: родители стояли в дверях, отец с хлебом, на хлебе соль; мать с иконой. Молодые целовали хлеб и икону и входили в дом. Их проводили в дальний угол дома, где кормили отдельно от всех. Дружка шел за сватями — «ехал собирать гостей».

Первая часть свадебного действия — дары. Молодых не сажали, они стояли и кланялись. В доме жениха собрались гости, все усаживались за стол, все выпивали первую рюмку, после чего к ним выводили молодых «кланяться». С молодыми шли дружка, свашка. Они подносили гостям рюмки и принимали дары¹⁹. После даров в Нижней Павловке начиналось обыгрывание всех гостей. Обыгрыва — означало петь каждому специальную свадебную песню — благопожелание. Это делали девушки, подруги невесты, специально для этого пришедшие («девки пели и собирали деньги»). Величать начинали с молодых, за величание молодых платил дружка. При «обыгрывании» на стол девушки ставили кружку, в которую те, кого величали, должны были положить деньги. Когда кружку ставили «под молодых», девушки пели: «А на ком у нас кудри русай» — деньги в кружку клал дружка. Отцу жениха пели: «Как у Пети за столом». Когда всех обыграли, девки уходят. «Как только приедут молодые, девки обыгрывают всех за деньги — как толь одорют их, девчонки(всех) обыграют и уходят», — поясняют женщины.

После этого начинается собственно свадьба. В свадебном застолье пели все собравшиеся. Обязательно звучали нижнепавловские традиционные песни: «Теперь нам попеть», «Уж вы, гости, вы гости мои», «Кум — куманек», «Кавыл — кавыл — кавылочик...», в Нижней Павловке обязательно «Где-ж ты, зайныка, гуляла...». Традиционное застолье не так велико — всем подают по три рюмки. Разнесли, по три рюмки подали, отец,

мать встают и запевают сразу «Пора-пора гостям с двора...» Женщины поясняют, что старики в застолье сидели обязательно: «Вперед шли старики, которые могут ходить — старшие впереду, люди скажут, без старых стол кривой». После застолья у жениха гости шли по жениховой родне, распевали: «Уж вы, гости, вы гости мои...».

Во второй день все шли в дом к невесте, а потом к тем из родственников, кто пригласит к себе: к крестным, теткам и другим родственникам. На утро второго дня свашка поднимала молодых. Собравшиеся с утра гости стучали в ведра — заставляли молодых идти за водой. Обычай существует и сейчас — на второй день гости наряжаются и едут позывать, гремят в ведра: «Воды нет!» Молодых за водой гонят, а как только они подойдут к дому с водой — им воду выльют! Так может повториться несколько раз. Одна их рассказчиц вспомнила, что мать жениха утром после ее свадьбы надела старенькую юбку и при ней ее порвала: «Купит ли сноха юбку?». Она в ответ согласилась: «Куплю».

На второй день утром гости цыганами наряжаются и ходят по селу — курей ловят, чужих курей воруют. Эти куры шли на лапшу для гостей. В доме жениха на второй день собирались ряженные, все вместе шли к теще на блины. Жениху подавали блюдо с блинами — он разбивал тарелку, которой были накрыты блины. Гостей в доме невесты встречали с радостью, родители жениха и невесты готовили друг другу гостинцы.

На третий день, когда гости собрались, все усаживались за столы, всем подавали по рюмке, а потом к гостям выходили молодые, начиналась «калинка». Третий день так и называли — «калинка». «Калинка» проходила так: когда молодые вышли к гостям, свашка выкладывала на тарелку калину, доставала мешочек с хлебом, хлеб был кусочками нарезан. Подходил дружка — он держал рюмки, поставленные на тарелку. Жених разливал в рюмки вино. Свашка накладывала ягоды калины в каждую рюмку. Невеста подавала закуску, а все гости запевали «Калинушку ломала». Свадьба могла идти и более трех дней, но три — обязательно.

Этнографические и фольклорные тексты сегодня воспроизводятся в учебных курсах, в этнографических и фольклорных коллективах. Специфика изучения такого текста, его синкретическая природа требует образности, игры, эмоциональности. В проблеме интерпретации культуры в молодежном или возрастном художественном коллективе можно выделить способность педагога, во-первых, оценивать культурную форму (песню, сказку, обряд), соотносить ее с историей народа; во-вторых — его умение раскрывать традиционный образец в той «антропологии», в которой данная форма могла быть прочувствована как своя. Это обеспечивается знанием истории своих мест и тех людей, которые прожили в этих местах свою жизнь.

Примечания

1. Если материал был записан фрагментарно, и при его реконструкции требуются специальные знания.

2. Расшифровка записи от 19.06.1997 г., сделанной в с. Нижняя Павловка Скопинцевой Т.Ю. при подготовке к этнографическому концерту.

3. Трудно представить, как сохранилась традиция мордовских переселенцев, но их потомки щепетильно отнеслись к русскому наследию. Воспоминание о ходе свадебного обряда во времена нашей записи было более подробным, хорошо детализированным — возможно это произошло по причине локальности этой традиции. Женщины с Пензенского конца не входили в состав «самодеятельности» села и их репертуар не прошел сито «сценической» адаптации.

4. Запись сделана 6 июля 1996 г., с. Нижняя Павловка, от: 1) Сарычевой Лидии Степановны, 1935 г.р., урож. с. Н. Павловка; 2) Сарычевой Раисы Емельяновны, 1938 г.р., урож с. В. Павловка; 3) Сарычевой Полины Яковлевны, 1928 г.р., урож. с. Н. Павловка; 4) Слободсковой Анастасии Дмитриевны, 1927 г.р., урож. с. В. Павловка; 5) Пресновой Марии Никитичны, 1931 г.р., урож. с. Н. Павловка; 6) Горбуновой Анастасии Петровны, 1926 г.р., урож с. Н. Павловка; 7) Ивановой Валентины Трофимовны, 1928 г.р., урож. с. Н. Павловка.

5. Матка, матица — поперечная, несущая балка избы.

6. Обычное обращение было по поводу курочки, телочки, ярочки, которой нужна пара

7. Запой — ключевой момент досвадебного обрядового действия. Запой в некоторых селах Оренбуржья праздновался так же пышно, как и свадьба. После зароя свадьба, как правило, была обязательна, а разрыв свадебного договора предполагал судебную ответственность.

8. Это были высокодефицитные и ценные подарки.

9. Действие в бане, «смывание девичьей красоты» наши рассказчицы не вспомнили, хотя в традиции это важный момент прощания невесты с «девичьей волей», «девичьей красотой».

10. Дети и девушки по традиции сопровождали невесту в свадебном обряде (обряде перехода) до момента соединения молодых за свадебным столом (более архаичский вариант) или до отъезда в церковь.

11. В Нижней Павловке, на тамбовской стороне.

12. В Верхней Павловке.

13. Обыгрывают — поют им величальные песни, благопожелания, что является обязательной охранительной магией, принадлежит далекой архаической традиции.

14. В сани от семьи невесты — в церковь молодые едут раздельно.

15. В церковь ездили «посаженные родители».

16. Когда поезжане рассаживаются в свои повозки, дружка с караваем трижды обходит сани, свашка идет рядом с иконой.

17. Песен не пели.

18. Гармошка — новационный инструмент, вводился в структуру свадебного обряда, когда «ткань» традиционного действия «разрывалась». Церковная часть свадебного действия, более поздняя, была таким «разрывом». Застолье — традиционное действие, гармошки не предполагало.

19. Подарки, которые родственники приготовили молодым.

БОЛЬШАКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ КАК ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОРУМ ПО ОБСУЖДЕНИЮ ПРОБЛЕМ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ КУЛЬТУРЫ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Вот уже пять лет в Оренбурге регулярно собирается региональный научный форум по обсуждению проблем истории и современного состояния культуры Южно-Уральского региона. Сегодня он играет роль центра консолидации специалистов в области культуры Южного Урала. Об истории этого форума и пойдет речь в статье.

Своим названием форум отдает дань памяти и уважения одному из подвижников культурного строительства Оренбургского края – Л.Н. Большакову. Леонид Наумович Большаков (1924–2004) – известный писатель, литературовед, краевед, почетный гражданин города Оренбурга. За свою творческую жизнь Л.Н. Большаков сумел познакомить читателей со многими неизвестными страницами в истории литературы Урала, «открыть» и незнакомые ранее имена, и неизвестные произведения. Новыми материалами обогатилась наука о Л.Н. Толстом, были дополнены страницы биографий А. Фадеева, Н. Островского, М. Джалиля... Благодаря исследовательской деятельности Л.Н. Большакова Южный Урал стал одним из крупных центров шевченковедения. О судьбе Т. Шевченко Леонид Наумович написал более 20 книг, среди которых – трехтомная «Быль о Тарасе», подробный комментарий дневника Шевченко периода его оренбургской ссылки. Ни одно имя, инициалы, географическое название, упомянутое на страницах дневника, не выпали из поля зрения исследователя, не остались без пояснения. Деятельность мыслителя в этой области была удостоена Государственной премии Украины. К числу «новых слов», сказанных в науке Л.Н. Большаковым, можно также отнести региональные литературные энциклопедии – Оренбургскую шевченковскую, Оренбургскую пушкинскую и Оренбургскую толстовскую энциклопедии. Л.Н. Большаков фундаментально исследовал историю Оренбургского тайного общества, создав триптих об «оренбургских декабристах».

Большаковские чтения были впервые проведены в марте 2005 г., через полгода после кончины Л.Н. Большакова. Инициатором их проведения стал Оренбургский государственный университет, в структуре ко-

торого в течение 10 лет действовал научно-исследовательский институт Тараса Шевченко, возглавляемый Леонидом Наумовичем. **Первые Большаковские чтения** прошли в значительной степени экспромтом и носили мемориальный характер, на них собрались самые близкие люди, лично знавшие человека, в память которого они проводились. Но уже тогда идея проведения Большаковских чтений имела положительный резонанс, о чем свидетельствуют отклики известных столичных и региональных ученых: профессора В.А. Петрицкий (Санкт-Петербург), Е.К. Дейч (Москва), В.А. Бабенко (Уфа).

К Первым чтениям издательство Оренбургского государственного университета выпустило полный биобиблиографический указатель трудов Леонида Наумовича, который как нельзя лучше свидетельствовал не только о колоссальном научном наследии, но и о многообразии интересов исследователя. Поэтому основной концепцией Большаковских чтений сразу же стала междисциплинарность. Было принято Положение о Большаковских чтениях как регулярной региональной научно-практической конференции по проблематике «Культура Оренбургского края: история и современность». В Положении указывалось, что «основной задачей и концепцией Большаковских чтений является создание площадки для объединения усилий ученых различных специальностей (культурологов, историков, филологов, искусствоведов и др.) в деле изучения культуры Оренбургского края во всем ее многообразии».

Тогда же было решено проводить последующие Большаковские чтения в марте, приурочив их к празднику «Шевченковский март» (большого культурного события в жизни Оренбурга и всего Оренбургского края), главным идейным вдохновителем и организатором которого был Леонид Наумович.

Вторые Большаковские чтения прошли в марте 2006 г., уже под эгидой администрации города Оренбурга. В приветственном слове к сборнику Вторых Большаковских чтений глава города Ю.Н. Мищеряков написал: «Учреждая Большаковские чтения, мы хотели не только увековечить память о замечательном человеке, но и сделать их научной площадкой для всех, кто заинтересован в обсуждении проблем культурного строительства в Оренбургском крае, стимулом для новых исследований. Именно поэтому девизом Большаковских чтений были выбраны слова, которыми Л.Н. Большаков закончил свою последнюю книгу: «Любить — это знать. Знать — это чтить, постигать, изучать».

Это уже была полноценная региональная научно-практическая конференция, в которой прослеживалась четкая тематическая направленность: мемориальный отдел; культура повседневности и культурный облик оренбуржца; этносы и конфессии в культуре Оренбургского края;

образовательные традиции Оренбуржья; книжное дело и библиофильство; художественная культура Оренбургского края; человек в пространстве региональной культуры. Эти темы стали традиционными и для последующих Большаковских чтений.

Доклады на Чтения представили 38 авторов, от студентов до докторов наук (если быть точным, 6 докторов и 15 кандидатов наук).

Оргкомитет конференции провел большую работу по привлечению к работе чтений иногородних участников – Москва, Петербург, Астрахань, Уфа, Краснодарский край. И такой подход также стал традиционной чертой Чтений.

В ходе Большаковских чтений выступали творческие коллективы, звучали украинские народные песни, декламация стихотворений Т.Г. Шевченко, что, несомненно, украсило научный форум и стало еще одной традицией.

Третьи Большаковские чтения были проведены в марте 2007 г. В них были сохранены основные традиции: 1) количество участников, доклады которых были отобраны для опубликования, снова составило 38 человек, однако удалось добиться усиления авторского коллектива: 10 докторов, 17 кандидатов наук, заслуженные деятели науки и культуры и, конечно, практические работники культуры (в первую очередь библиотекари). Организаторы отказались от практики широкого привлечения к работе чтений студентов и аспирантов, сделав ставку на сложившихся исследователей; 2) стабильное участие иногородних коллег (Санкт-Петербург, Москва, Екатеринбург, Уфа, Челябинск, Самара, Краснодарский край, Одесса, Луганск и др.); 3) сохранение деятельной поддержки и заинтересованного участия городской администрации и Оренбургской областной общественной организации им. Т.Г. Шевченко.

Удалось внедрить также некоторые новации, которые способствовали дальнейшему росту авторитета чтений:

– пристальное внимание участников к теоретическим основам изучения культуры Оренбургского края (на этом поприще выступили чл.-кор. РАН А.А. Чибилев, профессора М.Н. Ефименко, Н.А. Каргапольцева, Г.Г. Коломиец, Ю.Ш. Стрелец, Т.А. Камскова и др.);

– чтения обрели свой дом в центральной городской библиотеке им. Н.А. Некрасова, хозяева которой сумели создать особенную атмосферу теплоты и радушия;

– было принято решение проводить чтения с регулярностью 1 раз в 2 года, с целью поддержания их высокого научного уровня.

Четвертые Большаковские чтения прошли, как и планировалось, в марте 2009 г. и были приурочены сразу к трем знаменательным датам: 265-летию образования Оренбургской губернии, 195-летию со дня рож-

дения Тараса Шевченко и 85-летию со дня рождения Л. Большакова. В изданном альманахе чтений представлены 45 статей, среди их авторов – 11 докторов и 24 кандидата наук. Организаторы смогли добиться представленности на страницах альманаха коллег из всех основных вузов Оренбуржья. Был сохранен междисциплинарный подход к рассматриваемым проблемам. Впервые к обсуждению проблем культурного строительства Оренбуржья активно подключились, помимо работников библиотек, работники архивной отрасли. Думается, что это станет нормой для последующей работы.

Приезд и выступления на пленарном заседании чтений крупных литературоведов, профессоров Александра Андреевича и Валентины Николаевны Галич (Луганск, Украина) вызвали широкий резонанс у оренбургской общественности, отклики в прессе.

Пятые Большаковские чтения пройдут в марте 2011 года. Авторитет научного форума к настоящему времени достиг такого уровня, что очередные чтения пройдут при поддержке Поволжского филиала Института российской истории РАН – единственного филиала ИРИ РАН в Поволжском федеральном округе.

Традицией стало издание по итогам каждого Большаковских чтений научно-образовательного и культурно-просветительного альманаха краеведческой направленности. Его редакционную коллегию составили: Марченко Людмила Александровна, кандидат педагогических наук, заместитель главы города Оренбурга по социальным вопросам (председатель); Большакова Татьяна Леонидовна, преподаватель Оренбургского педагогического колледжа №1, член Союза журналистов России; Каган Илья Иосифович, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки России; Камскова Татьяна Александровна, кандидат педагогических наук, профессор, заведующая редакционно-издательским отделом Оренбургской областной универсальной научной библиотеки им. Н.К. Крупской; Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор Оренбургского государственного педагогического университета (научный редактор).

Концептуальными основами альманаха Большаковских чтений, помимо его краеведческого характера, являются: междисциплинарность; межрегиональность; просветительская программа.

О реализации принципа междисциплинарности мы уже говорили выше. Несколько слов о принципе межрегиональности. В рамках выработанной концепции под Оренбургским краем оргкомитет чтений и редколлегия одноименного альманаха понимают не только Оренбургскую область в ее современных границах, но весь Южно-Уральский регион (помимо Оренбуржья, это еще как минимум Челябинская область

и Башкирия), исторически развивавшийся в единых административно-территориальных рамках и после их утраты не потерявший культурной самобытности и региональной специфики, что требует самого пристального исследовательского и общественного внимания. Такой подход позволяет создать чрезвычайно востребованную в указанных субъектах федерации межрегиональную площадку, обеспечивающую горизонтальные связи между коллегами, занимающимися вопросами культуры региона, не допускающую самоизоляции научных и просветительских сообществ отдельных административных образований нашей общей Родины.

Одной из концептуальных основ существования альманаха является решение редколлегии о том, что в издании публикуются статьи, апробированные в ходе проведения регулярных одноименных научно-практических конференций. Это позволяет альманаху сплотить вокруг идеи краеведческого просвещения широкие круги интеллигенции и на практике, с помощью не только исключительно печатного, но и живого слова ведущих региональных специалистов реализовывать просветительскую функцию в широкой аудитории, фактически – просветительскую и образовательную программу на базе издания.

Полномасштабной интернет-версии альманаха не существует, однако на базе альманаха и при поддержке Оренбургского государственного университета на сайте научной библиотеки университета в рамках проекта «Оренбург. Шевченко. RU» действует постоянный раздел под названием «По страницам Большаковских Чтений» (http://artlib.osu.ru/site/index.php?option=com_content&task=view&id=442&Itemid=237). Помимо наиболее интересных материалов, опубликованных в альманахе в разные годы, здесь помещены фото- и видеоотчеты о проведенных презентациях I–IV выпусков Большаковских чтений, а также материалы к опубликованным в альманахе статьям, носящие отчетливо выраженный воспитательный и просветительно-пропагандистский краеведческий характер.

Таким образом, Большаковские чтения за короткое, но весьма продуктивное время своего существования, опираясь на авторитет ушедшего из жизни мыслителя и сложившуюся инициативную группу специалистов, смогли стать своеобразным центром внутри- и межрегиональной консолидации специалистов по истории и современному состоянию культуры Южно-Уральского региона.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ЭНЦИКЛОПЕДИИ ОРЕНБУРЖЬЯ (ИТОГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕНТРА ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ ОГУ)

В декабре 1995 г. в структуре Оренбургского государственного университета появилось первое научно-исследовательское учреждение гуманитарного профиля – «Институт Тараса Шевченко – Центр энциклопедических проектов».

Директором «ИТШ – ЦЭП» был назначен известный ученый-шевченковед, писатель Л.Н. Большаков (1924–2004), который до этого более двух лет (с марта 1993 г.) возглавлял общественный институт Т. Шевченко, учрежденный Оренбургским культурно-просветительным обществом.

Разработка энциклопедических проектов стала новым направлением в деятельности научно-исследовательского учреждения.

Следует также отметить, что Оренбургский НИИ стал первым научно-исследовательским учреждением в России, взявшимся за систематическое осуществление региональных энциклопедических проектов и за восемь лет работы в статусе университетского подразделения подготовил и выпустил в свет «Оренбургскую шевченковскую энциклопедию», «Оренбургскую пушкинскую», «Оренбургскую толстовскую», «Оренбургскую биографическую», а также энциклопедию восточных народов Оренбуржья «Караван-Сарай».

Вышеперечисленные энциклопедии с полным основанием можно назвать историко-культурными, так как в них собран огромный материал о людях, оставивших собственный след в истории и культуре нашего края.

Охарактеризуем каждое из названных изданий.

«Оренбургская шевченковская энциклопедия»¹ создана одним автором – Л.Н. Большаковым. Она как бы подвела итог более чем полувекового изучения периода пребывания украинского поэта в нашем крае. Ее созданию предшествовала колоссальная работа исследователя в архивах не только Оренбурга, но и Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Уфы, Киева, Алма-Аты, Вильнюса, Кракова и др., в результате которой им в разные годы было издано около 20 книг, посвященных жизни и деятельности украинского поэта в нашем крае, в том числе трехтомная монография «Был о Тарасе» (1993).

В биографии Т.Г. Шевченко с Оренбургским краем связан целый период жизни, что нашло отражение в подзаголовке «Оренбургской шев-

ченковской энциклопедии»: «Энциклопедия одиннадцати лет. 1847–1858. Тюрма. Солдатчина. Ссылка». Исследователь выделяет в своем труде три части: имена, названия, память.

В первой – автор характеризует всех (!), с кем столкнула украинского поэта ссылка, кто упоминается на страницах его дневника или в письмах.

Полторы тысячи персональных статей рассказывают об офицерах и солдатах, встреченных в Орской крепости и на Мангышлаке; об участниках важнейших общественных движений 30–50-х годов XIX в. (декабристах, польских ссыльных, петрашевцах, о тех, кто был отправлен в Оренбургский край за участие в солдатских и крестьянских бунтах, студенческих и офицерских кружках и т.д.). Много статей посвящено представителям народов, которые впервые открылись Шевченко в ссылке: казахам, татарам, туркменам, башкирам, каракалпакам, а также ученым, писателям, медиками, купцам, их детям, женам и др.

Следует отметить, что энциклопедические статьи в ОШЭ – не сухие лаконичные справки (автор называет их комментариями). Это, скорее, литературоведческие очерки, занимающие порою не одну страницу, они включают в себя цитаты из переписки украинского поэта с друзьями, архивных документов, даже художественных произведений; в них есть и размышления исследователя, и его оценки. При этом статьи строго документальны, обязательно содержат указание на используемый источник (а чаще – источники), что позволяет любому исследователю использовать документ при разработке многих тем, связанных с культурной историей нашего края. Благодаря этому названные в энциклопедии люди обретают портретные и личностные черты, а сведения о них сохраняют научный характер.

Во второй части так же подробно и тщательно даются географические описания всех (!) мест, в которых побывал украинский поэт в период солдатчины. Описаны переходы из Оренбурга в Орск, из Орска в крепость Раим, перечислены все места, отображенные Шевченко в художественных или живописных произведениях, упоминающиеся в его дневнике или письмах. Реконструированные Л.Н. Большаковым маршруты в настоящее время вполне могут стать основой для организации маршрутов экскурсионных, создания, к примеру, мемориальной шевченковской дороги и т.п. Кроме того, географические описания являются ценным справочным материалом для изучения южно-уральского региона.

Третью часть ОШЭ Л.Н. Большаков именует «энциклопедией в энциклопедии». В ней содержатся материалы об увековечивании памяти Т.Г. Шевченко в местах его неволи. Автор рассказывает о поэтах, писателях, ученых, артистах, в разные годы бывших гостями праздника «Шевченковский март», об ученых, выступавших на шевченковских научных

конференциях, проводимых в Оренбурге, о музейных работниках, участвовавших в создании шевченковских музеев в Орске и Оренбурге и т.д. В энциклопедии также содержится информация о памятниках и мемориальных досках, учреждениях, носящих имя Т. Шевченко и др.

Уникальность Оренбургской шевченковской энциклопедии, на наш взгляд, состоит в том, что любой факт исследователь рассматривает не сам по себе, а в целом жизненном срезе, который несет в себе многослойный поток информации о месте и времени действия. Последнее позволяет утверждать, что Оренбургская шевченковская энциклопедия является и солидным справочным изданием об Оренбургском крае.

Авторами-составителями «Оренбургской пушкинской энциклопедии»² стали ведущий сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук Р.В. Овчинников (1926–2008) и Л.Н. Большаков.

Эпиграфом к энциклопедии взяты слова А.С. Пушкина: «Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мною описанной, поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев и вновь поверяя их дряхлеющую память историческою критикой».

В самом деле, особенностью этого энциклопедического издания является то, что ОПЭ посвящена двум конкретным произведениям А.С. Пушкина – «Истории Пугачева» и «Капитанской дочке», их реалиям и всему тому, что было связано с предпринятой поэтом поездкой в Оренбург. Об этом говорят и подзаголовки к энциклопедии: «Путешествие-1833. Реалии «Истории Пугачева». Прототипы «Капитанской дочки».

При этом авторы-составители руководствовались твердой убежденностью в том, что любое имя, упомянутое Пушкиным в его главном историческом труде «История Пугачева», заслуживает отдельной статьи в энциклопедии, так что Оренбургская пушкинская энциклопедия является важным пособием-справочником для каждого, кто захочет углубиться в произведения Пушкина, посвященные эпохе Емельяна Пугачева, или будет заниматься исследованием этой яркой страницы русской истории. В этом смысле ОПЭ с полным правом можно именовать и как пушкинско-пугачевскую энциклопедию.

В «Оренбургской пушкинской энциклопедии» более восьмисот статей, из которых читатель получает поистине уникальные сведения. Например, о семье Пугачева: его первой жене – Софье Дмитриевне (урожденной Недюжевой), его второй жене – Устинье Петровне (урожденной Кузнецовой); его сыне Трофиме Емельяновиче, дочерях – Аграфене Емельяновне и Христине Емельяновне³.

ОПЭ включает в себя и статьи обо всех известных Пушкину уроженцах Оренбуржья, о людях, которые были связаны с ним различными уза-

ми. К примеру, читатель получает информацию о том, что в 1914–1917 гг. оренбургским вице-губернатором был Лев Анатольевич Пушкин, внучатый племянник великого поэта⁴.

На страницах Оренбургской пушкинской энциклопедии подробно сообщается о маршруте оренбургской поездки Пушкина (с указанием всех пунктов на каждом из ее этапов); о встреченных поэтом людях; о первых изданиях «Истории Пугачевского бунта» (впоследствии «Истории Пугачева») и «Капитанской дочки», ее театральных, кинематографических и музыкальных воплощениях; об исследователях «оренбургской» темы в творчестве Пушкина, об оренбургских пропагандистах и популяризаторах его творчества; о всесоюзных и региональных научных конференциях в нашем крае, посвященных жизни и творчеству А.С. Пушкина, и о многом, многом другом.

Думается, что авторы-составители Оренбургской пушкинской энциклопедии в своем обращении к читателям вполне справедливо отметили, что «их труд поможет и специалисту-исследователю, и пылливому читателю и почитателю А.С. Пушкина глубже понять поэта»⁵.

«Оренбургская толстовская энциклопедия»⁶ по своему жанру и строению энциклопедией в полном смысле слова не является. В ней нет ни алфавита имен и названий, ни энциклопедических статей. Это не справочник, а скорее, книга для чтения, посвященная отдельным страницам жизни и творчества Л.Н. Толстого. Об этом говорит и подзаголовок к энциклопедии – «Материалы. Поиски. Исследования. Хроника».

Как и Оренбургская шевченковская, Оренбургская толстовская энциклопедия явилась закономерным итогом работы Л.Н. Большакова по изучению биографических и творческих связей Л.Н. Толстого с Оренбургским краем. В ней собран весь материал, найденный оренбургским исследователем за десятилетия поисков: документально показаны личные связи писателя с Оренбургским краем, обстоятельства его поездок сюда, истоки навеянных здешними впечатлениями и событиями образов, произведений и замыслов; переписка с многочисленными корреспондентами из различных слоев населения и многие другие сведения.

Знакомясь с Оренбургской толстовской энциклопедией, видим, что Л.Н. Большаков впервые ввел в научный оборот ранее неопубликованные письма жителей Оренбургского края, проследил судьбы многих корреспондентов Льва Толстого, рассказал о крестьянине Егоре Лазареве – прототипе одного из героев романа Л. Толстого «Воскресение». Кроме того, разыскания оренбургского ученого позволили дополнить биографию писателя фактами о результатах пребывания Л.Н. Толстого в Оренбурге, о творческих замыслах, связанных с нашим краем.

Именно полнота охвата материала, посвященного теме «Лев Толстой и Оренбургский край», дала право автору назвать свой труд энциклопедией.

Следует отметить, что вся энциклопедическая трилогия (три тома оформлены в едином формате художником Ф.М. Аблениным) стали заметным явлением в литературоведческой науке: в журналах «Отечественная история», «Урал», многих газетах⁷, презентации Оренбургской толстовской и Оренбургской шевченковской энциклопедий прошли в государственном музее Л.Н. Толстого, в посольстве Украины в Москве.

В настоящее время можно с уверенностью сказать, что три региональные литературные энциклопедии вошли в историю Оренбуржья как яркое, масштабное явление в научной и культурной жизни Оренбургского края конца XX века и еще долго будут служить новым поколениям оренбуржцев.

Результатом деятельности Центра энциклопедических проектов ОГУ стало создание и издание «Оренбургской биографической энциклопедии»⁸, которая вышла в свет в 2000 г. Она стала первой в истории Оренбургского края и вообще первой региональной биографической энциклопедией в России.

Над ее созданием под руководством Л.Н. Большакова трудился целый коллектив авторов-энтузиастов – более семидесяти человек.

Солидный том вместил более двух тысяч лаконичных словарных статей об исторических личностях и современниках, жизнью и деятельностью связанных с Оренбуржьем.

В предисловии к Оренбургской биографической энциклопедии руководитель авторского коллектива обозначил цель и основные принципы, положенные в основу издания.

Во-первых, «организаторы и участники проекта старались охватить различные сферы человеческой деятельности, заполнить многие «белые пятна» в истории.

Во-вторых, «старались избегать ярлыков», так как в любой энциклопедии важны прежде всего точно выверенные и научно обоснованные факты; в ней не должно быть политической ангажированности и сиюминутных оценок. (Именно поэтому в биографическую энциклопедию включены статьи как о тех, кто боролся за Советскую власть, так и об их противниках).

В Оренбургскую биографическую энциклопедию вошли все Герои Советского Союза, Герои Социалистического Труда, полные кавалеры орденов Славы, академики, создатели научных направлений, многие писатели, артисты, художники.

«Оренбургскую биографическую энциклопедию» получили все библиотеки и школы области, ею пользуются во многих учреждениях, она

стала одним из самых необходимых справочников для всех оренбуржцев. Однако жизнь продолжается, выносит на гребень все новые имена и Оренбургская биографическая требует своего не просто переиздания – продолжения.

Еще в 2001 г., выступая на презентации Оренбургской биографической энциклопедии, Л.Н. Большаков сказал «Наверное, читатель найдет в ней не все имена, которые рассчитывал здесь видеть. Надеюсь, предполагаемый «Ежегодник» даст возможность называть всех достойных».

Думается, назрела необходимость в продолжении работы, начатой под руководством Л.Н. Большакова, тем более, что он сам приступил к формированию предполагаемого Ежегодника: сохранилась серия статей, которая могла бы быть включена в следующее издание или дополнительный том.

В марте 2003 г. «Институт Тараса Шевченко – Центр энциклопедических проектов» отметил свое десятилетие. В юбилейном сборнике, вышедшем в издательстве ОГУ, была впервые опубликована энциклопедия восточных народов Оренбуржья «Караван-Сарай»⁹. Построенная по тому же принципу, что и Оренбургская биографическая, энциклопедия «Караван-Сарай» содержит более трехсот статей о видных деятелях казахского, татарского, башкирского, других восточных народов, оставивших заметный след в истории Оренбургского края. В подготовке статей активно участвовал библиограф и книговед Ф.У. Бектемиров.

Следует отметить, что в «ИТШ – ЦЭП» позаботились о том, чтобы все перечисленные здесь энциклопедии вошли в мировую информационную сеть и стали доступны широкому кругу пользователей Интернета (www.orenburg.ru/culture/). Познакомиться с энциклопедиями можно и на сайте научной библиотеки ОГУ.

В августе 2004 года после ухода из жизни Л.Н. Большакова фактически прекратил существовать и возглавляемый им «ИТШ – ЦЭП», хотя имеющийся у научного коллектива «задел» позволяет продолжать начатую работу и в дальнейшем вывести ее на новый уровень. На наш взгляд, назрела необходимость возобновления деятельности уже не ИТШ, а «Центра энциклопедических проектов им. Л.Н. Большакова».

Анализ вышедших в Центре энциклопедических проектов ОГУ изданий дает возможность сделать несколько выводов.

1. Энциклопедии являются персонально-региональными, т.е. позволяют посмотреть на личность под разным углом зрения, когда судьба «героя» пересекается с другими разноязычными судьбами людей, историей, культурой, обычаями, духовной средой Оренбургского края.

2. Особенностью их стало сочетание исследования с литературным стилем: введением поэтических строк, фрагментов повестей, авторских образных комментариев.

3. При всей научной основательности все энциклопедические издания имеют просветительскую направленность. «Энциклопедии Большакова обращены к человеку, духу, душе, они несут *информацию по факту*, но представлены таким образом, что располагают к внутреннему диалогу, размышлению, пытливости — *постижению по смыслу...*»¹⁰.

Энциклопедии — издания особые, итоговые. В них отбирается самое важное и значительное, и, конечно же, абсолютно достоверное, научно проверенное. Сведения из энциклопедий часто становятся отправной точкой для новых исследований. Такие издания призваны служить не одному поколению, являются своеобразным мостом в будущее.

Оренбургские энциклопедии, выпущенные Центром энциклопедических проектов ОГУ, вбирают колоссальный фактический материал об историко-культурной жизни Оренбургского края и обеспечивают сохранение бесценного наследия для потомков.

Примечания

1. Оренбургская шевченковская энциклопедия. Тюрьма. Солдатчина. Ссылка. Энцикл. одиннадцати лет. 1847—1858. Оренбург: Печат. Дом «Димур», 1997. 510 с.: ил.

2. Оренбургская пушкинская энциклопедия. Путешествие — 1833. Реалии «Истории Пугачева». Прототипы «Капитанской дочери». Оренбург: «Димур», 1997. 519 с.

3. Там же. С. 343—347.

4. Там же. С. 349.

5. Там же. С. 11.

6. Оренбургская толстовская энциклопедия. Материалы. Поиски. Исследования. Хроника. Оренбург: Печат. Дом «Димур», 1997. 349 с.

7. См., например: Рахматуллин, М.А. Алгебру гармонией поверить?..: (к выходу в свет «Оренбургской пушкинской энциклопедии») // Отеч. история. 1998. № 6. С. 81—89.; Ложкова, Т. Диалог с историей: [Рец. на «Оренб. пушкин. энцикл.»] // Урал. 1999. № 6. С. 198—199.; Зильберман, Э. Оренбургская шевченковская энциклопедия // Лит. Украина. 1998. 5 марта. На укр. яз.; Марков, А. О чем рассказала энциклопедия // Волга (Астрахань). 1998. 11 авг.

8. Оренбургская биографическая энциклопедия / Авт. проекта и гл. ред.-сост. Л.Н. Большаков. Оренбург: Оренб. кн. изд-во; М.: Рус. книга, 2000. 336 с.

9. Караван-Сарай // Институту Тараса Шевченко — 10 лет / сост. Л.Н. Большаков. Оренбург: ОГУ, 2003. 178 с. С. 117—166.

10. Коломиец Г.Г. Персонально-региональные энциклопедии Л.Н. Большакова в свете культурной антропологии // Ученый. Писатель. Гражданин: материалы Первых Большаковских чтений: 18 марта 2005 / науч. ред. А. В. Кирьякова. Оренбург: РИК ОГУ, 2005. 80 с. С. 43.

ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННО- ВРЕМЕННОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ XVIII–XX вв.

Для анализа был использован список объектов культурного наследия Оренбургской области в современных ее границах, представленный отделом охраны объектов культурного наследия департамента по культуре и искусству Оренбургской области¹. В нем указаны объекты культурного наследия области, выявленные на 01.01.2008 г. Объективно существующие в области объекты культурного наследия и содержащиеся в этом списке не будут совпадать. В списке их всегда будет меньше.

Какой бы смысл ни вкладывался в понятие «культурное наследие», работа с официальным реестром объектов культурного наследия субъекта Федерации является *первоначальным* этапом решения проблем их пространственного распределения и возможного использования для развития региона. Официальный список позволяет проанализировать их видовое разнообразие, а также пространственное распределение в регионе. Только после проведения этой работы можно обоснованно предлагать выделение новых объектов культурного наследия в регионе.

Все объекты культурного наследия были распределены по историческим эпохам, основанием для выделения которых явилось традиционная для исторической науки периодизации истории России и Оренбургского края: XVIII век (с момента основания Оренбургской губернии в 1744 году), 1801–1861 годы, 1861 – февраль 1917 года, февраль 1917 года – 1922 год (период революции и гражданской войны), 1922–1991 годы (советский период), 1992 год – по настоящее время (постсоветский период)².

Исследователи Оренбургского края подчеркивали, что к началу российской колонизации в Оренбуржье этносы проживали обособленно, на что указывал еще П.И. Рычков³. Он указал границы этносов, подчеркнув, что «Яик исстари разделял башкирцев с киргиз-кайсаками»⁴. К этому периоду на его территории проживали как оседлые народы (русские, татары, мордва, удмурты, чуваша и др.), так и кочевники (казахи, башкиры и др.). Культура каждого этноса отличалась особенностями, что неизбежно отразилось на специфике культурного наследия края. Политика российского государства, направленная на расширение и укрепление южных границ империи, способствовала заселению этой

территории. «Пространство позволяло селиться, не нанося ущерба соседям, а сходство вмещающих ландшафтов способствовало конвергенции культур и этнокультурных региональных особенностей»⁵.

В процессе длительного совместного проживания происходило взаимопроникновение и взаимовлияние культур различных этносов. Одной из сторон этого процесса было нивелирование отдельных элементов этнической культуры. На протяжении всей истории существования Оренбургской области шло формирование общих культурных черт населения. Если в дореволюционный период этот процесс был связан с целенаправленным и стихийным освоением Оренбургского края, то в советский период доминировали целенаправленные процессы, которые связаны с индустриализацией страны, Великой Отечественной войной, освоением целины, строительством газового комплекса и т.д. Все эти процессы существенно повлияли на то культурное наследие, которое существует сегодня в Оренбургской области. К большому сожалению, многие объекты культурного наследия на сегодня не взяты под государственную охрану.

Все объекты культурного наследия Оренбургской области разбиты нами на 6 групп: культовые здания (церкви, часовни, монастыри, мечети), памятники гражданской архитектуры (усадебные, особняки, жилые дома, торговые центры и т.д.), памятные места (связанные с деятельностью выдающихся личностей или историческими событиями), памятники военной архитектуры (остатки рвов и крепостей и др. фортификационные сооружения, здания казарм, военных складов, штабов, гауптвахт и т.д.), памятные знаки и скульптуры, братские могилы. Данная видовая классификация объектов культурного наследия связана, во-первых, с имеющимся перечнем объектов культурного наследия; во-вторых, она согласуется с типизацией объектов культурного наследия, принятой в международных документах по их выделению и сохранению.

Распределение объектов культурного наследия по типам и историческим эпохам представлено в таблице 1.

Анализ проведенной видовой и хронологической дифференциации всех объектов культурного наследия, внесенных в официальный реестр, позволяет выделить 3 культурно-географических этапа развития пространства культурного наследия Оренбургской области с момента возникновения Оренбургской губернии по настоящее время. Историко-географическая характеристика выделенных этапов дает возможность вскрыть причины изменения пространственно-временной организации культурного наследия на разных этапах исторического развития Оренбургской области.

Таблица 1 – Распределение объектов культурного наследия Оренбургской области по типам и историческим эпохам

Название памятника	Шифр	XVIII в.	1801–1861	1861–1917	1917–1922	1923–1991	Всего
Культовые здания	А	2	17	50	–	1	70
Памятники гражданской архитектуры	Б	10	25	315	1	16	367
Памятные места	В	3	3	7	40	13	66
Памятники военной архитектуры	Г	4	6	8	–	–	18
Памятные знаки, скульптуры	Д	1	–	–	–	13	14
Братские могилы	Е	–	–	–	151	15	166
Всего		20	51	380	192	58	701

Таблица 2 – Пространственное распределение объектов культурного наследия XVIII в.

Название города (района)	А	Б	В	Г	Д	Е	Всего объектов
Оренбург	–	7 (54%)	3 (23%)	3 (23%)	–	–	13
Бугуруслан	–	–	–	–	1	–	1
Орск	–	–	–	1	–	–	1
Бузулукский	1	–	–	–	–	–	1
Тюльганский	–	1	–	–	–	–	1
Северный	–	1	–	–	–	–	1
Саракташский	1	–	–	–	–	–	1
Сакмарский	–	1	–	–	–	–	1

I этап – российская колонизация и освоение края – с 1735 по 1917 гг.

Данный этап подразделяется на 3 периода.

1 период – первоначальной российской колонизации – с 1735 по 1799 гг.

В данный период происходило первоначальное хозяйственное и военное освоение края российскими колонистами. Были основаны ключевые населенные пункты – Орск (1735), Бузулук (1736), Оренбург (1743), Бугуруслан (1748), создана Оренбургская губерния в составе Российской империи (1744). Указанные поселения строились как военные крепости, что привело к военизированному характеру многих сохранившихся от того времени объектов культурного наследия.

Большая часть объектов культурного наследия расположена в г. Оренбурге, здесь же наблюдается и их наибольшее видовое разнообра-

зие (памятники гражданской и военной архитектуры и памятные места). В других местах культурное наследие однородно по видовому составу. Это предопределило начало формирования узловой территориальной структуры объектов культурного наследия.

Одновременно территория губернии стала объектом целенаправленного переселения людей из «старой России» (от Суздаля до Поволжья), в первую очередь русского православного крестьянства (нерусские переселенцы составили 12,8%, в т.ч. самая большая этническая группа – украинцы, а также татары). Они принесли с собой земледельческую культуру.

Правительственный курс на поощрение дворянского землевладения привел к активному образованию помещичьих имений, которые создавались в лесостепной и лесной полосах, т.е. на северо-западе области. Южные районы и районы вдоль укрепленных «линий» земледельчески осваивались казаками (русскими, православными) из Оренбургского и Уральского казачьих войск.

2 период – активной российской колонизации – с 1800 по 1861 гг.

В этот период регион не утратил своего пограничного положения, города губернии по-прежнему являлись главным образом военно-административными центрами. Сформировалась узловатая территориальная структура объектов культурного наследия. Происходило углубленное хозяйственное и культурное освоение территории края на феодальной основе, свидетельствующее о ее дальнейшей активной колонизации. Видовое разнообразие объектов культурного наследия в данном периоде не увеличивается, но происходит существенное возрастание доли культовых зданий, что свидетельствует об увеличении и углублении духовной включенности территории Оренбургской области в культурное пространство Российской империи.

Новая волна заселения, истоком которой была центральная Россия (Тамбовская, Воронежская, Курская губернии), довела долю русского населения до 55%, и с тех пор и до сегодняшнего дня регион имеет статус «русского коридора» между тюркоязычным мусульманским севером (Башкирия, Татария) и югом (казахские земли). Наиболее интенсивный поток переселенцев направлялся в Бузулукский, Бугурусланский и Оренбургский уезды.

Расположение культовых объектов определяется этнокультурной историей территории. В районах, в которых исторически доминирует славянское и финно-угорское население (северные и западные районы области), преобладают православные культовые объекты, тогда как в районах, где традиционно преобладает тюркское население (восточные и южные районы области), – мусульманские.

Таблица 3 – Пространственное распределение объектов культурного наследия 1800–1861 гг.

Название города (района)	А	Б	В	Г	Д	Е	Всего объектов
Оренбург	4 (12,5%)	20 (62,5%)	2 (6%)	6 (19%)	–	–	32
Бугаруслан	–	2	–	–	–	–	2
Бугурусланский	–	1	–	–	–	–	1
Бузулук	1	–	–	–	–	–	1
Бузулукский	1	–	–	–	–	–	1
Грачевский	1 (50%)	1 (50%)	–	–	–	–	2
Илекский	1	–	–	–	–	–	1
Кувандыкский	2	–	–	–	–	–	2
Оренбургский	2	–	–	–	–	–	2
Первомайский	1	–	–	–	–	–	1
Саракташский	–	–	1	–	–	–	1
Северный	1	–	–	–	–	–	1
Тюльганский	2 (67%)	1 (33%)	–	–	–	–	3
Шарлыкский	1	–	–	–	–	–	1

3 период – наибольшей включенности в культурное пространство Российской империи – с 1861 по 1917 гг.

В данный период в связи с присоединением к империи среднеазиатских земель регион утрачивает приграничное положение. В 1862 г. Оренбургская крепость была официально упразднена, в 1881 г. в крае было упразднено военно-административное положение. В городах стали активно строиться объекты гражданской архитектуры. Анализ территориальной структуры культурного наследия свидетельствует о том, что процесс освоения территории Оренбургской области в этом периоде происходил не только вширь, но и вглубь. Об этом свидетельствует увеличение в доле культурного наследия объектов гражданской архитектуры и культовых зданий, причем не только в крупных населенных пунктах, но и в сельской местности.

В целом на данном этапе сформировалась линейно-узловая территориальная структура объектов культурного наследия.

С отменой крепостного права вся империя, в том числе и Оренбургская губерния, вступили в новый этап развития. Помещики, потерявшие право на эксплуатацию подневольного труда, стали активно привлекать переселенцев-арендаторов. В результате новой волны переселения к на-

Таблица 4 – Пространственное распределение объектов культурного наследия 1861–1917 гг.

Название города (района)	А	Б	В	Г	Д	Е	Всего объектов
Оренбург	18 (5,75%)	284 (89,75%)	5 (2%)	8 (2,5%)	–	–	315
Абдулино	–	4	–	–	–	–	4
Абдулинский	1	–	–	–	–	–	1
Бугуруслан	4 (29%)	9 (64%)	1 (7%)	–	–	–	14
Бузулук	3 (16%)	16 (84%)	–	–	–	–	19
Илекский	1	–	–	–	–	–	1
Кувандыкский	1	–	–	–	–	–	1
Октябрьский	1	–	–	–	–	–	1
Оренбургский	4	–	–	–	–	–	4
Орск	–	2 (67%)	1 (33%)	–	–	–	3
Пономаревский	2	–	–	–	–	–	2
Сакмарский	1	–	–	–	–	–	1
Саракташский	6	–	–	–	–	–	6
Северный	1	–	–	–	–	–	1
Соль-Илецкий	1	–	–	–	–	–	1
Сорочинский	3	–	–	–	–	–	3
Ташлинский	1	–	–	–	–	–	1
Шарлыкский	2	–	–	–	–	–	2

чалу XX века доля русских составила 70% населения губернии, башкир – 16%, татар – 6%, украинцев – 2,5% и т.д. Соответственно возростала территория, освоенная в русле славянской православной культуры.

Происходит рост городского населения. Наиболее крупным городом не только губернии, но и всего Урала к концу XIX века являлся Оренбург. Это предопределило его место как наиболее крупного средоточия объектов культурного наследия края.

II этап – советское развитие – с 1917 по 1991 гг.

Данный этап подразделяется на 2 периода.

1 период – поиска новых форм государственного и общественного устройства – с 1917 по 1921 гг.

В период революции, Гражданской войны и голода на территории края (1917–1921 гг.) в список объектов культурного наследия входят прежде всего братские могилы и памятные места. Только в Оренбурге список объектов культурного наследия пополнился за счет памятников гражданской архитектуры, но в незначительном долевым соотношении от обще-

Таблица 5 – Пространственное распределение объектов культурного наследия 1917–1922 гг.

Название города (района)	А	Б	В	Г	Д	Е	Всего объектов
г. Оренбург	–	1 (8%)	5 (42%)	–	–	6 (50%)	12
г. Абдулино	–	–	1 (50%)	–	–	1 (50%)	2
Абдулинский	–	–	–	–	–	1	1
Адамовский	–	–	–	–	–	1	1
Акбулакский	–	–	2 (33%)	–	–	4 (67%)	6
Александровский	–	–	–	–	–	2	2
Беляевский	–	–	–	–	–	1	1
г. Бугуруслан	–	–	3 (75%)	–	–	1 (25%)	4
Бугурусланский	–	–	2 (50%)	–	–	2 (50%)	4
г. Бузулук	–	–	6 (75%)	–	–	2 (25%)	8
Бузулукский	–	–	–	–	–	2	2
Грачевский	–	–	–	–	–	4	4
Илекский	–	–	2 (18%)	–	–	9 (82%)	11
Кваркенский	–	–	2(25%)	–	–	4 (75%)	6
Красногвардейский	–	–	–	–	–	3	3
г. Кувандык	–	–	–	–	–	1	1
Кувандыкский	–	–	–	–	–	5	5
Курманаевский	–	–	–	–	–	4	4
Новосергиевский	–	–	1 (9%)	–	–	10 (91%)	11
Октябрьский	–	–	1 (17%)	–	–	5 (83%)	6
Оренбургский	–	–	–	–	–	3	3
г. Орск	–	–	8 (80%)	–	–	2 (20%)	10
Первомайский	–	–	–	–	–	18	18
Пономаревский	–	–	1 (20%)	–	–	4 (80%)	5
Сакмарский	–	–	1	–	–	–	1
Саракташский	–	–	–	–	–	5	5
Северный	–	–	–	–	–	8	8
Соль–Илецкий	–	–	1(25%)	–	–	3 (75%)	4
г. Сорочинск	–	–	4(80%)	–	–	1 (20%)	5
Сорочинский	–	–	–	–	–	22	22
Ташлинский	–	–	–	–	–	5	5
Тоцкий	–	–	–	–	–	2	2
Тюльганский	–	–	–	–	–	5	5
Шарлыкский	–	–	–	–	–	5	5

го объема культурного наследия. В пространство культурного наследия этого периода вошли почти все административные единицы области, что привело к образованию дисперсной территориальной структуры объектов культурного наследия. Размещение объектов культурного наследия этого периода совпадает с местами, где проходили активные действия по установлению советской власти. Следует отметить, что могилы, относящиеся к этому периоду, большей частью принадлежат погибшим красноармейцам. Это связано с уничтожением могил, принадлежащим противникам советской власти. В связи с пересмотром исторической оценки событий этого периода, данная асимметричность выявленных объектов культурного наследия отрицательно сказывается на той роли, которое оно могло бы нести для характеристики данного этапа.

2 период – советской модернизации – с 1922 по 1991 гг.

В данный период произошло моделирование и развитие территории Оренбургского края в условиях модернизации «советского» образца. Территория Оренбургского края подверглась самому масштабному за всю свою историю промышленному освоению (серия электростанций, Ириклинская ГЭС, добыча промышленной нефти и газа, строительство Оренбургского газового комплекса, Гайского горнообогатительного комбината и

Таблица 6 – Пространственное распределение объектов культурного наследия 1923–1991 гг.

Название города (района)	А	Б	В	Г	Д	Е	Всего объектов
г. Оренбург	1 (3,5%)	14 (48%)	4 (14%)	–	9 (31%)	1 (3,5%)	29
г. Абдулино	–	1 (33,3%)	1 (33,33%)	–	–	1 (33,4%)	3
Адамовский	–	–	–	–	1	–	1
г. Бугуруслан	–	–	1 (50%)	–	–	1 (50%)	2
г. Бузулук	–	–	4 (58%)	–	1 (14%)	2 (28%)	7
Грачевский	–	–	–	–	–	1	1
Новоорский	–	–	–	–	–	1	1
г. Новотроицк	–	1 (33%)	–	–	–	2 (67%)	3
г. Орск	–	–	3 (50%)	–	1 (16%)	2 (34%)	6
Первомайский	–	–	–	–	–	1	1
Пономаревский	–	–	–	–	–	1	1
Соль-Илецкий	–	–	–	–	–	1	1
Сорочинский	–	–	–	–	–	1	1
Тоцкий	–	–	–	–	1	–	1

др.) и освоению целинных и залежных земель. В указанный период большинство населения области стало жителями городов, что предопределило размещение памятников культуры этой эпохи в первую очередь в городах (наибольший прирост, как и на всех предыдущих этапах, наблюдался в г. Оренбурге). Эти процессы породили ряд соответствующих объектов культурного наследия и сформировали их в мозаичную территориальную структуру, с элементами линейно-узловой структуры пространственно-временной организации объектов культурного наследия.

Данный этап характеризуется наибольшим видовым разнообразием объектов культурного наследия. Ни в каком другом периоде среди объектов культурного наследия нет такой представленности памятных знаков и скульптур. В то же время среди объектов культурного наследия очень незначительна доля культовых зданий. Тем самым характерные для данного периода особенности общественной жизни находят свое видимое отражение в объектах культурного наследия.

III этап – постсоветский – с 1991 года по настоящее время.

На данном этапе развития пространства культурного наследия нет ни одного относящегося к этому времени объекта культурного наследия, которое было бы внесено в официальный реестр. Пространство культурного наследия на современном этапе складывается из всех предшествующих этапов. В настоящее время наблюдается процесс признания объектов памятниками культуры вне зависимости от их «советской» или «антисоветской» ценностной нагруженности. Вместе с тем наблюдается процесс осознанного поиска и сохранения памятников, отражающих те события советской эпохи, которые ранее находились под запретом цензуры (в первую очередь, репрессии 1930-х гг. и «белая» составляющая Гражданской войны). Одновременно в условиях сложного финансового положения наблюдается физическое разрушение целого ряда объектов культурного наследия. На современном этапе развития пространства культурного наследия сложилась гибридная, мозаично-ячеистая территориальная структура с элементами линейно-узловой структуры объектов культурного наследия. Взаимодействуя и переплетаясь, разновременные слои пространства культурного наследия образуют сложный географический рисунок.

В заключение отметим, что в настоящее время идет активное освоение Оренбургского края народами Средней Азии, народами Кавказа, вьетнамцами, корейцами, китайцами. Все они имеют свои специфические культурные особенности, что порождает новую этнокультурную ситуацию в регионе. Нельзя не учитывать, что представители этих народов в основном заняты в сфере торговли. Новых материальных ценностей они, как правило, не создают. Для них характерно плохое знание русского

языка. Их дети стремятся получить не техническое образование, а юридическое и экономическое. Все это означает, что существующее в области культурное наследие будет выполнять функцию укрепления толерантности между этносами, проживающими в Оренбургском крае только в том случае, если в нем будет постоянно проводиться взвешенная политика по отношению к миграционным процессам и продуманная целенаправленная работа с мигрантами.

Примечания

1. Список объектов культурного наследия Оренбургской области на 01.01.2008 г. (предоставлен отделом охраны объектов культурного наследия департамента по культуре и искусству Оренбургской области).
2. История Оренбуржья / Сост. Л.И. Футорянский. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1996. 351 с.
3. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. СПб., 1762. 434 с.
4. Там же. С. 56.
5. Там же. С. 118.

Ф.А. Ветлугина

САМОПРЕДЪЯВЛЕНИЕ И ОВЛАДЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМИ РОЛЯМИ В МОЛИТВЕННЫХ ДОМАХ

Самопредъявление является неотъемлемой составляющей всякого межличностного общения. Каждый человек обучается ему, интуитивно перенимая образцы у окружающих его людей. Согласно научным данным, самопредъявление влияет на Я-концепцию личности и удовлетворенность своей жизнью.

Феномен самопредъявления имеет место в присутствии других или другого, в которых человек проявляет определенные свои качества, транслируя при этом тот или иной образ себя. Избирательный характер самопредъявления дает возможность создания различных образов «Я». Такая изменчивость, как правило, зависит от цели и ситуации самопредъявления. В соответствии с ними человек может корректировать собственное поведение по отношению к своему образу двумя способами. В первом случае он «управляет» впечатлением о себе и влияет на восприятие себя окружающими его людьми. Здесь человек ориентируется на «Другого», созда-

вая желаемый образ «Я» (проявление внешнего «Я»). Во втором случае его поведение соотносится с представлениями о себе, на основе которых и конструируется образ «Я» (проявление внутреннего «Я»).

Производными слова «самопредъявление» являются слова «самоподача», «самопредставление», «самопоказ». Этимологически перечисленные слова являются синонимами, но отличаются друг от друга коннотативным значением.

Главный способ овладеть адекватным самопредъявлением состоит в обучении или самообучении исполнению социальных ролей. Чем большее количество социальных ролей человеком осваивается, тем более возрастает социальная компетентность личности.

Исполнение одних ролей может сказаться на исполнении других социальных ролей.

Во-первых, исполнение любой роли приносит человеку исполнительский опыт, потому что здесь есть, как во всяком деле, определенная технология. Согласно наблюдениям, школьники, посещающие разные клубы и кружки, легче находят общий язык с людьми разного возраста, чем их более робкие сверстники.

Во-вторых, опыт исполнения одних ролей может быть перенесен на другие роли.

В-третьих, каждая значимая для человека роль накладывает на него свой отпечаток, который проявляется при исполнении другой роли. Например, привычка командовать у руководящих работников часто проявляется в их поведении и в дружеской, и в семейной сферах. В то же время некоторые роли трудно совмещать. Более того, исполнение некоторых ролей может существенно помешать воплощению других ролей. А. Папанов в одном из интервью признавался, что озвучивание роли Волка в мультфильме «Ну, погоди!» лишило его ряда серьезных ролей, поскольку его голос вызывал у зрителя комедийные ассоциации.

Человек, выступающий в роли, требующей почтения и уважения (например, педагог или политик) не может допускать ситуаций, в которых бы он выглядел жалким и недостойным уважения, так как потеря имиджа иногда бывает невосполнимой.

Человек в социальной жизни, практически в каждой ситуации, оказывается в какой-то одной, а чаще, даже в нескольких ролях.

Но в конкретной ситуации на первый план выступают те роли, актуальные на тот момент. Например, когда человек едет в поезде, то главные его роли – пассажир и попутчик. Поэтому он должен подчиняться правилам поведения в поезде, независимо от своего социального статуса. Кроме того, в каждой жизненной ситуации существуют предписания относительно того, кому принадлежат главные роли, второстепенные роли

и кто является посторонним. Как правило, участники социального взаимодействия знают этот порядок и его принимают. Если же возникает внештатная ситуация, или кто-то не согласен с общепринятым распределением ролей, тогда возникает конфликт.

В межличностном общении постоянно происходит переход от одних ролевых позиций к другим, который меняет картину общения. Например, две женщины могут общаться в течение дня сначала как коллеги, потом как подруги на нейтральной территории (например, в кафе), затем как хозяйка и гостя. Эти переходы сопровождаются изменением предписаний относительно характера их общения в каждой из трех ситуаций. Однако чувствительность к этим изменениям может быть разной у этих женщин, кроме того, можно допустить, что они общаются всегда одинаково, видя друг в друге только одну роль и игнорируя все остальные.

Общие правила поведения в молитвенных домах любых конфессий (в храмах, мечетях, синагогах и т.п.) обусловлены их прямым назначением — это место молитвенного общения верующих с Богом. Поэтому атмосфера, царящая в молитвенных домах, требует неспешных, размеренных движений, сдержанных жестов, приглушенных разговоров. Во время богослужений разговоры без большой необходимости вообще не допускаются.

Однако каждой религии присущи особенности процесса богослужения, распределения ролей между его участниками (духовенством и мирянами, мужчинами и женщинами, взрослыми и детьми), внутреннего и внешнего устройства молитвенного здания, символического значения различных элементов его утвари. Они обуславливают специфику поведения. Один из главных принципов коммуникации, который отвечает за состояние контакта, носит название принцип вежливости Лича.

Он создает среду позитивного взаимодействия и включает 6 максим:

- такта;
- великодушия;
- одобрения;
- скромности;
- согласия;
- симпатии.

Они гарантируют порядок в межличностных отношениях на протяжении речевого взаимодействия.

Максима такта есть максима границ личной сферы.

Всегда между общающимися людьми есть некоторая дистанция. Охрана своей территории есть одна из задач любой коммуникативной стратегии. Но и по чужой территории надо ходить только с разрешения собеседника.

Личный интерес может быть презентирован коммуникантами или скрыт ими друг от друга в зависимости от особенностей избранной ими коммуникативной стратегии. Решение о степени открытости или закрытости в процессе общения каждый принимает сам. Сам по себе речевой акт по отношению к другому лицу является в известной степени «актом насилия», так как он заставляет другого человека действовать в ответ на вашу инициативу. Поэтому армейское правило «разрешите обратиться» не лишено смысла. Большое заблуждение полагать, что собеседник всегда расположен вступить с вами в речевой контакт.

Максима великодушия — необременения собеседника — охраняет от доминирования одного из собеседников в ходе взаимодействия. Живи и давай жить другим. Нельзя навязывать собеседнику собственную коммуникативную стратегию.

Максима одобрения — позитивность оценки другого. Позитивность как принцип оценки должен лежать в основе мировосприятия говорящего. Не осуждай других. Относительно каждого человека на протяжении ряда речевых актов складывается речевая репутация, которая потом работает на данного человека (добродушный или злобный собеседник, унылый или веселый).

Максима скромности — неприятие похвал в свой адрес. Как сильно завышенная, так и сильно заниженная самооценка затрудняют коммуникативный акт. Дж. Лич ввел термин «комедия бездействия» для тех случаев, когда одна сторона повторяет комплименты, вторая их отвергает, а разговор стоит на месте (аналогично: препирательство у двери, кому первому войти). Коррекция самооценки собеседника отнюдь не облегчает коммуникативный акт.

Максима согласия — максима неоппозиционности. «В споре рождается истина, но гибнет симпатия». Надо отказываться от конфликта во имя решения более серьезной задачи — сохранения предмета взаимодействия.

Максима симпатии — максима благожелательности. Она работает на метатекст, т.е. создает благоприятный фон для перспективного предметного разговора. Как справедливо заметил Дж. Лич, «этикет по природе своей асимметричен, то есть не предполагает зеркально точного воспроизведения одних и тех же речевых действий по отношению к адресанту высказывания, с одной стороны, и его адресату — с другой».

Все шесть максим прослеживаются в поведении в молитвенных домах. Проследим процесс самопредъявления и овладение социальной ролью в мечети, а затем в православном храме.

Мечеть (по-арабски *magid*) — молитвенное здание у мусульман. Она не является святым местом, храмом в полном смысле этого слова. Ис-

ключение составляет только Масджид аль-харам — «запретная мечеть», которая находится в Мекке. В центре Масджид аль-харам стоит Кааба — главная святыня мусульман.

В первые века ислама мечеть строилась стена к стене с домом наместника, в ней хранилась казна, объявлялись указы, вершился шаритатский суд.

По уровню своей значимости мечети делятся на соборные, они же пятничные, квартальные, домашние, мечети при медресе, а также при аэропортах, гостиницах и т.д. Привычный облик мечети, включающий купол и минарет, сложился лишь в VIII веке.

Пять раз в день, в строго определенное время с минарета раздаётся азан — призыв на молитву. Его возглашает муэдзин. Внутри мечети направление молитвы определяет михраб — специальная ниша в стене, обращенная в сторону Мекки. Справа от михраба в соборной мечети стоит минбар — трибуна для проповедника. Женщины обычно молятся на втором этаже или в отгороженной части первого этажа. Вход для мужчин и женщин бывает как общим, так и раздельным. Хотя мечеть и не является святым местом, существуют определенные правила, которые распространяются на любого, кто пришел в мечеть, независимо от вероисповедания. Нельзя заходить в мечеть в нетрезвом состоянии. Внешний облик посетителя мечети не должен оскорблять взгляд верующих: следует надеть чистую, скромную и достаточно закрытую одежду. Особые правила существуют для женщин. Одежда должна закрывать все тело, за исключением лица, кистей рук и ступней ног, цвет ее не должен быть вызывающе ярким, а силуэт — облегающим. Волосы следует полностью спрятать под платок. Уровень требований к внешнему облику женщин в разных мечетях различен. Так, в России достаточно относительно длинного платья и платка, а, например, в Марокко иностранной посетительнице выдается чадра. В «критические дни» женщине запрещается посещать мечеть.

Пол в мечети устлан коврами, обувь оставляют при входе. В больших мечетях специальные служащие принимают обувь и выдают жетон. В целом посетители мечети ведут себя очень раскованно: они сидят или лежат на полу, едят, спят, общаются между собой. Но при этом в любое время кто-то может совершать намаз (по-арабски *salat* — салат, саят), т.е. молиться; верующие читают Коран или просто сосредоточиваются на мысли о Всевышнем, поэтому не следует повышать голос, смеяться, браниться и т.д. Когда наступает время намаза, верующие совершают омовение и выстраиваются рядами за имамом-предстоятелем на молитве. Те, кто по каким-то причинам не принимает участия в коллективной молитве, не обязаны покидать мечеть. Поскольку в исла-

ме не существует института священства, обращение к духовным лицам определяется конкретной практикой, сложившейся в данном регионе. Так, например, татары в России обращаются к муллам «хазрат», что по-арабски означает «святейшество». Но подавляющее большинство других мусульман относят этот титул к пророкам и святым. Наиболее универсальным является обращение «сайд» (по-арабски «господин»), а также «хаджи», то есть совершивший хадж. Но эти обращения не являются исключительной прерогативой духовных лиц.

Как правило, православные храмы имеют три входа: главный (западный, противоположный алтарю), северный и южный.

Все церковное здание делится на алтарь, собственно храм и притвор. Алтарь отгорожен от собственно храма иконостасом, доходящим в большинстве случаев до потолка. В алтаре находятся престол и жертвенник. В алтарь ведут царские врата (центральные), а также северные и южные двери. Женщинам запрещено входить в алтарь. Мужчины могут заходить в алтарь только по разрешению священников и то лишь через северные или южные двери. Через царские врата в алтарь входят только священнослужители.

Непосредственно к иконостасу примыкает солея — возвышенная площадка вдоль всего алтаря. Напротив царских врат находится амвон — центральная часть солеи. Без разрешения священнослужителей на амвон и солею также восходить не разрешается.

В притворе в древние времена стояли оглашенные, не принявшие еще таинства святого крещения. В настоящее время далее притвора не полагается проходить женщинам в «критические дни», а также женщинам в течение 40 дней после рождения ребенка. На сороковой день к ним в притвор должен выйти священник и произнести над ними очистительную молитву.

Вход в храм с улицы обычно устраивается в виде паперти — площадки перед входными дверями, на которую ведут несколько ступеней. Входить в храм следует через главный (западный) вход, при этом надлежит положить три поклона с молитвами: «Боже, милостив буди мне грешному» — Поклон. «Боже, очисти меня, грешного, и помилуй мя» — Поклон. «Создавший мя, Господи, прости мя» — Поклон.

Осенять себя крестным знаменем (креститься) полагается не спеша, соединив вместе три первых пальца правой руки, а остальные два сложив и пригнув к ладони. Сложенной таким образом правой рукой следует последовательно коснуться лба, живота, правого и левого плеч.

Богослужением православной церкви называется соединение молитв, песнопений, чтений Священного Писания и священнодействий, совершаемых по определенному чину. Богослужения, совершаемые от

лица всей церкви и по потребностям, общим для всех христиан, называются общественными, а богослужения, совершаемые по нуждам и желаниям отдельных христиан, называются частными. Соответственно этому делению все церковные службы делятся на постоянные и так называемые требы (крещение, венчание, панихида, освящение воды, молебен и т.д.), исполнение которых надо специально заказывать.

С древнейших времен установлено совершать богослужение три раза в день: вечером — вечерню, утром — утреню и днем — литургию. Литургия является важнейшей из церковных служб, и все остальные службы являются приготовлением к ней. В настоящее время в обычных приходских храмах богослужения совершаются дважды в день: утром литургия, а вечером предыдущего дня вечерня, соединенная с утреней. Следует знать, что церковный день начинается не в 0 часов календарного дня, а в 18 часов предыдущего дня.

При совершении богослужения молящиеся должны совершать многие великие и малые поклоны благоговейно и не торопясь. Перед поклоном нужно осенить себя крестным знаменем. При малом поклоне нужно наклонить голову так, чтобы рукой можно было достать до земли, при великом поклоне нужно преклонить колени и головою прикоснуться к земле.

Выходить из храма следует лишь после отпуста, произносимого священником после завершения богослужения. При этом нужно произнести те же самые молитвы и совершить такие же поклоны, как и при входе.

В древности мужчины стояли в храмах на правой стороне, а женщины — на левой стороне. При елепомазании и причащении первыми подходили мужчины и после них женщины. В настоящее время это правило сохраняется лишь в монастырях и монастырских подворьях, а в большинстве приходских храмов не соблюдается.

При посещении храмов полагается одеваться так, чтобы большая часть тела была прикрыта. По возможности лучше не ходить в храм в верхней одежде, украшенной столь модной сейчас нехристианской символикой. Ни в коем случае не принято ходить в храм в шортах и спортивной одежде. Женщинам не следует заходить в церковь в коротких юбках, брюках, с декольте и с макияжем, особенно с накрашенными губами, так как в последнем случае нельзя ни прикладываться к образам, ни причащаться. По возможности мужчинам и женщинам следует избегать также маек и рубашек с короткими рукавами. Женщинам полагается повязывать голову платком. Такова церковная традиция. Практическое значение ее заключается в том, что ничто не должно отвлекать людей от молитвы.

Во время богослужения не следует здороваться со знакомыми за руку, беседовать и переходить с места на место. Свечи желательно покупать и

ставить до начала службы, во всяком случае, не подобает их ставить во время чтения Евангелия и литургии верных (от пения Херувимской песни до причащения Святых даров). Когда в храме много народа, не следует во время службы пробираться через собрание верующих, чтобы поставить свечу перед чтимым образом, лучше попросить, чтобы ее передали по цепочке.

Когда священнослужитель осеняет присутствующих в церкви крестом, Евангелием, Чашей или святой иконой, надлежит, склонив голову, перекреститься. Преклонять голову надлежит во время чтения святого Евангелия, а также когда священнослужитель призывает к этому: «Главы ваши Господу преклоните», когда совершает каждение или благословляет. Не следует творить земные поклоны и преклонять колени в воскресные дни, праздники, а также в период от Пасхи до Пятидесятницы, так как в эти дни начинается примирение людей с Богом.

При прикладывании к иконам или мощам святых к ним надо подходить не спеша, делать два поклона перед целованием и один после целования образа.

При прикладывании к иконам Иисуса Христа следует целовать в ножку (при поясном изображении в ручку); к иконе нерукотворного образа Спасителя и к иконе усекновения главы святого Иоанна Крестителя — в косу волос; к иконам Божией Матери и святых — в ручку. Если на иконах изображено несколько священных лиц, то целовать икону полагается один раз, чтобы при стечении молящихся не задерживать других. Категорически не следует, прикладываясь к иконам Спасителя, Божией Матери и святых, целовать их в лик или в нимб.

Самоподачу (проявление внешнего «Я») можно рассматривать как некое средство для сохранения представлений о себе (оберегание внутреннего «Я») при столкновении с внешним миром. Значение понятия самоподачи близко к значению таких понятий, как демонстративное поведение, социальная роль, персона (маска), стиль, самоконтроль и др., которые входят в более широкие социально-психологические контексты (например, манипулятивное или монологическое общение, воздействие одного человека на другого, самосознание, самооценка и т.п.).

Понятие социальной роли (social role) связано с выполнением человеком некоторых функций, которые сопряжены с занимаемым им положением в обществе. Значение понятия относится к любой модели поведения, включающей некоторые права, обязательства и обязанности, которые ожидаются от индивида, которым его обучают и поощряют выполнять в данной социальной ситуации. Ролей, исполняемым одним человеком, может быть много в зависимости от количества таких ситуаций. В то же время, социальная роль — это «...неразрывное единство опреде-

ленного вида деятельности и соответствующего способа поведения, выработанных в данном обществе... При этом если общий способ или стандарт поведения исполнителю той или иной социальной роли задается обществом, то ее конкретное индивидуальное исполнение имеет определенную личностную окраску, в чем проявляется уникальная неповторимость каждого человека» (Г.М. Андреева, Н.Н. Богомолова, Л.А. Петровская). Так, социальная роль связана, с одной стороны, с ожидаемым социальным поведением в виде некоторого образца, а с другой – с индивидуальностью человека.

Литература

1. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Современная социальная психология на Западе (теоретические направления). М.: Изд-во МГУ, 1978.
2. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986.
3. Клюев Е.В. Речевая коммуникация. М.: Изд-во ПРИОР, 1998.
4. Цуканова Е.В. Психологические трудности межличностного общения. Киев, 1985.
5. Шкуратова И.П. Самопредъявление характеристик взаимоотношений в межличностном взаимодействии // Социальная психология сегодня: наука и практика. СПб., 2005. С. 205–207.

О.Н. Максимова

ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА И ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ

В условиях современной этнополитической действительности России основными условиями формирования этнополитической культуры становятся развитие принципа толерантности, воспитание молодежи в духе уважения к самобытным культурам и родным языкам. В то же время существует ряд факторов, препятствующих формированию этнополитической культуры населения в современной России. Это происходит прежде всего за счет изменения концепции, объема, содержания этнокультурной функции государства в сопоставлении с иными направлениями деятельности, обусловленными сферами жизнедеятельности общества, нуждающимися в государственно-правовом воздействии.

Взяв за основу ставшую традиционной в отечественной науке так называемую единую классификацию функций государства, проследим

эволюцию формирования этнополитической культуры населения, основанную на реализации этнокультурной функции государства в ее связи с иными функциями (экономической, политической, идеологической, культурно-воспитательной, охранительной). Выделение вышеуказанных функций государства позволяет соответствующим образом классифицировать социально-правовые проблемы и условия, негативно влияющие на процесс формирования этнополитической культуры населения России, а именно: экономические, политические, идеологические, культурно-духовные, правовые причины.

Рассуждая об этнополитической культуре, нельзя обойти вниманием такой важный аспект, как определение места и роли государства в установлении и поддержании системы экономических гарантий в полиэтнической среде. Экономика выступает основой жизнедеятельности людей вне зависимости от их этнической принадлежности. Государство не может нормально функционировать и развиваться без экономического фундамента, базиса, под которым обычно понимается система экономических (производственных) отношений в обществе и существующие в ней формы собственности. Экономика во многом обуславливает надстроечные категории: политику, государственное устройство, право, формы общественного сознания и т.д., которые, в свою очередь, оказывают обратное, активное воздействие на экономику. Применительно к проблематике, составляющей предмет нашего исследования, следует отметить, что идея формирования этнополитической культуры населения нереализуема в экономически нестабильном обществе. По справедливому мнению правоведа Б.Н. Топорнина, если экономика малоэффективна, то любая запись о социально-экономических правах граждан может остаться на бумаге¹. В последнее время Россия заметно укрепила свой экономический потенциал, что позволило главе государства не только инициировать разработку национальных проектов, многие из которых носят ярко выраженный социальный характер, но и обозначить конкретные параметры и меры по их реализации.

Анализируя причины политического характера, прежде всего необходимо отметить, что все объективно существующие государственно-правовые явления и теоретические конструкции имеют в своей основе политическую составляющую. Особенности формирования этнополитической культуры вряд ли составляют исключение, поскольку даже поверхностный этимологический анализ данного словосочетания неизбежно заставляет признать политическую основу обозначенного феномена. В этой связи вполне очевиден вывод о том, что любой аспект сложного по своему содержанию процесса формирования этнополитической культуры населения политически обусловлен.

Если говорить о праве как средстве формирования этнополитической культуры населения, то следует согласиться с мнением исследователей А.В. Малько и К.В. Шундикова, считающих, что в современный период «основной формой целенаправленного и последовательного реформирования всей системы общественных отношений становится правовое воздействие»². Процесс создания и реализации этнокультурного законодательства, без сомнения, политически окрашен и выражается в двух относительно автономных векторах: политика в сфере этнокультурного законодательства, связанная с формированием концепции социально-правового воздействия, подготовкой квалифицированных юридических кадров и этнополитологов; политика, осуществляемая при помощи этнокультурного законодательства (прежде всего Конституции Российской Федерации), которая выражается в правовом регулировании этнополитической сферы и соответствующей правоприменительной практики.

Приходится с сожалением отмечать, что в последнее время юридическая наука стала излишне настороженной в вопросах, касающихся идеологии, которые, будучи основательно разработанными советскими учеными, с конца 1980-х гг. стали сознательно затушевываться. Во многом это было вызвано признанием советского общества и государства излишне авторитарными и идеологизированными. Видимо, в результате и появилась ст. 13 в Конституции РФ, содержащая запрет на государственную или обязательную идеологию. Следствием запрета государственной идеологии стал своего рода «идеологический вакуум». Однако провозглашенное идеологическое многообразие привело к еще более худшему — «идеологической вакханалии». Образовавшиеся пробелы идеологического сознания быстро заполнили ценностями, чуждыми для национальной духовной и политико-правовой традиции. Между тем национальная идеология способна оказать обществу и государству неоценимую услугу, прежде всего тем, что политически ориентированное и солидарное с властью общество более лояльно воспринимает деятельность государства, особенно проводимые им реформы. Солидарное с властью общество утрачивает свойство «бермудского треугольника», в котором пропадают политические инициативы. Вполне очевидно, что в процессе формирования этнополитической культуры населения, государство прежде всего должно позаботиться о психологической готовности общества к навязываемым инициативам, на фоне непрекращающихся террористических актов и других форм проявления нетолерантного поведения.

Таким образом, в нормативных актах, регламентирующих деятельность государственных органов, занятых в этнополитической сфере, должны быть закреплены положения об их разъяснительной работе. Кроме того, высшие органы государственной власти (Президент Россий-

ской Федерации, парламент, уполномоченный по правам человека и др.), а также органы государственной власти субъектов Федерации должны осуществлять более масштабную пропагандистскую и диагностическую деятельность, направленную на выявление состояния социальной восприимчивости к проводимым в стране преобразованиям в этнополитической сфере.

Неотъемлемой частью жизни общества в целом и каждого человека в отдельности является культура. Именно поэтому проблема этнополитического регулирования, законности в сфере этнокультурной жизни общества является одной из важнейших для России. В отечественной юридической литературе иногда отождествляются культурно-духовная и идеологическая сферы общества³. Действительно, есть основания говорить об их сходстве, однако полное отождествление этих сфер не совсем оправданно. Идеологическая сфера носит политико-патриотический характер и обусловлена целью формирования этнополитической лояльности государственному курсу. Тогда как в культурно-духовной сфере формируется духовный и интеллектуальный потенциал общества.

Состояние современной российской культуры весьма противоречно, что вызвано, прежде всего, кардинальными изменениями, произошедшими за последние десятилетия. Угроза культурной и интеллектуальной деградации российского общества перестает быть надуманной проблемой. Пагубные последствия насаждения элементов западной культуры проявились в духовном оскудении, интеллектуальном обеднении и нравственной деградации общества.

Есть все основания выделять наряду с духовной этнополитическую культуру, т.е. культуру в сфере этнополитического сознания и толерантного этнополитического поведения, предполагающую лояльность населения формированию механизмов этнополитического согласия, выработанных в рамках деятельности органов государственной власти и институтов гражданского общества.

Основными формами деформации этнополитической культуры на современном этапе являются:

1. Низкий уровень социально-правовой и этноправовой активности населения. Граждане России до сих пор не научились бороться за свои права. Как справедливо отмечает И.В. Гончаров, что со сложившейся психологией и правосознанием невозможно установить правовой порядок в обществе. Необходимы усилия, или даже борьба, человека за свои права и свободы. Но этой борьбы как раз в обществе не видно⁴. В самом общем виде можно утверждать, что мера признанности и защищенности социально-экономических прав, а значит, и приближенности к формированию этнополитической культуры населения в конкретном обществе

определяются типом его социально-экономической организации, степенью цивилизованности, гуманизации и правовой активности личности, формируемой на основе этноправовой культуры общества и самой личности.

2. Низкий уровень политической (управленческой, публично-властной) культуры государственных чиновников, занятых в этнополитической сфере. Кадровая политика, кадровый отбор в соответствующие органы и службы должен проводиться не только на основе профессионализма кандидата, но и на основе выявления его способности к толерантному общению с представителями различных этнических групп. Вполне обоснованным видится введение на базе высших учебных заведений учебного курса «Этнополитическая и этноправовая культура специалиста» в учебные планы образовательных учреждений.

Если использовать терминологию профессора кафедры политологии Мангеймского университета Беаты Колер-Кох, основная проблема регионализации состоит в повышении «чувствительности» регионального управления к запросам граждан, и не в последнюю очередь — к этнонациональным. Присутствие национальных и этнонациональных интересов в региональной системе, их интегрированность в схему сбалансированных общерегиональных интересов — это, прежде всего, проблема регионального управления.

Общественная палата Российской Федерации предпринимает попытки обратить внимание власти на свои рекомендации государственным структурам по работе в сфере этнополитики. В частности, в рекомендациях Совета по содействию институтам гражданского общества и правам человека, созданного при Общественной палате, отмечалось несовершенство правоприменительной практики, в частности, быстрого реагирования и адекватной, в том числе и судебной, оценки проявлений ксенофобии, межэтнической вражды и основанных на них экстремизма и насилия. В этнонациональной практике нередкими становятся случаи подверженности влиянию ксенофобии сотрудников правоохранительных органов. Практика свидетельствует, что в этой среде весьма часты проявления так называемой бытовой ксенофобии, подчеркнутого невнимания к нуждам и запросам «некоренных» жителей, а также дискриминация по национальному или региональному признакам⁵.

Неоправданным является затягивание процесса принятия основополагающих государственных документов, призванных создать систему регулирования в важнейших областях этнополитики. Прежде всего речь идет о Законе об основах государственной национальной политики Российской Федерации, Концепции государственной этнокультурной политики, Концепции государственной миграционной политики, Кон-

цепции государственной молодежной политики, а также о принятии и дальнейшем совершенствовании антидискриминационного, миграционного, трудового законодательства в сфере СМИ, образования и культурного строительства.

3. Низкий уровень общей правовой культуры общества.

Рассмотренные аспекты и проблемы соотношения формирования этнополитической культуры граждан России с важнейшими сферами общественной жизнедеятельности позволяют сделать вывод, что процесс формирования этнополитической культуры многоаспектен, противоречив и сложен. Формирование этнополитической культуры населения не может происходить вне экономического, политического, идеологического, духовно-культурного и правового контекстов, может вписаться в процессы глобализации при условии сохранения главных этноидентификаторов.

Привить гражданам демократическую этнополитическую культуру лишь путем прямого целенаправленного обучения невозможно. Она «передается в ходе сложного процесса, включающего в себя обучение во многих социальных институтах – семье, группе сверстников, школе, на рабочем месте, равно как и в самой политической системе»⁶.

Так шаг за шагом складывается этнополитическая культура индивида, группы, поколения. Путем вытеснения старых элементов новыми и напластовывания одних на другие складывается и политическая культура общества. Динамика этого процесса зависит от многих факторов, но прежде всего от общеполитической и социальной динамики.

Посредством транслирования этнополитической культуры из поколения в поколение в новых исторических условиях формирования единой российской нации население приграничных, полиэтничных территорий России сможет избежать синдрома одинаковости и гордиться тем, что передано предками. Именно тогда, будучи разными по отдельности, в совокупности граждане России, жители отдельных регионов смогли бы не в ущерб своей этнокультурной идентичности гордиться тем, что они россияне, оренбуржцы, татарстанцы и т.п.

Примечания

1. Конституция Российской Федерации: стабильность и развитие общества / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М., 2004. С. 27.

2. Малько А.А., Шундилов К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003. С. 211.

3. Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. С. 55; Теория государства и права / под ред. В.В. Лазарева. С. 369.

4. Гончаров И.В. Защита прав и свобод человека и гражданина в субъектах Рос-

сиейской Федерации с использованием мер федерального вмешательства. М., 2004. С. 139.

5. Столяров М.В. Этнополитика и национальные приоритеты России // Политический журнал. № 6–7 (183–184). 21 апреля 2008. С. 31.

6. Almond G. and Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations // Princeton, N.J. 1963. p. 498.

А.Д. Кокшаров

НЕОБХОДИМОСТЬ АКТУАЛИЗАЦИИ ТРАДИЦИИ КАК ФЕНОМЕНА НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Традиция несет в себе кроме эстетических и мемориальных функций (нам нравятся народные песни, пляски, костюмы — они напоминают о славном прошлом и т.д.) еще и возможность практического использования опыта предков.

Проблемы, трудности (или, как теперь говорят, «вызовы») современной жизни общеизвестны: сокращение населения (вымирание), алкоголизм, наркомания, коррупция (продажность), разрушение семейных связей, ослабление солидарности в обществе на всех уровнях (предпочтение личных интересов общественным и вообще чьим-либо), ослабление любви к Родине (готовность жертвовать ради ее блага) — перечислять можно долго, но довольно и отмеченного. Причем переломить тенденцию очень сложно. Пример: в начале XX в. Франция вымирала (!) — отрицательный прирост населения. Начало XXI — число французов продолжает уменьшаться. Это узловой вопрос — кому нужна культура, достижения французов, если они сами исчезнут? Во все времена супружеская пара, оставившая после себя минимум 3-х детей, позволяет своему народу не вымирать. Все просто. Только вот 100 лет проблема не решается. Очевидно, во французском обществе новейшего времени выработался и поддерживается специфический стандарт поведения, являющийся для нации самоубийственным. Несмотря на сравнительную устойчивость (убыль населения как минимум около 100 лет), широкое распространение, наличие социокультурных механизмов передачи и воспроизведения образцов поведения, сокращающих население, невозможно полагать подобную практику сколько-нибудь приемлемой. Так же как представляется недопустимым работоторговля и баранта. Несмотря на широкое распространение в прежние времена эти обычаи являются бесчеловечными и бесперспективными.

Размышляя о проблеме вымирания, можно по привычке сослаться на «мировой опыт», «опыт ведущих европейских стран» и перенять его. Строго говоря, перенимать нечего — коренное население Великобритании, Германии, США и некоторых других развитых стран сокращается. Впрочем, их опыт можно использовать в психотерапевтических целях, просто констатировать, что вымирание (малодетность или бездетность семей) — объективный исторический процесс во всех развитых странах. Есть даже повод для гордости: раз вымираем — значит, развиты. Проблема решена. Во всем мире растет число наркоманов, следовательно, это историческая тенденция. «С историей не поспоришь». Таким образом, с двумя серьезнейшими проблемами покончено — вот что значит масштабный, общемировой, научный подход при поиске ответов на вызовы современности. Разумеется, это лишь горькая шутка, однако один этнолог в частной беседе «успокоил» относительно демографической ситуации в нашей стране: «во всей Европе население убывает». Честно говоря, чужие катастрофы слабо ободряют.

В России особенно заметна убыль населения среди славянских народов. Меньше трех детей — вымирание. Следовательно, многие из нас поучаствовали в зачистке Родины от собственных потомков. Тут уж одно из двух — либо мы делали, мягко говоря, негодное дело и ищем способ поправить ситуацию хотя бы в будущем; либо мы не желаем быть в чем-либо виноватым (ах, как это современно...) и, хваля свои замечательные достоинства, (а также научные и творческие успехи), будем веселиться на празднике жизни, как пассажиры «Титаника», продолжавшие танцевать, когда борт лайнера был уже пропорот льдиной. Причины глобальных явлений бывали иногда очень несложными и связанными мироощущением отдельных личностей. Родить детей может помешать банальная жадность и обычный эгоизм. Да, «выращивание» детей требует затрат следовательно, если их не родить, то все деньги можно потратить на личное потребление. Дети — это вообще-то конкуренты родителей в потреблении. Логично? Да, если смысл жизни потребление. Но это, извините, логика свиньи у корыта. Если мы родим мало детей как эгоистичные потребители, того, что в нашей жизни главная ценность, пусть каждый ответит себе. С точки зрения обыденного сознания «свинокорытный» подход к жизни подкреплен различными шаблонами: «нечего нищету плодить», «надо пожить для себя», «лучше один, но качественный» и т.д., и т.п., и пр. Разумеется, экономические трудности играют существенную роль во многих сторонах жизни. Однако после Великой Отечественной войны большая часть населения жила материально бедновато, но родили, выкармливали и воспитывали детей для Родины и для себя, разумеется. Если отождествлять качество жизни, ощущение счастья, полноты жизни с уровнем потре-

ния, то послевоенный СССР на 90% состоял из людей глубоко и постоянно несчастных. Разумеется, это предположение ложно. Если не быть фантазером-очернителем, то приходится констатировать: видимо, благоприятное восприятие жизни не зависит от уровня потребления (не беря в расчет, разумеется, гуманитарные катастрофы).

Приходится признать вслед за героем И.А. Булгакова, что разруха у нас в головах. Тогда остается выяснить, почему у наших славных предков, населявших Южный Урал на рубеже XIX и XX в., порядка в головах было больше настолько, что население не вымирало, а росло. Если удастся приблизиться к пониманию того, что представляли собой социокультурные механизмы формирования традиционных устойчивых норм поведения, передававшихся из поколения в поколение, каковые делали для большинства населения желательной и даже единственной возможной семьей, где чаще всего было более трех детей, то появится надежда не исчезнуть как какие-нибудь этруски и другие народы, не оставившие после себя даже названия. Впрочем, одного понимания недостаточно.

Каков механизм формирования образцов семейной жизни в сознании членов жизнеспособного (а не вымирающего) общества?

С самого раннего детства ребенок видел перед собой пример многолетней (по совр. меркам) семьи своих родителей, соседей, родственников. Семейная жизнь рассматривалась как практически единственно возможный вариант достойной жизни здорового взрослого человека. Сравним с современным вариантом взрослой жизни: «Это мой друг (или бой-френд)». Родят ли и воспитают ли хорошими гражданами трех детей бой- и герлфренд? Детей в прошлые времена чаще всего родили «сколько бог пошлет». В деревне нередко «дядька» был младше своих племянников: «Где дядя Васяка? — Вон в луже сидит». Что составляло главное содержание жизни детей, подростков, юношей? Освоение трудовых навыков реальной жизни и выработка волевых качеств, необходимых взрослому. В раннем возрасте элементов игры было больше, но постепенно трудовые задачи становились все более серьезными. Формировался человек, умеющий трудиться и радоваться работе. При этом радость приносил не только факт выполненного объема, «одержанной победы», но и нередко сам процесс. Ныне мы развиваем «индустрию досуга». Каковы будут воспитанники этой индустрии в семейной жизни? Тут и гадать не надо.

Выделим два момента — зримый, положительный и практически безальтернативный пример семейной жизни, подкрепляемый непрерывно общественным мнением, одобряющим лишь трудовую, семейную жизнь и (что естественно) со многими детьми. Второй момент: большая часть времени подростков, так или иначе, тратилось на подготовку к трудовой семейной жизни.

Спросим себя, решатся ли демографические проблемы в нашей стране, если успехом закончится проводимая Правительством политика поддержки семей и деторождения? Сам по себе комплекс правительственных мероприятий в этом направлении заслуживает всяческого одобрения. Более того — желательно всемерное расширение такого рода поддержки, — это необходимо, но недостаточно. Основа прочности и долговечности общества и важнейшей его составляющей семьи есть нравственность. В традиционных обществах поддержание нравственности являлось неотъемлемой функцией всего общества и каждого взрослого человека. В половой сфере общепринятой нормой было желательность воздержания до брака и верность в супружестве. Общественное мнение, обычаи организации повседневной жизни, работы, досугов (их было немного и зачастую они связаны с более легкой работой, а не бездельем), праздников были опорой, не гарантировавшей, но помогавшей юношам и девушкам сохранять целомудрие, что очень способствует счастливой и прочной семейной жизни, а также рождению здоровых и успешных во всех смыслах детей.

Сейчас общество развращено и вымирает. Емко сформулировал результат отхода от жизненно необходимых традиций «бард империализма» Джозеф Редьярд Киплинг: «А боги Азбучных Истин сказали — Гибель за блуд».

Если вдуматься, то можно прийти к несколько неожиданному выводу — разврат (блуд), укоренившейся в сознании людей, является наиболее эффективным оружием массового уничтожения. Несколько десятилетий назад было сообщено, что химики разработали замечательные препараты для борьбы с насекомыми — определенные вещества дезориентируют самцов, они не могут найти самок. Проблема решена — насекомые не дают потомства и для их исчезновения надо только подождать. Для бесхлопотного сокращения «поголовья» людей надо проделать нечто подобное: свободная любовь, безопасный секс, пропаганда (а это и просто упоминание!) отклонений всяких меньшинств — список огромен. Почему разврат, а мы вправе рассматривать его и как разрушение народной традиции деторождения (важнейшей), является самым эффективным оружием уничтожения? Любое из известных видов оружия требует контакта с убиваемым — следовательно, затрат. Развращающая информация может быть передана с помощью средств связи (а они непрерывно совершенствуются) на любые мыслимые расстояния с минимальными энергетическими затратами. Более того, человек, отринувший народную традицию целомудренной жизни, является разносчиком моральной заразы. И потомства не будет. Или будет, но малочисленное, больное, неуспешное. Если разврат столь эффективен, то борьба с ним должна стать первосте-

пенной задачей, или это уже слишком? Попытаться выжить недемократично?

Обратимся к историческому опыту народов Южного Урала: есть ли в традиции башкир, русских, татар, украинцев, казахов, белорусов, немцев и др. терпимое или безразличное отношение к развратному поведению по отношению к детям, растлению и пр.? Вопрос риторический и ответ простой – нет.

Культуры и обычаи разные, но каждый народ в рамках своей традиции придерживается целомудренного поведения и единственно желательной полагает счастливую, прочную, многодетную семью. Взрослые ограждали детей от неподобающе вольных речей и т.д. — это было важной (и само собой разумеющейся) обязанностью не только родственников, но и вообще взрослых людей обоего пола. Предоставляя возможность сегодня детям разрушать свои души и будущую жизнь посредством развратных СМИ, мы отказываемся от важнейшего стереотипа мужского и женского поведения — обязанности охранять нравственность потомков.

Традиционное общество ушло в прошлое. Тогда семьянин формировался положительными примерами из своего окружения. Ныне урбанизация, социальная мобильность не гарантирует ни безусловной ориентированности социального окружения на положительное нравственное влияние, ни стабильности этого окружения. Роль источника жизненных примеров все более переходит к СМИ. Значит, эти СМИ должны быть заботливы и ответственны по отношению к детям, как взрослые были ответственны в традиционных обществах народов Южного Урала. Следовательно, необходима жесткая запретительная цензура, лучше слишком суровая, чем слишком мягкая — все, что может повредить нравственности, а значит семье — под запрет. Интересно детально исследовать, что полагали неподобающим для детей, подростков, юношества у разных народов Южного Урала. Этот опыт можно положить в основу деятельности цензуры. По-европейски относиться к вопросам семьи мы пробовали — почти исчезаем. Попробуем «посоветоваться» с этническими традициями наших славных предков.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ТУРИЗМЕ*

Оренбуржье обладает огромным рекреационно-ресурсным потенциалом для обеспечения рекреационных потребностей населения**.

На территории Оренбургской области 704 объекта включены в официальный список культурного наследия, в том числе 27 имеют статус федерального значения (данные предоставлены отделом культурно-досуговой деятельности и охраны объектов культурного наследия).

Культурное наследие региона можно рассматривать как систему, которая включает:

1. Памятники истории и культуры – городские ансамбли, сохранившиеся в виде ценной исторической застройки, создающей целостный историко-архитектурный образ. Такие ансамбли имеются в Оренбурге, Орске, Бузулуке и Бугуруслане (ансамбль «Хусаиния» г. Оренбурга, бывшее православное Духовное училище г. Оренбурга и др.). А также отдельные здания: здание Бухарского эмира г. Оренбурга, пожарное депо с каланчой, Доходный дом (бани) и др.

2. Усадебные комплексы, включающие в себя, как правило, господский дом, службы, хозяйственные строения, часовню (мечеть), парк.

Создан и успешно функционирует туристический маршрут «Дворянские усадьбы Оренбуржья», в который входят памятники архитектуры: «Музей-заповедник Аксакова» (с. Аксаково, Бугурусланский район), «Имение Рычкова» (Рычково, Северный район), «Усадьба Тимашева» (с. Ташла, Тюльганский район) и другие объекты культуры.

* Материал подготовлен при финансовой поддержке РГНФ и правительства Оренбургской области (грант № 10-01-81105 а/У).

** В г. Оренбурге 295 городских ансамблей и отдельных зданий – памятников истории и культуры, интересных с архитектурной точки зрения; 30 усадеб; 4 объекта, связанных с казачеством; 4 объекта культурного наследия, связанных с Великой Отечественной войной; 11 объектов регионального и 1 объект культурного наследия федерального значения, связанных с Гражданской войной; свыше 15 различных музеев.

В г. Бузулуке 10 городских ансамблей и отдельных зданий; 5 объектов культурного наследия, связанных с Гражданской войной.

В г. Орске 3 объекта культурного наследия, связанных с Гражданской войной.

Например, в с. Аксаково дом для гостей расположен на территории барской усадьбы – в родовом имении С.Т. Аксакова. В музее представлены фамильные драгоценности, мебель, книги и др. Рядом с домом к услугам туристов – парк и баня.

3. Исторические места, в том числе:

а) места знаменитых людей:

– *Пугачевские места.* Для историко-культурного туризма представляет интерес путь повстанцев Е.И. Пугачева на г. Оренбург. Туристы могут повторить часть пути Е.И. Пугачева 1773 года. В п. Берды находилась «Золотая палата» Е. Пугачева – главный штаб повстанческой армии. В с. Татарская Каргала сохранилась часть каменного дома, где останавливался Е. Пугачев после взятия с. Каргалы в 1774 г. Кроме того, недалеко от п. Саракташ (Красная гора, Саракташский район) был снят фильм о восстании «Русский бунт» (по мотивам «Капитанской дочки»), где до сих пор сохранились декорации (дома, сараи, фортеция, часовня, колодцы, пушки, мельницы). Привлекают туристов не только декорации к фильму, повторяющие Белогорскую крепость, и река Сакмара, а также турбаза, где возможно остановиться не только в гостиничном номере, но и в избе XVIII века. Кроме того, в музее истории г. Оренбурга имеется зал, посвященный пугачевскому восстанию.

б) литературные места:

– *Пушкинские места.* А.С. Пушкин пробыл в Оренбуржье всего несколько дней. Его появление в губернии связано с тем, что он задумал написать историю Пугачевского бунта. А.С. Пушкин вместе со своим другом В.И. Далем побывал в пугачевских местах (г. Оренбург, г. Сорочинск, с. Татищево Переволоцкого района, с. Тоцкое Тоцкого района и других местах, обозначенных на рис. 1). А.С. Пушкина привлек обрыв, сложенный красноцветами, близ крепости Нижнеозерной (Илекский район), который он даже изобразил на рисунке. Так Оренбуржье стало колыбелью повести «Капитанская дочка» и «Истории Пугачева».

Кроме того, в музее истории г. Оренбурга представлен интересный Пушкинский зал.

– *Места В.И. Даля.* В.И. Даль прожил в городе Оренбурге почти 8 лет, здесь он работал над «Толковым словарем живого великорусского языка», замысел которого созрел именно в Оренбурге. Надо отметить, что это было удачное место, так как в Оренбуржье было много переселенцев, а, следовательно, и много ценного и разнообразного материала для словаря. В Оренбурге В.И. Даль занялся востоковедением и приобрел большие познания в этой области, изучил тюркские языки. Во время постоянных служебных поездок В.И. Даль наблюдал за обычаями, традициями людей разных национальностей, собирал пословицы, поговорки, сказки,

написал ряд произведений («Бикей и Мауляна», «Башкирская русалка» и др.). Особо следует выделить с. Ташла Тюльганского района, которую посетил и подробно описал В.И. Даль в «Охоте на волков».

В центре г. Оренбурга можно увидеть также памятник А.С. Пушкину и В.И. Далю.

– *Места Т.Г. Шевченко.* Это прежде всего музеи Т.Г. Шевченко (г. Оренбург, г. Орск). В 1847 Т.Г. Шевченко был арестован за то, что «сочинял стихи на малороссийском языке, самого возмутительного содержания» и затем сослан в Оренбургскую губернию. Он находился под стражей в г. Оренбурге, затем в Орске 10 лет.

Кроме того, творчеству Т.Г. Шевченко посвящена часть дома-музея Украинского подворья Национальной деревни (г. Оренбург).

– *Места Г.Р. Державина.* Это имение Державиных (с. Державино, Бузулукский район), здесь также имеется православный храм – памятник архитектуры XVII века.

в) места Ю.Н. Гагарина.

Прежде всего это ныне расформированное Оренбургское высшее военное авиационное училище летчиков (г. Оренбург, Советская, 1), в его стенах учился первый в мире космонавт Юрий Гагарин.

Кроме того, туристов может заинтересовать самолет, на котором летал Ю. Гагарин, представленный в мемориальном выставочном комплексе «Салют, Победа!» (г. Оренбург), музей-квартира семьи Гагариных (г. Оренбург, ул. Чичерина) и памятник Ю. Гагарину (г. Оренбург, пр. Гагарина).

г) места Л.В. Попова.

Это родина живописца Л.В. Попова (с. Архангеловка Оренбургского района) и музей изобразительных искусств (г. Оренбург), где создан целый зал для коллекции его картин.

Кроме того, в области можно выделить места П.И. Рычкова (исследователя Оренбургского края, написавшего «Топографию Оренбургской губернии»), места Н.М. Карамзина (известного историка и писателя), В.И. Чапаева, М. Джалиля, Э.А. Эверсмана и др.

4. Музеи, в том числе:

– Краеведческие музеи: музей истории г. Оренбурга, областной краеведческий музей (г. Оренбург), Бугурусланский краеведческий музей, Бузулукский краеведческий музей, Гайский городской музей, Орский историко-краеведческий музей. Историко-краеведческие музеи имеются практически в каждом районе области (в Адамовском, Абдулинском, Кваркенском, Саракташском и др.).

– Музеи изобразительных искусств, выставочные залы, музей «Золотые Звезды Оренбуржья» им. В.П. Россовского (гг. Оренбург, Гай и др.).

– Этнографические музеи. Примерами могут быть музеи в с. Нижний Курмей (Абдулинский район), имеющий уголок национального быта чуваш; Орский городской, Адамовский и Соль-Илецкий районные музеи, хранящие коллекции по культуре казахского народа; Матвеевский народный музей с предметами духовной культуры русского, татарского и мордовского народов; Кирюшкинский музей мордовской этнокультуры (Бугурусланский район); Подольский народный музей (Красногвардейский район), Кичкасский музей немецкого народного быта (Первоуральский район); Пушкинский общественный этнографический музей башкирской культуры (Красногвардейский район), Мухамедьяровский музей культуры и быта татарского народа (Кувандыкский район), Первомайский и Оренбургский музеи казачьей культуры и др.

Кроме того, существует целый ряд музеев: музей-квартира семьи Ростроповичей (г. Оренбург), музей-гауптвахта им. Т. Шевченко (г. Оренбург), Дом памяти (г. Оренбург), областной музей УВД (г. Оренбург), музей пожарного дела, музей космоса (в кадетском корпусе им. И.И. Неплюева, г. Оренбург), музей воинской славы и Афганской войны (г. Оренбург), производственные музеи, музеи при учебных заведениях и др.

5. Казачьи места. Прежде всего, это первые поселения казаков: с. Сакмара (Сакмарский район), с. Илек (Илекский район). Известно, что на территории современной Оренбургской области находились два казачьих войска: Яицкое (Уральское) и Оренбургское.

К казачьим местам относятся линейные крепости, редуты, форпосты (примеры: Новосергиевка, Тощкое, Бузулук, Бердянский форпост и др.), обозначенные на карте.

Интересными для турпоказа будут сохранившиеся фрагменты крепостных валов: «Перовский вал»* («Киргизский вал» 1837–1838 гг.) близ Новоорска, вал в районе Илека (рис. 1).

Туристов может заинтересовать Никольский кафедральный собор (бывшая Никольская казачья церковь) и возведенный рядом памятник оренбургскому казачеству – находящиеся в месте бывшего компактного проживания казаков.

6. Места, связанные с победой в Великой Отечественной войне. Особенно интересны подобные экскурсии будут к празднику Великой Победы, 9 мая:

– мемориальный выставочный комплекс «Салют, Победа!» – музей военной техники под открытым небом. Это наглядный урок отечественной истории для школьников и студентов;

* Перовский вал – военно-инженерное сооружение, созданное в 30-е гг. XIX в. для защиты от набегов киргиз-кайсаков (казахов), его протяженность составляет 15 км.

- братские могилы;
- места, связанные с героями войны. Например, с. Платовка Перволюцкого района – место прохождения военной практики Героя Советского Союза А.М. Матросова;
- вечный огонь (мемориальный выставочный комплекс «Салют, Победа!», парк по пр. Победы, парк им. 50-летия ВЛКСМ) и др.

7. Места, связанные с Гражданской войной:

- могилы и братские могилы бело- и красногвардейцев;
- места, связанные с известными людьми (например, дом командующего Г.Д. Гая, Оренбург).

8. Известные походы, экспедиции:

- Хивинский поход В.А. Перовского (1839 г.);
- Поход В.А. Перовского на Ак-Мечеть (1853 г.);
- Путь экспедиции И.К. Кирилова к Орску.

9. Другие объекты историко-культурного туризма:

- здание бывшей гауптвахты (Оренбург), остатки Орской крепости (г. Орск), места захоронения жертв сталинских репрессий 1930–1950 гг. (г. Оренбург), мельница купца И.А. Зарывнова (г. Оренбург) и др.

Разумеется, перспективы развития туризма в Оренбургской области не ограничиваются перечисленными видами. Возможна организация га-

Рис. 1 – Объекты историко-культурного туризма в Оренбургской области

строномических туров (например, кумысных, арбузных в Соль-Илецкий район), творческо-ремесленных (например, в с. Желтое Саракташского района) и других.

На наш взгляд, следует ориентировать туристские туры прежде всего на жителей Оренбургской области и соседних областей России и Казахстана.

Все же, несмотря на наличие достаточного количества ресурсов и растущий спрос, развитие туризма на территории области находится в зачаточном состоянии, темпы его развития очень низки. Ведь успех туризма зависит не только от уникальности объектов культурного наследия, но и от материально-технической базы, соответствующей общепринятым стандартам.

Литература

1. Географический атлас Оренбургской области / под ред. А.А. Чибилева. М.: ДиК, 1999. 96 с.

2. Герасименко Т.И. Роль географии культуры в изучении культурного наследия региона / Т.И. Герасименко // Заповедное дело: проблемы охраны и экологической реставрации степных экосистем: материалы международной конференции, посвященной 15-летию государственного заповедника «Оренбургский» / под научной редакцией члена-корреспондента РАН А.А. Чибилева. Оренбург: Институт степи УрО РАН, ИПК «Газпромпечатъ» ООО «Оренбурггазпромсервис», 2004. С. 89–90.

3. Чибилев, А.А. Рекреационно-туристические ресурсы Оренбургской области. Институт степи УрО РАН. Управление по туризму и экономической экспертизе собственных проектов министерства информационной политики, общественных и внешних связей Оренбургской области / А.А. Чибилев. Оренбург: «Газпромпечатъ» ООО «Оренбурггазпромсервис», 2007. 60 с.

4. Шараева Л. К истокам этнокультуры / Л. Шараева // Жизнь национальностей Оренбуржья. Информационный вестник. 1995. № 1. С. 22–25.

5. Школьная библиотека в формате А4 для старшеклассников, учителей и абитуриентов [Электронный ресурс]: Виртуальная библиотека. Режим доступа: <http://www.a4format.ru>.

6. Евразийский телевизионный конкурс социальных программ и фильмов для молодежи «Я – человек» [Электронный ресурс]: конкурс. Режим доступа: http://www.evtk.ru/stolica_gor.htm

7. Фотографии [Электронный ресурс]: хостинг фотографий. Режим доступа: <http://www.fotki.yandex.ru>

8. Сувениры интересных мест [Электронный ресурс]: электрон. журн. Режим доступа: <http://www.suvenirograd.ru>

9. Загадки уральской души [Электронный ресурс]: электрон. журн. <http://www.ural.ds8.ru>.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ АВТОРОВ ОРЕНБУРЖЬЯ)

Тот, кто изучал фразеологию, убежден, что фразеология – это неотъемлемый и существенный компонент поэтического (как и любого другого) текста – в силу своей образности, насыщенности экспрессией, емкости смысла, краткости выражения, возможности модифицироваться и другие.

Оренбургские поэты (нами были проанализированы тексты около 200 авторов) включают фразеологизмы в свои стихотворения с разной степенью активности, с разными целями, разными путями.

Большая часть контекстов представляет факты ввода фразеологизмов без изменения их структуры и семантики. Но два момента следует отметить особо.

Во-первых, очень часто авторы с помощью фразеологизма олицетворяют, оживляют описываемую реалию, что, конечно, повышает накал выразительности, например: Непогода вышла на раздолье: / У нее сегодня нрав крутой – Н. Волженцев; Тополиный пух плывущий / Выбивается из сил – П. Ключников; ...тонкие заломит руки / Отчаянье в моих глазах – В. Мальгин; Коттеджи, коттеджи, коттеджи город берут в кольцо – А. Мелешко; Отгуляло лето и ушло... / Как вода, сквозь пальцы утекло, / А ведь было – полные ладони – Е. Пудовкина; Он (тополь – Л.И.) был не импортный, простой, / Он просто личиком не вышел – Ю. Селиверстов; Снова стынет, свежее на улице, / Осень дышит на ладан, увы... – В. Трефилов.

Во-вторых, можно отметить стремление авторов «наполнить поэзией» фразеологизмы-термины: это может быть употребление их в метафорическом значении: Подарки долгих вьюг – пушистые сугробы / Зовут меня войти в трескучий зимний лес, / Покрыться серебром последней, высшей пробы, / Что медленно парит с бессолнечных небес – В. Макуров; В душе полно пустой породы: / И обещаний, и знамен – А. Филатов; Не остаться в живых России: / Сами тянем бикфордов шнур / Под устои ее вековые – А. Фурсов.

Это может быть олицетворение термина: Песочные часы, / О чем молчите вы? – В. Бакулин; Почтовый ящик перекрашенный / За тобой испуганно следит – Т. Белозерова; Отрицает живая природа, / Чтобы

мертвый у дома кружил – В. Демурин; Свой белый флаг выбрасывают годы – А. Тепляшин;

Это может быть использование термина в функции сравнения – выразительного и убедительного: Служить в веках трубою вытяжною / Степных пространств / И кочевых племен – / Вот родина моя – В. Кузнецов; Там, где был бой – вокруг Янгизской – / Растут червонные кусты / И серым камнем обелиска / Бой вечной памятью застыл – П. Переплетчиков; И не было мысли, что светлая цель / Окажется черной дырою – А. Тепляшин.

Не отказываются оренбургские поэты от внесения во фразеологизм каких-либо модификаций, что дает возможность проявиться в тексте авторскому видению темы.

1. Довольно часто поэты увеличивают число компонентов фразеологизма, стремясь таким способом расширить его семантический объем, уточнить или углубить его, например: Потом при пожиллом честном народе / Речь о вожде, о Сталине заходит – Т. Белозерова; Все – одной, в семье мужские лямки / Ты тянула тоже на себе – В. Напольнов; Я о Родине петь не стану, / Петь о Родине – это боль! / Это значит – на свежую рану / Сыпать соль – П. Попов; Не всегда, выходит, он радушен, / Этот мир, забывший о родстве... / Неужели просто равнодушен, / Без царя – в такой-то! – голове – В. Трефилов; Не чая, благую сыграешь / Роль в чьей-то безвестной судьбе – А. Фурсов; Коль суждено, к тебе одной приду / С отчаянно протянутой рукой – Л. Эсаулова.

Порой названный прием превращает узуальный фразеологизм в своеобразный антоним, ср.: И мастер бросает свое ремесло, / И сеятель ниву не холит, / И властвуют алчность, предательство, зло, / И правда глаза нам не колет – Н. Емельянова; Собери-ка мне, дочка, на стол / И попотчуй по-русски обедом. / Вот и сделала ты меня дедом, / Хоть и срок мой еще не пришел – Ю. Орябинский; Пред памятью нашей бессильны и дали, и годы, / И к прошлому разве быть могут мосты сожжены, / Покуда не снята табличка у главного входа, / Что госпиталь здесь инвалидов Великой войны? – И. Паньков; Вот я и дожил: / Шляюсь по облаку. / Кто-то ведь должен / Плетью – по обуху – Ю. Селиверстов; Через века прослеживая тщательно / Шекспировское «быть или не быть», / Я понял вдруг, что смерть – итог зачатья, / А мне итоги рано подводить – В. Флейшер; В жизни страны – самотек, / Каждый ищет себе «самородную» жилу. / Вот и нас поманил, поманил огонек / Побеситься чуть-чуть, но не с жиру – Г. Шиндяев.

2. Также активно поэты заменяют какой-либо компонент фразеологизма, «освежая» и тем самым индивидуализируя его семантику: ...делилась последней рубахою, / От души находила слова – О. Волошина;

О, хотя бы на денек воротился он, смертью погибель поправ – И. Лысцов; Дегтя – полная посуда! / Очерню, кого хочу! / А расследуют куда – / Я на нервах побренчу! – М. Трутнев; Мы судим часто, не вникая, / Иную жизнь на свой аршин – А. Филатов; Я умру незаметно, без шума, без стопа, / По-английски, не хлопая дверью, умру – В. Флейшер.

Воздействие приема усиливается, когда заменяется несколько компонентов, ср.: Ты вставала пугающе гордой, / Ты ковала плуги на щиты, / Размела кровожадные орды, / Поднялась из оков нищеты – О. Волошина (ср. : перековать мечи на орала); Так же весна колобродит, / Только ты мне – незнаком, / И планета не уходит / Никуда под каблуком – А. Юдина (ср.: земля уходит под ногами).

3. Реже поэты используют прием сокращения объема фразеологизма, изъятия какого-то компонента, веря в то, что каждый читатель сумеет восстановить полный вид единицы: Гляну в окошко – ни света, ни зги, / Мечутся в воздухе вихри пурги – Н. Кожевникова; Стояли вы и молчали. / Я тоже – как в рот воды – Н. Лукьянова; Мы давно уже с тобою не верим / Тем речам, что смущают умы. / Почему же, семь раз не отмерив, / Вновь друг другу доверились мы? – А. Тепляшин; В мокрый ставень бьют ветра, / И снова дождь – как из ведра – М. Трутнев.

4. Интересным и весьма действенным можно считать прием введения в контекст не одного, а двух фразеологизмов.

Иногда они имеют общий компонент, например: А знаете, у горя есть душа. / Она из слез, что ночью на подушке, / Она из холостяцкой раскладушки, / Из ломаного медного гроша – В. Агаев; Когда душа и сердце не на месте, / Когда природа извелась в тоске – / Не странно ли, что мы с тобой не вместе? – В. Одноралов; Куст сирени / У тропинки / Отцветает. / Ну и пусть! / Повороты без запинки / Кто-то знает наизусть – П. Попов.

Иногда два фразеологизма употреблены автором для передачи синонимии: Всех детей и одеть, и обуть, по доходу приставить, / Обженить, довести до ума, / ...Ну, а там и свою можно старость покоить, / Где не ждет тебя злая сума – И. Лысцов; Пусть бьется прибором покаянно / О береговую плиту. / Не каждому он по колено. / А многим – и не по плечу – А. Тепляшин; Если вор – берут под ногу. / Спекулянта – в оборот – М. Трутнев.

Передают фразеологизмы и антонимию: Кругом должна кипеть работа / С любовью. Люди, нам пора! / Иначе жизнь предьявит счеты, / А смерть подпишет ордера – П. Ключников; В жарком климате южных широт, / Где небо – единственный кров, / Особые люди: в их жилах течет, / Как солнце, горячая кровь. / Легки на помине / На злобу, на ласку. / В них страсти тотчас / Вспыхнут огнем. / А мы северяне. / И в жизни, и в сказках / Тяжелые на подъем – А. Тепляшин.

5. Отмечены контексты, в которых словосочетание, сформировавшее фразеологизм, используется поэтом как свободное сочетание слов, что непременно повышает смысловую информативность текста, как бы удваивает ее; к тому же в этом случае своеобразно реализуется прием обманутого ожидания, ср.: Есть работа, кастрюли, дом. / Кот – велюровый фаворит / Дует в ус у оконных стекол – Л. Дружинина; Жизнь выбилась из колеи домашней / На колею стальных дорог – В Кузнецов; Уехать в край, где дождь июньский чист, / В хрустальных реках плавать по течению, / Во все цвета раскрасить белый лист, / Чтоб по ветру пустить свое творенье – В. Макуров; Мы также вряд ли захиреем / Без амфибрахия с хореем. / Есть у меня такая вера: / Не все зависит от размера! / Взять, например, хоть эти строчки: / Тихонько, а дошел до точки – Ю. Селиверстов; И в жару, и в лютой мороз / Существует веселая птаха / И повсюду сует свой нос, / Никакого не ведая страха – В. Флейшер.

Другие приемы (например, создание своего фразеологизма по модели узуального; введение в контекст не фразеологизма, а лишь его образа) представлены в наших материалах редко.

Хотелось бы отметить, что некоторые фразеологизмы характеризуются высокой степенью употребительности: «белый свет», «бабье лето», «сжечь (сжигать) мосты»; многие авторы «из века в век», «не видят жизни», «ставят точку над и», «подводят итоги», и от этого, наверное, у них «захватывает дух».

Порой, правда, авторское присутствие несколько видоизменяет частотный фразеологизм, ср.: Мне уготован путь судьбой не прост: / Идти при солнце и при свете звезд / В кромешной темноте и при луне – В. Логвинов; Кто свет зажжет в кромешной тьме, / Сам будет освещен – Н. Федяев; За фонарем – лишь кромешная темь, / Ветви разбиты стеклянные – А. Филатов; Не пугайтесь, однако: / Есть еще интервал, / Чтоб кромешного мрака / Трубный миг не настал – А. Фурсов.

Ср. также: Милая! Не говори... / Не говори... Я-то знаю, / Как разрушают мосты! / Дай мне поверить, родная, / Что не изверилась ты – Д. Даминов; И не вспыхнула гневом душа / В час, когда от родимых олив / Я ушла, будто недруг, спеша, / Все мосты за собой запалив – Н. Емельянова; Ты при встречах со мной напряжен, / Будто впрямь размежеваны дали, / Будто мост между нами сожжен – / Так князя на Руси враждовали – В. Кузнецов.

Анализ функций фразеологизмов в поэтической речи показал, что чаще всего указанные единицы языка используются для повышения образности и экспрессивности речи автора текста, реже – для развития сюжета, раскрытия темы, для речевой характеристики персонажа, для выражения иронии и сатиры, для создания пародии.

РАБОТЫ РУССКИХ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ НА СТРАНИЦАХ ОРЕНБУРГСКОЙ ПЕРИОДИКИ

О связях литературоведов с Оренбуржьем, о трудах литературоведческого характера, созданных в Оренбургском крае или оренбуржцами, можно говорить начиная с XIX в. (Говоря о литературоведческих трудах, мы используем термин «литературоведение» в широком плане — как подвижную систему дисциплин, включающую не только теорию литературы, но прежде всего историю литературы, затем литературную критику, литературоведческое краеведение).

Считается, что у истоков славянофильской критики стоял К.С. Аксаков (1817—1860; уроженец Аксаково Бугурусланского уезда): в 1840-е годы вышла его работа «Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души», со многими положениями которой не соглашался В.Г. Белинский. К. Аксаковым были написаны многие статьи и рецензии, в том числе на поэму Тургенева «Разговор».

Брат Константина Иван Аксаков (1823—1886; род. в селе Надежино Оренбургской губернии, теперь это территория Башкирии) тоже написал статью о творчестве Гоголя («Несколько слов о Гоголе») и создал первую «Биографию Федора Ивановича Тютчева», на дочери которого был женат. В 1860 году И. Аксаков побывал в славянских странах и выступил одним из инициаторов создания славянских благотворительных комитетов, что особенно ценится в Болгарии, там есть село Аксаково, а в Варне его именем названа улица. В годы русско-турецкой войны (1877—1878) он организовал кампанию в поддержку южных славян. Движение в защиту славян нашло отражение в произведениях русских писателей, в частности — И.С. Тургенева.

Их отец, С.Т. Аксаков, родившийся в Уфе, но многие годы проживший в Оренбургском крае и описавший его в своих художественных произведениях, выступил в печати первоначально (в 1820-е годы) как литературный и театральный критик, предшественник В.Г. Белинского.

В 1847—1848 гг. в Оренбургском губернском правлении служил Петр Петрович Пекарский (1827—1872; род. около Уфы), литературовед, впоследствии академик, автор 2-томного труда «Наука и литература в России при Петре Великом» (1862); жизнеописаний В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова (в работе по истории Академии наук в Петербурге); книги, имеющей особое значение для оренбуржцев, — «Жизнь и литературная переписка П.И. Рычкова». Известны были в XIX в. его «Библиографические заметки о русской литературе первой половины XIX в.» (1855).

С июня 1861 года по июнь 1862 в Оренбурге жил литературный критик и поэт Аполлон Григорьев (1822–1864). Служа в Оренбургском Неплюевском кадетском училище, А.А. Григорьев занимался и литературной деятельностью. В Оренбурге им были написаны статьи о Л.Н. Толстом, Н.А. Некрасове, в Оренбургском благородном собрании прочитаны лекции о Пушкине.

В Оренбурге А. Григорьев познакомился со своим однофамильцем Василием Васильевичем Григорьевым (1816–1881), ориенталистом, бывшим в те годы председателем Оренбургской пограничной комиссии. В Оренбурге были написаны многие важные труды В.В. Григорьева, за которые в 1854 г. он получил звание члена-корреспондента Петербургской Академии наук. Прожив в Оренбурге более 10 лет и вернувшись в столицу, он стал профессором Петербургского университета, возглавив впервые созданную кафедру истории Востока. Он известен как автор исследованной по истории русской литературы, полемической статьи о Т.Н. Грановском, как главный редактор «Правительственного Вестника».

Находясь в Оренбурге, А.А. Григорьев писал письма Н.Н. Страхову (1828–1896), литературному критику, известному своими работами об А.С. Пушкине (в том числе и о «Капитанской дочке»), И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом, Ф.М. Достоевском и др. (В современные школьные программы по литературе включена для изучения статья Страхова «Отцы и дети» И.С. Тургенева). В 1878 году Н.Н. Страхов приезжал с Л.Н. Толстым и его семьей в самарское имение писателя, побывал в Оренбурге, на Меновом дворе, в Бузулуке.

В 1867 году в Оренбург был сослан Николай Федорович Крузе (1825–1901), который в литературе был известен как сотрудник «Русского вестника», «Русской старины», «Санкт-Петербургских ведомостей», как цензор прогрессивного направления (в начале 1860-х годов). Ему посвятил стихотворение Н.А. Некрасов, с ним переписывались И.С. Аксаков, А.Д. Галахов, И.А. Гончаров, В.М. и Н.М. Жемчужниковы, А.К. Толстой.

В 1870 годы в петербургских газетах и журналах публиковались статьи, критические этюды и литературные обзоры («Злоба дня в литературе» и др.) писателя-прозаика и публициста, уроженца Оренбурга М.В. Авдеева (1821–1876). Позже вышли в свет его книги литературно-критических очерков: «Наше общество (1820–1870) в героях и героинях литературы», «Женщины русских писателей», где были проанализированы произведения А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева и др.

Во второй половине XIX в. в оренбургской и столичной периодике часто появлялись литературно-краеведческие и культурологические работы Павла Львовича Юдина (1864–1928), краеведа, историка, орен-

бургского казака. Его статьи были посвящены истории и быту уральского казачества, старообрядчеству, пребыванию в Оренбургском крае в 1824 году Александра I, жизни оренбургского губернатора В.А. Перовского, писателям А.Н. Плещееву, Н. Успенскому. Печатался П. Юдин в «Оренбургских губернских ведомостях», «Оренбургском листке», «Тургайской газете». В 1896 году в газете «Оренбургский листок» было опубликовано открытое письмо П. Юдина «тургайским историографам» об искажениях в публикациях, посвященных пребыванию поэта А. Плещеева в Оренбургском крае.

В конце XIX века в Оренбурге после окончания Московского университета преподавал словесность в Оренбургском реальном училище русский литературовед Николай Михайлович Гутьяр (1866–1930). В Оренбурге вышла его книга «Из воспоминаний о Ф.И. Буслаеве» (1897). Основная его литературоведческая работа о Тургеневе создана на основе ряда его статей и работ («Тургенев в Берлинском университете», «Тургенев во Франции» и др.): «Иван Сергеевич Тургенев. Биография» (Юрьев, 1907). В 1910 году в Санкт-Петербурге вышла в свет его «Хронологическая канва для биографии И.С. Тургенева» – первая хронологическая летопись жизни и деятельности И.С. Тургенева.

В конце XIX – начале XX вв. на страницах оренбургских и самарских газет часто появлялись произведения и статьи А.И. Матова, друга С.И. Гусева-Оренбургского. Матов переписывался с В.Г. Короленко, был известен в литературных кругах. Став сотрудником «Тургайской газеты», А. Матов часто на страницах этой газеты публиковал биографические очерки, посвященные деятельности в Оренбурге известных ученых и писателей – В.В. Григорьева, Т.Г. Шевченко, Г.Ф. Генса и др.

В 1908 году в «Оренбургской газете» некоторое время раздел «Литературные и художественные юбилеи и поминки» вел П.Н. Столпянский. До этого он был редактором «Оренбургского листка» (1905–1906 гг.), закрытого за статьи антиправительственного характера. Он автор произведений о Петербурге и Оренбурге («Очерки оренбургской старины», «Город Оренбург»). Переехав в 1908 году в Петербург, он редактировал газету «Старый Петербург», был библиотекарем в музее Александра III, в библиотеке Русского музея.

Следует отметить, что достаточно большое количество литературоведческих работ, создававшихся в Оренбурге в XIX в., носили краеведческий характер.

Очень многое для изучения литературной жизни Оренбуржья, для выявления связей с ним русских писателей-классиков (Г.Р. Державина, И.А. Крылова, А.С. Пушкина, В.И. Даля, С.Т. Аксакова, М.В. Авдеева, М.Л. Михайлова, А.Н. Плещеева, Л.Н. Толстого, Г.И. Успенского) сделал

в первой половине XX в. Н.Е. Прянишников (1890–1963), литературовед и краевед, на чьи книги «Проза Пушкина и Л. Толстого», «Писатели-классики в Оренбургском крае», «Писатели-классики об Оренбургском крае» ссылки можно встретить во многих академических изданиях и энциклопедических словарях.

Выход его книги «Писатели-классики в Оренбургском крае» довольно серьезно обсуждался на страницах оренбургских газет. Так, в газете «Чкаловская коммуна» (№ 253, 22/12 1946 г.) был опубликован анализ книги, сделанный кандидатом филологических наук Н. Мещерским. Автор статьи отмечает многие достоинства книги Н. Прянишникова и критикует его лишь за использование некоторых сведений, почерпнутых у Д. Соколова, опиравшегося на статьи Н. Иванова (недостоверный источник), решившегося даже на дискредитацию воспоминаний В.И. Даля.

В 1940–1950 гг. в Оренбург был сослан литературовед, текстолог, научный сотрудник Пушкинского Дома, известный пушкиновед Николай Васильевич Измайлов (1893–1981). В оренбургский период жизни и деятельности Н.В. Измайлов активно занимался историей создания Пушкиным «Капитанской дочки» и «Истории Пугачева», результатом чего стали многочисленные статьи и оригинальная работа «Оренбургские материалы Пушкина для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки». Кроме того, в Оренбурге Н.В. Измайлов подготовил материалы к статьям «К истории создания «Полтавы» А.С. Пушкина», «Мицкевич в стихах Пушкина», «Историческая тематика в поэзии Пушкина», написал вступительную статью для редактируемого им однотомника стихотворений и поэм А.С. Пушкина (издание Чкаловского областного издательства). В оренбургский период Измайлов готовил к печати (1947 год) именную указатель к XV тому издания «Переписка Пушкина за 1832–1834 гг.», в 1949 году работал над II, III и XVI томами академического издания сочинений Пушкина (правил корректуры вариантов, сверял их с подлинниками, редактировал указатель и т.п.), для чего часто выезжал в Москву и Ленинград.

В одно время с Н.В. Измайловым в Оренбурге жила и работала в Оренбургском педагогическом институте Элла Львовна Войтоловская, писавшая в то время диссертацию о жизни и творчестве С.Т. Аксакова. Впоследствии, в 1982 году, в Ленинграде вышла в свет ее работа «С.Т. Аксаков в кругу писателей-классиков: Документальные очерки», содержащая сведения о взаимоотношениях Аксакова со многими писателями – Г.Р. Державиным, А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем, И.С. Тургеневым, Л.Н. Толстым.

В годы Великой Отечественной войны в Оренбурге некоторое время жил поэт и критик Александр Александрович Коваленков, написавший

об Оренбурге цикл стихов «Город в степи». А. Коваленков известен и как автор литературных портретов «Хорошие, разные...», книги «Практика современного стихосложения», в которой дана характеристика творчества ряда русских поэтов XX в.

Показательно, что в эти годы литературоведы и краеведы особо выделяют военную тематику в творчестве русских классиков и жизни оренбуржцев: «Родина в творчестве классиков», «Патриотизм Лермонтова», «Отечественная война 1812 г. по роману Л. Толстого «Война и мир», «Салтыков-Щедрин о предках фашистов», «Немцы в произведениях русских писателей-классиков», «Рассказ Л. Толстого крестьянским детям о войне с Наполеоном» – Н.Е. Прянишников; «Оренбург в эпоху Отечественной войны 1812 г.» – Н. Мещерский; «Отечественная война в фольклоре», «Красная армия в фольклоре Чкаловской области» – А.В. Бардин.

В послевоенное время, кроме военной тематики, литературоведы Оренбуржья продолжают заниматься краеведческими проблемами и много внимания уделяют современной им литературной жизни. Так, Н.Е. Прянишников в оренбургской периодике публикует статьи об украинском поэте Т.Г. Шевченко и «шевченковских» местах в Оренбурге, о находке краеведа С.А. Попова, установившего, что Державин действительно оставил завещание об освобождении своих крестьян (это не только легенда). В областной газете «Чкаловская коммуна» печатается ряд статей о посещении Оренбуржья А.А. Фадеевым, выбранном депутатом Верховного Совета СССР от Сорочинского округа Оренбургской области.

В местной периодике появляются новые имена литературоведов, в основном преподавателей педагогического института: И.Т. Изотова, С.М. Лубэ, Ю.В. Бабичевой. В результате краеведческих разысканий С.М. Лубэ в Оренбурге выходит книга, посвященная Л.Н. Сейфуллиной, «Л.Н. Сейфуллина. Художественные произведения, воспоминания, статьи» (1959) с предисловием, примечаниями ученого.

В альманахах «Степные огни» с начала его существования (1938) стали включаться серьезные филологические исследования: «Публичные лекции о Пушкине в Оренбурге в 1860-х гг.» (1938), «Л. Толстой в Оренбургском крае» (1940) – Н.Е. Прянишников, «Отраженные огни» – М. Лоскутова (1939), «М.Л. Михайлов и его литературная командировка в Оренбургский край» (1941) – Н. Мещерского, «Англо-американская литература в дни войны» – И.Т. Изотова (1946), «О стихе и поэтах» – С. Обрадовича (1940) и др.

Во второй половине XX в. в оренбургской и центральной печати появлялось много статей о биографических и творческих связях писателей с Оренбургским краем краеведов М.М. Чумакова и П.С. Филатова. Их

работы печатались не только на страницах газет, но и в таких изданиях, как «Временник Пушкинской комиссии» (1971, 1977 гг.), журнал «Урал» (1972).

Долгое время местная периодика не забывала начинания прежних оренбургских газет – вводила рубрики «литература и библиография» и «театр», для которых писали статьи литературоведы, театральные критики – П.Н. Столпянский, Н.Е. Прянишников, Н.В. Измайлов, И.Т. Изотов, С.М. Лубэ, М.П. Незнамов и другие, но в настоящее время это делается нерегулярно.

История биографических и творческих связей не только писателей, но и литературоведов, культурологов с Оренбургским краем свидетельствует о том, что местная культура имеет хорошие литературные традиции, и продолжить их в настоящее время пробует альманах «Гостиный Двор».

Л.С. Панина

ПОСЛОВИЦЫ, «ИЗ КОТОРЫХ НЕ МАЛО НЫНЕ УПОТРЕБЛЯЕМЫХ ВЫБРАТЬСЯ МОЖЕТ» (О СБОРНИКЕ ПОСЛОВИЦ В.Н. ТАТИЩЕВА)

Известно, что имя Василия Никитича Татищева, русского государственного деятеля, выходца из Псковской губернии, тесно связано с Оренбургским краем, а точнее с Оренбургской губернией, где он был статским тайным советником.

Как уже неоднократно историками отмечалось, интересы и увлечения этого замечательного человека и государственного деятеля, сподвижника Петра I, историка были широки и разнообразны. Как указывают источники, в 1730 году В. Н. Татищев подготовил первую русскую публикацию исторических источников, введя в научный оборот тексты «Русской правды» и Судебник 1550 («Продолжение Российской вивлиофики»). В 1739 году он представил в Академию наук «Историю Российскую с самых древнейших времен», над которой работал около двадцати лет. «История Российская...» – первый опыт создания большого обобщающего труда по русской истории на основе многочисленных русских и иностранных источников¹.

В это же время В. Н. Татищевым был составлен первый русский энциклопедический словарь – «Лексикон Российской, географической, политической и гражданской» (3 части 1793) – до буквы «К».

Как видно из исследований историков, будучи на Урале, В.Н. Татищев проводил большую работу как администратор по созданию новых государственных горных заводов, организовал поиски, изучение и добычу полезных ископаемых. Во время его управления горными заводами на Урале им были открыты новые горные школы, которые готовили специалистов для горного дела на Урале. Постоянно осуществляя контроль над деятельностью уральских горных заводов и горнозаводчиков, В.Н. Татищев разработал горный устав².

Но мало кому известно, что работая над составлением «Истории Российской...», В.Н. Татищев первым в русской науке привлек в качестве исторического источника памятники устной и письменной речи. Текст «Истории...», начиная со второй части 1-й книги, представляет четкий пересказ по годам летописей, и все книги содержат авторские примечания. Пристальное внимание и особый интерес проявлял В.Н. Татищев к русским пословицам и поговоркам, используя их в качестве исторического источника и как «образец выражения народной мудрости и культуры языка».

В.Н. Татищев, будучи тайным статским советником в Оренбургской губернии, откликаясь на речь В.К. Тредьяковского о русском языке, произнесенную им в Академии наук 14 марта 1735 года, послал в Академию наук свой сборник пословиц. Он писал в письме В.К. Тредьяковскому от 18 февраля 1736 года: «...посылаю уложение царя Иоана Васильевича с истолкованием слов и пословицы, мною собранные, из которых не мало ныне не употребляемых выбратья может»³.

Известно, что пословичный материал как источник изучения истории народа, его культуры в настоящее время активно изучается. В последнее время отечественное языкознание констатирует факты взаимосвязи языка и культуры (В.Г. Костомаров, Е.М. Верещагин, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия и другие). В качестве примеров и иллюстративного материала активно исследуются пословичный материал словарей пословиц и поговорок В.И. Даля, И.М. Снегирева, А.А. Потебни и других собирателей. Но исследований, наблюдений, посвященных анализу и описанию пословичного материала, собранного В.Н. Татищевым, до сих пор, кроме публикации Ф.М. Головенченко в одном из сборников, нет. Единственным исследователем, который подробно рассмотрел рукописный сборник В.Н. Татищева, остается в лингвистической и литературоведческой литературе Ф.М. Головенченко. В своей статье «Сборник пословиц В.Н. Татищева», опубликованной в «Ученых записках МГПИ», исследователь довольно подробно дал анализ пословичного материала и опубликовал сами пословицы, собранные В.Н. Татищевым. Мало кому известно, что большой фактический материал в этом сборнике собран В.Н. Татищевым именно в Оренбургской губернии.

Рукописный сборник пословиц В.Н. Татищева хранится в Ленинградском отделении Академии наук России под шифром 17.7.32. Написан он скорописью начала XVIII века, на плотной бумаге. На первом листке сделана надпись: «Присланы от статского действительного советника Василия Никитича Татищева».

Интересно в этом плане замечание, что рукопись имеет две нумерации страниц – первая сделана чернилами и обозначает полулисты, а вторая – карандашом и обозначает целые листы. На последнем листе сборника стоит: «Всего 78 страниц» В сборнике собраны и описаны 1478 пословиц. Располагаются они в алфавитном порядке. На буквы «А – О» пословицы занумерованы. На букву «А» в сборнике представлено всего две пословицы, на «Б» – 73, на «В» – 114, на «Г» – 82, на «Д» – 104 и т.д. Пословицы на «П – Я» не нумерованы, но расположены в строгом алфавитном порядке. В тексте рукописи имеются приписки, сделанные иным почерком, отличающимся от писарского. Так, иным почерком, по мнению исследователя Ф.М. Головенченко, дописаны три пословицы на букву «Г»: «*Господь умудряет слепца, черт кузнеца, а дьякон дьявола*», «*Господи церковь, а в ней поп*», «*Где больно, там рука, а где мило тут глаза*». Под одним номером стоят в некоторых случаях две пословицы⁴.

Сборник пословиц В.Н. Татищева относится к числу старейших сборников русских пословиц, сохранившихся в рукописном издании.

Как уже нами отмечалось, всего в сборнике 1478 разнообразных изречений. При этом, мы убеждены, далеко не все можно назвать пословицами, если учесть определение пословицы, используемое нами в более ранних исследованиях. Неоднократно паремиологами отмечалось, что в современной лингвистике наиболее известным считается определение пословицы, данное В.И. Далем в его словаре. Пословица... – это суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот под чеканом народности. Пословица – обиняк с приложением к делу, понятый и принятый всеми⁵. Вот только немногие примеры изречений, помещенных в сборнике: *Болезнь человека не красит, Больному все горько, В долгу по горло, В поле воля, Глуп, как осетр, Подушка под головой не вертится* и другие. Как показывают наши наблюдения, в анализируемом нами сборнике В.Н. Татищева встречаются и общеизвестные выражения, эквивалентные слову, и изречения, выражающие в устойчивой форме законченную мысль. Имеют место и изречения, формально сводимые к предложению, и высказывания, в которых устойчивым, видимо, можно считать только значение, причем форма передачи этого значения остается достаточно свободной, допуская лексическое, морфологическое, синтаксическое варьирование.

Как видно из анализа фактического материала в сборнике В.Н. Татищева ясно выражена гуманистическая направленность, В нем есть по-

словицы, где подчеркивается чувство человечности, например, *Гнев – человеческо, а зло памятовать – дьявольско, Добро делать – доброму не вредит, Добродетель преодолевает силу* и другие. О труде в сборнике говорится часто и с достоинством, например, *Ремесло везде добро, Не посеяв, не пожнешь, Не поле кормит, а нива, Чести без труда не сыскать, Делай добро и жди добра* и другие. Зато осуждается безделье и лень, например, *Ленивому всегда праздно, Не спеши языком, а не ленися делом, Ленивому и одеться труд, Легко чужими руками жар загребать* и другие. Определенное внимание автор пословиц уделяет и судьбе человека, например, *На бедного Макара и щепки летят, Беды ходят не по лесу, а по людям* и другие.

В большой группе пословиц подчеркивается важность науки, сила просвещения и разума. Это такие выражения, как: *Век жить, век учиться, Наука переменит природу, Разум силу победит, Коли хочешь много знать, не надо много спать* и другие.

Подходя к пословицам как к микротекстам, можно отметить их и грамматические особенности. Так, можно указать на употребление отличных от современных форм прилагательных, ср.: *Вякому мертву (вместо ожидаемого мертвому) земля гроб, Под лежач (вместо лежащий) камень и вода нейдет*, предпочтения форм повелительного наклонения или будущего времени в изъявительном наклонении, например, *Перестать от злого милости искать (вместо перестань)* активному использованию бессоюзных предложений различной грамматической семантики взамен союзных, например, *Много пить – добру не быть, Бегать – смерти не убежать* и другие.

Не можем не согласиться с мнением Ф.М. Головенченко, который убежден, что очень много пословиц из сборника В.Н. Татищева было использовано В.И. Далем, но нигде, ни в каком источнике не назван В.Н. Татищев⁶. Это такие известные изречения, как: *Без притчи века не изжить, Без смелости сила не падает на вила, Сваливать с больной головы на здоровую не накладно, Бог даст день, бог даст и пищу, Два медведя в одной берлоге не уживутся* и другие. С этим можно и не согласиться, так как пословица – это жанр устного народного творчества. Автор пословиц – только народ. В пословицах содержатся многолетние наблюдения человека, опыт народа, назидания. В настоящее время даже трудно иногда определить, у какого народа, в какой области родилась та или иная пословица. Пословицы и поговорки интересны исследователям в аспекте отражения в них народной психологии и философии того, что В. Гумбольдт называл в свое время народным духом, «духовной самобытностью».

В сборнике пословиц В.Н. Татищева преобладают народные пословицы, прекрасно отображающие быт и «сметку русского трудового народа», хотя в сборнике имеются «частью книжные и церковные изречения»,

например, такие: *Бог даст день, Бог даст пищу, Царево сердце в руке Божию, Бог правду видит, да не скоро скажет, Бог знает, чей кур, чей баран, Бог свое строит, Божья тварь богу и работает* и другие.

В татищевском сборнике немало пословиц, выражающих сатирическое отношение к царской власти: судьям, чиновникам. Например. *Закон, как паутина, шмель пробьется, а муха увязнет, На миру беда, а воеводе нажиток, Господская просьба стоит за приказ, Воля божья, а суд царев, Беззаконный и в Царьграде пеш, Где сила владеет, тут закон уступает* и другие.

Заслугой автора сборника, по нашему мнению, является то, что в сборнике говорится о **труде** часто и с достоинством: *Ремесло везде добро, Не посеяв, не пожнешь, Чести без труда не сыскать, В добрую голову и сто рук, Встань кормит, а лень портит, Всякое дело мастера боится, а от иного и мастер боится* и другие. Зато в них осуждаются бездельники, лентяи. Это видно из таких пословиц: *Ленивому всегда праздник, Не спеши языком, а не ленился делом, Ленивому и одеваться труд, Легко чужими руками жар загребать* и другие.

В большой группе пословиц подчеркивается важность науки, сила учения, просвещения, разума, например, *Век жить, век учиться, Наука переменит природу, Коли хочешь много знать, не надобно много спать, Разум силу победит, Глупый погрешит один, а умный соблазнит многих* и другие.

Сборник наполнен фразами, которые явно имели хождение в простом народе, например, такими: *Беда беду родит, без денег в городе сам себе враг, Жена мужа не бьет, а под свой норы ведет, Жена не сапог — не скинешь, Жена да муж — змея да уж, Живой не без места, а мертвый не без могилы, Знать золота и на грязи, Звонок бубен за горами, а к нам придет что лукошко, Изпустя лето, да в лес по малину* и другие. Возможно, и даже вероятнее всего, что они и родились в этой простой народной среде. Однако некоторые изречения наводят на мысль о том, что среди татищевских пословиц по характеру используемой в них лексики, можно найти такие, которые родились в среде торговцев, например, *Заочно торговать — по товаре горевать, Не наша еда лимоны, есть их иному* и другие.

Сборник В.Н. Татищева, по нашему мнению, не был строго подчинен идее воспитания читателя в христианском духе. Собиратель пословиц, скорее всего, ставил перед собой цель фиксации как можно более широкого круга устойчивых фраз, бытовавших в народной речи. Именно эта цель только и могла оправдать включение в число записанных им пословиц некоторых явно неприличных выражений, например, таких: *Не замай дерма, та не воняет, Не садись под чужой забор псыать, Вор не брат, б...дь не сестра, подле пчолки в медок, а подле жука в дермо, В дубе галица, а в гузне яйца* и другие.

Как показал анализ, в сборнике есть пословицы, в которых выразилось влияние господствующего класса на народное творчество. Мы не можем согласиться, например, чтобы народ о себе мог сказать, *Где смерд думал, тут бог не был, Царский гнев, что божья роса* и другие.

Патриархальные взгляды отразились и на таких пословицах, как: *Бей жену к обеду, а к ужину опять, Царево сердце в руке божии, Кто жены не бьет, тот мило не живет* и другие.

Заметим, что некоторые пословицы с патриархальным содержанием противопоставлены пословицам сатирического содержания, в которых выражается насмешливое отношение к церковным служителям, например, такие: *Игуменя за чарку, сестры за ковши, Как бог пристанет, так и пастыря приставит, не грози попу церковью, он там сыт; Попа сеном не кормят, Глупого попа и в алтаре бьют, Поповы дети, что голубые кони: редко удаются, Молебнеть, пользы нет* и другие.

Как уже нами отмечалось ранее, татищевский сборник стоит в ряду первых сборников устных народных произведений. И этот сборник, по мнению многих лингвистов-современников, сыграл немалую роль в формировании русского национального литературного языка. В.Н. Татищев восхищался крепостью и красотой устной речи, подчеркивая, что русский язык не уступает другим языкам по богатству лексики. «Наш язык полнее и плодovitее... им и в философии... и прочих науках не хуже французского и германского, но еще кратче изъяснять может»⁷.

Примечания

1. БСЭ. Т. 42. С. 5.
2. Там же. С. 6.
3. Обнорский С.П., Бархударов С.Г. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. II. Вып. 2. Учпедгиз, 1948. С. 91.
4. См.: Головенченко Ф.М. Сборник пословиц Татищева В.Н. // Сборник. Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. Русская литература (Статьи, исследования, публикации). М., 1961.
5. Даль В.И. Пословицы русского народа: В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 13.
6. См.: Головенченко Ф. М. Сборник пословиц Татищева В.Н. // Сборник. Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. Русская литература (Статьи, исследования, публикации). М., 1961. С. 3.
7. Там же. С. 4.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ И ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Публицистика во все времена мощно воздействовала на сознание общества в силу того, что всегда обслуживала и обслуживает широкую сферу человеческих отношений. Современная социальная общественная структура отражает те события, которые происходили в последние несколько десятилетий. Газетно-журнальная разновидность публицистического стиля обладает его самыми яркими отличительными чертами: доходчивостью при четкой лаконичности и логичности при несомненной эмоциональности, образности¹. Последние названные качества языка современных газет и журналов формируются и активным использованием фразеологизмов, а потому являются бездонным источником для филологических наблюдений. Устойчивые выражения не только отражают народную мудрость, быт, культуру, политику, религию, историю, но и воздействуют на читателя, привлекая его внимание к напечатанной информации.

Вместе с кодифицированным употреблением фразеологизмов в газетной речи наблюдается и ненормативное их употребления. Это вызвано необходимостью не только чередования экспрессии и стандарта, но и создания эмоциональной тональности газетного текста.

Остановимся на рассмотрении фразеологизмов, пословиц и поговорок только с индивидуально-авторскими изменениями. Авторские речевые преобразования фразеологизмов раскрываются в пределах следующих основных структурно-семантических изменений: инверсия, замена, вставка, контаминация, эллипсис, аллюзия и т.д. Классифицировать устойчивые единицы будем в соответствии с типологией М.В. Панова², приведенной в статье «Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики», предлагая и свои доводы, размышления.

1. *От сисадмина и кодера до хакера один шаг (От любви до ненависти один шаг)*. Игромания, № 4, 2008 г. *Иерихон, да не тот (Федот, да не тот)*. Игромания, № 9, 2007 г. *В Сети все равны (Перед богом все равны)*. Игромания, № 6, 2007 г. *Бомби – не хочу (Ешь – не хочу)*. Аргументы и факты, № 5, 2008 г. *Гадание на пластиковых картах (Гадание на кофейной гуще)*. Аргументы и факты в Оренбуржье, № 5, 2008 г.

Приведем пример трансформированного фразеологизма в контексте: *Итак, наши копии скрестились. Экипированный бумажными латами,*

храбро выхожу я на великое канцелярское ристалище. Мой щит — вышеприведенный ответ. Он написан точно в десятидневный срок. Российская газета. 2005, № 13. В основе словосочетания «*копии скрестились*» узнается фразеологизм «*скрестить шпаги*», хотя использованное выражение близко и к фразеологизму «*ломать копыя*» — бороться за что-нибудь; с жаром спорить о чем-либо; защищать, отстаивать что-либо. В результате такой трансформации фразеологизм приобрел новый лексический облик и новое семантическое значение, соотносящееся как со значением нормативного фразеологизма (или фразеологизмов?), так и с содержанием.

Лексическую замену наблюдаем и в выражении «*с ушами оторвут*», в основе которого лежит фразеологизм «*с руками оторвать*» — охотно, с жадностью взять, приобрести. «*Ишь ты, — заметил он, — клипсы ему, видите ли, не подходят. Да их модницы, можно сказать, с ушами оторвут. Дайте мне вагон этих замечательных изделий, и вы увидите, что будет*». Российская газета. 2004, № 3. Однако данная замена говорит не столько об авторской трансформации устойчивого выражения, сколько о небрежном отношении автора статьи к языку, отсутствию речевой культуры. Подобную замену компонентов можно назвать синонимической, т.к. семантика фразеологизма практически не изменяется.

2. Часто наблюдается введение во фразеологизм дополнительных компонентов. Это ведет к расширению лексического состава. *Плакала в тот день моя работа (плакали мои денежки)*. Российская газета, № 8, 2008 г. *С одной стороны, он, безусловно, строг, с другой — почти в каждом разделе есть «дышло», позволяющее толковать требования «по обстоятельствам» (Закон, что дышло, куда повернешь, туда и вышло)*. За рулем, № 6, 2006 г. *Кто не работает, тот не ест, но, насколько мне известно, едят поголовно все. Работают у нее менее поголовно. Обычный человек работает хорошо. В обиходе это называется работать с душой. Он в дело вкладывает не только голову, руки и ноги, но еще и душу (вложить душу)*. Российская газета. 2005, № 6 и т.д. Расширение лексического состава, «вольная интерпретация» известного устойчивого оборота в некоторой степени меняет и его семантику.

3. Фразеологизм может быть видоизменен не внешне, а «внутренне». В данном случае можно говорить не об изменении семантики как таковой, а об использовании метафорического образа, содержащегося во фразеологизме. «*Попадать в историю*» — это значит быть замешанным в каком-либо предсудительном деле, быть причастным к какому-либо неприятному происшествию. Однако в контексте фразеологизм, не меняясь лексически, количественно, приобретает положительную окраску.

В историю люди попадают тоже по-разному, — рокочет сзади чей-то приглушенный бас. — Кто головой, а кто, извините, чем другим. Про мар-

киза Галифе слышали, надеюсь? Так тот, подлец, штанами втиснулся. Российская газета. 2005, № 6.

В следующем примере фразеологизм (*сизифов труд*) вообще отсутствует. Мы встречаем его сразу преобразованным. Но наличие в контексте слов «*Сизиф*», «*работа*» и словосочетание «*сизифовы обязанности*» легко восстанавливают фразеологизм:

Трагедия Сизифа еще и в том, что работа у него была не сдельная, я бы даже сказал, бесплатная. Но ведь я знаю многих людей, которым поручены отнюдь не сизифовы обязанности и при этом они получают зарплату. Ну, разве нельзя, хотя бы в силу этого, работать подсобросовестней. Российская газета. 2005, № 5.

4. Образование свободного сочетания по модели фразеологизма, по его подобию – распространенный стилистический прием.

Утром – шпионаж, вечером – призраки (Утром деньги – вечером стулья). Игромания, № 5, 2008 г.

Расписать машину под «Орех» (разделить под орех). За рулем, 2008 г., № 5. *Между наукой и рекламой (Между небом и землей; между Сицилией и Харибдой).* За рулем, 2006 г., № 3. *Глаза – боятся, руки – делают, мозг – переваривает информацию (Глаза – боятся, руки – делают).* За рулем, 2008 г., № 4. *Доли рассовали по конвертам; конверты вручили адресатам. Шито-крыто. Тихо – спокойно. На все документки имеются. Липовые, правда. Но кто докопается.* Российская газета. 2005, № 3. Из приведенных примеров мы видим, что свободное сочетание создается по подобию фразеологизма, используя общность в смысловых ассоциациях и структурном построении.

5. Интересным представляется нам соединение в одном контексте двух фразеологизмов с общей лексемой. В итоге такого специального подбора фразеологизмов происходит расширение и видоизменение значения единиц. *Страна буквально заклеена предвыборными плакатами. Обещания сыплются как из рога изобилия. Время наставления рогов придет несколько позже.* Российская газета. 2004, № 13.

6. Но эмоциональность и экспрессивность можно передать и усилить не только вышеназванным способом. Достаточно использовать известное синтаксическое средство выразительности – инверсию. *Растешь – значит летаешь (Летаешь во сне – значит растешь).* За рулем, № 1, 2008 г. *Князи – в грязи (Из грязи в князи).* За рулем, 2005 г., № 6. *Начинался тот путь в белозерских лесах. Там крестьяне – потомки новгородских ушкунников – привыкли шапок перед господами не ломать. Но жили небогато, часто подаваясь в отход.* Российская газета. 2004, № 21.

7. Своеобразным является прием, когда один из компонентов фразеологизма, глагольный или именной, вычленяется из оборота и на правах

свободного члена вступает в самостоятельную смысловую и синтаксическую связь с другими членами предложения:

А потом ему пришлось переключаться на новые области науки, начинать с азав, да и азы разрабатывать самому. Вечерний Оренбург. 2007, № 31.

8. Введение в авторскую речь разговорных элементов, например, эллипсиса, оживляет газетный материал. Многословие, в той или иной форме, ведет к созданию громоздких конструкций. Эллиптические фразеологизмы служат средством лаконизации речи: *И вдруг обезоруживающе детская улыбка — так, наверное, он не улыбался уж давно: радость, камень с души — вот она, мама, идет к тебе, протянув руки.* Российская газета. 2004, № 8 Опускание глагола «свалился» не влияет на значение целого, поскольку опорная часть «камень с души» выступает в значении целого. Эллипсис придает высказыванию краткость, энергичность.

9. Даже если контекст способствует прямому пониманию значения, то сохраненная структура фразеологизма позволяет сохранить и образ.

Дорога — кормилица (Мать — кормилица). За рулем. 2001 г., № 3. *Свои ботинки ближе (Своя рубашка ближе к телу).* За рулем. 2001 г., № 3. *Овчинка стоила выделки (Овчинка выделки не стоит).* За рулем. 2001 г., № 3. *Роскошь — не сам автомобиль, а его ремонт (Автомобиль не роскошь, а средство передвижения).* За рулем. 2008 г., № 3. *Познаем в езде (Друзья познаются в беде).* За рулем. 2006 г., № 3. *«Олимпийские игры», проведенные на Аляске, включали в себя «переноску тяжестей, привешенных к ушам». Для того, чтобы выйти в финал, необходимо было удерживать на ухе гиру весом в 17 фунтов (6 кг 345 г), пройти с ней несколько шагов. В этом виде спорта рекорд явно притянут за уши.* Российская газета. 2004, № 18.

В приведенном примере фразеологизм «притянуть за уши» употреблен в прямом значении, реализуя ту часть своей семантики, которая соизмерима с конкретным фактом.

В следующем случае автор сам указывает на буквальное /прямое/ использование значения фразеологизма: *Дыхание безбрежного озера пришло ко мне с первым глотком воздуха, когда я появился на свет. Байкал в буквальном смысле слова делает погоду в моей родной стороне. Это он посылает нам дожди и туман, и ясную погоду, так что дыхание его всегда ощутимо.* Российская газета. 2004, № 32.

10. Под контаминацией понимается смешение двух фразеологизмов. Это явление может вылиться в ошибку (когда смешиваются два близких по значению фразеологизма — *играть значение, иметь роль*) или в специальный стилистический прием, когда совмещаются два семантических плана — фразеологический и прямой. *Что касается бытующих сейчас разговоров о том, что волка следует охранять и «выпускать в заповедники для регулирования поголовья других животных», то разговоры эти, как правило,*

малограмотны. Я живо представляю себе картину такого «регулирования», например, в хорошо знакомом мне Воронежском заповеднике. За месяц пара волков оставит от всего стада оленьего рожки да ножки. Российская газета. 2004, № 64.

Башню не снесло, но крыша поехала. Студия телеканала «Россия» на Шаболовке переезжает. Никто не сошел с разума (хотя автор сомневается в этом), телебашня в свое время устояла, но здание на Шаболовке уже не соответствует уровню телеканала, поэтому «крыша» переезжает. «МК» № 88, 23.04.03.

Из примеров видно, что фразеологические единицы на страницах газет и журналов создаются по уже имеющимся в языке семантическим и структурным моделям, что облегчает их восприятие, несмотря на окказиональность. Уже первое употребление фразеологической единицы в измененном виде дает возможность ей приобрести некую устойчивость.

Во многих газетах, журналах, на развлекательных сайтах в Интернете мы часто встречаем пословицы и поговорки, с измененным первоначальным денотатом, которые носят ироничный или комический характер. Кризисные, переломные моменты российского общества всегда отражаются в языке. Появляются новые пословицы, поговорки, частушки, песни.

Прежде всего мы сталкиваемся с перефразированными пословицами и поговорками по радио, в качестве заставок (радиостанция «Русское радио»), иногда в газетах и в Интернете. В какой-то мере теряются культурные и традиционные нормы, слова и выражения приобретают новое значение, хотя подчас стирается характерная черта пословиц — поучение. Таким образом, можно сказать, что видоизмененная, перефразированная пословица — это современное народное изречение, заключающее в себе общее суждение или наставление на какой-нибудь случай жизни, которое не воспринимается серьезно, оно может пониматься только как шутка.

Анализ газетного текста обнаруживает перефразированные пословицы и поговорки, крылатые выражения, сентенции и т.д. Почти во всех единицах происходит полная или частичная замена лексики. Выделим несколько лексико-синтаксических групп для того, чтобы выяснить, какие языковые изменения происходят в газетной лингвистике при переходе из нормативной пословицы в перефразированную пословицу.

1. Замена всех лексем: *Одна баба хорошо, а две все в лес смотрят.* Российская газета. 2004, № 42.

2. 2-я часть пословицы произвольна: *С кем поведешься — так тебе и надо (...от того и наберешься).* Российская газета. 2004, № 42. *Не плюй в колодец — он мелкий, а там верблюд сидит (Не суйся в воду).* Российская газета. 2003, № 37.

3. Соединение частей двух пословиц (или вторая часть — поговорка): *Не зная броду — не вытацишь и рыбку из пруда*. Российская газета. 2004, №18. *Одна голова хорошо, а два сапога пара*. Российская газета. 2004, № 21. *Береги честь смолоду (платье смолоду), коли рожка крива (нечего пенять на зеркало, коли рожка крива)*. Российская газета. 2005, № 13. *Баба с возу, а потехе час (Делу время, а потехе час)*. Российская газета. 2004, № 21.

4. Замена глаголов, структура остается неизменной: *Что посмеешь, то и пожмешь (Что посеешь, то и пожнешь)*. Российская газета. 2004, № 23. *Нечего зеркало пинать, коли рожка крива (Нечего на зеркало пенять...)*. Российская газета. 2003, № 31. *Цыплят по осени стреляют (считают)*. Российская газета. 2005, № 13. *Рыбак рыбака ненавидит наверняка (видит издалека)*. Российская газета. 2004, № 21. *Яйца курицу дисциплинируют (не учат)*. Российская газета. 2004, № 21.

5. Замена субъекта: *В тихом омуте черви водятся (...черти водятся)*. Российская газета. 2004, № 17. *Один в поле не трактор (воин)*. Российская газета. 2004, № 2. *Не чаем единым сыт человек (Не хлебом единым...)*. Российская газета. 2004, № 23.

6. Введение иноязычной ассимилировавшейся лексики: *Язык до киллера доведет (Язык до Киева доведет)*. Российская газета. 2004, № 23.

7. Изменение культурного компонента (фоновая лексика — межкультурные отношения): *Работа не сайгак, за бархан не убежит (Работа не волк — в лес не убежит)*. Российская газета. 2004, № 23. *Леди с дилижанса — пони легче*. Российская газета. 2004, № 35. *Не по Хуану сомбреро (Не по Сеньке шапка)*. Российская газета. 2005, № 13.

8. Вторая часть пословицы представляет собой физическую формулу: *Работа не волк, а произведение силы на расстояние*. Российская газета. 2004, № 23.

9. Устойчивая единица построена по фразеосхеме: *Х он и в Африке Х. ...всем Х-ам Х. Х как Х*. Все примеры из «Российской газеты», 2005, № 13.

10. Переплетение двух пословиц: *Это все шито по воде белыми вилами*. Российская газета. 2004, № 21.

11. Изменение структуры пословицы (синтаксис): *Береги его как зеницу — во как! (...ока)* Российская газета. 2004, № 21. *Первый, блин!* За рулем, №5, 2006 г. *Без труда не вытацишь и рыбку из пруда, а без пруда не вытацишь ее и с трудом*. Российская газета. 2005, № 13. *Никогда не бей лежащего — ведь он может встать*. Российская газета. 2004, № 8. *Типун вам на ваш великий и могучий русский язык*. Российская газета. 2005, № 21.

12. Изменения формальной синтаксической структуры (по В.А. Белошапковой): *И бабу с возу, и волки сыты* (из бессоюзного предложения в сложносочиненное). Российская газета. 2005, № 13. *Могила горбатого справа (...исправит)* (структурная схема русского предложения, 1 блок —

двухкомпонентный, номинативный). Российская газета. 2004, № 42. № 226).

13. Изменение залога: *Вот где собака порылась!* Российская газета. 2005, № 15.

14. Изменение компонентов темы и ремы: *Лучше раз потрогать, чем сто раз увидеть*. Российская газета. 2005, № 19. *Тише едешь – дальше уедешь (...будешь)*. Российская газета. 2005, № 17.

Шутливые пословицы являются одним из самых распространенных малых комических жанров в современной газете. Образуются они путем резкого сдвига в структуре и семантике пословицы – основы. Например:

Что посмеешь, то и пожмешь, (карточка 175) (НГ. 2005. № 27); *Долг утюгом страшен*. Новая газета. 2005, № 27. *Любишь на «Запорожце» кататься, люби и «Мерседесы» чинить* (НГ. 2004, 15 июня); *Одна голова хорошо, а с телом – лучше*. НГ. 2006, № 28.

Подобные выражения, несмотря на производимый ими комический эффект, не лишены некоторого обобщающего и, подчас, поучительного смысла.

Аналогичны шутливым пословицам по механизму комического крылатые выражения предикативного типа, например: *Человек создан для счастья, как птица для бульона (...для полета)* (НГ. 2006. № 36). *Если гора не идет к Магомету, значит Моисей заплатил больше* (НГ. 2006. № 18); *Пришел, увидел, отойди – дай другим посмотреть* (НГ. 2006. № 21).

В газетах в качестве автономных высказываний, то есть как самостоятельный комический речевой жанр, используются также шутливые трансформации разных устойчивых выражений непредикативного типа, например, названия кинофильмов, литературных произведений, произведений живописи: *«А зомби здесь тихие»* (НГ. 2006. № 35). *Картина «Девочка с персями»* (НГ. 2006. 31 янв. – 6 февр.) Подобные шутливые обороты не выражают суждения, лишены обобщающего смысла и поэтому не могут рассматриваться как разновидность шутливого афоризма. Видоизмененные пословицы частично или полностью теряют свое первоначальное значение и смысл и приобретают новое, пародийное, шуточное значение, создается некоторая языковая игра, рождается некий новый смысл.

Авторское преобразование устойчивых единиц помогает более образно и интересно построить текст корреспонденции. Это немаловажно как для автора статьи, так и для всей газеты в целом, так как яркий, образный фразеологический оборот привлекает внимание и вызывает к публикации интерес, а следовательно, повышается рейтинг печатного издания.

Примечания

1. Панов М.В. Из наблюдений над стилем современной периодики // Язык современной публицистики. М.: Наука, 1998.

2. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М.: Высшая школа, 1998.

Т.В. Стрельцова

ТЕКСТЫ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РЕГИОНАЛЬНЫХ АВТОРОВ КАК ИСТОЧНИК ВОСПИТАНИЯ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ УЧАЩИХСЯ К РУССКОМУ ЯЗЫКУ

В современных условиях коренных социальных перемен, широкой демократизации общественных отношений, активного реформирования образования проблема языковой компетентности выпускника школы представляется чрезвычайно актуальной.

Речевая культура человека — его визитная карточка, показатель общей культуры. Новые условия функционирования русского языка, тенденции его развития, интенсификация языковых изменений привели к значительному снижению культуры устной и письменной речи носителей языка.

Особый интерес вызывает речевое поведение выпускника в рамках художественного дискурса, а также культурно-речевая характеристика личности выпускника школы, включающая типичные ошибки и речевые особенности. Наиболее типичными ошибками являются речевые ошибки, связанные с отклонениями от литературной нормы на всех уровнях языка — фонетическом, лексическом, грамматическом.

Словарный запас говорящего — важный показатель его речевой культуры. Еще в 60-е годы¹ акцент в обучении был сделан на развитие коммуникативных умений в устной и письменной речи на уровне рецепции и продукции².

Особое внимание должно быть уделено «организации работы над культурно-составляющей семантики языковых единиц»³, включенных в тексты, насыщенные культурной информацией, в их число входит феномен художественного текста. Именно художественный текст является наиболее благодатным материалом для исследования языкового богатства автора, отразившего культуру народа родного края. Рассматривая

тексты в культуроведческом аспекте, учащиеся «погружаются в мир русской старины, дворянских гнезд», попадают на шумные улицы современного города и т.д.

Герои художественных текстов — близкие нам люди, «истинные сыны Отечества, ориентирующие молодежь — «жизнь делать с кого?» (Н.М. Лебедев).

Мы рекомендуем учителям школ г. Оренбурга работу по воспитанию молодого поколения вести на текстах произведений известного оренбуржца Владимира Васильевича Карпова. Его жизненный путь и творчество — образец служения Отечеству. Юбилейная статья журнала «Оренбургский край» так и названа: «Владимир Карпов: «Верой и правдой служу Отечеству». В ней кратко описана его биография: годы учебы, фронт, военная академия им. М.В. Фрунзе, Генштаб, литературный институт, член Союза писателей СССР, главный редактор журнала «Новый мир», депутат Верховного совета СССР, автор романов «Маршальский жезл», «Вечный бой», «Не мечом единым», «Полководец», автор трилогии «Маршал Жуков», двухтомника «Генералиссимус» и др. Имеет более десяти правительственных наград, в том числе два ордена Ленина, Красного Знамени.

Программа культуроведческого разбора текста, разработанная на основе анализа отечественных и зарубежных энциклопедий Н.М. Лебедевым, дана в сб. «Актуальные проблемы методики преподавания русского языка на современном этапе российского среднего и высшего образования».

Методы, приемы и средства воспитания ценностного отношения учащихся к русскому языку через работу с текстом на уроках русского языка и во внеурочное время широко представлены в методической литературе, см.: А.Д. Дейкина, Т.М. Пахнова, Л.А. Ходякова, Е.В. Баканова, Н.С. Болотнова, Т.М. Белкова, М.В. Бабкина, С.В. Бодрова, В.В. Гадалова, Т.В. Зотина, М.Ю. Кулебякина, О.Н. Левушкина, О.И. Лапина, С.М. Озерова, Е.П. Петрухина, О.И. Севрюкова, Т.В. Стрельцова, Г.М. Ушакова, Д.А. Хаустова.

Таким образом, воспитание ценностного отношения учащихся к русскому языку необходимо осуществлять через произведения региональных авторов. Профессор А.Д. Дейкина утверждает, что «Русский язык — язык высокохудожественных произведений. Правомерно в курсе русского языка опереться на текст, придав ему не просто иллюстрированный характер, прикладной к теме, а самоценный, приобщая к чтению как осознанному процессу учеников, воспитывая тех, для кого дорога, больше скажем, — драгоценна русская литература. И не только произведения писателей-классиков. Писатели региона, края могут быть ближе к своим

корням и к людям — землякам, и слово их часто точнее, незаемное, родное, природное»⁴.

Примечания

1. Павлова Л.Г. Языковая компетентность административного работника // Язык как система и деятельность: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию профессора Ю.А. Гвоздарева. Дополнения. Ростов-на-Дону. РГУ, 2005. С. 26.

2. Рязова О.Ю. Роль реферирования в формировании коммуникативной компетенции // Реализация современных подходов к преподаванию русского языка с учетом традиций отечественной методики. К 190-летию со дня рождения Ф.И. Буслаева: материалы Всероссийской научно-практической конференции в МПГУ 20–21 марта 2008 г. Москва: МПГУ – Ярославль, 2008. С. 25–26.

3. Алтабаева Е.В. Культурные концепты в художественном тексте. // Язык как система и деятельность: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию профессора Ю.А. Гвоздарева. Дополнения. Ростов-на-Дону. РГУ, 2005. С. 6.

4. Дейкина А.Д. Язык и культура (в контексте школьного лингвистического образования // Регионально-ориентированные исследования филологического пространства: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2008. С. 14.

Л.К. Алахвердиева

КАРТИНЫ ЖИЗНИ В ОБРАЗАХ НАРОДНОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ)

Представления, из которых исходят носители диалектной речи в определении явлений, предметов, процессов, богаты и разнообразны. Культура отношения к жизни, представляющая денотативную основу фразеологических единиц, в условиях говора специфична. Она выражается в умении находить различные связи между предметами и явлениями в результате полученных наблюдений, жизненного опыта.

В любом из словарей русских народных говоров обнаруживается феномен — диалектные фразеологические единицы (ДФЕ), неожиданные в своем семантическом решении.

Так, в псковских говорах ДФЕ *не висит ухо* реализует характеристику лица — ‘изворотливый, хитрый’. В говорах Северного Прикамья можно найти ДФЕ *пресное молоко* — в значении ‘очень молодой человек’, *моль*

суконная — ‘худощавый бледный человек’; в русских говорах Приамурья — *сесть на щетки* — ‘состариться, ослабеть’; во Фразеологическом словаре говоров Кубани — ДФЕ *не уломит ногу* — ‘о ленивом человеке’, *из печеного яйца цыпленка высидит* — ‘о хватком, сметливом человеке’; в говорах Поволжья — ДФЕ *кошка на грудь не вскочит* — ‘о человеке, который всегда бодр, подтянут’; в донских говорах — ДФЕ *куры загребут* — ‘о застенчивом, робком человеке’ и множество других примеров русских областных выражений.

Фразеология русских донских говоров давно находится в зоне интересов любителей словесности. Около 160 лет назад на богатство русских донских говоров обратил внимание В.И. Даль¹. В это же время в «Опыте областного великорусского словаря», впервые изданном Российской Академией наук, помещаются «областные слова, употребляемые в Земле войска Донского»².

«Сильные бравурные выражения», а также «вообще оригинальные слова и выражения» появляются в 1874–75 гг. в газете «Донские областные ведомости». Практический материал накапливался и отдельными лицами в ожидании теоретических обоснований. В 1897 г. академик А.И. Соболевский в работе «Опыт русской диалектологии» сетовал на скудость научных сведений о донских говорах³.

В 1898 г. преподаватель гимназии М. Калмыков выступил со статьей в «Известиях отделения русского языка Академии наук»⁴. В ней автор помещает 27 единиц — идиоматизмов, поговорок и пословиц, зафиксированных им в речи жителей хутора Кочетовский.

Одним из первых исследований, посвященных донской диалектологии, явилась работа В. Ф. Соловьева «Особенности говора донских казаков»⁵.

Важный этап в изучении говоров Дона открывают работы известного исследователя донских говоров профессора А. В. Миртова, создавшего первый Донской словарь, который объединил 7 тысяч слов и 150 фразеологических единиц⁶.

Архивные документы, рукописи хранят разгадки происхождения многих донских ДФЕ: *ходить за зипунами*, *делать заклад*, *охотиться за куницей*, *казацкое солнце* и др. В записках урядника У.Ф. Панкова (1870) содержится пересказ воспоминаний женщины в возрасте около 100 лет о ее детстве: «Федота Ивановича Зубкова жена купила корову на ярмарке (на Варгунке) 5 р. с полтиною ассигнациями...». Информация, эксплицированная в данном тексте, объясняет предысторию появившейся позже фразы *подарунки дарят на Варгунке*, означающей шутовскую форму отказа в просьбе подарить что-нибудь. Говорящий, отказывая собеседнику, «отсылает» его на ярмарку в местечке Варгунка, где наездникам-победителям, открывавшим ярмарку, подносили подарки.

В сборнике пословиц Большой Петровской галереи зафиксирована пословица *Казак донской что карась озерской — икрян да солен*. В ней не только дается прямая адресация — *казак донской*, но и звучит восхищение характеризуемым объектом. Известно, что икряная рыба ценится высоко. Соль в сознании жителей Дона также является предметом, заслуживающим одобрения. Наличие положительной коннотации позволяет предположить с большой долей вероятности, что в пословице речь идет о самохарактеристике казаков.

Видимо, имеет смысл считать хотя и не возникшими на Дону, но принятыми, как свои, в донских говорах, устойчивые обороты, претерпевшие в своей истории семантическую трансформацию по сравнению с исходным, явно не донским обликом. В качестве иллюстрации этого тезиса можно привести ФЕ *и с Дона и с моря*. Она встречается уже в тексте «Слова о полку Игореве», во всех своих деталях принадлежащего, по выражению Д.С. Лихачева, к могучей и очень высокой фольклорно-литературной традиции и явившегося источником образных выражений, позже самостоятельных общенародных ФЕ.

В тексте «Слова» находим описание наступления половцев: «Половцы идуць *отъ Дона, и отъ моря*, и от всѣхъ странъ Рускыя плѣкы оступиша». Пространственное понятие *отъ Дона, и отъ моря* включает географическое название, но автор «Слова» уже тогда лишил слова *Дон, море* значения координатных указателей, стремясь на огромном географическом пространстве: Дон, Донец, Волга, Дунай, Рось, Сула, «синее море» и т.д. — представить героем «Слова» всю Русскую землю.

В данном случае выражение *от Дона, и от моря* обозначает общее понятие со значением ‘со всех сторон, отовсюду’. Обобщающее значение выражения определило функционирование его в качестве ФЕ: «— Ты о чем говоришь, дед? Ты что это несешь *и с Дона и с моря*? На старости лет умом помешался» (М.А. Шолохов. Поднятая целина); «... — Дожила ты, божья купель, до седых волос, а вот лопочешь тут... несешь *и с Дону и с моря*, людям спать не даешь...» (М.А. Шолохов. Тихий Дон).

Контекстное употребление свидетельствует об изменении семантики выражения. Обозначение огромного пространства сменилось обозначением многословия, лишенного определенной темы, логической связи, четкого содержания. ФЕ сохранила распространение и в общенародном языке: «А я слушаю и тоже половины не понимаю, — чисто помешанные какие, несем что попало *и с Дона и с моря*» (И.А. Бунин. Хорошая жизнь).

Лингвокультурная специфика диалектных подсистем в рамках одного языка определяется конкретностью образной основы, местным колоритом, необычной внутренней формой либо новым поворотом образа, что объясняется неисчерпаемым запасом энергии живого русского слова.

По выражению А.Н. Афанасьева, тысячи нитей тянутся из окружающего мира в народную речь для обозначения той или иной характеристики. Диалектные ФЕ способны археологически точно воссоздавать быт того или иного региона, картины жизни, скрытые в образах народной речи.

Примечания

1. Даль В.И. О наречиях русского языка. СПб., 1852. С. 55.
2. Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
3. Соболевский А.И. Опыт русской диалектологии. М., 1897.
4. Калмыков Н. Сведения о Кочетовском говоре // Известия отделения русского языка Академии наук, 1898.
5. Соловьев В.Ф. Особенности говора донских казаков. СПб., 1900. С. 4.
6. Миртов А.В. Донской словарь. Ростов-на-Дону, 1929.

В.В. Катермина

«СВОИ» – «ЧУЖИЕ» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ)

Не вызывает сомнений, что возникновение коллективных представлений народов друг о друге – чрезвычайно сложный и противоречивый процесс. Хочется особо подчеркнуть удивительную устойчивость представлений о «своих» и «чужих», инстинктивное отталкивание всего чужого как непонятного и неприемлемого.

Как справедливо отмечает Ю.С. Степанов, «противопоставление «свои – чужие» пронизывает, в разных видах, всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения. (...). Мы должны говорить здесь не только о действительном, объективно существующем различии людей по линии «свои – чужие», но и о тех мифологизированных, а подчас и просто фантастических формах, которые это различие приобретает в их сознаниях. А эта сфера, «свои – чужие», – как раз такая, где само противопоставление создается не только объективными данными, но и субъективным отражением в сознании»¹.

В ходе нашего исследования выявлен следующий факт: смысловая структура этнонимов как в русском, так и в английском языках, достаточно проста и может быть сведена к инвариантной формуле – «относя-

щийся к данной стране, ее жителям, культуре». Однако, как показывают наши наблюдения, этнонимы обладают широким набором ассоциативных, когнитивно-оценочных и фоновых признаков, из которых можно составить этнический стереотип определенной нации.

Известно, что одним из фундаментальных семиотических принципов с глубокой древности является членение универсума на два мира — «свой» и «чужой», противопоставление которых имеет множественную интерпретацию и реализуется в оппозициях типа «мы — они», «этот — тот», «здесь — там», «близкое — далекое» и т.д.

По мнению отечественных исследователей, типична также и интерпретация основного (базового) противопоставления в аксиологическом, ценностном плане — в виде оппозиции «хороший — плохой», с резко отрицательной оценкой всего того, что принадлежит «чужому» миру².

Описывая различия между «своим» и «чужим», А.Б. Пеньковский отмечает, что «свой» мир — это мир уникальных, индивидуальных, определенных в своей конкретности и известных в своей определенности для субъекта сознания и речи дискретных объектов, называемых собственными именами. «Чужой» мир — мир неподвижный, статичный и плоский. Это мир, в котором нет дискретных объектов, и потому он воспринимается нерасчлененно — как речь на чужом языке³. Вероятно, именно данные психологические особенности восприятия «чужого» мира обусловили специфику оценочных коннотаций культурно-маркированных этнонимов.

Образ «своего» как способ ориентации среди людей различных национальностей входит в структуру сознания члена каждой национально-исторической общности. Этот образ характеризуется положительной эмоциональной окрашенностью и положительным оценочным знаком.

Идеализированный, приукрашенный образ «своего» воплощает в себе не только положительное, но и положительное в высшей мере и степени. Данный образ является результатом воздействия на носителей данной национальной культуры со стороны предшествующих поколений и является одним из факторов данной культуры.

Как установлено в ходе анализа языкового материала, данное противопоставление «своего» и «чужого» в своем наиболее обобщенном виде ярко представлено в русских единицах номинации в микроконтексте. «Своему» миру, «Руси», в значении «мир, белый свет», противопоставляется нерусь, ино- и чужеземцы, рассматривающиеся как существа из-за моря, с той стороны, с того света, из-за рубежа, из другого пространства: *заморец, заморянин — заморский житель; иноплеменник, инородец или инородка — уроженец другого, чужого племени или народа; иностранец, иностранка — житель или выходец, путник из иного государства, земли; чуже-*

странец — чужак или чуженин, человек из другой земли, другого государства; чуженин, чужбинин или чужбинник, чужень, чужак — чужой, сторонний, пришлый, пришелец.

«Чужой» мир образует единую враждебную массу, состоящую из единиц, кажущихся абсолютно тождественными, что выражается, исходя из наших наблюдений, в использовании при описании «чужого» мира форм множественного числа с ярко выраженной отрицательной оценочностью (*татарва, нерусь — собир. инородцы, иноземцы, чужестранцы; басурманщина — всякий иноземец и иноверец в неприязненном значении, особенно азиат или турок*).

Специфика значения этнонима состоит в том, что название этноса может сохранять следы событий, с ним связанных, и иметь пространственно-временные и информационные характеристики. Этноним фиксирует в своем значении разнообразные ассоциации, связанные с этносом, в том числе эмоциональные, эстетические, оценочные и символические.

Далее от обобщенного образа мира мы перейдем к более конкретному рассмотрению этнических оценок, то есть этнических стереотипов, сложившихся у русских и англичан.

Они содержат «сложившиеся оценочные мнения о моральных, умственных, физических качествах, присущих представителям различных этнических общностей. Также объектами оценки могут стать не только привычки и традиции, но и отношение к одежде, еде и т.д.»⁴.

Далее мы подробнее остановимся на специфике создания этнических стереотипов, отдельно рассматривая их в русских и английских единицах.

Анализ единиц с семантикой этнической оценки свидетельствует о том, что как в русском, так и в английском языках можно выделить различные степени этнической отчужденности. В русском языке, как иллюстрируют приведенные ниже примеры, они выражены следующим образом.

1. «Чужой» как русский — житель другого города: *лапотник — прозвище жителей города Крестцов; чилимник — прозвище астраханцев.*

2. «Чужой» как украинец или сибиряк. Следует особо отметить, что здесь мы сталкиваемся с наличием взаимных прозвищ: *украинец — малоросс, хохол, корович; кацап, москаль — юж. пренебр. прозвище, данное малороссами великороссам* (причем прозвище «москаль» включает в себя в основном *прозвище русского военного*); в Сибири *русский — «несибирский», из европейской Руси*, также сибиряки называют русских «*блошниками*» (так как в Сибири нет блох).

3. «Чужой» как иностранец (европеец или азиат). Исходя из наших наблюдений, данная группа подразумевает не только иноземство, но и

иную веру. *Басурман* — неверный, нехристианин, особенно мусульманин, всякий иноземец и иноверец в неприязненном значении, особенно азиат или турок, а также *орда* — бран. татарин, киргиз; *осман, отоман* — устар. турок; *мурза* — бран. татарин, бусурман.

Анализ единиц, выражающих этническую оценку человека, свидетельствует о том, что собирательным именем для европейцев является единица «немец». Немец — «не говорящий по-русски, всякий иностранец с Запада, европеец, в частности германец»⁵. Кроме общего названия, также существуют отдельные наименования для европейских наций: *англо-сакс* — англичанин; *британец, брит* — англичанин; *сын Альбиона* — высок., *теперь* шутл. и ирон. англичанин; *шмерц* — бран. немец; *гадод* — француз.

В рамках исследования единиц обозначенной семантики рассмотрим использующуюся в английском языке схему степени отчужденности.

1. «Чужой» как англичанин — житель другого города: *cousin Jacky* — уроженец Корнуолла; *sockney* — кокни, коренной лондонец; *Dicky Sam* — уроженец Ливерпуля.

2. «Чужой» как житель Британских островов (валиец, шотландец, ирландец). Отметим, что как и в русском языке, в данной группе также наблюдается взаимное прозывание: *валиец* — *Taffy (derog), welsh goat, Welshie; ирландец* — *Micky, boglander, bogtrotter, Paddy (offensive), harp (derog.); шотландец* — *Jock, Scotchy, Sandy, red shanks, itchlander, Sawney, blue Cap; англичанин* — *bug (Irish), southron (Scottish)*.

3. «Чужой» как житель колоний, переселенец (американец, канадец, австралиец, новозеландец): *американец* — *Brother Jonathan, Yankee, Uncle Sam; австралиец, новозеландец* — *kiwi, kangaroo, Aussie, Bill Jim*.

В особую группу, как свидетельствует анализ единиц с семантикой этнической оценки, можно выделить этнонимы, в которых подчеркивается и даже географически уточняется местожительство переселенцев: *Jonathan* — шутл. американец (особенно из Новой Англии); *cornstalk* — разг. австралиец (особенно уроженец Нового Южного Уэльса); *bluenoses* — «носиневишие носы» (канадцы из Новой Шотландии).

Таким образом, в ходе предпринятого в рамках данного подраздела исследования было установлено, что в русских и английских номинантах можно выделить три степени отчужденности, которые в равной мере показывают отношение к «чужим» — жителям других городов, частей страны, других государств.

Рассмотрим подробнее специфику объектов оценки. К ним относятся, как демонстрируют приведенные ниже примеры:

— **особенности народного костюма** (колошник — кто ходит в калошах, например, карелки, чувашки; малахайник — башкир, киргиз, кто носит шапки, малахаи; *red shanks* — шотландец [*red shanks* — так назывались вы-

сокие ботинки со шнуровкой из невыделанной шкуры оленя мехом наружу, которые носили шотландцы]; blue cap – разг. шотландец [blue cap – круглая плоская синяя шапочка, которую носили шотландцы]);

– **гастрономические предпочтения** (сомятник – прозвище красноярцев [бран. кто ест сома]; кашехлеб – прозвище кириловцев Новгородской губ.; гадоед – кто ест гадов, например, калмыки и французы; froggy – француз);

– **специфика характера и поведения** (Taffy – пренебр. валиец [taffy – разг. грубая лесть, неуклюжий комплимент]; Paddy – разг. ирландец [paddy – приступ гнева, ярость]; hogen mogen – устар. пренебр. голландец [hogen mogen – важная персона]);

– **особенности внешности** (Sandy – шутол. шотландец [sandy – волосы песочного цвета]; cornstalk – разг. австралиец [cornstalk – дылда]);

– **особенности интеллекта** (воть – прм. вотяг [шутол. и бран. болван, дурак, разиня]; Sawney – стар. шотландец [sawney – простофиля, простак]);

– **особенности рельефа, характера местности** (boglander/bogtrotter – разг. ирландец [bog – болото]; southron – шутол. англичанин [south – юг], а также **названия животных, специфичных для данной местности** (kiwi – разг. новозеландец; kangaroo – шутол. уроженец Австралии) и **торговцев/производителей определенных товаров** (лапотник – кто плетет лапти, прозвище жителей города Крестцов; шанежник – кто торгует вразноску шаньгами [ватрушками], шутол. прозвище архангелогородцев; колбасник – бран. или шутол. прозвище немцев; оливщик – торговец маслинами, прозвище греков; butter-bag/butter box – прозвище голландцев [butterbox – масленка]; a nation of shopkeepers – нация лавочников, англичане [shopkeeper – лавочник]).

Особое внимание следует уделить использованию личных имен собственных для создания этнической оценки. Обретая вторичную номинацию, они становятся стандартными прозвищами, фиксирующими типичные черты этноса: *John Bull* – англичане, *Uncle Sam* – собир. американцы.

Становясь нарицательными, имена обозначают этнос в целом, синонимизируясь с соответствующими этнонимами. Они становятся типичными для этноса апеллятивами, которые исторически мотивированны собственными именами: *иван* – русский человек, *tiskey* – ирландец (католик).

В результате исследования единиц, обозначающих этническую оценку, можно сделать вывод о том, что разнообразие объектов этнической оценки указывает на значимость данной проблемы, а наличие как русских, так и английских единиц для обозначения практически всех понятий подчеркивает универсальность данного явления и его одинаковое представление в языковой картине мира русских и англичан.

Примечания

1. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. С. 7.
2. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 58.
3. Пеньковский А.Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики: 1985–1987 / АН СССР, Ин-т рус. яз.; отв. ред. В.П. Григорьев. М., 1989. С. 54.
4. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Понятие «чужой» в языковом и культурном контексте // Язык: этнокультурные и прагматические аспекты. Днепропетровск, 1988. С. 10.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1995. Т. 2. С. 562.

А.С. Легостаев

«ДУХОВНЫЕ СТИХИ» РУССКИХ СЕКТАНТОВ-МИСТИКОВ КАК ИСТОРИКО- ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В современных религиоведческих исследованиях замкнутых конфессиональных групп важное место отводится концептуальному анализу так называемых «фольклорных источников», в которых конденсируются основы мироощущения данных обществ. Необходимость привлечения фольклора в качестве источника определяется также и тем, что он является универсальным способом вербальной трансляции духовного опыта, позволяющий замкнутым религиозным общностям сохранять собственную идентичность и функционировать в инородной среде. Именно поэтому в процессе реконструкции исторического бытия религиозных сект без привлечения фольклора невозможно обойтись.

Фольклор русских сектантов-мистиков в жанровом отношении довольно сложное образование, включающее в себя мифы, легенды, страды, похождения, духовные стихи, молитвы, песни. Каждое «жанровое подразделение» имеет собственную специфику, проявляющуюся в информационной нагрузке, социокультурной направленности и в языковом выражении действительности. Данная статья посвящена характеристике духовных стихов русских сектантов-мистиков как исторического источника.

Однако прежде чем проводить анализ источника представляется целесообразным сделать небольшой историко-этнографический срез,

необходимый для обозначения основного текстового компендиума, с которым приходится иметь дело каждому исследователю истории традиционной культуры русских мистических сект.

Научный интерес к сектантскому фольклору сформировался в России лишь во второй половине XIX века. Столь позднее обращение к «устной истории» сектантских образований во многом определилось как недостаточностью сведений о них, так и сложившейся в первой половине XIX в., особенно в период правления императора Николая I, политической конъюнктурой. Русский император, будучи приверженцем ортодоксального православия, вел непримиримую борьбу с расколом и ересями, видя в их существовании серьезную опасность, угрожающую целостности империи. Поэтому заинтересованность в изучении раскола и сектантства в николаевский период проявляли либо представители духовенства, целью которых было опровержение ересей и возвращение заблудших в лоно православия, либо чиновники министерства внутренних дел напрямую, ввиду своих профессиональных обязанностей, связанные с делами раскола. К последним, в частности, можно отнести В.И. Даля и Н.И. Надеждина, занимавшихся изучением русского скопчества.

Тема сектантства становится более доступной для гласности в 60-е гг. XIX века, в эпоху правления императора Александра II. В периодической печати появляются статьи популяризатора истории сектантства и раскола, известного писателя П.И. Мельникова «Тайные секты» и «Белые голуби». Значительный вклад в изучение фольклора русских мистических сект внесли работы Н.И. Барсова, подготовившего сборник сектантских песнопений. Также нельзя не упомянуть деятельность таких собирателей фольклора, как В.И. Кельсиев, К.В. Кутепов, Н.Г. Высоцкий, И.Г. Айвазов, А.С. Пругавин.

Проблема исследования русского религиозного фольклора продолжала оставаться актуальной и в начале XX века. Так, в 1912 г. был издан первый обобщающий сборник песен русских сектантов-мистиков, составителями которого были Т.С. Рождественский и М.И. Успенский. Нужно отметить, что фундаментальный труд Рождественского и Успенского до сих пор не утратил своего научного потенциала, даже несмотря на справедливую критику такого авторитетного специалиста в области религиозного фольклора как А.А. Панченко.

Помимо вышеуказанного издания Т.С. Рождественского и М.И. Успенского стоит выделить опубликованный в 1904 г. скопцом Г.П. Меньшениным сборник «Поэзия и проза сибирских скопцов», а также источниковедческие находки В.Д. Бонч-Бруевича.

В целом можно сказать, что на рубеже XIX–XX вв. отечественными исследователями был сформирован основной корпус материалов сек-

тантского фольклора, в котором немаловажное место занимают духовные стихи.

Под духовными стихами мы будем понимать вслед за Г.П. Федотовым «песни, чаще всего эпические, на религиозные сюжеты»¹. Источники религиозных стихов, как справедливо указывает Г.П. Федотов, находятся в Священном Писании, в житиях святых или апокрифах². Наличие библейских и агиографических сюжетов в духовных стихах позволяет говорить о том, что первоначальный базис сектантского фольклора восходит к книжной культуре, носителями которой были или представители духовенства, или так называемый «околоцерковный круг». При этом, конечно, налицо было вольное обращение сочинителей с каноническими текстами, которые преломлялись сквозь призму языческих пережитков, потребностей бытовой повседневности и как итог отходили достаточно далеко от вероучения господствующей церкви.

Библейские сюжеты и фрагменты из житийной литературы составляют некий центр притяжения в текстовом пространстве духовных стихов, к которому в качестве периферии примыкают события обыденной жизни представителей сектантских общин. При большом тематическом разнообразии героями духовных стихов являлись, за редким исключением, одни и те же персонажи: Господь Иисус Христос, Богородица, Апостолы, Святые, Пророки, чьи образы нередко символизировали лидеров сектантских общин.

Одним из наиболее популярных сюжетов духовных стихов был плывущий по бурному морю корабль во главе с кормчим Христом:

Уж по морю по житейскому,
Как плывет, плывет тут легкий корабль,
Об двенадцати тонких парусах;
Тонкие паруса, то есть Дух Святой:
Как правил кормщик — сам Иисус Христос.
В руках держит веру крепости,
Чтобы не было, братцы, лености:
Уж вокруг его все учителя,
Все учителя, все пророки:
Уж под ним престол всего царствия.
Уж на нем риза аки молния.
Уж на нем венец — непостижимый свет:
В кораблике знамя — Матерь Божия³.

В приведенном фрагменте довольно отчетливо выделяется дихотомия корабль/море. Древний библейский символ корабля (Ноев ковчег), означающий Церковь Христову, у русских сектантов-мистиков трансформиро-

вался в церковь-общину, состоящую только из членов самой секты. Тем самым, символ корабля превращается в устойчивый механизм отчуждения от остального мира, который ассоциировался с бурным морем греха. Мир за пределами корабля — это недобытие, погрязшее в пороках и грехах, и в конечном итоге обреченное на погибель. Достаточно обратить внимание на то, что на корабле присутствуют Силы Небесные, поэтому для обретения спасения необходимо находиться на корабле. В связи с этим можно сказать о враждебном отношении сектантов к миру. Так в одной из хлыстовских песен поется о плывущем по бурному морю корабле с кормчим «христом». Поднялась сильная буря, грозившая потопить корабль, и «богородица» тогда взмолилась «христу», прося о спасении:

«Уж, ты батюшка, сударь, Сын Божий.
Сохрани же ты мой сей корабль
Среди мира, среди лютаго,
Среди лютаго, злаго, дикаго.
— Ты не плачь, не плачь моя матушка,
Пресвятая свет-Богородица.
Живогласная свет-неточница.
Сохраню же я твой сей корабль
Среди мира, среди лютаго
Среди лютаго, злаго, дикаго.
Сохраню его и помилую»⁴.

Жесткая оппозиция к миру может быть объяснена сложившимися историческими реалиями. Правительство и официальная церковь осуществляли гонения на религиозных диссидентов, что также формировало механизм отчуждения.

При разборе духовных стихов обращает на себя внимание тотальность эсхатологических мотивов. Темы конца Мира, Страшного суда были очень популярны в простонародной среде, из которой и формировались в своей основе сектантские течения. Причину этому можно объяснить не только особым психологическим состоянием духа, но социальной неустроенностью адептов мистических сект. Ведь социальную базу сектантства составляли крестьяне, то есть наиболее угнетаемый слой населения. Крепостное состояние, жесткий налоговый пресс государства, жуткие бытовые условия создавали благоприятную ситуацию для распространения эсхатологических настроений в крестьянской массе, ожидавшей второго пришествия «Христа-избавителя», который поведет корабль к спасению по бурному морю греховного мира.

Сюжетное многообразие духовных стихов дает возможность проанализировать не только бытовой аспект жизни сектантских общин, но и

позволяет проследить внутрирелигиозную борьбу за лидерство и влияние. Лидер сектантского корабля определялся во время радений. Радения совершались, как правило, по ночам накануне особо чтившихся праздников. Собравшиеся в белых одеждах (символ непорочности и чистоты) рассаживались по лавкам и начинали петь Иисусову молитву в ее дониконовском варианте, а через некоторое время обращались с характерной молитвой к Богу о ниспослании им Иисуса Христа:

Дай нам, Господи, к нам Иисуса Христа!
Дай нам Сына твоего!
Господи, помилуй грешных нас!
Из твоя полноты
Дай, Создатель, теплоты.
Наряди из нас пророка,
Чтобы силы подкрепить.
Засуди судом небесным
И не дай врагу мешать.
Ниспосли живое слово
Здесь просящим всем сердцам.
Ты Христос, ты наш Спаситель.
Иного Бога нет у нас!
Твоею силой укрепимся,
За тобою вслед идем.
Прими слезы твоей твари
И поставь всех на пути⁵.

Русские сектанты-мистики — хлысты и скопцы верили в возможность прямого Богообщения при условии сохранения духовной чистоты, достигаемой суровой аскетической практикой. Тогда «пречистая плоть» может стать вместилищем Божества. В одной из хлыстовских песен поется:

Сойду я к вам Бог с неба на землю;
Изберу я плоть пречистую и облечусь в нее;
Буду я по плоти человек, а по духу Бог...»⁶

В период становления христовщины считалось, что Святой Дух может вселиться в любую пречистую плоть, однако уже в XIX в. произошла трансформация данного положения, теперь Святой Дух мог обитать только в избранной плоти⁷. Это явление связано с установлением лидером общины жесткой вертикали власти.

Таким образом, духовные стихи русских сектантов-мистиков как историко-этнографический источник обладают значительным информа-

ционным потенциалом, который позволяет реконструировать мировоззрение данных религиозных групп. При этом, конечно, духовные стихи должны коррелироваться с другими материалами, составляющими основу источниковой базы по истории русских мистических сект.

Примечания

1. Федотов Г.П. Духовные стихи // Святые Древней Руси. М.: АСТ, 2003. С. 359.
2. Там же. С. 361.
3. Рождественский Т.С., Успенский, М.И. Песни русских сектантов мистиков / ЗРГО по ОЭ; Т. XXXV. СПб., 1912. С. 260.
4. Там же. С. 261.
5. Там же. С. 464.
6. Там же. С. 32.
7. Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России. М., 1965. С. 47.

М.С. Бороздин

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЯЗЫКОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ПОЛИЭТНИЧНОСТИ: ВЗГЛЯД ИЗ ОРЕНБУРЖЬЯ

На протяжении нескольких лет мы занимаемся исследованием конституционно-правового регулирования языков народов России. Такое регулирование стало активно развиваться лишь с конца 80-х гг. XX в. Принятие законов о языке не столько решило наболевшие вопросы и проблемы, сколько обострило их, став своеобразным детонатором межнациональных конфликтов. Накануне распада СССР в большинстве союзных республик русский язык был поставлен в положение *persona non grata*. В некоторых республиках за ним закреплялась роль языка межнационального общения, но *de facto* положение русского языка было сведено до языка национального меньшинства. Анализируя данный исторический период, очень точно замечает доктор исторических наук Михаил Николаевич Губогло, что «этнополитический... момент заслонил момент социолингвистический...»¹.

Перестройка в полной мере может рассматриваться нами в качестве своеобразного исторического «периода спада, распада»² (если пользоваться терминологией испанского философа Ортега-и-Гассета). Этот период дал нам возможность пойти другим путем развития. Хорошим или плохим окажется этот путь, покажет время.

С началом 90-х гг. XX в. начался новый этап в языковом регулировании. Изменился облик самой России. В 1993 г. была принята Конституция РФ, которая закрепила в ст. 68 государственный язык Российской Федерации. С трудом, со скрипом, но языковая политика начала исходить из реальных потребностей национальных языков, языков других народов (на территории России насчитывается около 150 языков) и интересов их носителей, немного сместился акцент в сторону правового регулирования и охраны языков как национальных достояний. Благодаря многим решениям и своевременным действиям руководства страны удалось избежать накала страстей при решении национально-языковых проблем. Вопрос, надолго ли? Поэтому языковая политика остается важной составляющей при регулировании межэтнических отношений. А затронутая нами тема является актуальной и в наши дни.

До сих пор не определена разница между понятиями «правовой статус языка» и «правовой режим языка». Нет четкого определения таким основополагающим понятиям, как «государственный язык», «официальный язык», «титульный язык», «языки народов РФ». Этот вопрос не является схоластическим. Из-за него во многом зависит решение проблемы соотношения степеней использования государственного языка РФ и государственного языка республики или же языка других народов РФ.

Официальный язык — это всегда язык государственного управления, законодательства, судопроизводства. Не любой официальный язык будет являться государственным.

Выделим основные признаки государственного языка:

- это один из национальных языков;
- устанавливается высшими органами государственной власти или референдумом граждан суверенного государства;
- развитость и богатство языка;
- это язык официального делопроизводства;
- выполняет интеграционную функцию (*основной признак*).

Становится понятным, что русский язык является общегосударственным и языком межнационального общения в силу своих исторических, структурных и других факторов.

С принятием Конституции было закреплено право на пользование родным языком, право на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества (ст. 26). Была запрещена пропаганда языкового превосходства (ст. 29). Все народы получили право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения, развития и возможностью республик — субъектов федерации устанавливать государственные языки (ст. 68).

Российской Федерации и ее субъектам необходимо до конца определить полномочия в языковом строительстве. Требуется четко определить

области функционирования того или иного языка. В большинстве национальных республик не решена проблема аутентичности правовых актов. Было бы целесообразным создать службу, занимающуюся накоплением опыта в данной области, лингво-юридической экспертизой и другими вопросами, связанными с аутентичностью правовых актов.

Закон Российской Федерации «О языках народов РФ», Федеральный закон «О государственном языке РФ», аналогичные законы субъектов РФ, отдельные правовые нормы в Основах законодательства РФ о культуре, в Законах РФ «Об образовании», «О национально-культурной автономии», «О средствах массовой информации» и некоторых других наполняют конкретным содержанием и развивают конституционные положения.

На сегодняшний день «великий, могучий, правдивый...»³ — это:

- один из мировых (глобальных) языков;
- один из шести языков ООН;
- занимает пятое место по распространенности в мире;
- язык многих выдающихся людей;
- это язык самой многочисленной этнической общности России;
- самый распространенный среди населения нашей страны;
- самый распространенный язык среди населения Оренбуржья.

Впитывая все веяния нашей современности, в большей степени негативные, русский язык, тем не менее, продолжает развиваться. Увы, литературная форма языка вытесняется из массового употребления многими факторами. Современный русский литературный язык становится языком для «академического круга». Проводится недостаточное количество исследований русского языка и языков других народов России. Хочется большего.

А действующее законодательство содержит нормы, предусматривающие всего лишь один состав административного правонарушения и два состава уголовных преступлений за нарушение языковых прав граждан. На наш взгляд, стоит разработать и добавить нормы, устанавливающие ответственность за некоторые иные действия, например, намеренное искажение норм русского литературного языка, чрезмерное употребление латинской графики в русском языке, в печати, в рекламе, чрезмерное употребление заимствованных иноязычных слов. Хотя это очень трудно воплотить на практике.

Существует три аспекта проблемы положения русского языка:

- во-первых, как языка государственного, языка преимущественного использования на территории всей страны;
- во-вторых, как языка общегосударственного в республиках, входящих в состав РФ, и его соотношения с их государственными языками;

– в-третьих, как языка межнационального общения на территории постсоветского пространства.

Необходимо укреплять роль русского языка с помощью грамотной национальной (внутренней и внешней политики), основанной на партнерских началах в отношении языков других народов.

Не только русский, но и языки других народов России (и не только России) испытывают на себе губительное воздействие глобализации, урбанизации, влияния СМИ, усложнения социальных структур, «американизации» образа жизни. Это реальная угроза для их самобытности.

Необходимо сохранить способность, в первую очередь, к самоидентификации. Только тогда получится прийти к идентификации. По выражению Фердинанда де Соссюра: «Чувство национального самосознания невозможно без длительного процесса самопознания»⁴. XXI век требует от народов России совместных усилий для самопознания. Поэтому при проведении национальной политики необходимо учитывать все интересы России как единого федеративного государства, интересы субъектов федерации, особенности языкового, культурно-исторического развития народов, проживающих на территории России и некоторые другие аспекты. Особенно не стоит забывать, что наука, образование, культура, информационная политика входят в число приоритетных звеньев Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года.

При осуществлении языковой политики, которая тесно сплетена с ранее перечисленными звеньями, все большую роль приобретают Федеральные целевые программы (далее – ФЦП). Например, ФЦП «Культура России» (2006–2011 гг.), ФЦП «Русский язык» (2006–2010 гг.), ФЦП «Молодежь России» (2006–2010 гг.) и некоторые другие. Сегодня разрабатывается ФЦП «Молодежь России» (2011–2015 гг.), ФЦП «Русский язык» (на 2011–2015 гг.) и другие. «При проведении этнокультурной и этноязыковой политики особое внимание нужно уделять молодежи...»⁵, – отмечает депутат ГД ФС РФ, председатель Общественной молодежной палаты РФ Светлана Сергеевна Журова. Мы абсолютно уверены, что Год русского языка, Год семьи, Год молодежи, Год учителя уже оказали и еще окажут свое положительное воздействие и принесут плоды.

Стоит подчеркнуть важное значение для развития русского языка и языков других народов России ФЦП «Русский язык» (на 2011–2015 гг.), которая находится еще в разработке. Она является продолжением курса российской языковой политики, ранее действующих программ. Основная цель данной программы – укрепление русского языка и языков других народов России на территории нашей страны и на территории стран СНГ, Балтии и некоторых других государств. По утверждению депутата, председателя Комитета Государственной Думы

ФС РФ по делам СНГ и связям с соотечественниками Алексея Владимировича Островского: «При проведении национальной внешней политики необходимо учитывать интересы всего русскоязычного населения (особенно на территории постсоветского пространства)...»⁶. Действительно, со многими государствами заключены соглашения по сотрудничеству в сфере культуры, средств массовой информации, образования и в других сферах.

Хочется поделиться радостью по поводу стабилизирующейся обстановки в Украине. 17 мая 2010 г. в Киеве между Министерством образования и науки РФ и Министерством образования и науки Украины было подписано Соглашение о первоочередных мерах по развитию образовательного сотрудничества на 2010–2012 годы. Кроме этого, Министерством культуры РФ и Министерством культуры и туризма Украины в соответствии с Соглашением между Министерством культуры и массовых коммуникаций РФ и Министерством культуры и туризма Украины в области культуры от 22 декабря 2006 г. составлена и подписана Программа сотрудничества в сфере культуры на 2010–2014 гг. (Киев, 17 мая 2010 г.). Надеемся, что Оренбургская область не окажется в стороне от наращивания такого рода связей с Украиной. Не стоит забывать, что украинцы являются четвертыми по численности на территории Оренбуржья.

Оренбургская область является «моделью многонациональной и многоконфессиональной России»⁷. Хотя и не является национальной республикой в составе РФ. Оренбуржье граничит с такими национальными субъектами Российской Федерации, как Башкортостан и Татарстан. Кроме того, наша область является приграничным регионом, так как граничит с Республикой Казахстан.

С конца 80-х гг. во многих советских республиках был замечен рост национального самосознания (страны Центральной Азии – не исключение), усиление деятельности национальных элит, усиление этнического фактора. Произошел рост миграционных потоков, которые стали одним из важнейших факторов развития этнополитических процессов в нашем регионе. Грамотная национальная политика в РФ (в частности – региональная национальная политика в Оренбуржье) – это залог стабильности в стране и в регионе. По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Оренбургской области на начало 2010 года:

- территория области – это 123,7 тыс. кв. км (0,7% территории РФ);
- численность населения Оренбургской области на начало 2010 г. составила 2112,9 тыс. человек (это 1,5% от населения страны и 7,0% от населения Приволжского федерального округа);

- по численности населения Оренбургская область занимает 24-е место среди субъектов Российской Федерации;
- городское население представлено 12-ю городами и одним поселком городского типа;
- число сельских населенных пунктов составляет 1707;
- областной центр – город Оренбург, насчитывает 525,6 тыс. жителей;
- плотность населения области – 17,1 жителей на 1 кв. км.

На территории области проживают представители более чем 80 этносов (народов), относящихся преимущественно к индоевропейской, алтайской и уральской языковым семьям.

Самая многочисленная – славянская группа индоевропейской языковой семьи: русские (72% населения), украинцы, белорусы. Более 16% населения относится к тюркской группе алтайской языковой семьи. Самые многочисленные – татары; это второй по численности народ Оренбуржья, составляющий 7% всего населения области. Доля третьего по численности народа – казахов – около 5%⁸.

Духовная культура оренбуржцев складывалась и складывается под влиянием многих этнокультур, общим для которых является уважение к традициям другого народа, понимание его самобытности, стремление заимствовать лучшее. И, как мы говорили, только «общим духовным оплотом» можно противостоять негативным воздействиям глобализации.

В процессе длительного совместного проживания происходило взаимовлияние и взаимопроникновение культур народов Оренбуржья. Со всем не случайно, что многие жители нашего региона отличаются билингвизмом (координативным и субординативным) по схеме «русский язык + национальный». Причем в последнем случае зачастую подчиненное место занимает национальный язык.

Что касается правового обеспечения языкового строительства в условиях полиэтничности и мультикультурализма на территории Оренбуржья, то она основывается (прежде всего) на федеральном законодательстве, которое развивается и дополняется региональным, оренбургским. Наша область активно сотрудничает с другими регионами по различного рода вопросам. Вопрос этнокультурного сотрудничества не остается в стороне. Причем этнокультурное регулирование и сотрудничество включает в себя этноязыковое. Политика проводится, на наш взгляд, пока успешно.

Достаточно посмотреть на:

- Областную целевую программу (далее – ОЦП) «Культура Оренбуржья» (на 2008–2010 гг.);

– Постановление Законодательного собрания Оренбургской области от 17 декабря 2008 г. № 2725 «Об информации «О ходе выполнения Закона Оренбургской области «Об областной целевой программе «Культура Оренбуржья» на 2008–2010 гг.»;

– Постановление Правительства Оренбургской области № 134-п от 10 апреля 2007 г. «О проведении Года русского языка в 2007 г. в Оренбургской области»;

– Закон Оренбургской области от 10 ноября 2006 г. № 717/144-IV-ОЗ «Об образовании в Оренбургской области»;

– Постановление Оренбургского городского Совета от 15 марта 2005 г. № 73 «Об утверждении программы развития сферы образования города Оренбурга на 2005–2009 гг.»;

– ОЦП «Образование Оренбуржья» на 2007–2010 гг.;

– Указ Губернатора Оренбургской области «О проведении Года учителя в Оренбургской области» № 226-ук от 19 ноября 2009 г.;

– Постановление Правительства Оренбургской области от 15 февраля 2008 г. № 62-пп «Об итогах реализации приоритетных национальных проектов и мероприятий в сфере демографической политики за 2007 и задачах на 2008 год»;

– Закон Оренбургской области «О государственной молодежной политике в Оренбургской области» № 579/107-IV-ОЗ от 1 сентября 2006 г.;

– Постановление Законодательного собрания Оренбургской области от 16 сентября 2009 г. № 3134 «Об информации «О ходе выполнения Закона Оренбургской области «О государственной молодежной политике в Оренбургской области»;

– Решение Орского городского Совета депутатов Оренбургской области от 13 ноября 2007 г. № 29-463/460 «Об утверждении городской целевой программы «Реализация модели национальной политики в г. Орске на 2008–2010 годы» и некоторые другие правовые акты.

Но основной региональной целевой программой, развивающей межэтнические отношения в Оренбуржье, на наш взгляд, остается Областная целевая программа реализации модели региональной национальной политики Оренбургской области на 2006–2010 годы. Программа по реализации модели региональной национальной политики на 2006–2010 гг. является логическим продолжением предыдущих четырех программ (1994–1995 гг.), (1996–1997 гг.), (1998–2000 гг.), (2001–2005 гг.). В рамках данной программы проводятся многие известные в Оренбуржье мероприятия: фестивали, конкурсы, выставки, слеты, дни национальных культур, круглые столы, исследования, издание литературы на национальных языках, помощь библиотекам области, организован культурный центр «Национальная деревня» и многое-многое другое. Нет никаких со-

мнений, что после 2010 г. действие такой программы должно быть продолжено, то есть сначала должна быть принята подобная программа на будущие годы.

В укреплении этнокультурных связей в Оренбуржье принимают участие молодые парламентарии (члены общественных молодежных парламентов). Ребята постоянно организуются круглые столы, дебаты, лекции и другие интересные мероприятия, предусмотренные областными и муниципальными целевыми программами.

На наш взгляд, наступила пора для решительного шага на новую ступень в языковой политике и языковом строительстве в нашем государстве и в нашем регионе. Пора окончательно отойти от прежних стереотипов, от имперской, советской и других совковостей. Совсем не лишним было бы принять Федеральный закон и законы на уровне субъектов, которые предусматривали бы защиту и охрану русского языка и языков других народов России в качестве национальных и мировых культурных достояний. Стоит сказать, что программы не решают всех проблем в реализации языковой политики.

В нынешнюю весеннюю сессию в стенах Государственной Думы шло активное обсуждение концепции нового базового закона о культуре, так как «Основы законодательства о культуре» 1992 г. устарели. Главная цель нового закона – формирование и развитие единого культурного пространства, включающего в себя многообразие культур и эффективный межкультурный диалог. В первую очередь в новом базовом законе необходимо определиться с понятийным аппаратом. Основные термины, которые нужно прописать, – это «культурная среда» и «культурное пространство».

Вызывает озабоченность то обстоятельство, что «формирующийся сейчас федеральный бюджет на 2011 год предусматривает сокращение контрольных цифр на культуру в размере 15 миллиардов рублей. Предполагается, что федеральный бюджет Министерства культуры РФ в следующем году составит 58,8 миллиардов рублей...»⁹. Не совсем понятно, насколько адекватно такой бюджет будет отражать запросы общества, его потребности в культурной жизни, в том числе этноязыковой.

Отношения между *обществом – языком – государством* могут быть отобразены следующей схемой (рис. 1).

Правильно отмечает доктор филологических наук Владимир Викторович Наумов, «связь *государство – язык* имеет одностороннюю направленность и выраженный субординативный характер, а связь *общество – язык* характеризуется двусторонней связью своих составляющих, взаимодействующих на координативной основе»¹⁰. Прогресс общества, рост населения влияют на развитие языка, но развитие и совершенствование

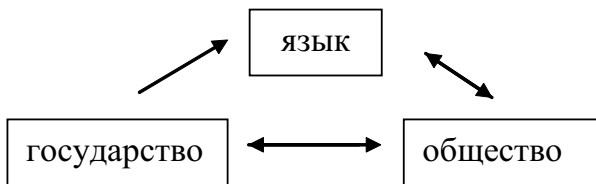

Рис. 1 – Отношения между обществом, языком и государством

языка возможно только тогда, когда развивается и сам носитель языка, то есть субъект, который имманентно наделен возможностью общаться на том или ином языке, вступая тем самым в те или иные языковые отношения.

Невозможно добиться необходимого результата только правовым регулированием языковых отношений, так как язык представляет собой сложное явление. С одной стороны, язык отражает состояние общества и государства. А то или иное состояние общества определяется характером отношений базисных и надстроечных категорий. В свою очередь общество влияет на состояние государства. Поэтому необходимо укреплять *культурные, образовательные, информационные* и другие общественные отношения. Помимо юридической необходима социальная и экономическая защита.

На наш взгляд, самая большая ошибка исполнительной власти на всех уровнях состоит в том, что она пытается только поддержать существующий уровень языковых, культурных, образовательных и других общественных отношений. Пора понять, как эти отношения будут влиять на развитие образа жизни и инновационную экономику. Нужно выстраивать новые финансово-экономические механизмы, обеспечивающие достойную жизнь человека в современной России.

Примечания

1. Губогло М.Н. Переломные годы. Т. 1. Мобилизованный лингвизм. М.: 1993. С. 38.
2. Ортега-и-Гассет Х. Бесхребетная Испания: сб.; пер. с исп. М.: ООО «Издательство АСТ», ЗАО НПК «Ермак», 2003. С. 14–15.
3. Тургенев И.С. Стихотворения в прозе. М.: Издательство «Южный Урал», 1989. С. 41–42.
4. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М.: ООО «Издательство АСТ», ЗАО НПК «Ермак», 2003. С. 56.
5. Стенограмма заседания Общественной молодежной палаты при ГД ФС РФ от 24–25 июня 2010 г. М.: Государственная Дума, 2010. С. 66.

6. Островский А.В. О поддержке соотечественников // Статистика СНГ. № 3. 2010. С. 43.

7. Абдул-Хаким Султыгов. Оренбуржье – модель многонациональной России // Официальный сайт Всероссийской партии «Единая Россия». Электронный ресурс: <http://www.edinros.ru>

8. Официальные данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Оренбургской области. Электронный ресурс: <http://orenstat.gks.ru>

9. Ивлиев Г.П. Культурной политике нужны грамотные проекты // Стратегия России. № 6 (78). Июнь. 2010. С. 7.

10. Наумов В.В. Государство и язык: формулы власти и безвластия. М.: КомКнига, 2010. С. 10.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абсалямов Юлай Маратович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН (г. Уфа)

Алахвердиева Лидия Кириковна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Ростовской строительной академии (Ростов-на-Дону)

Амелин Веналий Владимирович – заместитель министра – начальник управления по связям с общественными, национальными и религиозными организациями министерства культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области, доктор исторических наук, профессор (г. Оренбург)

Большакова Татьяна Леонидовна – преподаватель Оренбургского педагогического колледжа им. Н.К. Калугина (г. Оренбург)

Бороздин Михаил Сергеевич – студент 5-го курса юридического факультета Орского филиала Московской финансово-юридической академии (г. Орск)

Брагиров Глеб Борисович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры политологии Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Ветлугина Фарида Ахатовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии личности Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Габдулгафарова Ильгиза Мухаметгалеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории Отечества и социально-политических теорий Оренбургского государственного педагогического университета, директор общественного института истории народов Оренбуржья имени Мусы Джалиля (г. Оренбург)

Глуховский Виктор Филиппович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург)

Голубев Андрей Васильевич – доктор философских наук, директор Общественного фонда «Евразийский Союз Ученых» (г. Уральск, Республика Казахстан)

Данилко Елена Сергеевна – доктор исторических наук, ведущий сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва)

Денисов Денис Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Дерябина Светлана Римовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург)

Джораева Светлана Викторовна – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Оренбургского государственного института менеджмента (г. Оренбург)

Дмитриева Марина Григорьевна – кандидат социологических наук, заместитель начальника управления государственной охраны объектов культурного наследия и развития традиционной народной культуры министерства культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области (г. Оренбург)

Дубинин Александр Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Егорова Юлия Владимировна – ассистент кафедры отечественной истории Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Злобин Юрий Петрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Иванова Людмила Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, риторики и культуры речи Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой Кубанского университета (г. Краснодар)

Кокшаров Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории», младший научный сотрудник Научно-исследовательского института истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Космачёва Татьяна Сергеевна – кандидат исторических наук, главный архивист отдела комплектования, архивов организаций и делопроизводства Государственного учреждения «Центр документации новейшей истории Оренбургской области» (г. Оренбург)

Кузахметов Рафаэль Каюмович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Легостаев Александр Сергеевич – ассистент кафедры отечественной истории Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Любичанковский Алексей Валентинович – кандидат географических наук, преподаватель кафедры географии и регионоведения Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Любичанковский Валентин Андреевич – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Любичанковский Сергей Валентинович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург)

Максимова Ольга Николаевна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник НИЧ Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург)

Молощенков Антон Николаевич – аспирант кафедры истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург)

Моргунов Константин Алексеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Мухамеджанова Нурия Мансуровна – доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой культурологии Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Панина Лидия Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, риторики и культуры речи Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург)

Панина Лидия Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, риторики и культуры речи Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург)

Панина Татьяна Сергеевна – заместитель директора Государственного учреждения «Центр документации новейшей истории Оренбургской области» (г. Оренбург)

Полкунова Светлана Юрьевна – аспирантка Оренбургского государственного университета, лектор-экскурсовод Оренбургского областного историко-краеведческого музея (г. Оренбург)

Прокофьева Алла Георгиевна – доктор педагогических наук, профессор кафедры классической литературы и методики преподавания литературы Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург)

Руслякова Елена Владимировна – аспирантка кафедры отечественной истории Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Русяев Константин Викторович – аспирант кафедры отечественной истории Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Скопинцева Татьяна Юрьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Слухай Татьяна Алексеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры современного русского языка, риторики и культуры речи Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург)

Стрельцова Тамара Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург)

Судейманова Юлия Фаритовна – аспирантка Оренбургского государственного педагогического университета, учитель истории МОУ «Лицей № 5» (г. Оренбург)

Тугай Татьяна Ивановна – старший преподаватель кафедры всеобщей истории, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Устинова Ольга Юрьевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург)

Филимонова Ирина Юрьевна – кандидат географических наук, преподаватель кафедры географии и регионоведения Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Юнусова Айслу Биаловна – доктор исторических наук, профессор, директор Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН (г. Уфа)

Ягафова Екатерина Андреевна – доктор исторических наук, профессор Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (г. Самара)

Ягудина Оксана Валентиновна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

СОДЕРЖАНИЕ

Пленарное заседание

А.Б. Юнусова

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ФОРМ ДОСТУПА И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ РОССИИ: ОПЫТ ИЭИ УНЦ РАН.....	4
--	---

В.В. Амелин

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ НАУКА В ОРЕНБУРЖЬЕ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ.....	7
--	---

Е.С. Данилко

СТАРООБРЯДЧЕСТВО НА ЮЖНОМ УРАЛЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ.....	20
--	----

А.В. Голубев

ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА В ПРИУРАЛЬЕ	34
---	----

Е.А. Ягафова

«ЯЗЫЧЕСТВО» В ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ ЧУВАШЕЙ ЮЖНОГО УРАЛА.....	41
---	----

М.Г. Дмитриева

ОСОБЕННОСТИ СОХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ.....	52
---	----

Первая секция

ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

С.Р. Дерябина

МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЕ ПРИНЦИПЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТАХ ТАТАРСТАНА И БАШКОРТОСТАНА	64
---	----

Т.С. Панина

ДОКУМЕНТЫ ЦДНИОО О РАБОТЕ БУЗУЛУКСКОГО УЕЗДНОГО КОМИТЕТА ВКП (Б) С ЧУВАШСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ	69
--	----

Ю.П. Злобин

ОБРАЗОВАНИЕ И ГРАМОТНОСТЬ В ОРЕНБУРГСКОМ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВЕ ВО 2-Й ПОЛОВИНЕ XIX в.	77
--	----

Р.К. Кузахметов

ОРЕНБУРГСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА	87
--	----

<i>Д.Н. Денисов</i> СТАНОВЛЕНИЕ МУСУЛЬМАНСКОГО ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ).....	96
<i>С.В. Джораева</i> МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ НАРОДОВ РЕГИОНА В ПЕРИОД АКТИВНОГО ЗАСЕЛЕНИЯ И КОЛОНИЗАЦИИ РЕГИОНА (XVI–XVIII ВВ.).....	105
<i>Т.И. Тугай</i> АРХИВНОЕ НАСЛЕДИЕ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ И СОЗДАТЕЛИ ГУБЕРНСКОГО АРХИВНОГО ФОНДА (1919 г.).....	115
<i>А.Н. Дубинин</i> ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ НАРОДОВ ЮЖНОГО УРАЛА (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.).....	132
<i>Г.Б. Брагиров</i> СОХРАНЕНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В 20–30 гг. XX СТОЛЕТИЯ	138
<i>О.В. Ягудина</i> СТАНОВЛЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВА НА ТЕРРИТОРИИ УРАЛЬСКОГО И ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬИХ ВОЙСК В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.....	144
<i>О.Ю. Устинова, В.Ф. Глуховский</i> РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНО-МАССОВОЙ РАБОТЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В 1941–1945 гг. (ИЗ ОПЫТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ).....	149
<i>К.А. Моргунов</i> СПЕЦИФИКА КУЛЬТУРНО-МАССОВОЙ РАБОТЫ СРЕДИ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х гг.....	157
<i>Т. С. Космачёва</i> КОМПЛЕКТОВАНИЕ ГУ ЦДНИОО ДОКУМЕНТАМИ ОРЕНБУРГСКИХ ОБЛАСТНЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕГИОНА	171
<i>А.Н. Молощенков</i> СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛИВШИЕ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УКРАИНЦЕВ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В 20–30-х гг. XX в.	176

<i>Ю.Ф. Сулейманова</i> ВЗАИМОТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА С МУСУЛЬМАНСКИМ ДУХОВЕНСТВОМ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII–XIX вв.	184
<i>С.Ю. Полкунова</i> ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОЖЕВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЮЖНОГО УРАЛА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ	190
<i>Е.В. Русякова</i> ПРИБЛИЖЕНИЕ СЕЛЯНОК ЮЖНОГО УРАЛА К КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ (1929–1941 гг.)	196
<i>К.В. Русяев</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТНОЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ В 1970-х гг.	201
<i>Ю.В. Егорова</i> СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАКОВ (СЕРЕДИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)	209
<i>Ю.М. Абсалямов</i> ОРЕНБУРГСКИЙ УЕЗД КАК МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ КРОССКУЛЬТУРНОЙ СИСТЕМЫ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.	213

Вторая секция
ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ ЮЖНОГО УРАЛА:
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ

<i>И.М. Габдулгафарова</i> РОЛЬ ТРАДИЦИИ В СОХРАНЕНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	220
<i>Н.М. Мухамеджанова</i> ИСЛАМСКИЕ КУЛЬТУРЫ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ	223
<i>Л.С. Панина</i> ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В ПОСЛОВИЦАХ НАРОДОВ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ	232
<i>Т.Ю. Скопинцева</i> ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ РУССКИХ СЕЛ ОРЕНБУРЖЬЯ: НА ПРИМЕРЕ ФОЛЬКЛОРА с. НИЖНЯЯ ПАВЛОВКА	240

<i>В.А. Любичанковский, С.В. Любичанковский</i> БОЛЬШАКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ КАК ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОРУМ ПО ОБСУЖДЕНИЮ ПРОБЛЕМ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ КУЛЬТУРЫ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА	248
<i>Т.Л. Большакова</i> ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ЭНЦИКЛОПЕДИИ ОРЕНБУРЖЬЯ (ИТОГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕНТРА ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ ОГУ)	263
<i>А.В. Любичанковский</i> ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ XVIII–XX ВВ.	260
<i>Ф.А. Ветлугина</i> САМОПРЕДЪЯВЛЕНИЕ И ОВЛАДЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМИ РОЛЯМИ В МОЛИТВЕННЫХ ДОМАХ	269
<i>О.Н. Максимова</i> ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА И ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ.....	277
<i>А.Д. Кокшаров</i> НЕОБХОДИМОСТЬ АКТУАЛИЗАЦИИ ТРАДИЦИИ КАК ФЕНОМЕНА НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	283
<i>И.Ю. Филимонова</i> ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ТУРИЗМЕ	288
<i>Л.В. Иванова</i> О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ АВТОРОВ ОРЕНБУРЖЬЯ)	294
<i>А.Г. Прокофьева</i> РАБОТЫ РУССКИХ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ НА СТРАНИЦАХ ОРЕНБУРГСКОЙ ПЕРИОДИКИ	298
<i>Л.С. Панина</i> ПОСЛОВИЦЫ, «ИЗ КОТОРЫХ НЕ МАЛО НЫНЕ УПОТРЕБЛЯЕМЫХ ВЫБРАТЬСЯ МОЖЕТ» (О СБОРНИКЕ ПОСЛОВИЦ В.Н. ТАТИЩЕВА).....	303
<i>Т.А. Слухай</i> ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ И ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ	309

<i>Т.В. Стрельцова</i>	
ТЕКСТЫ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РЕГИОНАЛЬНЫХ АВТОРОВ КАК ИСТОЧНИК ВОСПИТАНИЯ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ УЧАЩИХСЯ К РУССКОМУ ЯЗЫКУ	316
<i>Л.К. Алахвердиева</i>	
КАРТИНЫ ЖИЗНИ В ОБРАЗАХ НАРОДНОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ)	318
<i>В.В. Катермина</i>	
«СВОИ» – «ЧУЖИЕ» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ)	321
<i>А.С. Легостаев</i>	
«ДУХОВНЫЕ СТИХИ» РУССКИХ СЕКТАНТОВ-МИСТИКОВ КАК ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	326
<i>М.С. Бороздин</i>	
О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЯЗЫКОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ПОЛИЭТНИЧНОСТИ: ВЗГЛЯД ИЗ ОРЕНБУРЖЬЯ	331
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	341

Научное издание

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
НАРОДОВ ЮЖНОГО УРАЛА:
ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРАКТИКА СОХРАНЕНИЯ**

Материалы межрегиональной научно-практической
конференции, посвященной 55-летию Оренбургского
государственного университета

Тех. редактор *М.Н. Рябова*

Корректоры *Э.З. Гайсина, Л.В. Иванова, Н.А. Иванов*

Комп. верстка *Б.З. Хавин*

Подписано в печать 04.09.10. Формат 60×84/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,3. Тираж 200 экз. Заказ № 3793.

Издательский центр ОГАУ.
460795, г. Оренбург, ул. Челюскинцев, 18. Тел. (3532) 77-61-43.

Отпечатано в ООО МП «Электа». Заказ № 158.

